
ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ

В двух томах

Московский государственный
институт международных отношений (Университет)
МИД России

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ

В двух томах

Том I. IX — начало XX века

Том II. 1917–2017

Москва
2018

Московский государственный
институт международных отношений (Университет)
МИД России

А. И. Кузнецов
Ю. А. Райков
В. В. Самойленко

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ

Т о м I

IX — НАЧАЛО XX ВЕКА

Под редакцией
академика *А. В. Торкунова*,
доктора политических наук *А. Н. Панова*

*Допущено Федеральным учебно-методическим объединением
по укрупненной группе направлений подготовки
41.00.00 «Политические науки и регионоведение»
для использования в качестве **учебника**
в процессе обучения студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлениям подготовки (специальностям)
«Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение»*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2018

УДК 327
ББК 66.4
К89

Проект сотрудничества МГИМО–БиПи

Кузнецов А. И., Райков Ю. А., Самойленко В. В.

К89 История дипломатии России: В двух томах. Учебник / А. И. Кузнецов, Ю. А. Райков, В. В. Самойленко / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.

ISBN 978–5–7567–0879–0

Том I: IX — начало XX века. — 2018. — 352 с.

ISBN 978–5–7567–0880–6

Первый том двухтомного учебника посвящен раскрытию основных этапов русской дипломатической службы от становления русской государственности до 1917 г., характеристике деятельности по осуществлению внешней политики отечественных учреждений — от Посольского приказа до Министерства иностранных дел царской России. Большое внимание уделено вкладу известных российских дипломатов в обеспечение реализации внешнеполитических задач в соответствии с национальными интересами России.

Для студентов высших учебных заведений.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0880–6 (т. I)
ISBN 978–5–7567–0879–0

© Кузнецов А. И., Райков Ю. А.,
Самойленко В. В., 2017, 2018
© МГИМО МИД России, 2017, 2018
© ООО Издательство «Аспект Пресс»,
2017, 2018

Все учебники издательства «Аспект Пресс»
на сайте www.aspectpress.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ	12
Глава 2. ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ОРДЫНСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ	35
Глава 3. ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА	46
Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ДИПЛОМАТИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XV–XVI ВЕКАХ	56
Глава 5. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI–XVII ВЕКАХ	66
Глава 6. ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА	81
Глава 7. ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ПЕТРА I	101
Глава 8. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО	150
Глава 9. ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II	172
Глава 10. ДИПЛОМАТИЯ ПАВЛА I	198
Глава 11. ДИПЛОМАТИЯ АЛЕКСАНДРА I	207
Глава 12. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА	234
Глава 13. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ	258
Глава 14. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ	288
Глава 15. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ (1905–1917)	317
Указатель имен	348
Сведения об авторах	352

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всего существования русской государственности вместе с ней развивалась и отечественная дипломатическая служба. Заимствуя отдельные приемы и методы из византийской и западноевропейской дипломатии, создавая на основе накопленного опыта свою собственную дипломатическую школу, она эффективно обеспечивала интересы России, будучи на уровне задач и вызовов своего времени. Особенно быстро российская дипломатическая служба развивалась в XVI—XVII вв.

Исходя из того, что наибольшая активность дипломатии проявляется во время войн и последующих мирных переговоров, которых на долю России, постоянно подвергавшейся агрессии с запада, востока и юга, выпало гораздо больше, чем другим странам, она накопила большой профессиональный опыт. Войны и дипломатические переговоры, которые вела Москва, неизменно изменили геополитическую картину Евразии, сформировали единую территорию от Балтики до Тихого океана, где расположилось огромное по своей протяженности Российское государство. Россия воевала, вела переговоры, поддерживала постоянные контакты и связи с представителями разных, не похожих друг на друга религий и культур, вести дела с которыми и добиваться дипломатических успехов могла только опытная, профессионально подготовленная дипломатическая служба. Московское государство превратилось в многонациональную страну, объединив различные этносы, культуры и религии. Россия стала большим общим домом для многих народов Евразийского континента, а ее дипломатические связи охватывали теперь огромное пространство от Китая и Индии до Балтийского моря и причерноморских степей.

Важным элементом российской дипломатии была преемственность — передача из поколения в поколение, сохранение и совершенствование стиля и метода работы русской дипломатии в условиях постоянно меняющейся международной конъюнктуры. Дипломатическая служба России объективно отражала особенности историче-

ского развития страны, ее геополитического положения, представляя собой сложное сочетание преемственности и обновления.

В середине XVI в. было создано первое специальное централизованное учреждение по осуществлению внешней политики — Посольский приказ. Его руководители И. М. Висковатый, А. Л. Ордин-Нащекин, В. В. Голицын своим творческим подходом нащупывали новые пути московской государственной деятельности, ведущие к соединению общеевропейской культуры с национальной самобытностью, подталкивали к преобразованиям и реформаторству. Под влиянием этих дипломатических умов царь Алексей Михайлович, подчеркивает В. О. Ключевский, «содействовал успеху преобразовательного движения... Он сформировал в русском обществе преобразовательное настроение, подкрепил смутную тягу к новому. Не порывая со старыми обычаями и порядками, не отворачиваясь от нововведений и не мешал новаторам».

В истории отечественной дипломатии XVII столетие занимает важное место как переходный период от Средневековья к Новому времени. Московское царство не раз подвергалось многочисленным и тяжелым испытаниям, едва не лишилось своей независимости, но, оправившись после потрясений Смутного времени, смело взялось за решение наболевших проблем и заметно продвинулось вперед. Усилия дипломатов по расширению внешних связей встречали мощное польское, шведское и турецкое противодействие, изолировавшее Россию от других государств Европы и Азии. Территориальная изоляция не давала возможности полноценно развиваться, консервировала отставание от быстро развивавшейся Европы в экономике, культуре и военном деле. Ни одно десятилетие в этом столетии не обошлось без войн, порой неудачных для России. Но случилось и немало крупных, судьбоносных событий, которые оказали большое влияние на дальнейшее развитие государства. XVII век стал русским вариантом эпохи Великих географических открытий, познакомивших европейский мир с доселе неведомыми ему огромными пространствами морей на севере и многочисленными землями, разбросанными между Уральскими горами и побережьем Тихого океана.

Становление России в качестве Великой державы в эпоху правления Петра I потребовало не только многочисленных военных усилий для обеспечения геостратегических задач выхода страны к Балтийскому и Черному морям, но и немало дипломатического искусства. Петр I прекрасно понимал незаменимую роль диплома-

ВВЕДЕНИЕ

тии в достижении масштабного переустройства России, активно занимался внешней политикой в целом и лично решал все важнейшие вопросы российской дипломатии, что дает основание считать его создателем новой дипломатической службы страны. Для петровской дипломатии были характерны напористость, целеустремленность, ведь великое будущее России виделось в активном сближении с Европой в интересах развития и укрепления страны.

Снабжая своих послов подробными инструкциями о целях и задачах их миссий, Петр I тем не менее предоставлял им достаточно широкую свободу и самостоятельность в принятии решений, он настойчиво требовал, чтобы послы действовали энергично и инициативно, с учетом складывающихся обстоятельств и не дожидаясь указаний из столицы.

Петр I подверг основательной перестройке дипломатическую службу России, перевел ее на господствующие в те годы в Европе принципы. Посольский приказ был сначала преобразован в посольскую походную канцелярию, а затем в Коллегию иностранных дел. Президентами Коллегии в разные годы являлись выдающиеся русские дипломаты — граф Г. И. Головкин, князь А. М. Черкасский, граф А. П. Бестужев-Рюмин, граф М. И. Воронцов, князь А. А. Безбородко.

В годы царствования Петра I Россия значительно расширила сеть своих дипломатических миссий и консульств.

При Петре I значительно повысились требования к лицам, поступавшим на дипломатическую службу. Как и прежде, набор дипломатических кадров осуществлялся за счет выходцев из дворянских семей, однако при Петре I гораздо больше внимания стало уделяться поиску наиболее способных и талантливых молодых людей. Повышенные требования предъявлялись к деловым и личным качествам сотрудников Коллегии — их надежности, честности, порядочности.

Принципы дипломатии и требования к дипломатической службе, заложенные Петром I, носили столь глубокий характер, что и после его кончины, особенно при правлении Елизаветы Петровны и Екатерины II, оказывали самое существенное воздействие на формирование и реализацию внешнеполитических задач, не позволяя принимать решения, идущие вразрез с национальными интересами государства.

Значительное внимание улучшению качества и повышению профессионализма русской дипломатической службы уделяла Екатерина II. Она лично знакомилась с депешами русских послов, под-

писывала направлявшиеся им указания, которые готовили в Коллегии иностранных дел, вела личную переписку с русскими послами в ведущих странах Европы. При Екатерине II были решены такие важные организационные вопросы деятельности Коллегии иностранных дел, как налаживание единой системы делопроизводства, установление порядка реагирования на поступающие из-за рубежа донесения русских дипломатов, укрепление режима секретности и сохранения государственной тайны.

Екатерина II ввела градацию русских дипломатических представительств, которая зависела от важности той или иной страны для внешнеполитических интересов России. Послами, консулами и генеральными консулами назначались специально подготовленные люди — представители правящего сословия, получившие необходимые знания в области внешних сношений и имевшие должные профессиональные навыки.

Екатерина II первой среди российских монархов стала использовать внешнеполитическую пропаганду и контрпропаганду для достижения дипломатических целей.

Богатая на международные события эпоха правления Екатерины II выдвинула на высокие дипломатические посты десятки ученых, талантливых и профессионально одаренных русских дипломатов. Среди них — Н. В. Репнин, А. Р. Воронцов, С. Р. Воронцов, М. И. Кутузов, А. К. Разумовский.

Умелая комбинация победоносных военных кампаний и хорошо продуманных, настойчивых дипломатических усилий приносила весомые результаты. За годы правления Екатерины II были реализованы многие стратегические планы, начертанные еще Петром I. Территория Российской империи значительно расширилась. Были закреплены территориальные приобретения на Балтике, воссоединены с Россией обширные земли, населенные родственными русскому народу белорусами и украинцами, Россия прочно закрепила свои позиции на Черном море и обрела статус Великой державы, оказывающей решающее влияние на европейские дела.

Нелегкие испытания выпали на долю российской дипломатической службы в XIX в.

В начале столетия пришлось реагировать на глубокие международные потрясения, вызванные экспансией наполеоновской империи. С падением Наполеона русская дипломатия решала важнейшую задачу по формированию нового политического устройства Европы. Выдающуюся роль в развитии международных отноше-

ВВЕДЕНИЕ

ний, направленных на политическое объединение Европы, сыграл император Александр I, которому в его деятельности помогали видные дипломаты А. Чарторыйский, К. Нессельроде, И. Каподистрия, Х. Ливен и др. Именно в эпоху Александра I в 1802 г. было создано Министерство иностранных дел, что положило начало формированию современного внешнеполитического аппарата, адекватного новой роли России в международных делах. Началась специальная подготовка кадров для дипломатической службы. Из основанного в 1811 г. Царскосельского лицея вышли пять министров иностранных дел: А. М. Горчаков, Н. К. Гирс, А. Б. Лобанов-Ростовский, А. П. Извольский, С. Д. Сазонов, а также многие высокопрофессиональные дипломаты.

Успешные действия российской дипломатической службы под руководством А. М. Горчакова обеспечили достойное преодоление весьма болезненных для России последствий поражения в Крымской войне. При А. М. Горчакове был установлен новый порядок приема в Министерство иностранных дел и прохождения дипломатической службы, просуществовавший до начала XX в.

На рубеже XIX – XX столетий российская дипломатия действовала в сложных условиях, связанных с глубокими изменениями в структуре международных отношений, прежде всего в связи с образованием мощной Германской империи, а также продвижением российских интересов в восточном направлении. Это сопровождалось значительным увеличением заграничных представительств России. К 1912 г. их количество возросло до 175, включая 140 консульских учреждений.

Конец XIX и начало XX в. ознаменовались возникновением новых вызовов перед российской дипломатией. Россия выступила инициатором и главным действующим лицом Гаагской конференции мира 1899 г., ставшей важным шагом на пути гуманизации международных отношений и прогрессивного развития международного права.

Перемены в системе государственного управления Российской империи, связанные с переходом в результате революционных событий 1905 г. к конституционной монархии, потребовали обновить механизм формирования внешней политики. Были предприняты шаги и по определенному реформированию дипломатической службы, в том числе были разработаны новые правила приема на дипломатическую службу, новый порядок ее прохождения, была улучшена подготовка национальных дипломатов.

ВВЕДЕНИЕ

Все это способствовало оздоровлению кадровой ситуации в Министерстве иностранных дел и позволило дипломатической службе достойно встретить тяготы Первой мировой войны.

События февраля и октября 1917 г. стали серьезнейшим испытанием для определения гражданской позиции служащих Министерства иностранных дел.

После прихода к власти большевиков, взявших курс на слом старой государственной машины, царская дипломатическая служба фактически прекратила свое существование и сошла с исторической сцены.

Началась новая эпоха в развитии дипломатической службы, которая, несмотря на все революционные новации, во многом ориентировалась на образцы, соответствующие российской и мировой практике. Вместе с тем новая эпоха открыла принципиально новую страницу истории отечественной дипломатии.

А. В. Торкунов,
ректор МГИМО МИД России,
академик РАН

А. Н. Панов,
доктор политических наук, профессор

Глава 1

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Российская дипломатия выросла из внешних контактов образовавшегося в IX в. на берегах Волхова и Днепра древнего государства восточных славян — Киевской Руси. Восточные славяне сформировали два основных очага русской государственности: Новгород на севере и Киев на юге.

Варяги (Рюрик и его соратники) откликнулись на приглашение славянских послов, направленных к ним со словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет — идите княжить и владеть нами». По свидетельству русского историка Н. М. Карамзина, варяги согласились принять власть. Приглашение Рюрика (862 г.), как гласит летопись, было связано с острыми конфликтами внутри славянских племен, погасить которые мог только сильный лидер со стороны. После смерти варяжского князя в 879 г. его преемник Олег, захватив Киев (882 г.), присоединил его к своим новгородским землям, после чего покорил окрестные славянские и финские племена, собрав восточных славян в единое княжество, столица которого была перенесена из Новгорода в Киев. Приняв титул великого князя, Олег фактически стал основателем Древнерусского государства.

Привлечение варягов на службу союзом восточнославянских племен обуславливалось необходимостью обеспечивать безопасность и управление находившимися в стадии создания государственности славянскими землями. Рюрик вошел в отечественную историю как первый авторитарный правитель. О его деяниях мало что известно, упоминаются лишь некоторые меры по централиза-

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ции политического управления русскими землями и военные походы, направленные на присоединение новых территорий и подчинение проживавших там племен.

Древнерусская дипломатия формировалась, осуществлялась и совершенствовалась в рамках уже сложившейся к этому времени системы межгосударственных отношений сопредельных государств Южной, Восточной и Северной Европы раннего Средневековья.

Дипломатическую историю Киевской Руси условно делят на четыре этапа. **Первый этап** охватывает время образования и становления Древнерусского государства в **IX–X вв.**, когда неожиданно для соседей на берегах Днепра появилось устойчивое государственное образование во главе с сильным авторитарным лидером.

Второй этап дипломатии древних руссов относится к **XI — первой четверти XII в.** Это период подъема Древнерусского государства, сильной великокняжеской власти, утверждения православия в качестве основной религии на Руси. Дипломатия тогда осуществляла как внешние функции — продвижение и защита интересов Киевской Руси в ее ближайшем геополитическом окружении, повышение престижа страны, так и внутренние — регулирование отношений между управлявшими отдельными территориями князьями. В отечественную историю вошли имена выдающихся дипломатов первых русских князей Вещего Олега, Владимира Великого, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Период расцвета закончился в начале 30-х годов XII в. начавшимся растянутым во времени центробежным процессом в Древнерусском государстве.

На третьем этапе (1132–1240 гг.) размежевание русских земель, противоречия и вражда между князьями привели к утрате единства страны. В Киевской Руси господствует политическая раздробленность. Между различными кланами Рюриковичей разворачивается борьба за престол в Киеве. Великокняжеская власть ослаблена, теряет рычаги управления, единая древнерусская дипломатия расчленяется на отдельные составляющие. На первый план выходят отношения между князьями, возглавляющими автономные территории бывшего единого государства. В результате ослабления княжеской власти в дипломатии усиливается роль представителей православной церкви.

Четвертый этап (1240 г. — конец XV в.) — выживание подавленной русской государственности в жестких условиях монголо-татарского ига и накопление сил для последующего прорыва к независи-

ГЛАВА 1

мости. Православная церковь становится связующим элементом между разрозненными русскими землями, превращается в самостоятельную политическую силу. Русская дипломатия в этот период выполняет две основные функции — поддержание тесных отношений с Золотой Ордой и регулирование межкняжеских отношений. Этот этап завершается в конце XV в. освобождением от монголо-татарской зависимости и созданием единого Московского государства, в котором вместо узкорегionalных целей на первый план вновь выходят общерусские интересы. Формируется дипломатическая служба, которая становится частью государственного аппарата, акцентирует основное внимание на геополитике.

Хотя дипломатические контакты восточных славян с Византией имели место еще в середине 1-го тыс. н.э.¹ — задолго до утверждения Киева центром Славянской державы, — отсчет древнерусской внешней активности ведется с 860 г. Тогда 18 июня многочисленное русское войско высадилось с моря у стен Константинополя. Атака была неожиданной, император Михаил III находился в Малой Азии, воевал там с арабами. Удачно избранный момент свидетельствует о длительной подготовке нападения на Византийскую империю, вероятно на основе сбора славянами разведанных.

Нападение на Константинополь (очевидно, с целью захвата военной добычи) свидетельствует о выходе государственного образования восточных славян на международную арену в качестве самостоятельной силы. Последовавшие за этим перемирие и русско-византийские переговоры имели большое значение в становлении Киевской Руси, в формировании ее дипломатии и расширении международных связей. Заключение в начале 860-х годов (точная дата неизвестна) первого межгосударственного договора «мира и любви» означало официальное признание Руси Византией. Договор был политическим документом, который декларировал установление мира между двумя государствами и включал пункты о выплате Константинополем ежегодной дани, а также беспрепятственном проезде в империю русских послов и торговых людей.

¹ Византийские источники (Прокопий Кесарийский) свидетельствуют о периодических нападениях восточных славян (племенных союзов антов и склавинов) в V—VI вв. на Византийскую империю. В 838—839 гг., направив посольство в Константинополь и оттуда в Ингельгейм ко двору короля франков и императора Запада Людовика Благочестивого, Русь вошла в прямой дипломатический контакт с двумя империями.

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

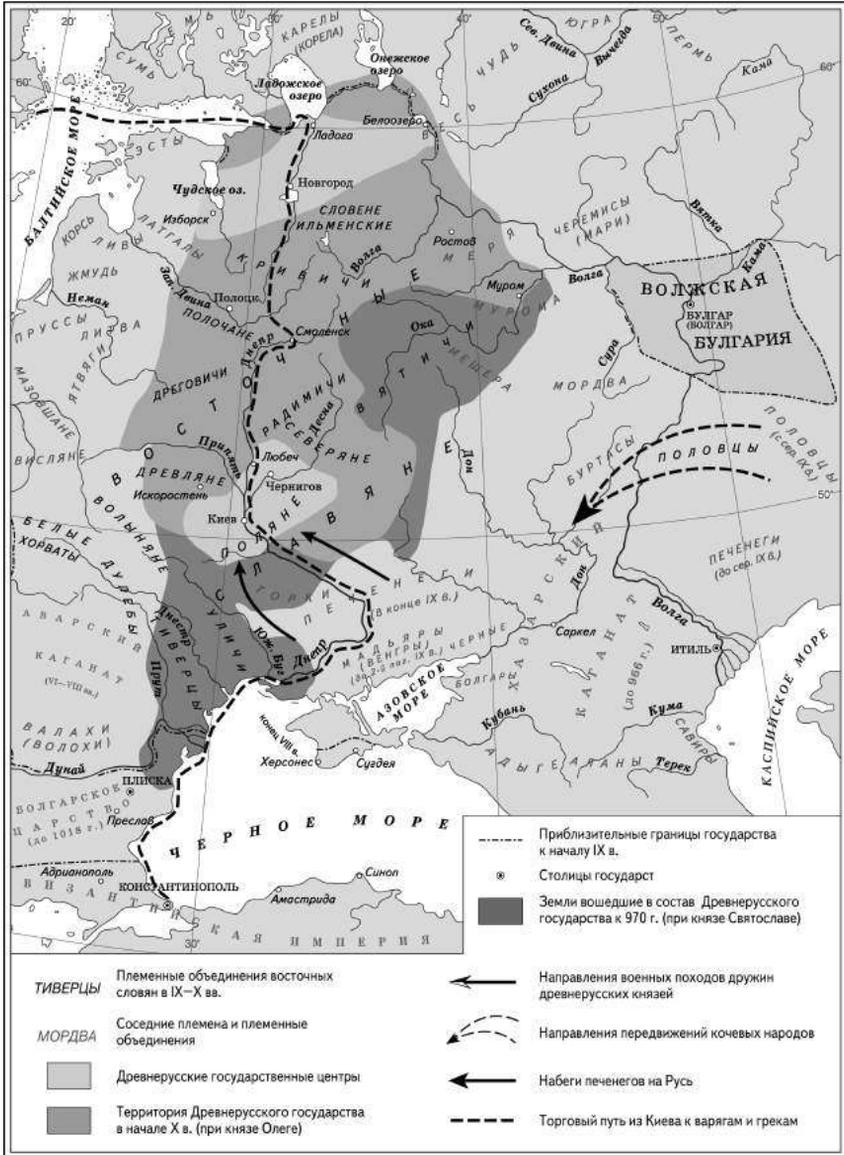

Рис. 1. Русь IX – X вв.

ГЛАВА 1

С заключением договора с Византией Киевская Русь вошла в круг известных ей государств, заняв видное место в отношениях империи с окружавшими ее «варварскими» народами. Молодое государство вклинилось в сложные перипетии византийской внешней политики IX — первой половины X в., возвестив миру о крупном успехе древнерусской дипломатии. В плане отношений Византии с сопредельными государствами значение Киевской Руси, помимо экономического и военного могущества, возрастало и в связи с постепенным приобщением ее к культуре и религии империи. На Русь была допущена христианская греческая миссия. Оказывая заметное духовное влияние на развитие Киевской державы, Византия стремилась через крещение превратить русов в друзей и распространить на них православие. Подписанию русско-византийских договоров, как правило, сопутствовала практика обращения части русов в христианство, укреплявшая княжескую власть, которой была необходима монотеистическая религия. Для русских людей совершение обряда крещения руками византийских церковных иерархов было престижным моментом в их жизни.

В европейской истории раннего Средневековья Киевская Русь занимает авторитетное положение, что определялось ее большими размерами (территория страны протянулась от Балтийского до Черного моря вдоль речного пути «из варяг в греки»), экономической и военной мощью, а также пассионарностью складывавшейся русской нации (рис. 1).

Налаживание Киевом отношений с сопредельными странами и так называемыми дальними народами вытекало из потребностей хозяйственного и политического развития Древнерусского государства, необходимости расширения торговли и обслуживания военных походов, совершавшихся в интересах верхушки общества и купечества. Отношения с другими народами сопровождались военными конфликтами, заключением мирных договоров, поисками союзников, торговыми соглашениями и способствовали развитию дипломатии как средства достижения Киевской Русью своих внешнеполитических целей.

Формирование государственности у восточных славян совпало в социальном развитии с переходным периодом от военной демократии к раннеклассовому обществу, в котором проявлялись черты раннефеодальных отношений. Статус племенного вождя постепенно перешел к князю, которого в период военной демократии избирали. Став главой Древнерусского государства, великий князь уже

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

передает свою власть по наследству. Появилась собственность на землю — экономическая основа феодализма. Вокруг нее формировались основные классы раннесредневекового общества — феодалы и зависимые крестьяне (смерды). Самыми крупными феодалами, конечно, были князья. Крупными феодалами становились бояре и княжеские дружинники, которые богатели за счет эксплуатации крестьян и военных походов.

Киевская Русь была монархией, которую возглавлял великий князь. Ему принадлежала верховная законодательная и исполнительная власть. Князья издавали законы, которые часто носили их имена — Устав Владимира, «Правда» Ярослава и т.д. С административным управлением великие князья совмещали функции военачальников, возглавляя войско. Иногда в Киевской Руси созывались съезды верхушки феодалов, решавшие важнейшие государственные дела.

Великие князья формировали и вели внешнюю политику Киевской Руси, были главными дипломатами. В период раздробленности в самодержавных уделах дипломатию осуществляли удельные князья. Сосредоточение функций внешней политики и средств дипломатии в руках великого князя обеспечивало сохранение тайны и оперативность принятия решений. При выработке внешнеполитических решений и в практике дипломатии великий князь опирался на мнение и информацию доверенных советников.

Киевская Русь стояла на одном уровне дипломатического искусства с европейскими странами. Киев заключал международные соглашения комплексного характера (например, договоры с Византией), охватывающие политическую, военную, торговую и религиозную сферы. Как тогда было принято, они имели устную и письменную формы. Уже в X в. Древнерусское государство имело договорные отношения с Византией, Хазарией, Болгарией, Германией, с венграми, варягами, печенегам и др. Дипломатические переговоры иногда возглавлял и сам монарх, как это было, например, с княгиней Ольгой, ездившей с посольством в Ромейскую империю. В 957 г. Ольга с большим посольством (около ста человек, включая 44 купца) нанесла официальный визит в Константинополь, где вела переговоры с императором *Константином Багрянородным*.

К концу IX в. в Киевской Руси сформировался слой купечества, имевший тесные торговые связи с христианской империей. В Киеве существовала сильная купеческая корпорация — от богатых «го-

стей» до мелких торговцев. В начале X в. в Константинополе было много русских купцов: продавали пеньку, мед, воск, меха, изделия из железа, льняное полотно, канаты, холстину, овчины и шкуры. От греков на Русь везли вина, шелк, предметы искусства — иконы и ювелирные украшения, изделия из стекла. Русские купцы активно торговали и с другими государствами. Из стран Востока они везли специи, драгоценные камни, шелковые и сатиновые ткани, клинки знаменитой дамасской стали и лошадей. Часть оседала на Руси, часть отправлялась дальше на запад через Новгород — торговый центр Северной Европы. Европейские купцы торговали в Киевской Руси тканями, оружием, изделиями из стекла, вином, солью, а также металлами — железом, медью, оловом и свинцом.

На Руси хорошо понимали значение торговли. И хотя торговые люди не были отдельным сословием, в памятнике законодательства того времени «Русская правда» определялась вира за убийство купца, вдвое превышавшая выкуп за смерть свободного общинника. «Русская правда» уделяла большое внимание той сфере общественных отношений, которая сегодня называется коммерческой деятельностью. В ней подробно рассмотрены такие актуальные и для нашего времени вопросы, как взыскание долгов с разорившихся собственников и кредитные операции. Распространение коммерческих отношений было связано также с тесными контактами с великим южным соседом — Восточной Римской империей. Константинополь был важнейшим торговым центром Европы и Азии.

Как в Византии, так и в Киевской Руси X в. центрами развития экономических отношений выступали города. В Киеве было много церквей, построенных усердием новообращенных христиан, и восемь больших торговых площадей. Киевская Русь, которая уже в раннем Средневековье стала самым крупным государством Европы, отличалась многочисленностью городов. В период правления Владимира Святого насчитывалось 25 городских поселений, а ко времени татаро-монгольского нашествия их было порядка 270. Поэтому викинги называли Русь Гардарикой — «страной городов».

Большой урон русской торговле нанесли Крестовые походы, в особенности спровоцированное венецианскими купцами разорение Константинополя в 1204 г. Набиравшей силу Венецианской республике было трудно смириться с экономической мощью Византии, хотя и сильно подорванной к тому времени бесконечными войнами с арабами и турками.

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Характерная черта внешней политики русских князей от Рюрика до Ярослава Мудрого (862 — 1054 гг.) — экспансия. Киевские князья стремились расширять свои владения во всех направлениях. В результате войн и завоеваний уже к концу IX в. Древнерусское государство достигло такого могущества, что соседние народы не могли не считаться с ним. Накопление земель, последовательные территориальные приращения осуществлялись и за счет внутренних ресурсов — уделов ослабевших и обедневших князей. Продолжая политику экспансии Рюрика, киевский князь Олег целенаправленно, где мечом, где дипломатией подчинял Киеву окрестные племена (кривичи, древляне, северяне, поляне, радимичи, вятичи). Эти данники и вассалы Руси, несомненно, усилили русское войско, участвуя в военных походах киевских князей. Важным итогом этой деятельности, направленной на расширение Древнерусского государства, стали установление и фиксация северных и южных границ Киевской Руси.

Во внешней политике в первой половине IX — X вв. Русь ставила несколько целей: объединение под своим управлением всех племен восточных славян; обеспечение русским купцам безопасности в торговле с Балканами и Востоком; овладение устьями Днепра и Дуная, Керченским проливом, землями в Северном Причерноморье. Стремясь к достижению этих целей, дипломатия Киевской Руси энергично маневрировала в отношениях с окружающими ее странами. Мирные и союзные отношения Русь поддерживала с варягами, дружественные связи — с уграми. Противоречивыми и неустойчивыми складывались отношения с Византией, Хазарией и Болгарией, что не в последнюю очередь было связано с районами дальнейшей русской экспансии.

В международных отношениях раннего Средневековья военные союзы и политические альянсы различной направленности были обычной практикой. Их состав менялся в зависимости от внешнеполитических обстоятельств. Поэтому участие дипломатии Руси в политических комбинациях с окружающими ее государствами было вполне естественным. Например, в начале X в. после нескольких столкновений с печенегами Киев установил с ними союзные отношения, и в 40-х годах печенеги уже были задействованы им в качестве наемников в борьбе с Византией. Союзники варяги участвовали во многих военных походах киевских князей. Нередко Киев оказывал союзную помощь самой Восточной Римской империи, участвуя в военных кампаниях Константинополя.

В 970 г. киевский князь Святослав выступил против Византии во главе коалиции, в которую входили Болгария, венгры и печенеги. Для ее создания русская дипломатия провела большую работу, направив посольства к венграм и печенегам и заключив союз против Византии с Болгарией.

В начале X в. Киевская Русь действовала в условиях изменившейся международной обстановки в Восточной Европе и Причерноморье. С запада она испытывала давление Византии, наступал Рим. После принятия западными полянами (поляками) католичества Ватикан ориентировал их на сдерживание Руси. С востока грозила Хазария, с юга наступала исламская цивилизация. Хорошо вооруженные отряды мусульманских наемников Хазарии были для Киева серьезной угрозой. В региональном раскладе Византия смогла создать сильную армию и сдерживать напор на христианскую империю арабов. Из-за внутренних противоречий ослабела и была вынуждена пойти на сближение с Византией Болгария. В предгорьях Карпат усилились угры. Они стали представлять заметную угрозу для империи, Германского королевства и Болгарии. Имперская дипломатия вела работу по формированию коалиции народов Северного Кавказа против Хазарии, с которой противоречия Константинополя в этот период резко обострились. Новым фактором в политике стран Восточной Европы стал захват причерноморских степей печенегами.

Киевская держава была вовлечена в международные отношения огромного региона, охватывавшего Балканы и Восточную Европу на западе, Крым и Северное Причерноморье на юге, Поволжье на севере, Северный Кавказ и Закавказье на востоке. Благодаря продуманной, активной и искусной дипломатии в середине X в. Киевская Русь установила стабильные отношения с Византией, Болгарией, Хазарией, варягами, уграми, печенегами, поддерживала контакты с Германской империей.

Русь и Византия

Ни одно государство раннего Средневековья не имело такого значения и не оказало такого всеобъемлющего влияния на развитие Древнерусского государства, как Восточная Римская империя. Ее влияние проявилось во всех сферах жизни Киевской Руси — экономической, политической, военной, но особенно культурной и религиозной. Православная церковь Руси стала ветвью визан-

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

тийской церкви, а русское искусство было в значительной степени пронизано византийским духом.

В IX – X вв., в период становления и укрепления Киевской Руси, Византийская сверхдержава была главной силой на юго-западных границах Руси. Она представляла собой высший уровень развития цивилизации не только для Киевской Руси и сопредельных балканских народов, но и для государств Западной Европы. Дипломатическая служба империи была образцом для «варварских» государств. Сохранив римские традиции, изобретая новые формы и приемы, византийская дипломатическая служба оказала огромное влияние на всю дипломатию Средневековья. Ромейские обычаи и приемы были довольно быстро усвоены ее ближайшей соседкой — Киевской Русью.

В региональной политике на Балканах и в Причерноморье одной из важных задач византийской дипломатии было привлечение «варваров», в том числе русов, на службу империи. Распространенным способом был наем их в качестве военной силы. «Варваров» покупали, привлекая их к участию в войнах в интересах Византии. Пограничным племенам за защиту империи Византия выплачивала крупные суммы. Другим широко использовавшимся в дипломатической практике был старый римский метод «разделяй и властвуй»: не давать конкурентам усиливаться, натравливать друг на друга и ослаблять их взаимными усобицами. Как одно из важных орудий дипломатии использовались торговые связи. Торговые города на окраинах империи стали форпостами ее политического влияния. К тому же купцы приносили из дальних стран в Византию нужные сведения. Распространение христианства также стало одним из важнейших дипломатических средств византийских императоров. Миссионеры, которые были в то же время и дипломатами, несли слово Божье, проникая повсюду, включая территории, где проживали восточнославянские племена. Принятие христианства на Руси стало большой победой миссионерской и дипломатической деятельности империи. Константинополь (Царьград) становится священным городом и для православного населения Киевской Руси.

Переняв многое из Византии, Древнерусское государство стало частью греко-православной цивилизации, т.е., по оценке европейцев, частью византийского мира. Прочной связкой, цементирующей отношения Руси с Византией, были, конечно, церковные связи. Например, в домонгольский период киевские митрополиты

ГЛАВА 1

в основном были византийцами. Греческое происхождение имела половина епископов, которых в свою очередь сопровождали другие служители церкви, в результате чего в каждой русской епархии создавался определенный круг просвещенной византийской общины. С другой стороны, русское духовенство и монахи сами тянулись к центрам византийской учености, где гора Афон стала их основным местом паломничества. Проникновению на Русь православия способствовало религиозное византийское искусство, в котором ключевую роль играли приезжие греческие архитекторы и художники.

Русь и Византию объединяли и династические скрепы: верхушку Древнерусского государства с царствующей императорской семьей сближали родственные связи. Поэтому проработка и заключение династических соглашений были составной частью дипломатии Киева. Наиболее значимым событием в этом плане стала женитьба великого князя Владимира на византийской принцессе Анне, сестре императора Василия II. Внук Владимира и двое внуков Ярослава Мудрого также были женаты на представительницах византийской знати. Византийскую столицу посещали многие русские аристократы из династии Рюрика, первой среди которых в X в. была княгиня Ольга, принявшая там христианство.

Однако было бы неверно воспринимать Киевскую Русь как полностью ведомую Восточной Римской империей, даже в отношении культуры. Восприняв принципы византийской цивилизации, восточные славяне облекали их в свои формы, адаптировали к собственным условиям. Ни в православии, ни в искусстве русские не копировали слепо византийцев, а, перенимая их опыт, формировали собственные подходы к духовным ценностям, развивали соответствовавшие национальным традициям художественные формы. Например, большое значение для адаптации византийской церкви в Киевской Руси и роста национального религиозного сознания, отличавшегося от византийской духовности, имело проведение церковных служб на славянском языке.

Связи Киевской Руси с Византией, хотя тесные и разносторонние, в то же время были неоднозначными и сложными: периоды союзничества и дружбы часто сменялись периодами охлаждения отношений, иногда доходившего до открытой вражды. Расширение экономических отношений, развитие политических и культурных связей порой сменялось острыми военными столкновениями. Несмотря на свою мощь и силу, Византия нередко подвергалась на-

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

шествию боевых дружин киевских князей. В этой связи военная и дипломатическая составляющие византийской политики Киева всегда работали в полную силу. Первые киевские князья видели в Византии образец для подражания и перенимали у нее административный, технический и образовательный опыт. В то же время империя для Руси, как, впрочем, и для других сопредельных народов, служила источником богатой добычи. Военные походы на Константинополь обеспечивали русам политические уступки, торговые привилегии и солидную дань.

Практика заключения по итогам военных походов договоров «мира и любви», т.е. возобновления мирных договорных отношений между странами, берет начало в восточных традициях и греко-римском международном праве. Многочисленные договоры Византии с Аварским каганатом, Персией, арабами, Болгарским царством, Хазарским каганатом, венграми показывают, что мирные договоры в основном восстанавливали прерванные войной связи и открывали заново мирный этап взаимоотношений. Факт заключения Византией договоров с «варварами» означал политическое признание «варварского» государства. Дальнейшие отношения с ним империи строились уже на базе этого основного соглашения, которое в ходе развития двусторонних контактов нередко нарушалось военными конфликтами, возобновлялось, дополнялось конкретными торговыми и союзными статьями, династическими соглашениями.

Основные этапы зарождения и развития дипломатического искусства в Киевской Руси прослеживаются в ее договорах с Византией 907, 911 и 944 гг. В 907 г. Вещий Олег совершил успешный поход на Константинополь. Мирный договор по его итогам включал общие обязательные для таких соглашений положения. Византия выплачивала Руси единовременную контрибуцию, обязалась платить ежегодную дань и освобождать русских купцов в Византии от уплаты торговых пошлин на рынках Константинополя. Успех этого похода расширил возможности для торговли восточных славян, оживил коммерческое взаимодействие между русами и греками, что способствовало росту благосостояния Киевского княжества.

Договор стал модельным документом, на основе которого Русь и Византия строили свои отношения. В 911 г. он был подтвержден аналогичным межгосударственным договором. В договоре 907 г. обращает на себя внимание тот факт, что предложенные русскими пункты в основном содержат требования общеполитического характера: о мире, контрибуции, дани, посольском и торговом ста-

ГЛАВА 1

тусе русских в Византии. «Византийские» же условия акцентируются в основном на правилах (ряде)¹ пребывания русских послов, торговых людей, вообще подданных великого князя на территории империи. Договор охватывает широкий круг вопросов, регулирующих взаимодействие между двумя государствами и их подданными в наиболее актуальных и ставших традиционными для отношений двух стран сферах.

Заключив в 907, 911 гг. мирные договоры с Византией, Русь установила союзные отношения с империей, которые продолжались до начала 40-х годов X в. В 941 — 944 гг. отношения Руси с южным соседом складывались неудачно. Киевский князь Игорь потерпел поражения от Византии в Северном Причерноморье. В 944 г. возглавлявшаяся князем коалиция русских, варягов и печенегов вновь двинулась к границам империи, чтобы компенсировать прошлые неудачи. Константинополю удалось предотвратить войну обещанием выплаты русским контрибуции и возобновления выплаты ежегодной дани. Русь отказалась от похода, начались переговоры по подготовке мирного договора и восстановлению союзных отношений. Важно отметить, что участие русских дипломатов в контактах по выработке проектов мирных договоров 907, 911 и 944 гг. заложило дипломатическую традицию проведения переговоров, которые вели одни и те же киевские представители.

Договор 944 г. стал первым комплексным соглашением, объединившим в себе как основные статьи «мира» 907 г., устанавливающие общие принципы политических и экономических взаимоотношений между двумя странами, так и многие конкретные статьи «мира-ряда» 911 г., регулирующие и совершенствующие конкретные сферы этих отношений. Он отражает борьбу Руси в 30-х годах X в. за расширение влияния в Крыму и Северном Причерноморье и свидетельствует о новом уровне союзнических отношений. Речь уже идет не просто о союзной помощи и службе русов в византийской

¹ Первая статья касается в общем преступлений и наказаний за них; вторая — ответственности за убийство и преступления в имущественной сфере; третья — ответственности за умышленные побои; четвертая — ответственности за воровство; пятая — ответственности за грабеж; шестая — порядка помощи купцам обеих стран во время их плавания с товарами, помощи потерпевшим кораблекрушение; седьмая — порядка выкупа пленных; восьмая — союзной помощи Руси грекам и порядка службы русов в императорской армии; девятая — практики выкупа любых других пленников; десятая — порядка возвращения бежавшей или похищенной челяди; одиннадцатая — практики наследования имущества умерших в Византии русов; двенадцатая — порядка русской торговли в Византии; тринадцатая — ответственности за долг и наказаний за неуплату долга.

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

армии после выполнения союзных обязательств, а о взаимной военной помощи против общих врагов и соблюдении интересов сторон в Крыму и Северном Причерноморье. Киев обязывался не трогать здесь византийские владения, но сохранил свободу рук в действиях против своих потенциальных врагов. Византия временно закрывала глаза на владение Киевом землями на Тамани и его активность в таком важном для нее стратегическом районе, как устье Днепра. В основном союзные отношения с империей были направлены против Хазарии, но также предусматривали совместную борьбу против арабов — как на Западе, так и на Востоке.

Русь договаривается с империей о выдаче из Византии бежавшей туда челяди, обязуясь в ответ выдавать беглых греческих рабов. Так в рамках международного права стороны обеспечивают свои интересы и права на личность и имущество зависимых людей. Договор 944 г. подтвердил порядок посольских и торговых контактов, обязанность византийского сановника — «царева мужа», приставленного к посольству, — переписывать состав посольства и в соответствии с этим списком рассчитывать слобное послам и месячину русским купцам; вводить русов в город через одни ворота; охранять их; разбирать возникавшие недоразумения между русами и греками; контролировать характер и масштабы торговых операций и удостоверить своей печатью на товарах законность произведенной сделки.

Договоры скреплялись клятвой. Русские (язычники) клялись своим оружием. Они клали на землю щиты и мечи, прочее оружие и говорили: «Если мы не сохраним сказанного... да будем прокляты богом, в которого верим, — Перуном...» Византийцы по христианскому обычаю целовали крест. Предполагалось, что нарушение крестного целования повлечет за собой ужасные кары, по крайней мере на том свете.

Поддерживая с восточнославянской державой тесные соседские связи, империя тем не менее не была заинтересована в усилении Киевской Руси, осуществляла, говоря современным языком, курс на сдерживание Древнерусского государства. Реально она была наиболее опасным противником восточных славян. Византийская дипломатия вела последовательную работу по превращению Руси в зависимое от Константинополя государство. Осуществляя в отношении сопредельных «варварских» народов политику «разделяй и властвуй», Константинополь по мере надобности натравливал на Киев Хазарию, Болгарию, печенегов и других соперников Руси.

К концу X в. Киевская Русь заметно усилилась, окрепла как единое централизованное государство, сложилась как успешная

славянская общность. Она стала державой, «знаемой и слышимой на все четыре конца света». Уже более столетия киевские князья «великих дел ради» собирали земли и этнически близкие им племена в могучую славянскую силу под главенством Руси.

Наиболее дальновидные из династии Рюриковичей: княгиня Ольга, Владимир Святославович и другие представители киевской знати все чаще обращались к христианству, в котором видели новую, отвечающую духу времени и потребностям молодого пассионарного народа религию. Сопредельные государства уже исповедовали веру в единого Бога: Византия — христианство, Хазария — иудаизм, Волжская Булгария — ислам. Христианство доминировало в Европе. Единовластному княжескому правлению отвечала монотеистическая религия, находящаяся на службе государства. Такую веру князь Владимир увидел в Восточной Римской империи и принял решение о крещении русов по православному обряду, ставшее судьбоносным для государства. Политическое значение этой акции было подкреплено в 988 г. браком князя Владимира с византийской принцессой Анной. Византийские императоры занимали в тот период самое высокое место в монархической иерархии Европы, и женитьба на византийской принцессе заметно поднимала международный престиж Древнерусского государства.

Приняв в 80-х годах X в. христианство, Русь прочно интегрировалась в семью европейских народов, расширились и окрепли ее международные связи. Киевская держава вступила в сношения с католическими странами Средней Европы как равный и полноправный член христианского общества. Крайне важным было то, что христианство принесло на Русь просвещение, прежде всего письменность, основанную монахами Кириллом и Мефодием во второй половине IX в. на церковнославянском алфавите. Центрами просвещения стали древнерусские монастыри.

Способствовавшая христианизации Руси империя стремилась использовать этот сложный духовный процесс в политических целях. Подталкивая правителей Киевской Руси к крещению восточных славян, византийцы рассчитывали с помощью присланных из Константинополя иерархов влиять на внешнюю политику русских князей. Опираясь на византийскую доктрину «созвучия» светской и церковной властей, т.е. тесного взаимодействия между церковью и государством в управлении страной, Константинополь проводил курс на то, что народы, принявшие православную веру и признавшие первенство константинопольского патриарха, должны были находиться и в сфере влияния императорской вла-

сти¹. Явным вмешательством в дипломатию Руси служит следующий факт. В 991 г., когда князь Владимир принял послов римского папы и затем направил своих в Рим, из Константинополя последовал раздраженный демарш: «Не приобщайтесь к зловерию, от переписки с ними уклониться должно».

Видевшие в концепции «созвучия» угрозу ущемления суверенитета, киевские князья противодействовали осуществлению ее на практике. Твердое намерение великого князя Владимира Святославича избежать вмешательства империи в свои внутренние дела, равно как и его попытка организации самоуправления Русской православной церкви вне прямого контроля константинопольского патриарха, привели даже к военному конфликту с империей. Впоследствии, уступая давлению империи, князь Ярослав Мудрый принял митрополита из Византии (1037 г.). В дипломатической борьбе вокруг вопроса о приемлемом для Руси статусе ее церковной организации Византия не смогла трансформировать религиозные связи в политическое влияние. Подчиненность Руси империи носила сугубо церковный характер, но даже и в этом отношении киевские князья дважды предприняли попытку освободиться от нее (митрополит Илларион в XI в. и митрополит Климент — в XII в.).

Западная и восточная дипломатия киевских князей

Важные внешнеполитические задачи во время правления князя Святослава Игоревича с 945 по 972 г. Русь решала на западе на Балканах, в Крыму и Северном Причерноморье. Используя противоречия между Византией и Хазарией в Северном Причерноморье и на Кавказе и имея обеспеченный договором 944 г. с Византией тыл, Киевская Русь вступила в борьбу с Хазарским каганатом. Хазары совершали набеги на славянские земли, захватывали людей для продажи в рабство. Хазария контролировала торговлю между Востоком и Западом, включая Шелковый путь и другие коммуникации. Торговый путь из Киева в Азию через реку Итиль (Волга) и Хазарское (Каспийское) море был для русских купцов опасным. Некоторые славянские племена, входившие в состав Киевской Руси, продолжали платить

¹ Православная церковь в Византии была организована таким образом, что в отличие от католической конфессии во главе ее стоял не церковный иерарх (римский папа), а глава светской власти — император, которому подчинялся православный патриарх.

хазарам дань. Хазарское государство играло существенную роль в политике Константинополя по сдерживанию Руси. Поэтому разгром Хазарии имел для Киева стратегическое значение.

В 965 г. князь Святослав Игоревич предпринял поход на Восток: нанес поражение Волжской Булгарии — союзнику Хазарии, спустился вниз по реке Итиль к столице хазар г. Итилю, захватил его, а также ряд городов на Каспийском побережье. Затем он успешно воевал на Северном Кавказе: покорил ясов и касогов, на Азовском побережье взял г. Тмутаракань, где находились поселения русов. Разгромив Хазарский каганат, Святослав не только освободил ряд славянских племен от дани хазарам и обеспечил купцам свободный торговый путь на Восток, но и связал Тмутаракань с Русью. Из русских поселений на Таманском полуострове было образовано Тмутараканское княжество, которое стало форпостом Руси на Черном море.

Несмотря на то что русской дипломатии не удалось увеличить территорию Руси за счет земель на Балканах (поход Владимира в Болгарию в 985 г. не дал результатов), Киев настойчиво стремился усилить свое присутствие на Западе, расширить международные связи, повысить в Европе престиж могучей христианской державы. Русская дипломатия вела последовательную работу по налаживанию политических и торговых связей с наиболее важными «дальними странами», прежде всего с Германией и Францией. Правительница Руси княгиня Ольга в 959 г. направила к королю Германии Оттону I посольство с целью установления отношений «мира и дружбы», которые предполагали регулярные посольские обмены между двумя странами, развитие торговли. Папа римский Бенедикт VII устанавливает контакты с великим князем Ярополком, чье посольство в 973 г. участвовало в германском имперском съезде в Кведлинбурге. Послы Ватикана побывали в Киеве, что стало свидетельством попыток Святого престола перехватить у Византии инициативу в деле обращения Руси в христианство.

В правление князя Владимира Великого (978 — 1015) большее, чем прежде, значение приобретает западное направление. Дипломатическая активность Древнерусского государства была связана с реформаторской и внешнеполитической деятельностью князя. Усиление Польши и признание ее властями главенства Рима над польской церковью ухудшили отношения с Русью. Военный поход Владимира на Запад расширил Русское государство за счет юго-западных городов Червень, Перемышль и др. В 40-х годах XI в. наступил длительный период сближения Руси и Польши, подкрепленный военным союзом. Сблизились они и через династические браки:

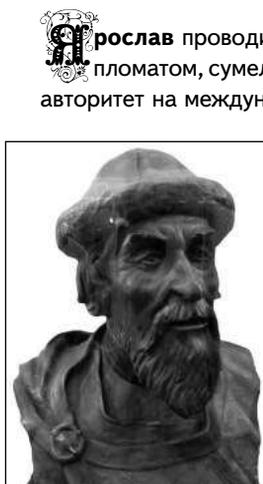
ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

польский король Казимир I женился на сестре Ярослава Мудрого, а сестра Казимира стала женой сына Ярослава князя Изяслава.

Годы правления Ярослава Мудрого (1019—1054), выдающегося государственного деятеля и дипломата Древнерусского государства, были одним из наиболее плодотворных периодов в развитии страны, когда Киевская Русь достигла экономического подъема и культурного расцвета, стала мощной державой. Киев стал одним из крупнейших городов Европы. В Киевской земле шло активное строительство, в том числе монастырей. Ярослав внес большой вклад в развитие законодательства, принял первый свод законов древнерусского права — «Русскую правду», которая регламентировала уголовный и гражданский кодекс. При Ярославе на Руси окончательно утвердилось христианство. Проводя линию на независимость русского православия от византийской церкви, он в 1051 г. ослабил влияние на нее Константинополя (киевский митрополит присылался константинопольским патриархом), избрав на соборе епископов русского митрополита Иллариона.

Ярослав Мудрый был успешен в военном деле, нанес сокрушительный удар печенегам, осуществил удачные походы в Прибалтику, Польшу, Литву, Византию. Рядом внушительных побед князь на время обезопасил южные и западные границы Руси. В память о победе над печенегами он заложил в Киеве знаменитый собор Святой Софии. Тогда же в Киеве были сооружены Золотые ворота — парадный въезд в русскую столицу.

В поле зрения древнерусской дипломатии находились не только соседи (Византия, Скандинавия, Хазария, Болгария, Польша), но и две влиятельные политические силы средневековой Европы — Германская империя и Святой престол. Киевская Русь и Германская империя установили союзнические отношения: император Генрих III поддержал Ярослава в борьбе с Польшей за червенские города. Послы Руси неоднократно посещали германского императора. Традиционно тесные связи Киевская Русь поддерживала со скандинавскими странами. Варяги были участниками многих походов киевских князей в Византию, Болгарию, Хазарию и другие земли. У Ярослава нашел убежище изгнанный норвежский король Олаф. К установлению дружественных отношений с киевским княжеским двором стремилась Франция. Французский король Генрих I женился на дочери Ярослава Анне, которая затем, будучи регентшей при малолетнем сыне Филиппе, играла значительную роль в управлении державой франков. С Венгрией и Чехией Русь была связана договорами «мира и любви».

Ярослав проводил активную внешнюю политику, был опытным дипломатом, сумел завоевать Киевской державе признание и высокий авторитет на международной арене. Летописи отмечают ум, силу воли, решительность, преданность православной вере, проницательность, благоразумие и храбрость князя Ярослава. Его княжение ознаменовало собой новый этап в развитии дипломатии Киевской Руси. Значительно расширилась практика обмена посольствами и заключения межгосударственных договоров с европейскими странами. В это время держава Рюриковичей наладила взаимоотношения со многими государствами Европы и Азии. Повышению престижа и авторитета страны способствовали практиковавшиеся Ярославом династические браки. Сам князь женился на дочери шведского короля Олафа Ингегерде (Ирине).

Норвежский принц, впоследствии король Гаральд Смелый был женат на дочери Ярослава Елизавете. Дочь великого князя Евфимия вышла замуж за наследника венгерского престола. Русь утвердилась на международной арене средневековой Европы как одно из сильных и влиятельных государств, с которым считались в Византии и Европе.

Великий князь способствовал развитию культуры и образования: строились первые начальные школы. Его правление было временем подъема духовного и культурного уровня страны. Ярослав собирал книги, приглашал переводчиков, считал книги *«реками, способными напоить мудростью»*. При нем много книг было переведено на славянский язык, создана первая библиотека при Софийском соборе.

Древнерусская дипломатия осуществляла контакты примерно с 40 внешнеполитическими субъектами. Киев вел дела почти с полутора десятками западноевропейских государств. Более трети дипломатических партнеров впоследствии приходилось на русские княжества¹. Другие принадлежали к «союзу племен», проживав-

¹ В начале XI в. великий князь Владимир разделил территорию Руси между 12 своими сыновьями. После смерти Владимира в 1015 г. началась длительная кровопролитная война между его многочисленными наследниками, управлявшими отдельными частями Руси. Распри между князьями разоряли народ и дружину, расшатывали русскую государственность.

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ших по окраинам Киевского княжества. По сути, древнерусская дипломатия была дипломатией региональной державы, что, безусловно, повышало престиж восточнославянского государства.

С 30-х годов XII в. держава Рюриковичей вступает в полосу феодальной раздробленности, распадается на уделы, разделяется и подразделяется между потомками ее основателей, разрывается на части феодальными войсками, разбивается вторжением иноземных народов. На всей территории Киевской Руси, как и в Западной Европе того времени, возобладала политическая раздробленность. Имевшая в первую очередь социально-экономические причины, она привела к распаду общегосударственной княжеской дипломатии на отдельные составляющие. В полной мере феодальная раздробленность на Руси проявляется несколько позже, когда вычлняются отдельные земли, вместо одного центра появляется несколько, а в суверенных княжествах формируются собственные княжеские династии. Укрепляется роль крупных феодалов на местах, формируются местные административные центры (рис. 2).

В условиях политической раздробленности особое значение приобретали дипломатические отношения между отдельными княжествами, на которые разделилось Киевское государство. Фактически образовалась конфедерация русских княжеств. Притом что князья обладали правами суверенных государей, возникает потребность и развивается так называемая межкняжеская дипломатия с присущими ей дипломатическими обычаями и нормами. Урегулирование взаимных претензий и споров между новыми государственными образованиями стало ее основным предметом.

Наряду с расколом и обособлением в этот период по вопросам, имеющим судьбоносное значение для русских земель, все же сохраняется тенденция на княжеских съездах согласовывать дипломатические варианты действий и проводить единую внешнеполитическую линию при формальном лидерстве великого князя Киевского. Киев оставался номинальным регулятором межкняжеских отношений. На эти общие сборы съезжались заинтересованные князья и обсуждали наиболее значимые, наиболее болезненные вопросы. Активную посредническую роль в дипломатии в это время играет православная церковь. В противовес княжеской междоусобице она оставалась единой централизованной организацией, выступала за единство Руси.

ГЛАВА 1

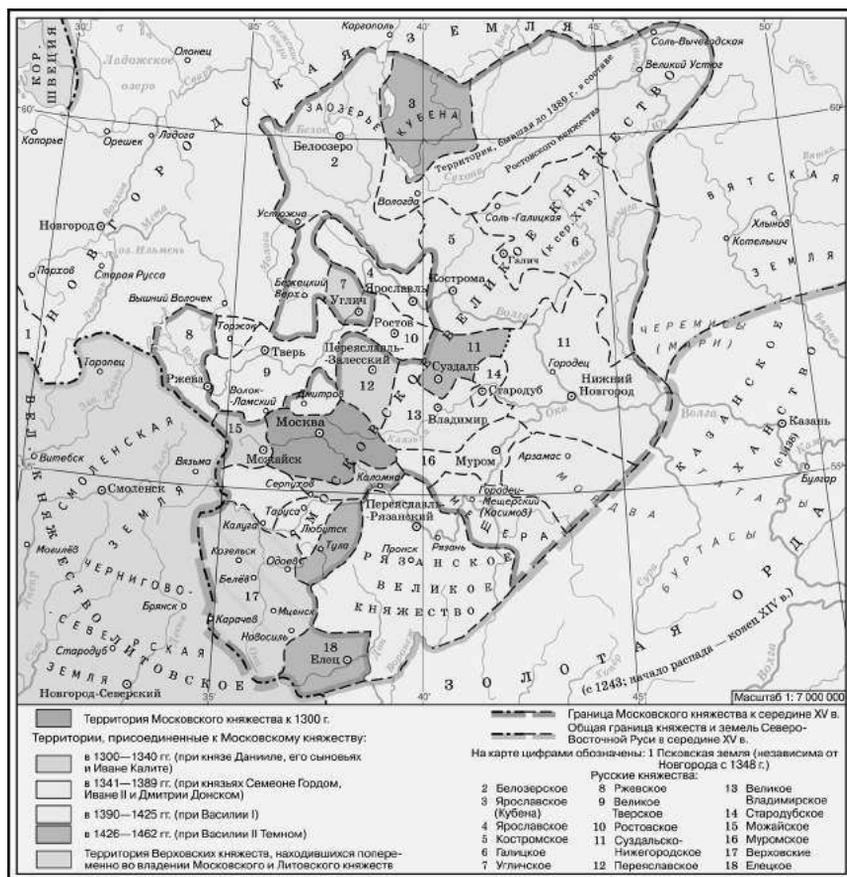

Рис. 2. Территория Московского княжества к 1300 г.

Как правило, на съездах обсуждались общие военные предприятия, принимались и обязательные для всех союзников правовые нормы. Например, на съездах князей в Любече в 1097 г., в Витичеве (1100) и на Долобском озере (1103) правители русских земель договаривались об общерусском отпоре половцам: организации совместной борьбе с сильным и опасным для Руси врагом. Организация княжеских съездов требовала соответствующей дипломатической подготовки в плане выработки позиции конкретного княжества и условий его участия в общерусском походе. На этих мероприятиях устанавливались принципы общей политики, обя-

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

зательной для правителей всех русских земель. Решения съездов, подобно международным декларациям, скреплялись крестным целованием, а участники соглашения брали на себя ответственность проводить его в жизнь, в том числе силовым путем.

Помимо съездов, распространенной формой урегулирования противоречий были соглашения между отдельными князьями. Если международные отношения Северо-Восточной Руси с XIII в. главным образом концентрируются на Золотой Орде, то отношения между более мелкими автономными территориями, на которые распалась Русь, были гораздо сложнее. Межкняжеская дипломатия находит воплощение в договорах между князьями и в торговых соглашениях русских городов с зарубежными партнерами. В одних случаях это были договоры о союзе, в других речь шла о вассальных отношениях. Договор мог быть посвящен и возврату захваченного имущества. Сложным вопросом, который приходилось урегулировать дипломатическим путем, была также выдача беглых. Феодалы были заинтересованы в том, чтобы не выпускать из своей власти зависимых людей. Процедуры и обряды, сопровождавшие дипломатические контакты, отражают в известной мере как содержание, так и форму ведения переговоров и заключения соглашений. Наличие многочисленных автономных территорий требовало регулирования дипломатическим путем и торговых отношений между княжествами. Договоры тщательно оговаривали размеры таможенных пошлин и запрещали заводить новые мыты.

Межкняжеские договоры обеспечивали политическую независимость каждого отдельного, даже небольшого владения. В них оговаривалась неприкосновенность суверенных прав каждого князя над территорией своего княжества. Как правило, в подобных случаях к дипломатическим переговорам привлекались третьи лица — другие князья, имеющие высокий авторитет, которым участники соглашения полностью доверяли. Видное место в межкняжеской дипломатии занимали крупные деятели православной церкви — епископы и настоятели монастырей. Епископы, среди которых порой встречались выдающиеся дипломаты, часто выступали в роли послов. Незаурядными дипломатическими качествами отличался, например, черниговский епископ Порфирий, который в 1187 г. был посредником между рязанскими князьями и великим князем Владимирским Всеволодом Большое Гнездо.

В конце XII — начале XIII в. на Руси сложилось три основных политических центра: для Северо-Восточной и Западной Руси —

ГЛАВА 1

Владими́ро-Суздальское княжество; для Южной и Юго-Западной Руси — Галицко-Волы́нское княжество; для Северо-Западной Руси — Новгородская феодальная республика. Их влияние было преобладающим в соседних землях и княжествах, которые в своей деятельности ориентировались на эти региональные центры.

В тяжелый и длительный для Руси период (XII—XV вв.) число самостоятельных княжеств постоянно менялось: если в середине XII в. их насчитывалось 15, то накануне монголо-татарского нашествия их было уже около 50. Это время стало переходным в развитии Русского государства, в истории его внешней политики и, разумеется, в истории дипломатии.

Контрольные вопросы

1. Когда и где возникло Древнерусское государство, сформировалась его дипломатия?
2. Кто в Древней Руси формулировал внешнюю политику и осуществлял дипломатию?
3. В чем проявился комплексный характер договоров Киевской Руси с сопредельными государствами?

Рекомендуемая литература

Дипломатическая служба: Учеб. пособие / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2014.

Зонова Т. В. Дипломатия: модели, формы, методы: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2013.

История России с древнейших времен до наших дней: Учебник: В 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М.: Проспект, 2016.

Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1988.

Пчелов Е. В. Рюрик. М.: Молодая гвардия, 2010.

Глава 2

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ОРДЫНСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

В начале 1237 г. огромное войско (около 150 тыс. человек) монголо-татар во главе с ханом Батыем обрушилось на Северо-Восточную Русь. Были захвачены и разгромлены русские города Рязань, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Кострома, Юрьев, Дмитров и др. Под ударом завоевателей в 1240 г. пал Киев. Русь вступила в длительный и мрачный период монголо-татарской зависимости (1240—1480 гг.). Из крупных русских государственных образований лишь Новгородская земля и Псков не были захвачены монголами.

К началу монголо-татарского завоевания Русь уже более столетия находилась в состоянии феодальной раздробленности, что сильно ослабило ее как политически, так и в военном плане. Распавшаяся Русская земля оказалась между двумя сильными государствами — Великим княжеством Литовским и Золотой Ордой. Резко изменилась политическая обстановка на Руси. Влияние Золотой Орды распространялось на большинство русских княжеств, привело к их дальнейшему разъединению, разрыву исторических судеб Северо-Восточной и остальной Руси. Дипломатия Руси вследствие политической дезинтеграции потеряла единство и целенаправленность, стала рассредоточенной, носила тактический, ситуативный характер.

Главными во внешней политике княжеств Северо-Восточной Руси в эту эпоху стали их отношения с Золотой Ордой. Русские

ГЛАВА 2

князя, будучи вассалами монголо-татарских ханов, не только платили им дань и несли другие повинности, но и подчиняли Орде свою внешнюю политику: по приказу являлись со своими войсками на помощь хану. Впрочем, вмешательство хана в международные контакты «Русского улуса» ограничивалось в основном случаями, когда эти отношения непосредственно затрагивали интересы Золотой Орды. В остальном князья имели возможность действовать самостоятельно, заключать договоры и вести войны, в том числе друг с другом.

Несмотря на связанные с нашествием монголов исключительные обстоятельства, русские князья продолжали враждовать между собой. Их многолетняя практика взаимодействия с половцами с целью устранения от власти своих соперников сыграла на руку захватчикам. Первое поражение от монголо-татар русские понесли еще в 1223 г. в ходе столкновения у реки Калки в Приазовье. Часть вины за это лежит на князьях Владимиро-Суздальской Руси, которые уклонились от участия в битве в составе объединенного русского войска. Битва на Калке была для монголов разведкой боем, укрепила уверенность степняков в своих силах, а неспособность русских князей к успешному совместному сопротивлению открыла хану Батюю дорогу на Русь. Во время осады Рязани в 1237 г. владимирский и черниговский князья не пришли на помощь окруженному монголо-татарами городу. И примеров такого поведения среди русских князей было немало.

На первом этапе монгольского нашествия усобицы и борьба за расширение уделов занимали в межкняжеской дипломатии гораздо большее место, чем общерусские устремления и сотрудничество. Этим воспользовалась Золотая Орда (основной регулятор межкняжеских отношений). В XIII—XV вв. главный смысл ордынской дипломатии заключался в поддержании в Северо-Восточной Руси такого баланса сил, который предотвратил бы ее централизацию и появление сильного русского княжества в качестве соперника. Поэтому ханы Золотой Орды часто сталкивали князей между собой, возвышая одних, унижая других, и наоборот. С 1240 г. в дипломатии русских князей начался новый этап. Их внешняя политика стала носить вассальный характер, полностью сфокусировалась на отношениях с Золотой Ордой и контролировалась ее правителями. В этот период активно действовал целый ряд русских княжеств, из которых крупных было два — Великое княжество Владимирское и Новгородская феодальная республика. От них от-

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ОРДЫНСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

делились 15 административно-государственных образований. Северо-Восточная Русь распалась на ряд самостоятельных княжеств: Тверское, Московское, Суздальское, Городецкое (с Нижним Новгородом) и др. Среди них один из князей получал от хана ярлык на великое княжение Владимирское. Ярлык давал ему преимущество над остальными князьями в сборе дани и обеспечивал формальное верховенство. От Новгорода отделилась Псковская земля. Из этих субъектов политики выжило и продолжило развитие в новом качестве лишь одно Московское государство. Остальные княжества сошли с исторической сцены: были поглощены Литвой или Москвой. Международные отношения Северо-Восточной Руси ограничивались Золотой Ордой, Византией, Литвой и торговыми сношениями Новгорода с немецкой и шведской Прибалтикой.

Проблема выживания в условиях господства Золотой Орды определяла направление и активность межкняжеской дипломатии в русских землях. В Северо-Восточной Руси происходили мало заметные, но имеющие большое значение для будущего русских земель изменения. Интенсивно развивались и набирали силу изначально небольшие и второразрядные уделы владимирских князей — Тверское и Московское княжества, которые с течением времени вышли на лидирующие позиции в этой части русских земель. Вместо централизованной внешней политики Владимиро-Суздальского княжества возобладал дуализм новых центров силы: Твери и Москвы. Другие княжества Северо-Восточной Руси шли в фарватере их политики. Московские князья стремились сосредоточить в своих руках все сношения с Ордой и не допускать самостоятельных действий других князей или по крайней мере контролировать эти сношения.

Значительную роль в русской истории сыграло Великое княжество Литовское. Русские удельные князья искали в Литве защиты от внешней угрозы. Ведь Литва, в отличие от Руси, не находилась в вассальной зависимости от Золотой Орды и монголо-татарское иго не распространялось на ее территорию. Русско-Литовское государство, объединившее в своем составе немало уделов центральных и западных русских княжеств, крупных боярских вотчин, быстро усиливается. Во второй половине XIV в. Великое княжество Литовское занимало огромную территорию — от Балтики до Черного моря. В него входили Киевское и Черниговское княжества, Брянская, Северская, Подольская земли, города Витебск, Туров, Пинск и Минск. Литовские князья правили в Полоцкой земле, при-

ГЛАВА 2

соединили часть территории бывшего Галицко-Волынского княжества. Собственно Литовская земля составляла $\frac{1}{10}$ территории этого государства.

Осуществляя территориальную экспансию, литовские князья задумали присоединить к себе все земли Центральной и Западной Руси, что никак не входило в планы Твери и Москвы. В начале XV в. воинственный князь Витовт, несмотря на неплохие отношения с Москвой и брак его дочери Софии с московским князем Василием I, занял в отношении Северо-Восточной Руси непримиримую позицию. Между Литвой, Москвой и Тверью развернулась упорная борьба за новые территории и первенство в русских землях. В этом соперничестве, как уже упоминалось выше, большая роль отводилась Новгороду, союз с которым обеспечивал безусловный перевес любой из трех сил. Другим важным союзником была Орда, чья поддержка наряду с консолидацией русских сил была залогом успеха в дипломатии русских князей. Ордынские ханы, рассматривавшие Литву как своего потенциального противника, оказывали поддержку Москве, подталкивая тем самым Тверь и Новгород к сближению с Литвой. Сформировавшаяся в Великом Новгороде сильная партия сторонников Литвы вызывала озабоченность в Москве и раздражала ордынских правителей. Взаимоотношения Литвы, Москвы и Твери представляли собой постоянные военные походы друг против друга и интенсивную межкняжескую дипломатию.

Аналогичная ситуация складывалась и в других частях пространства бывшей Киевской Руси, где в тяжелых для всех русских людей условиях господства монголо-татар преобладали локальные и личные интересы князей. На исходе XIV в. в результате военных столкновений и активной дипломатической борьбы более сильных соседей Галицко-Волынская (Червонная) Русь прекратила свое существование и была разделена между Литвой, Польшей и Венгрией.

Схожая судьба выпала на долю расположенного в центре русских земель Смоленского княжества. В XIV в. Смоленское княжество особенно сблизилось с Литвой. Великое княжество Литовское в тот период являлось центром объединения русских земель и консолидации антимонгольских сил, что привлекало к нему русских людей. Литва сыграла видную роль в организации отпора крестоносцам в Грюнвальдской битве 1410 г. Сближение Смоленска с Литвой вызвало недовольство в Орде, опасавшейся объединения

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ОРДЫНСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

вокруг Смоленска земель Центральной Руси, ухудшились его отношения и с зависимым от Орды Московским княжеством. В геополитических условиях начала XV в. попытки небольшого Смоленского княжества сохранить независимость были обречены на провал. В 1404 г. Смоленск пал под ударами многочисленного войска князя Витовта и был присоединен к Литве.

Договоры о союзе в условиях феодальной раздробленности на Руси заключались на взаимовыгодных условиях. Их основной целью была поддержка друг друга в трудных ситуациях. Ранее межкняжеские отношения определялись обычно устными «обетами», скрепленными клятвой, но в XIV–XV вв. договоры между князьями заключались уже в письменной форме. И международные, и межкняжеские соглашения утверждались целованием креста и заключались в форме «крестных грамот». Если посол оставлял «крестную грамоту» и уезжал, то это означало расторжение договора и соответственно разрыв отношений. Крестное целование имело условное значение, поскольку основывалось на уважении к обычаю и действовало лишь как моральное обязательство. Для большей уверенности в крепости достигнутого согласия участники договора обычно клялись у гробницы одного из почитаемых святых. Кроме того, гарантом заключенных между князьями соглашений был митрополит (он подписывал договорные грамоты). Иерархи православной церкви являлись проводниками идеи объединения Руси, использовали авторитет и влияние церкви для поддержки политики московских князей в этом направлении.

Видным дипломатом был митрополит Алексей, сумевший приобрести авторитет в Золотой Орде. Его усилиями после смерти великого князя Ивана Красного великокняжеское достоинство осталось за малолетним сыном князя Дмитрием (впоследствии прозванным Донским). Митрополит Алексей использовал влияние церкви и в борьбе Москвы против сепаратистских устремлений русских князей. Его помощником в этом деле был игумен Троицкого монастыря Сергей (Сергий Радонежский), который где словом, где нажимом успешно убеждал князей поддержать «общерусское дело» — направить усилия на объединение вокруг Москвы русских земель.

После объединения в 1385 г. Литвы и Польши стало очевидно, что единственной надеждой на возрождение Русского государства является Северо-Восточная Русь, где в острой борьбе за лидерство сошлись Тверь и Москва. Объективно они имели равные шансы

ГЛАВА 2

возглавить процесс объединения русских земель: находились в отдалении от границ как с Ордой, так и с Литвой и Ливонией, а соответственно были защищены от внезапных атак. Тверь и Москва стояли на землях, через которые проходили важные торговые пути. Исход борьбы между ними был predetermined в основном личными качествами их правителей.

Поскольку стать признанным лидером на Руси в то время было невозможно без поддержки Золотой Орды, оба княжества уделяли большое внимание своей ордынской политике. Верные принципу «разделяй и властвуй», ордынские ханы выражали благосклонность то Твери, то Московскому княжеству (в начале XIV в. оно еще было слабее Тверской земли). Тверь опережала Москву по численности населения и династическому старшинству, идущему от владимирских великих князей.

Москва и Тверь с переменным успехом неоднократно «отвоевывали» земли друг друга, обе стремились объединить Русь и выражали общерусские интересы в начавшейся исподволь во второй половине XIV в. борьбе с постепенно слабеющей Ордой. Победителю в этом соперничестве предстояло продолжить борьбу с Литвой, лидировавшей и в плане объединения русских земель, и в борьбе с ордынцами. Расклад сил был неустойчивым и не давал перевеса ни одной из сторон. Новгород, Псков и Смоленск колебались, предпочитая то Вильно, то Москву, тогда как Тверь оставалась потенциальным союзником Литвы. Литовский князь Ольгерд три раза — в 1368, 1371 и 1372 гг. — ходил на Москву, но она выстояла, организовав в ответ коалицию русских князей. В 1375 г. в походе Дмитрия Донского против Твери участвовали практически все князья Северо-Восточной Руси. И Тверь капитулировала. Тверской князь Михаил был вынужден разорвать союз с Литвой, признать старшинство московского князя и отказаться от ярлыка на великое княжение. В 80-е годы XIV в. земли Владимирского княжества фактически сливаются с территорией Московского княжества.

Победа Москвы над Тверью, а затем над Литвой и Ордой не была случайной. В ней проявилось совпадение объективных закономерностей политического и экономического развития той эпохи, в которой действовала Северо-Восточная Русь, с особенностями дипломатии и личными качествами московских великих князей. Москва в своем развитии прошла через несколько этапов, пока не вышла на общерусскую, а затем и европейскую арену. Главной задачей московской

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ОРДЫНСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

дипломатии в течение столетия (вторая половина XIV и XV вв.) было собирание земель и борьба за первенство в Северо-Восточной Руси. Московские великие князья проводили этот курс последовательно и непрерывно. Московская дипломатия отличалась целеустремленностью и смелостью в исполнении поставленных задач.

Увеличение размеров Московского княжества достигалось разными дипломатическими средствами: династическими браками, подкупом, экономическим давлением, войной или изгнанием того или иного князя из его собственного удела. Параллельно в отношении Золотой Орды Москва ведет тонкую, осторожную игру, чтобы раньше времени не привлечь внимание ордынских ханов к успехам своей межкняжеской дипломатии. Главная задача — обеспечить благосклонный нейтралитет Сарая. Хотя Орда традиционно не допускала чрезмерного усиления своих врагов, она все же проглядела возвышение Москвы. Регулярной выплатой дани, внешней покорностью и богатыми дарами московские князья усыпляли бдительность ханов. Чаще других из русских князей, утверждают современники, в Орду ездил князь Иван Калита (1325—1340) и был там желанным гостем. Его политику продолжали сыновья Симеон Гордый (1340—1353) и Иван Красный (1353—1359). Они превратили Москву в религиозный центр русских земель. Расширив свою территорию, московские князья вступили в борьбу с соседними княжествами за лидерство в Северо-Восточной Руси.

Даниловичи (потомки основателя династии князя Даниила Московского) оказались на высоте перед лицом стоявших перед ними исторических задач. Русский историк В.О. Ключевский так оценивал московских князей: им, «людям некрупным, пришлось «делать большие дела», образ их действий держался не на преданиях старины, а на расчетливом соображении обстоятельств текущей минуты». Они опирались на стратегию взаимоотношений с Ордой, разработанную Александром Невским, овладели методом такой дипломатии, в которой сочетались гибкость, умение хранить тайну, скрывать свои чувства, уверенность в собственных силах и спокойствие.

Яркий след в российской истории, в том числе в дипломатии, оставил князь Александр Ярославич Невский (1221—1263). В этом талантливом человеке дар полководца соединился с незаурядными способностями «государственного мужа» и дипломатическим искусством.

Возглавивший страну в тяжелейший период истории (XIII в. — время самого ужасного потрясения для Руси), князь много сделал

ГЛАВА 2

для Русской земли как полководец и государственный деятель. Сохранить государственность в XIII столетии в противостоянии с Золотой Ордой было чрезвычайно сложно. Лишь творческое применение военной силы и политических средств, помноженное на умелую и тонкую дипломатию, могло предотвратить гибель Руси, спасти ее народ от уничтожения.

Князь Александр твердой рукой управлял и вольным Новгородом, и находясь на великом княжении во Владимире. Невский понял глубокий смысл эпохи и действовал так, как требовали интересы Отечества. Он обезопасил Русь от татарских погромов, заложил основы взаимоотношений Руси с Ордой, наметив преемникам единственно верный в тех условиях путь, идя по которому его потомки — московские князья — пришли к освобождению от монголо-татарского ига и единому государству. Русь сохранила свободу вероисповедания, князь сумел удержать татар вдали: войска хана не оккупировали Русь, здесь не было татарской администрации. Зависимость русских земель выражалась в виде внешней покорности и выплаты дани, но русские сохранили свой язык, политическое устройство, управление и суд, а главное — возможность дальнейшего развития.

За короткую жизнь князь Александр провел не меньше 12 сражений, воевал со шведами, немцами, Литвой и всегда побеждал. Разгромив в 1240 г. шведских захватчиков на Неве и в 1242 г. немецких рыцарей-крестоносцев на Чудском озере, он пресек западный натиск на Русь и приобрел славу полководца, известного за ее пределами. Дружины Невского стояли на страже северных рубежей, защищая целостность государства, обеспечивая выход к Балтийскому морю и способствуя сохранению с участием Руси равновесия в Северной Европе.

Последователи Александра Невского умели сочетать внешнюю покорность со смелыми, порой дерзкими, но тайными действиями по ослаблению своих потенциальных врагов — будь то Тверское княжество, Новгородская республика, Литва или Золотая Орда. Они превзошли тверских конкурентов (тверские князья нередко выступали за силовой путь освобождения от монголо-татарской зависимости) в силе предвидения, в адекватной оценке мощи и стратегических возможностей Золотой Орды, наконец, в способности рисковать и жертвовать собой ради идеала: Московского княжества во главе Русских земель.

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ОРДЫНСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

Во внешней политике **Александр Невский**, князь-воин, чаще использовал дипломатию, чем силу. В России он считается покровителем дипломатической службы. Основы его внешней политики совпадают с принципами международного права, принятыми в XX в. лишь после Второй мировой войны. Как мыслитель и дипломат Александр Невский на 700 лет определил свое время. В его крылатом выражении «Не в силе Бог, а в правде» мы видим прямую связь с ключевым принципом международного права: неприменение силы или угрозы силой в отношении любого государства. В словах «Жить, не преступая в чужие части» находим совпадение с такими современными международными принципами, как неприкосновенность территориальной целостности государств и нерушимость их границ. В изречении «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет» улавливаем связь с предусмотренным ст. 51 Устава ООН правом государств на самооборону в случае агрессии.

Глубина мышления Александра Невского проявилась в его коротком и четко сформулированном внешнеполитическом завещании: «*Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке*». Оно перекликается с нашим временем и хорошо понятно в современной России. В период правления князя Северо-Восточная Русь начала использовать выгоды экономико-географического положения — «связующего звена» между Европой и Азией. Поэтому Александра называют «первым евразийцем», обозначившим Русь «мостом» между Востоком и Западом.

Александр Невский не забывал и о духовном суверенитете. При его поддержке в 1261 г. в Золотой Орде была создана первая за пределами Руси епархия Русской православной церкви. С тех пор русская дипломатия и православная духовная миссия шли рука об руку в продвижении интересов России.

Скончался князь в 1263 г. в городе Городце на Волге, возвращаясь на Русь после пребывания в Орде, — по некоторым сведениям, был отравлен. За воинские заслуги, труды по созданию условий для дальнейшего развития Руси, обеспечение свободы вероисповедания и поддержку миссионерства православная церковь причислила Александра к лику святых.

Разоренная монголо-татарским господством, разделенная на десятки удельных княжеств, Русь в течение более чем двух столетий последовательно, преодолевая преграды, шла к национальному единству. Великому князю Дмитрию Донскому (1353 – 1389) удалось решить целый ряд наболевших проблем. В 60 – 70-е годы XIV в. москвичи окончательно отразили притязания соседних князей на великое княжение. Ярлык остался в Москве. Удалось нейтрализовать военную угрозу Литвы. Москва добилась решающего перевеса над своим давним соперником Тверью. Самым важным было то, что впервые за более чем столетие, заручившись поддержкой большинства русских княжеств, московский князь смог бросить вызов Орде. В сентябре 1380 г. на Куликовом поле под его командованием впервые сражалось войско, представлявшее все русские земли. Известный историк и географ Л. Н. Гумилев пишет в этой связи: «Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, а вернулись оттуда русскими... Новая этническая общность — Московская Русь — стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения». Сама Куликовская битва была важнейшим мобилизующим событием в духовном возрождении Руси, формировании ее национального самосознания. Москва стала лидером русских земель.

Завершили объединение русских земель вокруг Москвы великий князь Иван III (1462 – 1505) и его сын Василий III (1505 – 1533). В это время закончился в основном процесс собирания русских земель вокруг Москвы. Важнейшим международным событием стало освобождение в 1480 г. Руси от монголо-татарского ига. Завершился процесс формирования единого государства. Иван III принял титул великого князя Московского и Всея Руси. Подытоживая более чем вековой процесс расширения Московского княжества, В. О. Ключевский констатирует: «Завершение территориального собирания Северо-Восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство».

Московские великие князья извлекли соответствующие своему времени уроки из феодальной раздробленности, из практики Новгородской феодальной республики и европейских монархических государств, сделав ставку на сильную абсолютную княжескую власть как гаранта поднимающегося сквозь хаос разваливающейся Золотой Орды нового единого Русского государства.

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ОРДЫНСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

Контрольные вопросы

1. Назовите исторические этапы развития российской дипломатии в Средневековье?
2. Какие основные функции осуществляла русская дипломатия в период монголо-татарской зависимости?
3. В чем была суть дипломатии московских князей?

Рекомендуемая литература

- Борисов Н. С.* Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., 1999.
- Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV — XV веков. М., 1986.
- Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспрос, 1994.
- Дипломатическая служба: Учеб. пособие / Под. ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2014.
- История России с древнейших времен до наших дней: Учебник: В 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М.: Проспект, 2016.
- Карамзин Н. М.* Предания веков. М.: Правда, 1988.

Глава 3

ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Новгородская феодальная республика — это тесно примыкающие к Балтийскому морю обширные земли северо-запада и севера, объединенные в X — XV вв. под властью Великого Новгорода в единое административно-государственное образование. На севере земли Новгородской республики раскинулись от Финского залива до Урала, на юге они простирались от Северного Ледовитого океана до Торжка. Сегодня на этой территории располагаются несколько областей и национальных округов России.

В раннем Средневековье Великий Новгород уже был одним из крупных городов в Европе. Занимая выгодное географическое положение на пересечении торговых путей, связывавших Балтийское и Черное моря, Новгород был важным торговым центром, славился развитыми ремеслами и различными промыслами. Ремесло имело узкую специализацию — с преобладанием металлообработки. Особой отраслью было производство оружия. Кроме того, в Новгороде процветали ювелирное дело, деревообработка, керамика и выделка кожи.

Исторически Новгород имел прочные связи со Скандинавией. Из Варяжской земли пришли на Русь первые князья, туда же они часто направлялись для набора войска. Скандинавские земли и города вели с Новгородом интенсивную торговлю. В Новгородской земле обосновались датчане, немцы, голландцы. Традиционно связь Новгорода с Балтикой и Восточной Европой была устойчивой и разносторонней. В XIV — XV вв. Новгород становится участником

ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

крупнейшего торгового союза Европы — Ганзы, объединившего в рамках Балтийской торговли купеческие корпорации северо-европейских стран. Наряду с торговыми факториями Ганзы в Лондоне, Брюгге, Антверпене на территории средневекового Новгорода существовали Немецкий и Готский дворы, которые являлись иностранными торговыми представительствами.

О развитом характере международно-правовых отношений с Западом свидетельствует модельный Договор Великого Новгорода с Готландом и немецкими городами 1189 г., в котором широко действовали как положения «Русской правды», так и нормы права, утвердившиеся тогда на Готланде, в Любеке и других немецких городах. Общие представления о праве сделали возможным быстрое приспособление норм как древнерусского, так и древнемецкого права к нуждам внешней торговли и международных отношений в целом. Равноправие сторон в договоре подтверждается тем, что если в немецкой земле будет убит посол Новгорода, то за него немцы обязаны платить такую же виру, какую обязаны выплатить новгородцы за убитого ими немецкого посла. Важным пунктом для новгородских и немецких купцов стала отмена «берегового права», наносившего ощутимый вред морской торговле, по которому если потерпевший кораблекрушение купец был вынужден разгрузить корабль, вынеся товары на берег, то они становились собственностью владевшего берегом. Эти статьи договора, а также признание нормой того, что незаконченные судебные тяжбы не могут служить препятствием для отъезда на родину иностранных купцов, способствовали развитию торговых отношений. Договор 1189 г. и аналогичные ему договоры с Ганзой 1269 г., с Ливонией и Ригой 1284 г. документально закрепили признание европейцами норм русского права и также свидетельствовали о наличии политических и торговых связей Новгорода с Западом, прежде всего тесного общения с Готландом и немецкими городами.

Экономика Новгорода основывалась на внешней торговле (продажа пушнины, меда, воска, пеньки, льна) и реэкспорте европейских товаров в глубь Руси, а также на эксплуатации природных ресурсов. Особой статьей доходов была дань, взимаемая с зависимых от Новгорода периферийных территорий и населяющих их народов.

Внешняя торговля была источником, основой политики (ориентация на Запад) и международного статуса Великого Новгорода. Находясь между Западом и остальной Русью, Новгород (его правя-

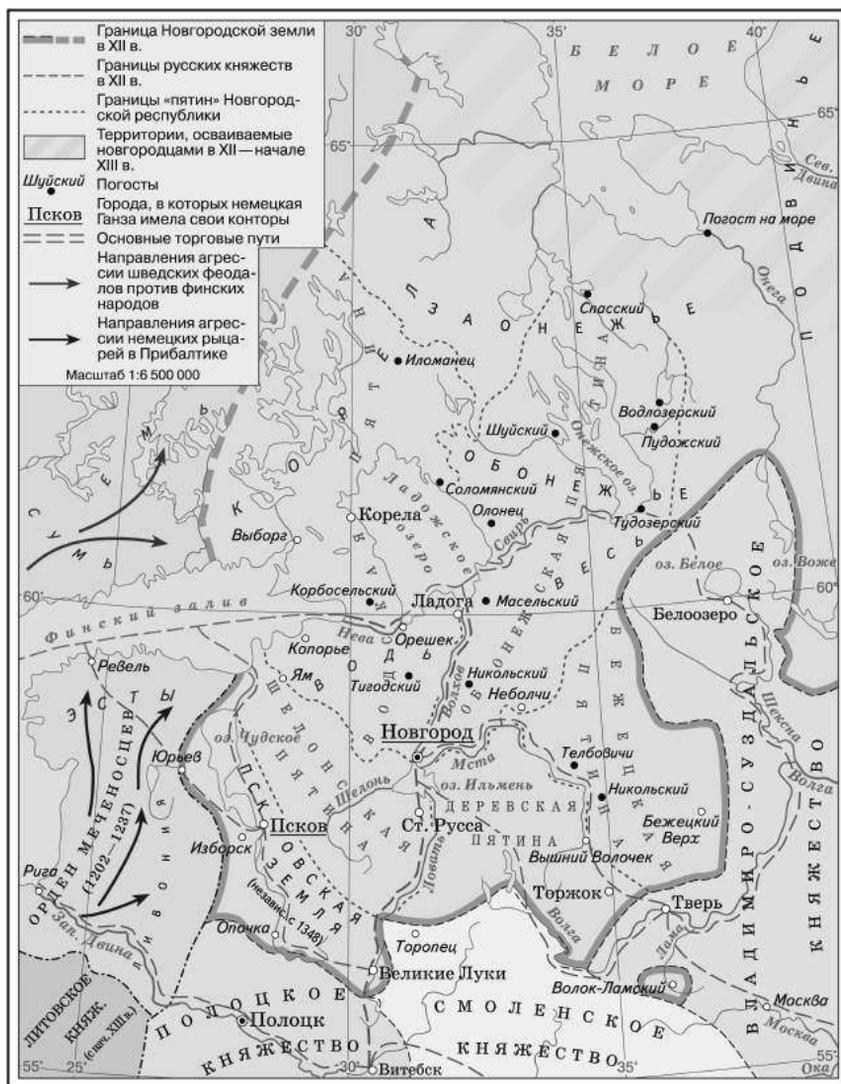

Рис. 3. Господин Великий Новгород

ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

щая верхушка) все же больше тяготел к Западу. Смена основного вектора внешних связей была для него равносильна потере особого статуса Новгородской республики. Поэтому новгородская аристократия, хотя ее дипломатическая ориентация вошла в серьезное противоречие с внешнеполитическими устремлениями Великого княжества Московского, упорно держалась за связи с Западом.

Обладая отличным от других русских городов статусом, Новгород на Руси был особым городом. На ранней стадии развития Древнерусского государства он являлся частью Киевской Руси и подчинялся великому князю. Но затем в результате дробления Киевской державы и своего внутреннего развития Новгород в XII в. стал самостоятельной феодальной республикой, в которой высшим органом власти было общее собрание мужского населения города — вече, обладавшее широкими полномочиями. Новгород приглашал к себе князей, с которыми подписывал договор, где обговаривались условия их деятельности. Князья защищали город от внешних врагов и были высшей судебной властью. Правительство Новгорода представляли посадник и тысяцкий. Посадник избирался из числа новгородской знати. Вместе с князем он имел право судить и управлять, выполнял дипломатические функции, вел переговоры с другими княжествами и зарубежными государствами.

Зарождение внешней политики Новгорода относится к временам Киевской Руси, когда правившие в Новгороде от имени великих киевских князей наместники (их сыновья) совершали походы на финские и прибалтийские племена с целью их подчинения и получения дани. Собственно новгородской внешней политикой Северо-Западной Руси становится в период существования самостоятельной республики (в 1136 — 1478 гг.). Ее основными задачами были укрепление международных позиций, охрана границ и содействие торговле. Хотя Новгород и был вовлечен в политическую систему Великого княжества Владимирского, в силу ограниченности полномочий князя он располагал свободой в решении важнейших вопросов своей жизни, включая внешнюю политику и дипломатию. Характерным примером в этом плане является заключение новгородских договоров XIV — XV вв. Они оформлялись от имени великого князя, но фактически заключались выборными властями Новгородской республики — архиепископом, посадником и тысяцким.

В Новгородской феодальной республике руководство внешней политикой было децентрализованным и многоступенчатым. В разработке и принятии внешнеполитических решений участвовали

ГЛАВА 3

эксперты и ряд различных государственных структур. Правом окончательного вердикта по принципиальным внешнеполитическим вопросам наделялось вече. Посадник — глава исполнительной власти — отвечал за принятие непосредственных решений по вопросам внешней политики и их практическое исполнение.

Видное место в дипломатии Новгорода занимала православная церковь. Новгородский владыка¹ наряду с посадником играл большую роль во внешней политике. На архиепископа возлагалась обязанность разработки внешнеполитического курса и участия в значимых межгосударственных акциях. Переговоры как с немцами и шведами, так и с великим князем Владимирским проходили при его непосредственном участии. Договоры заключались по его «благословению», а договорные грамоты вместе с посадником и тысяцким архиепископ скреплял своей печатью. Новгородский владыка являлся также посредником между Новгородом и великим князем Владимирским. Канцелярия архиепископа обеспечивала переводы и грамотное оформление дипломатических документов. Выдвижение архиепископа на роль ведущего в иностранных делах лица обуславливалось политическим влиянием церкви и чисто практическими соображениями. Служители церкви были наиболее грамотными людьми, пользовались большим доверием, чем светские власти, а главное — владели двумя самыми нужными иностранными языками: греческим, что было важно для общения с Византией, и латинским (язык дипломатических документов) для обеспечения контактов с Европой.

Тысяцкий, так же как и посадник, активно участвовал в принятии решений, но его основной задачей было обеспечение низовой поддержки всем населением внешней политики, проводимой новгородской верхушкой. Участие князя во внешней политике ограничивалось ролью советника по внешнеполитическим вопросам, когда это касалось ведения войны и обеспечения безопасности Великого Новгорода. Князь также участвовал в обсуждении иностранных дел, но имел совещательный голос.

В XIII в. монголо-татары не дошли до Новгорода. Новгородская земля вместе с Псковом не пострадали от нашествия кочевников. Новгородская республика, как буферная территория, устраивала и Запад. Европейские страны не хотели войти в непосредственное соприкосновение с Золотой Ордой. Тем не менее Новгород

¹ Владыка — новгородский архиепископ.

ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

и Псков разделили судьбу покоренных русских городов и выплачивали дань Орде. Господство на Руси Золотой Орды разрывает естественные внешние связи Новгородской республики с Киевским и Владимирским княжествами. Новгород все больше сближается с Северо-Западной Европой, видя в ней основного внешнеполитического и торгового партнера.

Несмотря на эти специфические черты, внешняя политика Новгородской республики всегда была составной частью общерусской внешней политики. Дипломатия Новгорода в отношении Орды тесно увязана с его отношениями с Москвой. Новгородцы отдают дипломатические контакты с Ордой на откуп московским князьям, своими руками сужая возможности дипломатии на одном из ключевых направлений внешней политики. Князь Александр Невский, а позднее московские князья использовали свои связи в Орде для продвижения внешнеполитических интересов Руси на северо-западном (Новгород) направлении. Осторожной и дальновидной политикой по отношению к Золотой Орде они стремились достичь общерусских целей — обеспечения безопасности границ и торговли на Западе, а также решить конкретные задачи в дипломатической сфере на северо-западных рубежах Руси.

Насыщенная драматическими событиями история Новгорода X—XV вв. подчеркивает большое значение Новгородской республики в борьбе за независимость Русской земли от внешних врагов. Продолжительные войны Новгорода как западной окраины Руси не были просто пограничными военными конфликтами. Это было упорное противодействие инспирированной Западом при активной и направляющей роли римского папы целой исторической волне экспансии против Руси.

Дипломатия Ватикана оказывала сильное влияние на ход политической истории Средневековья, а само папство представляло признанную международную силу. Дипломатия была политическим оружием Святого престола порой в большей степени, чем его духовный авторитет. В дипломатии Ватикан, как и светские государства, часто пользовался такими неприглядными средствами, как насилие и обман. В 1204 г. крестоносцы взяли Византию и утвердили там свой порядок. Усилился поощряемый Ватиканом натиск на Польшу, Галич и Литву. Были созданы Ливонский и Тевтонский ордены. Немецкое продвижение на восток являлось одним из звеньев в политике папства, стремившегося к установлению гегемонии Рима в Европе. Речь шла о начале крестоносной экспансии против

ослабленной монголо-татарским нашествием Руси. Наступала на русские земли и Швеция.

Борьбу с европейскими завоевателями вместе с Новгородом вел Псков (Псковская земля была политически самостоятельной и не подчинялась Новгороду). Он стоял на западном рубеже Руси и первым принимал на себя удары агрессоров. Поскольку потенциал Пскова был намного меньше новгородского, в кризисных ситуациях новгородцы всегда приходили на помощь младшему брату. Псков был такой же феодальной республикой, как и Новгород, и являлся буфером между Новгородом и Ливонским орденом. Благодаря этому новгородцы были предупреждены о вторжениях с одного из самых опасных направлений (западного) своей обороны. Новгороду было выгоднее помогать Пскову в борьбе с тевтонами, чем непосредственно отражать их нападения, хотя временами новгородцам приходилось самим сражаться с ливонскими рыцарями.

Псковская республика обращалась за помощью против западных интервентов не только к Новгороду, но и к Москве. Делала она это по разным причинам. Новгород не всегда мог оказать необходимое содействие. К тому же помощь Москвы позволяла Пскову вести себя более независимо по отношению к Новгороду. Интерес же Москвы был двоякий: она участвовала в общерусском отражении вооруженного западного натиска и укрепляла свое влияние на Псков, используя его в своей борьбе против Новгорода, особенно когда в Москве был взят курс на ликвидацию новгородской вольницы.

На западных и южных рубежах Новгородской республики образовались сильные государства: Швеция, Ливония и Литва. Ливония и Швеция методично оттесняли Новгород от Балтийского побережья. В ответ на вылазки шведов московский князь Юрий Данилович осуществил поход силами Новгорода и Москвы на шведскую крепость Выборг, но не смог ее взять. По Ореховецкому мирному договору 1323 г. (подписан в крепости Орешек) Карельский перешеек и берега Невы оставались за Русью, но шведы сохранили свои владения в Финляндии.

К началу XIV в. на Кольском полуострове и в Карелии, где проживали финны, карелы, саамы, не имевшие четких государственных образований, столкнулись интересы шведов, норвежцев и русских. Возникла необходимость разграничения сфер влияния, которое было осуществлено 3 июня 1326 г. в Великом Новгороде

ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

договором «о вечном мире»¹. Была подтверждена законность границы, установленной еще при Александре Невском в 1251 г. Стороны договорились о свободе торговли для купцов Норвегии (тогда часть Шведского королевства) и Новгородской республики.

В ходе длительных войн Новгороду пришлось уступить часть своих обширных периферийных владений, которые он был не в состоянии защищать. Свои же исконные земли новгородцы считали священными и были готовы отстаивать их до последнего. Соседние страны это хорошо понимали. К тому же за спиной Новгорода стояло Великое княжество Владимирское — вассал Золотой Орды, которая попытки немцев, шведов, датчан и литовцев завладеть землями Северо-Восточной и Северо-Западной Руси рассматривала как покушение на свои владения. Новгород, Владимирское княжество, позднее Москва нередко в противоборстве с Западом получали военную помощь Орды. Поэтому даже при удачных войнах воинственные соседи Новгорода чаще довольствовались откупом, чем решались посягать на земли республики.

Твердость, решимость и сила новгородцев в битвах на Неве, при Чудском озере и под Раковором (XIII в.) поставили прочный заслон агрессии крестоносцев и шведов на северо-западных рубежах Руси. Но дипломатическая борьба за Балтийское побережье, за торговые пути в Северной Европе, как и попытки с помощью оружия изменить ситуацию в свою пользу, никогда не прекращалась.

С конца XIV в. за владение Новгородом развернулось острое соперничество между Литвой и Великим княжеством Московским. «Обросшая» землями, недвижимым имуществом и капиталами новгородская аристократия думала о том, чтобы отколоться от Руси и присоединиться к католической Литве, но симпатии простого населения были на стороне Москвы.

Борьба Москвы за овладение Новгородом завершилась при великом князе Иване III, который придавал большое значение присоединению Новгородской земли. Договор Новгорода с Литвой, который в Москве расценили как предательство новгородским боярством общерусских интересов, явился для Ивана III удобным поводом для похода на Новгород. В 1471 г. в битве на реке Шелони новгородское ополчение было разгромлено. В 1478 г., используя не-

¹ От имени норвежского короля Магнуса II Эрикссона соглашение было подписано членом королевского совета Х. Эгмундарсоном, от Великого Новгорода — архиепископом Моисеем, посадником Варфоломеем Юрьевичем и тысяцким Остафием Дворянинцем. Установленная в то время граница существует и поныне.

довольство части новгородского населения, Иван III отменил вече и оставил в городе двух наместников для управления. Так закончилось существование вольной Новгородской республики. Присоединение Новгорода к Москве в 1478 г. создало прочную основу для формирования единого Русского государства. Из раздробленной державы Русь превратилась в могучую страну, вызывавшую настороженность и опасения у ее соседей. Продолжая политику объединения земель вокруг Москвы, сын Ивана Васильевича великий князь Василий III в начале XVI в. присоединил к Москве Псков.

Покорив Новгород, Москва в качестве внешнеполитического наследства получила его прежние связи с Европой — отношения с Литвой, Ливонией, Швецией и Норвегией. Особенно важными среди них были отношения с Ливонией, поскольку они касались не только внешней политики, но и торговли. Большая часть внешней торговли Руси с Западной Европой шла в то время по Балтийскому морю через ливонские порты, главным образом через Ригу и Ревель. Северо-западные соседи Новгорода по традиции поддерживали дипломатические отношения с Москвой через новгородских наместников великого князя.

Однако Москва не захотела использовать этот уже опробованный путь на Запад. Покончив с независимостью Новгорода, Иван III наносит смертельный удар по основе новгородской политической обособленности — ликвидирует новгородскую торговлю с Европой, решительно рвет связи с Ганзой. Дело в том, что европейские купцы отнюдь не склонны были допускать свободную конкуренцию, а стремились к монополии. Торгуя в Новгороде, русских на свои рынки они не допускали. Обычным делом были убийства и ограбления новгородских купцов, рискнувших отправиться на Запад, а их товары потом открыто продавались в Любеке. Недовольный засильем Ганзы на Балтике, Иван III изгнал немецких купцов из Новгорода. В 1494 г. ганзейская контора в Новгороде была закрыта, а находившиеся там товары конфискованы.

Контрольные вопросы

1. Какое место во внешней политике Великого Новгорода занимала православная церковь, роль архиепископа в дипломатической практике феодальной республики?
2. Назовите основные географические направления дипломатической активности Новгорода.
3. Сформулируйте характерные черты модельного договора Новгорода с ганзейскими городами.

ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Рекомендуемая литература

Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.

Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспрос, 1994.

История России с древнейших времен до наших дней: Учебник: В 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М.: Проспект, 2016.

Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1988.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Глава 4

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ДИПЛОМАТИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XV–XVI ВЕКАХ

С образованием на основе Северо-Восточной Руси российской государственности и восстановлением независимости от Орды изменилось геополитическое положение Московского государства. Московское княжество находилось внутри русских земель, с разных сторон оно прикрывалось другими русскими княжествами. Со второй половины XV в. эти буферные зоны исчезают, оставляя новое государство один на один с иностранными державами (рис. 4). «Изумленная Европа, — отмечает К. Маркс, — в начале княжения Ивана III едва ли подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на своих восточных окраинах». В широком смысле это утверждение справедливо, но в узком, конкретном понимании вопроса, вопреки устоявшимся представлениям, Россия не была отделена от Европы непреодолимыми барьерами. Итальянцы (фрязины) из причерноморских генуэзских колоний контактировали с Московским княжеством еще при Иване Калите, регулярно посещали Москву. Через Новгород активно шла торговля с Западной Европой. Во времена князя Василия II Темного в Московское княжество стали проникать венециан-

цы. Ватикан же периодически направлял в Москву своих представителей, побуждая Русь присоединиться к Флорентийской унии¹.

С изменением внешнего окружения меняется и внешняя политика московских князей. Появляются новые субъекты политики, расширяется круг дипломатических партнеров. Начиная с Ивана III московская политика выходит на широкую международную арену: Москва устанавливает сложные дипломатические отношения с европейскими странами.

Московское государство сложилось на северо-восточных и северо-западных землях бывшей Киевской Руси, а ее южные и юго-западные земли находились в составе Польши, Литвы и Венгрии. Успехи Москвы в создании нового государства способствовали росту ее международного авторитета. С новым субъектом европейской политики спешат установить отношения западноевропейские страны, в том числе Римская курия и германский император. Московское государство становится признанной европейской державой.

Вместе с повышением роли и влияния Московского государства на международной арене средневековой Европы меняется программа его внешней политики. В ее основу положены две ключевые идеи о московском государе как о правителе всей русской земли и как о политическом и духовном преемнике византийских императоров. В Москве разрабатываются теории о месте Руси среди других государств мира, о русской государственности. После захвата Константинополя османами в 1453 г., когда Россия стала крупнейшим в мире православным государством, мысль о Москве как о преемнице Восточной Римской империи трансформируется в теорию «Москва — Третий Рим». Концепция, сформулированная в соответствии с господствовавшим тогда миропониманием и духовными запросами общества монахом псковского Елеазарова монастыря Филофеем, возлагала на Московское государство миссию «Третьего Рима». Она теоретически обосновала мессианские представления о роли и значении России, которые сформировались в московских верхах в ходе образования единого государства.

Идея «Третьего Рима» возникла не на пустом месте и отражала мощное влияние православной церкви на развитие философской и политической мысли в средневековой Руси, в том числе ее дипломатии. Существовавшие в то время в Западной Европе и Москов-

¹ Флорентийская уния — договор об объединении, заключенный в 1439 г. между православной и католической церквями, подчинивший Риму греко-православную церковь.

Рис. 4. Границы Московского государства к концу XVI в.

ском государстве модели дипломатии при их внешней схожести по своей сути отличались друг от друга. Западная модель профессиональной дипломатии сложилась и действовала в условиях секуляризации и светского государства. В основе московской модели дипломатической службы лежала унаследованная Киевской Русью от Константинополя и предусматривавшая совместное управление государством идея «симфонии» светской и церковной власти. Поэтому иерархи православной церкви, будучи советниками государя по международным делам, оказывали большое влияние на внешнюю политику и дипломатию страны.

Иван III поставил перед московской дипломатией задачу возвращения всех русских земель, ранее входивших в состав Древнерусского государства. На переговорах о мире с Литвой в 1503 г.

московские бояре от лица Ивана III настойчиво заявляли польско-литовским послам: «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся русская земля из старины от наших прародителей наша отчина». Московский государь заявил о своем неотъемлемом праве на исторические русские земли, в том числе находившиеся на тот момент в составе Литвы. По заключенному с великим князем Литовским Александром перемирию к Русскому государству перешли Чернигов, Новгород-Северский, Гомель и Брянск. Союзник Литвы ливонский магистр обязался выплачивать ему ежегодную дань за владение Дерптом (Юрьевом).

Новая внешнеполитическая программа Московского государства нашла отражение в дипломатических документах, где она излагалась ранее не использовавшимся торжественным и цветистым языком, в новых государственных титулах, появившихся в указах от имени московского государя, и, конечно, в военных походах против Литвы. После ликвидации монголо-татарской зависимости Иван III в сношениях с иностранными правителями называет себя уже не московским князем, а государем Всея Руси. В дипломатических документах его имя стали излагать в церковно-книжной форме «Иоанн Божиею милостью государь Всея Руси».

Определенную роль в реализации этой программы сыграл династический брак Ивана III с византийской царевной Софьей Палеолог в 1472 г. Бракосочетание было организовано при посредничестве самого римского папы и, говоря современным языком, стало сильной пропагандистской акцией, позволившей тогдашней Европе лучше узнать Московское государство. Брачное родство с Византией подкрепило усилия российской дипломатии представить Москву внешнему миру как преемницу некогда могущественной Восточной Римской империи: московский князь теперь считался единственным оставшимся в мире независимым православным государем. Почувствовав себя правителем мощной державы и преемником дома византийских императоров, Иван III усилил династическую связь с ними через принятие Московским государством византийской символики в виде двуглавого орла. В изменении формы обращения к правителю Московского государства и новой символике просматривается не тщеславие Ивана III, а глубокий смысл. Тем самым московский государь хотел подчеркнуть, что Московия стала полностью независимой державой, вышла на уровень региональных империй, какими в свое время были Византия и Золотая Орда.

Московское государство вошло в уже сложившуюся в Европе систему государств как крупный и независимый субъект международной политики. Активная дипломатия, осторожность и трезвый расчет Ивана III в международных делах позволили России, не претендуя на ведущую роль в Европе и не вступая в соперничество за лидерство, занять в ней к началу XVI в. авторитетное положение.

Европейская дипломатия также ищет пути интеграции России в Европу, которые не ущемляли бы европейских интересов. Захват Константинополя и нависшая над Южной Европой турецкая угроза вынуждают европейские страны усилить контакты с Москвой в попытках привлечь ее к формирующемуся европейскому союзу против турок. Особую активность в этом плане проявили дипломаты Святого престола и Венецианской республики. Однако как выдающийся дипломат своего времени Иван III четко определил стратегические горизонты внешней политики Московского государства. Противоборство с Турцией не входило в его планы и не отвечало русским политическим и экономическим интересам того периода. К тому же в целях развития своей черноморской торговли Московское государство было заинтересовано в добрых отношениях с Турцией. В ответ на посул «константинопольской отчины» в Москве отвечали, что «князь великий хочет отчины своей земли Русской». В 1485 г. турецкий султан выразил готовность установить с Москвой прямые связи. В 1496 – 1497 гг. в Турции вели переговоры русские дипломаты.

Стремясь вернуть русские земли, входившие в тот период в состав Польско-Литовского государства, московское правительство рассчитывало на создание против Литвы союза с крымским ханом Менгли-Гиреем и молдавским господарем Стефаном III, с которым были установлены дипломатические связи. Добиваясь союза с Менгли-Гиреем, имевшего для Руси стратегическое значение, Иван III не считался с уступками, не жалел даров для хана и его приближенных. Русской дипломатии удалось заключить союз с Крымом и Молдавией и в дальнейшем использовать набеги крымских татар и походы Стефана в Литву в своих интересах.

В конце XV в. московское правительство завязало дипломатические отношения с Венецией, Генуей, Неаполем, государствами Кавказа и Средней Азии. В 1482 – 1484 гг. великокняжеский дьяк Ф. Курицын находился со специальной миссией в Молдавии и Венгрии, где вел переговоры с венгерским королем Матвеем Корви-

ном. Германский император Фридрих III направил в Москву посла, чтобы просить у московского государя руки одной из его дочерей и в награду предложить ему королевский титул. Поблагодарив императора, Иван отверг это предложение, дав понять немецкому послу, что является государем всех русских земель, а его статус ничуть не ниже королевского. Иван III уделял большое внимание региону Балтийского моря, наметил линию отношений Москвы с расположенными на северо-западе государствами: Литвой, Ливонией, Швецией, Норвегией, Данией. Без доступа к гаваням на Балтике внешняя торговля Московской державы была обречена на застой. Новое государство остро нуждалось в европейской технике и специалистах.

Уделяя большое внимание Востоку, Москва со всей серьезностью отнеслась к путешествию русского купца Афанасия Никитина (автор записок «Хождение за три моря») в Индию и другие восточные страны. Никитин был не только первым русским, но и одним из первых европейцев, побывавших в этой далекой стране. Его сведения об Индии, безусловно, были интересны и полезны с точки зрения расширения как кругозора, так и возможного использования в дипломатической практике Московского государства. Ведь купцы нередко выполняли дипломатические поручения великого князя, входили в состав его посольств.

Одним из направлений русской дипломатической деятельности в то время были религиозные миссии. До нас дошли свидетельства купцов, дипломатов, паломников, совершавших поездки в иные страны. В XII – XV вв. систематически осуществлялись путешествия русских паломников по Святым местам. Паломничество было распространенной формой приобщения к христианским святыням, установления торговых и политических контактов с иноземными государствами, а также использовалось для сбора информации. Хождениям в Святую землю придавалось большое значение, а заметки паломников (своего рода официальные отчеты о поездке) использовались при решении государственных задач. Например, сделанное Игнатием Смольнянином описание обряда коронации в Константинополе уже в XVI в. легло в основу документа, по которому разрабатывался русский обряд возведения на престол.

Дипломатия Московского государства тесно связана с деятельностью Ивана III, которого современники именовали Державным и Великим.

Как историческая личность **Иван III**, безусловно, стоит в одном ряду с выдающимися правителями России, такими как Иван IV, Петр I и Екатерина Великая. Значение его исключительных деяний хотя и признается историками, но незаслуженно отходит на второй план, уступая первенство его более известному внуку Ивану IV. Как государь и правитель он сделал для России больше, чем его неуравновешенный, хотя и не менее выдающийся внук.

Величие Ивана III в том, что еще при жизни он увидел плоды задуманного: ведь на решение таких масштабных исторических задач порой уходят столетия. В отличие от Ивана Грозного он достиг впечатляющих результатов на всех направлениях государственной деятельности. Был успешен в дипломатии, в государственном строительстве и во внутренних делах, в области культуры и других сферах, неизменно побеждал в инициированных им военных кампаниях. Под его руководством осуществилась подавленная монголо-татарским нашествием, но не сломленная мечта о воссоединении русских земель: русские сбросили монголо-татарское иго, создали единое могучее государство.

Личность Ивана III противоречива. В нем не было резких эмоциональных порывов, удали полководца, но за трезвым расчетом всегда стояли высокие государственные цели. Князь был строг, но не опускался до бездумной жестокости и, как свидетельствовали современники, «не гневался на сказанное ему в упрек мудрое слово». Он никогда не торопился, но, поняв, что время пришло, действовал быстро и решительно. Используя передовой опыт западноевропейской науки и техники, поощрял технологические новшества.

В ярких тонах об Иване III пишет Н. М. Карамзин: «Иоанн, рожденный данником степной Орды без учения, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней: силою и хитростию восстанавливая свободу и целостность России, губя царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, расширяя владения московские до пустынь сибирских и норвежской Лапландии... Иоанн как государь стоит на высшей ступени величия. ...Что оставил миру Александр Македонский? — славу. Иоанн оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, еще

сильнейшее духом правления, то, которое ныне с гордостью именуем нашим любезным отечеством».

Как дипломата Ивана III отличало умение использовать в своих интересах благоприятные условия международной обстановки. Он старался сначала разъединить и рассорить противников, а потом заключить с ними мир поодиночке на выгодных для себя условиях. На военные столкновения великий князь шел в исключительных случаях, когда оказывались исчерпанными все другие средства. Иногда он лично вел дипломатические переговоры, в частности о браке своей дочери с великим князем Литовским Александром, с которой затем поддерживал тайную политическую переписку и получал нужные ему сведения.

Создание Русского централизованного государства повлекло за собой возникновение новых общегосударственных эмблем, символизирующих территориальное единство бывших княжеств, объединенных под властью великого князя Московского, могущество и суверенитет государства. Государственная печать Ивана III изображала две эмблемы (всадник, поражающий копьём дракона, и двуглавый орел с распростертыми крыльями). Позднее они составили герб нового государства. Печать олицетворяла всеилие, главенство и единодержавие, проповедовала идею государственности. Она скрепляла документы, подтверждающие полномочия русских послов. С конца XV в. в Москве и других русских землях утвердился новый термин «Россия».

В этот период, охватывавший и начало XVI в., в России складывались посольские обычаи. Например, прибывший на аудиенцию с государем посол предъявлял верительную грамоту и удалялся в одну из палат Кремля. К послу являлась назначенная для переговоров ответная комиссия. Ее задача — выслушать посла и передать сказанное главе государства. Комиссия получала наказ о ведении переговоров.

Московская дипломатия была централизованной. Послы беспрекословно подчинялись инструкциям, их речи на переговорах были заранее написаны. Иван III сурово пресекал всякое «высокоумничание» со стороны послов и других своих дипломатических представителей. В это время проявились сильные стороны московской дипломатической школы: четкая последовательность в достижении поставленных целей, хорошее знание существа и истории вопроса, высокое чувство достоинства представителей Русского государства на международных переговорах.

Расширение дипломатических связей, установление с образованием Московского государства контактов с ранее малоизвестными странами, повышение статуса новой державы, ее роли в международных делах средневековой Европы и Средиземноморья, усложнение и идеологизация российского протокола требовали создания особого ведомства для руководства дипломатической деятельностью. При Иване III такого учреждения еще не существовало. Постепенно складывалась система органов государственного управления: Боярская дума (совет феодальной знати при великом князе), Казна (центральный административный орган, из которого позднее выделились органы центрального управления). Вопросы внешней политики обсуждались и решались самим великим князем совместно с Боярской думой, в компетенцию которой входили прием иностранных послов, проведение переговоров, составление и оформление документации. Из посольских документов того времени известна формула решений Боярской думы: «по государеву указу и боярскому приговору». Эта формула определяла значимость документа.

Прием и обслуживание иностранных послов, организация их встреч с государем возлагались на казначеев великого князя, исполнявших в то время функции министров финансов Московского государства. Казначей являлись также постоянными членами ответных комиссий. Казенный двор был одним из первых учреждений по внешним сношениям России и одновременно хранилищем дипломатических документов. Помимо казначеев дипломатические поручения выполняли и дворецкие. Дьяки Большого дворца принимали участие в размещении и устройстве иностранных дипломатов на подворьях. Они также были участниками переговоров с иностранными послами и зачастую сами выезжали за рубеж в качестве дипломатических представителей. Однако собственно дипломатические вопросы поручались особо доверенным лицам. Так, в 80-х годах XV в. появились посольские дьяки, которые на постоянной основе занимались внешнеполитическими делами.

Поскольку систематическая подготовка дипломатических кадров на Руси не велась, а владеющих иностранными языками, грамотных людей с широким кругозором было немного, первое время великому князю приходилось нанимать на службу иностранцев. Главным образом это были греки и итальянцы, которых использовали в качестве послов. Ловкие, оборотистые, знающие европейские порядки и международную обстановку на Западе, они ока-

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ДИПЛОМАТИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА...

зались полезными как дипломаты. Однако довольно скоро рядом с иностранцами на дипломатической службе появились и русские. Иностранные источники, например, с уважением свидетельствуют о дьяке Дмитрие Герасимове, который при великом князе Василии III многократно выполнял дипломатические поручения Москвы в Риме, Вене, в Дании, Пруссии и других государствах.

Стремясь держать под личным контролем все нити внешней политики, великие князья, Иван III в том числе, длительное время не допускали ее сосредоточения в руках какого-либо одного лица. В этой связи дипломатические поручения давались разным людям, которые нередко совмещали их с чисто административными и другими вопросами.

Контрольные вопросы

1. Когда в России сформировались зачатки профессиональной дипломатии и кого можно называть первыми дипломатами?
2. Как использовалось паломничество в дипломатии московского государства?
3. Назовите сильные стороны московской дипломатической школы.

Рекомендуемая литература

Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000.

Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экопрос, 1994.

История России с древнейших времен до наших дней: Учебник: В 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М.: Проспект, 2016.

Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1988.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

Глава 5

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI–XVII ВЕКАХ

В середине XVI в. развитие Московского государства (усиление государственности, централизация управления, ликвидация остатков удельной раздробленности) приводит к дальнейшей концентрации власти в руках государя. «Государственный интерес» начинает рассматриваться как высший приоритет в политике. По существу, этот «государственный интерес» — интерес господствующего класса, но он поднимается до уровня «общего блага». Это «общее благо» может и должно достигаться государством в случае необходимости даже путем насилия.

Сложившаяся при Иване IV система авторитарного управления имела отдельные элементы восточных деспотий. Государь Всея Руси обладал гораздо большей властью, чем европейские монархи. Однако государственность в Московском царстве нельзя сводить только к самодержавию. В России существовали и органы общественного представительства: Боярская дума, земское самоуправление и Земский собор. Боярская дума известна еще со времен Киевской Руси, хотя тогда она не была частью государственного аппарата. В условиях Московского централизованного государства она превращается в высший государственный орган. Боярская дума была законодательным органом государства: без ее «пригово-

ров» законы не могли вступать в силу, ей принадлежала инициатива в принятии новых государственных актов, «уставов» и налогов. Дума была и высшим исполнительным органом, осуществлявшим общее руководство приказами, контролировала работу местного управления, принимала решения по важным внутренним и внешним делам.

В дальнейшем **Боярская дума** стала неудобна царю в проведении его самодержавной внутренней и внешней политики. Ее права урезаются. В первой половине XVI в. при Василии III из нее выделилась Ближняя дума, а при Иване Грозном — Избранная рада (1547—1560 гг.), состоявшие из узкого круга приближенных лиц. Они готовили документы для утверждения их Боярской думой. Позднее Иван IV отстранит Боярскую думу от рычагов власти. Значение ее вновь усилится лишь после смерти монарха. Вместе с потерей думой властных полномочий формируется обособленная профессиональная дипломатическая служба.

Создается **Посольский приказ** — специальное учреждение, занимающееся отношениями с иностранными государствами (1549 г.).

Его появление облегчалось тем, что уже в конце XV в. сформировался слой чиновников, занимавшихся внешними делами (посольские дьяки, их помощники — подьячие). Существовал особый тип внешнеполитической документации (посольские книги); сложились правила посольской службы, посольский церемониал, специальный дипломатический язык. В этот период формируются основные виды дипломатических документов: верющие (верительные) грамоты, опасные грамоты — документ, обеспечивающий свободный въезд и выезд посольства; ответные грамоты — документ, вручаемый иностранным послам при их отбытии из страны пребывания; наказы — инструкции послу о ведении переговоров и деятельности посольства; статейные списки — отчеты о работе посольства по выполнению наказа.

Образование отдельного учреждения по иностранным делам происходит в рамках формирования всего государственного аппарата России. Создается отраслевая система органов государственного управления (приказов), что было связано с перестройкой великокняжеского управления в общегосударственную систему. В этой системе еще сохранялись прежитки феодальной раздробленности, единство страны сочеталось с разнообразием

укладов, характерных для ранее независимых удельных территорий. Утверждаются функции, штат, порядок работы приказов, общие правила оформления документов. Всего же их насчитывалось несколько десятков. Для своего времени приказная система была вполне эффективной¹.

XVI век стал веком оформления российской дипломатической службы, центральных и местных учреждений, которые обслуживали внешнюю политику. Задачей дипломатического ведомства было осуществление решений верховной власти во всем, что касалось внешней политики. На Посольском приказе помимо дипломатических сношений лежала вся текущая дипломатическая работа: отправление послов за границу, переписка с ними, составление наказов и инструкций, прием иностранных послов. В круг его полномочий входили также вопросы, связанные с проживавшими в России иноземцами, выкуп и обмен пленных, а также управление вновь присоединенными землями (например, Сибирью и Украиной). Широко известный дипломат XVII в. А. Л. Ордин-Нащокин назвал Посольский приказ «оком всей великой России», имея в виду, что туда стекалась обширная информация о жизни народов других стран и о событиях в самой России, обеспечивая русским возможность «видеть» окружающий мир.

Первым руководителем Посольского приказа стал подьячий Иван Михайлович Висковатый. Известно, что И. М. Висковатый приводил к присяге бояр, был знающим и компетентным чиновником. В иерархии центральных государственных учреждений России Посольский приказ стоял выше других приказов, однако возглавил его все же не боярин. Царь лично руководил его деятельностью через дьяка.

Глава Посольского приказа уделял особое внимание отношениям России с Западной Европой. Во второй половине XVI в. Россия, не имевшая портов на Балтийском море, поддерживала связь с Европой через Белое море. Иван Михайлович понимал значение торговых связей России с Англией. Его стараниями англичане получили льготную грамоту с множеством привилегий. В ответ на это Лондон разрешил русским подданным так же свободно и беспоплатно торговать в Англии.

¹ Стержнем сформировавшейся тогда новой системы государственного управления на протяжении последующих более чем 200 лет являлись три приказа: Посольский, Разрядный и Поместный.

Иван Михайлович Висковатый благодаря своим природным способностям сумел подняться на высшие ступени служебной лестницы, был советником царя и оказывал на Ивана Грозного определенное влияние. Ему давали блестящие характеристики. Висковатый нередко выступал перед иностранцами от имени государя, проявляя при этом большие дипломатические и ораторские способности. Немецкий путешественник и публицист П. Одерборн отмечал удивительное умение Висковатого вести переговоры: «Муж искусством красноречия замечательный более прочих».

С 1549 по 1559 г. в Москве побывали 32 посольства из разных стран. В переговорах, как правило, участвовал Висковатый. Иван Михайлович, как руководитель Посольского приказа, ведал перепиской царя и Боярской думы с иноземными послами, участвовал в переговорах, решал вопросы, связанные с приездом и пребыванием в Москве иностранных дипломатов, готовил русские посольства для отправки в разные страны. Как ближний государев дьяк Висковатый делал записи, которые затем использовались в качестве заготовок для официальной летописи. Кроме того, став главой Посольского приказа, Висковатый получил в свое ведение Царский архив. Он систематизировал документы государственного архива и организовал его текущее делопроизводство.

Однако судьба выдающегося дипломата сложилась трагически: в мрачные времена опричнины Висковатый наряду с другими видными деятелями приказов был обвинен в измене (заговоре с целью сдать Новгород и Псков польскому королю, в тайных сношениях с турецким султаном и крымским ханом) и казнен в июле 1570 г.

Висковатый играл заметную роль во внешней политике России, был сторонником Ливонской войны 1558—1583 гг. В начале Ливонской войны вместе с членом Избранной рады Адашевым вел переговоры с ливонскими послами. Чтобы обратить все силы против Литвы, он предпринял достаточно неожиданный шаг. 12 августа 1562 г. выехал в Данию для подтверждения договорной записи. Благодаря успешным переговорам были заключены союзный договор с Данией и 20-летнее перемирие со Швецией на выгодных для России условиях.

В 1566 г. в Москву прибыло Великое польское посольство для переговоров о заключении мира. Поляки не хотели уступить Рос-

сии морской порт Ригу, а русские Польше — Полоцк и Смоленск. Переговоры оказались под угрозой срыва. На Земском соборе Висковатый рекомендовал заключить с Польшей перемирие, не требуя от нее уступки спорных ливонских городов, с условием вывода оттуда польских войск и нейтралитета Польши в Ливонской войне. Но собор высказался против, а его участники заверили правительство в готовности пойти на любые жертвы ради полного завоевания Ливонии. Профессиональное чутье не подвело Висковатого, его прогноз осуществился: провал переговоров подтолкнул Польшу к образованию с Литвой в 1569 г. на совместном сейме в Люблине единого государства — Речи Посполитой. По Люблинской унии Литва утратила свою автономию, а Речь Посполитая превратилась в единый организм с одним королем, общим сеймом и едиными финансами. В объединении Польши и Литвы русская дипломатия видела не только усиление экономического и военного потенциала соседнего явно недружественного государства, но и угрозу насаждения католицизма и колонизации территорий, на которых проживали украинцы, белорусы и русские.

Отношения Московского царства с Речью Посполитой в Средние века вылились в противостояние. Уже несколько столетий между соседними странами существовало острое соперничество. Даже в периоды затишья и перемирий над ними постоянно довлел малопонятный, но реально недружественный настрой, который не располагал к компромиссам. Такая взаимная неприязнь и подозрительность усугублялись тем, что это длилось веками. Острая фаза соперничества двух народов берет начало еще с X столетия: правивший тогда в Киеве Владимир Святой захватил у Польши «червенские города». Закончилась же она заключением Речью Посполитой «вечного мира» с Россией только в 1686 г. Хотя после этого Россия до XX в. уже не вела войн с Польшей, настоящего глубокого примирения между ними так и не наступило.

В Посольском приказе с самого начала его деятельности владели и приемами «тайной дипломатии». Не довольствуясь ограниченным арсеналом дипломатических средств, Висковатый заимствовал из европейской практики метод, заключавшийся в создании в интересующих Россию государствах агентуры влияния. Используя деньги и силу убеждения, он негласно привлекал на свою сторону иностранных аристократов, имевших влияние на своих правителей.

Иван Грозный высоко ценил разведывательную информацию. По утверждению часто бывавших в Москве иностранцев, в своей

«тайной дипломатии» русские активно использовали так называемых перебежчиков, подданных царя, искавших удачи в других государствах. В сборнике «Иностранцы о древней Москве» приводится свидетельство некоего Михалона Литвина о делах того времени: «У нас (в Литве) большое число московских перебежчиков, которые, разузнав наши дела, средства и обычаи, возвращаются к своим и передают им наши планы...» Упоминается один «священник, который посылал князю своему с договоров, указов и других бумаг, тайно добытых в королевской канцелярии, копии»... «Хитрый этот человек (Иван IV) назначил награду возвращавшимся в Москву перебежчикам: рабу — свободу, простолюдину — дворянство, должнику — прощение долгов, злодею — отпущение вины».

В XVI—XVII вв. после И. М. Висковатого Посольский приказ возглавляли А. Я. Щелкалов, В. Я. Щелкалов, А. И. Иванов, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын. Преемники уже имели звание думных дьяков, т. е. были членами Боярской думы, пользовались широкими полномочиями. Они присутствовали при «сидении» государя с боярами, делали доклады по работе своего учреждения, имели право высказывать свое мнение. В XVII в. главе Посольского приказа была передана государственная печать и присвоен титул «царственной большой печати и государственных великих посольских дел оберэгатель».

«Посольский приказ, — отмечал В. О. Ключевский, — оставался очень близким к государю учреждением, как бы его собственной канцелярией по иностранным делам». Структурно внешнеполитическое ведомство России состояло из **повытий** (отделов), организованных по территориальному принципу. Однако распределение государств по повытьям было неравномерным. Оно зависело от многих факторов: от общего числа стран, с которыми Россия поддерживала отношения, состояния международных дел на данный момент и вытекающего из этого объема переписки. Число повытий постепенно возрастало. В середине XVII в. их было 4, в 70-х годах — 5, в конце 80-х — 6.

Помощниками думных дьяков и их товарищей (заместителей) были подьячие — канцелярские служители. Именно они составляли основной штат Посольского приказа. Эта группа штатных чиновников была самой многочисленной (несколько десятков человек). Подьячие делились на старших, средних и молодых. Во главе повытий обычно стояли старшие подьячие. Средние и молодые подьячие занимались делопроизводством, вели переписку, изготавливали географические карты. При Иване III у посольского дела

находилось 28 подъячих, в царствование Ивана IV — 29. Первоначально в распоряжении возглавлявшего повытье старшего подъячего находилось четверо средних и четверо молодых подъячих.

В XVI в. в Посольском приказе формируется система разделения дипломатов по соответствующим категориям (русский эквивалент дипломатических рангов):

- великие послы — аналог Чрезвычайного и Полномочного Посла;
- легкие послы — аналог Чрезвычайного и Полномочного Посланника;
- посланники — аналог Полномочного Посланника;
- посланные — посланник с одноразовым поручением;
- посланцы — скорые курьеры;
- гонцы — курьеры с чрезвычайным поручением.

В Посольском приказе служили также переводчики. Особенно востребованными в то время были латынь, немецкий, голландский, греческий, английский, шведский, польский, итальянский, турецкий, персидский, арабский, татарский и грузинский языки. Помимо переводчиков в дипломатическом ведомстве насчитывалось гораздо больше толмачей — устных переводчиков. В разное время их численность в центральном аппарате и в составе посольств колебалась от 17 до 50 человек. Каждый толмач знал как минимум два, а нередко и четыре языка. Для изучения иностранных языков и дипломатического протокола по мере необходимости в европейские страны направлялись группы молодых людей — выходцев из боярских и дворянских семей.

Служащие внешнеполитического ведомства приводились к присяге (присягали на кресте), т.е. брали на себя обязательства хранить служебную и государственную тайны, не присваивать государственных средств, «переводить вправду». До принятия присяги приступать к работе не разрешалось.

По уровню развития дипломатии Российское государство не уступало европейским странам. Дипломаты Посольского приказа, отмечают бывшие в Москве иностранные дипломатические представители, не пасовали перед европейцами. Они любили выступать с критикой по отношению к иностранным державам, в переговорах с приезжавшими в Москву послами обильно цитировали и ссылались на тексты договоров, исторические прецеденты и Священное Писание, старались поймать оппонента на противоречиях. Тон в этом задавал сам государь.

Иван IV умел вести переговоры и по существу являлся дипломатом по призванию. Международные отношения — близкая ему и любимая сфера. В дипломатических баталиях царь чувствовал себя как рыба в воде и в этой области был выше многих своих европейских и восточных соперников. Иван Васильевич лично выступал на дипломатических переговорах, любил давать иностранным послам длительные аудиенции, в ходе которых завязывал с ними споры, задавал трудные и неожиданные вопросы, засыпал их ссылками на древние ученые труды. Он умел вести дипломатическую игру, создавая новые комбинации, прибегая к самым разнообразным приемам действия, переходя от одного неожиданного для соперника маневра к другому, умело лавировал между противоборствующими государствами. В дипломатическом столкновении с представителями католического мира царя вдохновляла патриотическая православная идея. Отстаивая роль Москвы как «Третьего Рима», Иван IV проявляет себя не только как правитель, но и как теоретически хорошо подкованный защитник и проповедник православия. Вместе с тем вера в астрологию и пророчества, неумная подозрительность иногда толкали царя на странные поступки¹.

Еще в юности (17 лет от роду) Иван провел в жизнь акт большого государственного значения — венчание на царство и принял царский, по существу императорский титул. Эта акция имела широкий международный резонанс и большое практическое значение. В ней воплотилась успешная дипломатическая деятельность Москвы, поставившая на повестку дня вопрос о юридическом признании появившейся на Востоке новой сильной державы, содержалась заявка России на одно из первых мест среди государств Европы. Чуть позднее, в 1554 г., титул императора русскому государю без особых переговоров предоставила протестантская Англия.

¹ Однажды в порыве эмоций Иван IV написал английской королеве Елизавете письмо с просьбой принять его как беженца, спасающегося от заговоров. Но, получив положительный ответ, он, разумеется, этим согласием не воспользовался.

Сложнее вопрос о признании царского титула было продвигать в католических странах, где доминировала теория единой «священной империи». Поэтому в отношениях с другими государствами Москва ревностно относилась к их статусу на международной арене. В Посольском приказе строго различали, кого считать «братом» и кому следует отказать в этом высоком обращении. В середине XVI в. «государями-братьями» считались турецкий султан, германский цесарь, польский король и крымский хан. При появлении в кругу внешних связей России новой державы дипломатическое ведомство тщательно присматривалось к ней, оценивало ее могущество и влияние, характер власти тамошнего правителя, чтобы определить степень его достоинства и соответственно меру отношения к нему московского государя. За шведским королем Москва не признавала равенства с собой: до 1523 г., когда в Швеции воцарилась династия Ваза, по московской терминологии, были не настоящие монархи, а «обдержатели» (регенты).

Небольшой по численности штат внешнеполитического ведомства постоянно поддерживал отношения почти с тремя десятками стран. В XVI—XVII вв. российские дипломатические миссии за границу направлялись время от времени и носили нерегулярный характер. Обычно они приурочивались к конкретным событиям: проведение мирных переговоров, уточнение границ, участие в торжествах по случаю коронации глав государств и т.д. В Посольском приказе была установлена четкая градация направляемых за рубеж дипломатических представителей: великие послы, легкие послы или посланники и гонцы. Уровень посольства зависел главным образом от важности его задач. Послами, как правило, назначались князья и бояре по рекомендации царя, пользовавшиеся доверием Боярской думы. Посланников выбирали из дворян, дьяков, реже из подьячих. За границей они исполняли менее важные поручения и чаще направлялись для подписания соглашений, заключения мира, выработки проектов договоров, которые утверждались затем верховной властью.

Представление о московском протоколе дает процедура аудиенции послов у русского государя. Царь принимал иностранных дипломатов в Грановитой палате Кремля. Он сидел на престоле, а вдоль стен располагались бояре. После обмена приветствиями посол вручал «верющую» (верительную грамоту), которую принимал посольский дьяк. Затем христианские послы и их свита допускались к целованию царской руки, мусульманским же послам царь

клял руку на голову. В краткой речи послы излагали цель посольства и «являли» подарки, присланные царю правителями этих государств. В день аудиенции полагалось приглашать послов на обед в присутствии царя или же присылать царское угощение к ним на посольский двор. Через несколько дней Посольский приказ организовывал более скромную, деловую аудиенцию, после которой послы встречались с лицами, назначенными быть «в ответе», т.е. вести переговоры.

Договоры скреплялись присягой, целованием креста и приложением печати. Царем они не подписывались. В таком виде посольский обряд просуществовал до времени Петра Великого. В середине XVI в. Русскому государству приходилось действовать в сложной международной обстановке. Его южная и восточная границы постоянно подвергались набегам казанских, крымских и ногайских татар, которых поддерживала Турция. На западе Московскому государству угрожала Речь Посполитая; на северо-западе теснила Швеция; в Прибалтике его блокаду, которую поддерживала Германская империя, осуществлял Ливонский орден. В этой связи большие и ответственные задачи ложились на дипломатию, на Посольский приказ.

В начале правления Ивана IV основное внимание во внешней политике было обращено на восток. Дипломатические переговоры об унии Москвы с Казанью под предводительством московского государя были весьма успешными. Но в последний момент к власти в Казани пришла партия, враждебная Москве, и отношения с татарами резко обострились. Поэтому проблему ликвидации остатков Золотой Орды и формирования безопасных границ на востоке пришлось решать военным путем. В результате военной кампании 1552 г. Казань была присоединена к России. В 1556 г. без сопротивления сдалась Астрахань, а ее присоединение позволило завязать отношения с кабардинскими князьями Северного Кавказа. В состав России вошли также башкирские земли. Присоединение Поволжья к Московскому государству имело большое историческое значение. Была устранена угроза с востока (вторжения татар и родственников им народов), ликвидирована возможность возрождения Золотой Орды. Власть Москвы мирно признала ряд самобытных поволжских народов — чуваша, мордва, мари и др.

Россия постепенно превращалась в многонациональное евразийское государство. Огромные пространства плодородных и малонаселенных земель были открыты для колонизации. В 80-е годы

XVI в. здесь возникают новые города — Самара, Саратов, Царицын, Уфа. Благодаря успехам русского оружия и дипломатии территория России расширилась до Урала на востоке и Каспийского моря на юге, открыв русским путь в Сибирь и Среднюю Азию. В числе крупных успехов московской дипломатии на восточном направлении следует упомянуть признание Большой Ногайской Ордой, Сибирским ханством и некоторыми территориями Северного Кавказа вассальной зависимости от Московского государства и заключение торговых договоров со среднеазиатскими ханствами.

На западе, в Прибалтике, главная внешнеполитическая задача России состояла в овладении балтийскими берегами, которые контролировали ливонцы и шведы, в интересах развития торговли с европейскими странами. Экономические и военные интересы государства требовали усиления связей с Европой и привлечения оттуда специалистов. В 1553—1558 гг. Москва вела переговоры с Ливонским орденом и епископом Дерпта. Усилия российской дипломатии были направлены на то, чтобы разрушить созданную Ливонским орденом и Швецией блокаду на пути к Балтийскому морю. Ведя эти переговоры, немецкие феодалы параллельно в 1556 г. заключили антирусский союз с Литвой. Принимались меры к тому, чтобы «не допустить ни москвитов к Балтийскому морю, ни европейцев в Москву» и, разобшив Московское государство с экономическими и культурными центрами Европы, воспрепятствовать его политическому усилению.

Явно недружественные совместные действия Ганзы и Ливонии по предотвращению организации Московским государством самостоятельной морской торговли привели Ивана IV к мысли о необходимости вооруженной борьбы за широкий выход к Балтике. Началась **затяжная Ливонская война (1558—1583 гг.), которая сразу же превратилась в конфликт общеевропейского значения.** Уже первый год войны показал неспособность Ливонии сопротивляться мощному Московскому государству. Балтийский вопрос в европейской политике встал во всей своей полноте. Из-за прибалтийских районов разгорелась борьба между всеми заинтересованными государствами. В войну вступили Литва, Польша, Швеция, Дания. «Московская опасность» встревожила восточногерманских князей, не знавших, где остановится победоносное шествие русских армий. В 1569 г. полякам удалось привлечь к военным действиям против России Турцию.

Помимо попыток решения Балтийского вопроса война с Речью Посполитой выдвинула на повестку дня весьма значимую для Москвы проблему возвращения России белорусских и украинских земель, захваченных Литвой в предшествующие столетия. Решение всех этих задач требовало от Москвы огромного напряжения сил и искусной дипломатии. Иван IV умело завязывает дружеские отношения с Данией, ищет союза с Турцией, отказываясь ради этой цели от наступления на Кавказ. Выдвигая свою кандидатуру на польский престол, он ведет переговоры с императором, предлагая такой раздел Речи Посполитой, чтобы «корона польская» отошла к сыну императора, а самому Ивану достались Литва и Ливония. По соглашению с Данией царь образует в Ливонии вассальное государство, во главе которого ставит брата датского короля герцога Магнуса.

Важным дипломатическим шагом стало проведение в Москве в 1566 г. с целью одобрения внешней политики Ивана IV Земского собора. Собор продемонстрировал правительству Речи Посполитой и другим внешним недругам России единство ее правящего класса и поддержку им курса царя на продолжение Ливонской войны. Длившаяся почти четверть века изнурительная Ливонская война шла с переменным успехом, истощила материальные ресурсы России и закончилась ее поражением. Москва не смогла пробиться к побережью Балтийского моря, был даже утерян ряд старинных русских городов по Финскому заливу и Ладожскому озеру. Потери в войне и условия, на которых были заключены перемирия с Речью Посполитой и Швецией, обозначили временный отказ России от решения задач в Прибалтике, возвращения украинских и белорусских земель. В дальнейшем, уже после Ивана Грозного, руководители России настойчиво продолжали дипломатическую борьбу за выход к Балтийскому морю и возвращение утерянных в предшествующие столетия русских земель.

Дипломатическим успехом России стало установление в середине 50-х годов XVI в. прямых сношений с Англией через Белое море. В условиях напряженной борьбы с Ливонией это было важное достижение. Из-за потери Нарвы, куда приходили иностранные торговые суда, северные пристани остались единственными морскими воротами для связи с государствами Запада. Поэтому торговля с Англией через северные гавани стала новым важным каналом отношений с Европой. Англичане привезли образцы нужных для России товаров — олово, оружие, сукно.

Завязались взаимовыгодные торговые и политические отношения. Англичане получили льготную грамоту, по которой они имели право свободно и беспошлинно оптом и в розницу торговать во всех русских городах. Созданная в Лондоне для торговли с Россией Московская компания, которая вскоре открыла собственное представительство в русской столице, получила право иметь свой суд. Таможенники, воеводы и наместники не должны были вмешиваться в ее торговые дела. Россия и Британия заключили соглашение, по которому русские купцы получили право беспошлинной торговли в Англии. Однако из-за отсутствия у России морского флота организовать такую торговлю они не имели возможности. В течение длительного времени в Англию прибывали только русские дипломаты на английских судах. Англичане же развернули торговлю в России быстро и с большой выгодой для себя: скупали мед, меха, образцы русской стали и слюду. Помимо привилегий в торговле они получили право добывать железную руду и построить железодельный завод в Вычегде. Привезя своих мастеров, британцы создали в Холмогорах необходимое для Англии канатное производство.

Весьма важным для Московского государства направлением сотрудничества с Английским королевским двором стало приглашение квалифицированных мастеров. Был разрешен свободный въезд в Россию металлургов, архитекторов, художников, ремесленников, различных мастеров, медиков, «рудознатцев». Возможность привозить из Западной Европы мастеров морем была крайне важна для русского правительства. Проезду иноземных специалистов в Россию по суше препятствовал и Ливонский орден, а также враждебные Литва и Польша, которые не были заинтересованы в росте экономической и военной мощи Русского государства. Королева Елизавета I, заботясь о развитии торговли и политических интересах Англии, даже содействовала подготовке штата переводчиков. Между Иваном IV и английской королевой завязалась дипломатическая переписка.

Правительство Ивана IV стремилось и дальше развивать отношения с Британией. В Москве считали, что за крупные экономические льготы, которые Россия предоставила англичанам, Лондон должен был отплатить соответствующим образом. В связи с усилением опасности со стороны Польши и Швеции Москва настойчиво искала в Европе союзников для совместной борьбы с этими государствами. Иван Грозный добивался военно-политического союза с Англией, который дополнил бы тесные экономические отноше-

ГЛАВА 5

ния между двумя странами. В 1567 г. британцы получили новые торговые привилегии (право торговли в Казани, Поволжье и Шемахе и исключительное право только Британии торговать в Белом море с Россией). Однако в Лондоне не хотели вмешиваться в конфликтные отношения России с европейскими государствами и не собирались помогать Москве в деле укрепления ее позиций в Прибалтике. На словах Елизавета I выразила готовность заключить такой союз, но на практике уклонилась от него, что привело к временному охлаждению отношений.

К XVII в. территория России значительно увеличилась за счет присоединения в 1598 г. Западной Сибири (рис. 5). Хотя приобретения на востоке с лихвой компенсировали неудачи и поражения на западе, Московское государство на рубеже XVI – XVII вв. все еще воспринималось в Европе как «отсталая восточная страна», которую рассматривали прежде всего как объект территориальной экспансии. Для успешного решения насущных внешнеполитических задач России было необходимо возродить мощную армию и ликвидировать дипломатическую блокаду на западе.

Контрольные вопросы

1. Когда появилось и как называлось первое ведомство иностранных дел в России?
2. В чем основное отличие западноевропейской и московской моделей дипломатической службы в Средние века?
3. Какова организационная структура Посольского приказа? На какие категории делились дипломаты российской дипломатической службы?

Рекомендуемая литература

- Горсей Дж.* Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990.
- Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994.
- Дипломатическая служба: Учеб. пособие / Под. ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Зонова Т. В.* Дипломатия: модели, формы, методы: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2013.
- История России с древнейших времен до наших дней: Учебник: В 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М.: Проспект, 2016.
- Карамзин Н. М.* Предания веков. М.: Правда, 1988.
- Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989.

Глава 6

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

В конце XVI в. Московское государство постепенно входит в полосу длительного политического и экономического кризиса, обусловленного неудачной и разорительной Ливонской войной, разрушительными для общества последствиями опричнины и пресечением со смертью в 1598 г. бездетного государя Федора Ивановича династии Рюриковичей. Началась открытая борьба за власть группировок внутри правящего класса. По охвату и глубине кризис затронул все стороны жизни страны, спровоцировал социальную напряженность и в конечном итоге привел Московское государство к смуте. Это был период обострения и одновременного наложения друг на друга сословных, национальных, внутриклассовых и межклассовых противоречий.

В Смутное время (1601 – 1613 гг.) России суждено было пережить тяжелые потрясения, связанные с расколом элиты, усилением внутренней борьбы за власть, феноменом самозванства и сопутствующим ему вмешательством во внутренние дела России внешних сил — польско-шведской интервенцией. В политическом противоборстве принимали участие и низы общества (восстание Болотникова). Социальный протест низов дополнял и усиливал борьбу верхов за власть. Однако основной заряд социального протеста в условиях борьбы всех против всех и внешней интервенции ударил не по правящему классу, а по ослабленной русской государственности, подрывая суверенитет страны.

Большую роль в духовном объединении русских людей для отпора польским интервентам и восстановления государственности в этот черный период безвременья сыграла церковь. Она дала движению сопротивления общенациональную идею — защиту православного царства. Главными политическими вопросами стали восстановление управляемости Московского государства и избрание царя.

В Смутное время деятельность русской дипломатии была деформирована нарушением естественных связей с соседними странами и попытками претендентов на русский престол проводить самостоятельную внешнюю политику. Лжедмитрий I (1605 — 1606 гг.) заключил ряд тайных соглашений, подрывавших независимость Московского государства. Противоречивыми национальным интересам в работе внешнеполитического ведомства тех лет стали активные дипломатические контакты с Ватиканом и переписка русского монарха (самозванца) с частными лицами за рубежом. Формулировки документов Посольского приказа были «усилены» польскими терминами. Боярская дума стала называться Сенатом, а Лжедмитрий I требовал признать за ним титул «императора»¹.

В ходе гражданской войны служащие Посольского приказа оказались по разные стороны баррикад: большинство сохранило верность царю Василию Шуйскому, а часть перешла на сторону Лжедмитрия II (который получил прозвище Тушинский вор). Договоры с интервентами заключали и отдельные группировки русских бояр. В феврале 1610 г. представители московской знати, поддерживавшие Тушинского вора, договорились с польским королем Сигизмундом III о возведении на московский престол его сына Владислава. Сговор бояр с Польшей стал поводом для враждовавшей с поляками Швеции предъявить Москве и свои требования, захватить Новгород. Новгородские власти пошли на сделку со шведским королем, подписав договор, в котором признавали московский престол за его сыном, принцем Карлом-Филиппом.

Сделки с интервентами лишали страну суверенитета, отдавали ее под внешнее управление, но они обеспечили возможность московской аристократии сохранить власть и предотвратить угрозу народного восстания.

И в период правления самозванцев, и во время «междоусобия» (1610 — 1612 гг.) все изменения, зигзаги и повороты

¹ Самозванец по польскому обычаю учредил при дворе должность мечника: при приемах иностранных послов в дополнение к стоявшим у трона четверым рындам был добавлен пятый охранник, державший обнаженный меч.

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

в московской дипломатии осуществлялись под влиянием и непосредственным контролем польских властей. Лишь охвативший народные массы широкий патриотический подъем позволил ополчению князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина выбить поляков из Кремля и освободить Москву.

Из «великого разорения» в 1613 г. Московское государство вышло сильно ослабленным. Королевич Владислав продолжал настаивать на правах на русский престол. На «шапку Мономаха» претендовали и шведы. Война России против Швеции (в 1611 г. шведы захватили Новгород, а в 1613 г. формально объявили России войну) велась неудачно. По Столбовскому мирному договору 1617 г. Россия отдала Швеции побережье Финского залива с городами Ямь, Ивангород и Копорье. Деулинское перемирие 1618 г. закрепляло за Польшей Смоленск, Северскую и Черниговскую земли.

Избранный Земским собором новый царь, 16-летний Михаил Федорович Романов, начинал свою деятельность в напряженной международной обстановке. Вопреки сформировавшемуся в обществе мнению, с избранием царя смута не закончилась. Преодоление ее последствий растянулось еще на десятилетие. События Смутного времени способствовали утверждению самодержавия, в монархии Романовых русские люди видели символ национального суверенитета, залог стабильности и безопасности государства. Правительству предстояло решать накопившиеся внешнеполитические задачи.

Оправившись от последствий национального кризиса начала XVII в., Россия постепенно вновь обретает черты крупного сильного государства. В дипломатии происходит возвращение к традициям Посольского приказа. В области внешней политики перед Романовыми, как и другими правителями России в XVI—XVIII вв., стояли три стратегические задачи: воссоединение с Московским государством русских земель, находившихся под властью Речи Посполитой; выход России к Балтийскому морю, который блокировала Швеция; обеспечение надежной защиты южной границы от Турции и ее вассала крымского хана (к концу XVII в. эта задача трансформировалась в борьбу за выход России к Черному морю).

На протяжении всего XVII столетия эти три державы осуществляли сдерживание России на своих направлениях, и поэтому Москва была вынуждена вести борьбу с ними как дипломатическими, так и военными средствами. Сложность состояла в том, что упомянутые три крупные международные проблемы были взаи-

моувязаны, влияли друг на друга, создавая неожиданные и сложные комбинации в международных отношениях. Если, например, в схватке с Польшей естественными союзниками Москвы были Швеция, Турция и Крым, то борьба против Швеции за освобождение Балтийского побережья толкала Москву к союзу с Речью Посполитой и требовала установления мирных отношений с Османской Портой и крымским ханом. Действия же на юге против Турции могли быть успешными лишь в союзе с Польшей, а такой альянс был возможен только при условии отказа Москвы от территорий Малороссии. Речь Посполитая, Швеция, Турция и Крым могли быть союзниками или противниками Москвы в зависимости от дипломатических предпочтений, нацеленных на решение актуальной в данный момент конкретной задачи. Такова в тот период была международная обстановка, в которой приходилось маневрировать российской дипломатии.

Действуя в русле общей внешнеполитической стратегии, правительство царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета (отец государя) Романовых решало, разумеется, более ограниченные, но важные и актуальные задачи. Деулинское перемирие с Польшей 1618 г., по которому Михаил Федорович был вынужден уступить Смоленск, Северскую и Черниговскую земли, не давало покоя. От новой династии страна ожидала консолидации национальных сил, восстановления мощи Московского государства, наступательной внешней политики и возвращения отнятого у России в Смутное время. В течение перемирия 1618 — 1632 гг. Россия искала пути вернуть утраченное. Но только в начале 30-х годов XVII в. Москва решилась на захват Смоленска и других территорий, находившихся в составе Речи Посполитой. Международная обстановка благоприятствовала: в Европе ведущие государства были заняты в Тридцатилетней войне, а Речь Посполитая воевала со Швецией, Турцией и Крымом. На созванном для обсуждения войны с поляками Земском соборе правительство получило необходимую поддержку.

Начатая Москвой Смоленская война (1632 — 1634 гг.) вновь была неудачной. В числе причин — перемирие поляков накануне войны со Швецией и Османской империей, оставившее Россию без союзников, нападение на южные окраины России крымских татар в 1632 и 1633 гг., массовое дезертирство из армии в период татарского нападения, пассивность командования русской армии (воевода Михаил Шеин был обвинен в измене). Подписанный по ее итогам в июне 1634 г. Поляновский мирный договор восстано-

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

ливал предвоенное соотношение сил. К России отошел лишь один приграничный город Серпейск, а польский король Владислав IV Ваза отказался от претензий на московский престол.

И все же, несмотря на неудачи в войнах с Речью Посполитой, возвращение русских земель, воссоединение России с Украиной оставалось основной внешнеполитической целью русских монархов в XVII в., ключевой задачей для русской дипломатии. К этому нового царя Алексея Михайловича подталкивал ряд причин. В результате утраты Смоленска границы Польши значительно сдвинулись на восток, усиливая угрозу Московскому государству. По мере роста национального самосознания русского народа укреплялись его связи со славянскими православными народами Украины и Белоруссии, а развернувшаяся на Украине национально-освободительная борьба во главе с гетманом Богданом Хмельницким не только вызывала симпатии и поддержку в России, но и создавала благоприятные возможности для разгрома Польши. Русское православное население Речи Посполитой подвергалось этнической, культурной и религиозной дискриминации, было настроено против Польши и рассчитывало на поддержку России.

Выбор у возглавившего восстание запорожских казаков и примкнувших к ним крестьян Б. Хмельницкого (впоследствии оно переросло в освободительную войну) был крайне ограничен. Сильных соседей, способных поддержать восставшую Украину, было всего двое: Московское государство на востоке и Оттоманская Порта на юге. Вопрос стоял так — или присоединиться к России, или признать вассальную зависимость от Турции. Турки были ненадежными союзниками. Осуществляя набеги, грабя и захватывая людей в неволю, они приносили украинцам больше бед, чем пользы. Главную роль в этом выборе сыграла ментальная несовместимость. Различия между православными и мусульманами, которых украинцы называли «басурманами», оказались непреодолимыми. В этой связи начиная с 1648 г. Богдан Хмельницкий неоднократно обращался к царю Алексею Михайловичу с просьбой о помощи.

На последнем этапе освободительной войны (1652–1653 гг.) связи между Богданом Хмельницким и российским правительством заметно укрепились. Осуществлялся постоянный обмен посольствами. В январе 1652 г. Хмельницкий направил в Москву Ивана Искру, в декабре того же года и январе 1653 г. в Москве вел переговоры Самойло Зарудный с товарищами. В июне 1653 г. в Украину отправился стольник Федор Ладыженский с грамотой

от Алексея Михайловича, выразившей согласие на воссоединение Украины с Россией.

Россия не спешила ввязываться в войну с сильным Польско-Литовским государством, но царское правительство понимало стратегическое значение союза с Украиной, который открывал путь к Черному морю и значительно ослаблял Речь Посполитую. В Москве сочли момент благоприятным для активных действий в поддержку восставшего народа Украины и возобновления военного натиска на Польшу. Было решено «Войско Запорожское и гетмана Богдана Хмельницкого с землями и их городами принять под руку государеву». В октябре 1653 г. Земский собор высказался за воссоединение России с Украиной. Важно, что это историческое решение было одобрено не только царем и аристократией, но и всеми русскими людьми, представители которых собрались тогда на Земском соборе. Московское посольство во главе с боярином Бутурлиным было направлено на Украину с грамотой о решении Земского собора. 8 января 1654 г. Переяславская рада высказалась за воссоединение Украины с Россией. В присутствии Бутурлина и всего состава русского посольства Хмельницкий принес присягу на верность царю Алексею Михайловичу. Россия предоставила Украине большую автономию.

Новая русско-польская война (1654 – 1667 гг.) вспыхнула сразу после заключения Переяславских соглашений. Начиная ее, Москва сделала серьезную попытку решения стоявшей перед ней в течение уже нескольких веков стратегической задачи восстановления Руси в ее прежних границах. Война шла с переменным успехом. Несколько раз воевавшие между собой государства пытались достичь мира. Параллельно в течение долгих лет противостояния и Польша и Россия неоднократно воевали со Швецией, что, разумеется, изматывало их и затягивало войну. Воевать на два фронта Россия не могла. Поэтому с целью сохранения Украины в составе России царское правительство решило поступиться Ливонией. По Кардисскому мирному договору 1661 г. все завоевания в Прибалтике были снова возвращены Швеции. Ход войны после смерти в 1657 г. Б. Хмельницкого осложняла неустойчивая политика Казацкой старшины. Последующие гетманы то пытались вернуть Украину под власть поляков, то вели переговоры о переходе ее в подданство Османской империи. Однако попытки Речи Посполитой и ее сторонников в запорожском казачестве, противоречившие коренным интересам украинцев, оторвать Украину от России провалились.

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

Взаимное истощение и нарастающая общая для них угроза со стороны Турции вынудили русских и поляков заключить 30 января 1667 г. Андрусовское перемирие, подписанное А. Ординым-Нащокиным с польским представителем Ю. Глебовичем в деревне Андрусово близ Смоленска. По условиям мира России возвращались территории, отошедшие к Польше после Смутного времени в начале XVII в. (Смоленск и прилегающие районы, Северская и Черниговская земли). Польша признала воссоединение Левобережной Украины с Россией и сроком на два года передала ей Киев. В составе Польши оставалась Правобережная Украина. Это был большой успех московской дипломатии. Заключением мирного соглашения Россия обязана своему выдающемуся дипломату, руководителю Посольского приказа Ордину-Нащокину.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин в дипломатической службе России XVII в. был крупной фигурой и яркой звездой русской дипломатии. Человек с широким кругозором, европейского масштаба, «Русский Ришелье», так его называли шведы. Сын небогатого псковского помещика, получил хорошее образование. Образованность и одаренность привлекли к нему внимание в верхах. Ордин-Нащокин имел неплохую теоретическую подготовку, умел писать «слагательное», знал математику, латинский и немецкий языки, был осведомлен «в иностранных порядках». Он выдвинулся благодаря исключительным дипломатическим способностям. В 1642 г. участвовал в разграничении новой русско-шведской границы после Столбовского мира.

Обладая талантом ведения дипломатических переговоров, Ордин-Нащокин особенно отличился при заключении Валиесарского перемирия (1658 г.), согласно которому Швеция уступила русским завоеванные ими в Ливонии города; блестяще провел переговоры с Польшей, завершившиеся выгодным для России Андрусовским перемирием. За успех в Андрусове Афанасий Лаврентьевич был пожалован в бояре, а затем назначен руководителем Посольского приказа.

У Ордина-Нащокина была своя программа, которую он проводил с упорством и последовательностью, нередко противореча самому Алексею Михайловичу. Он был

сторонником активных действий против Швеции, чтобы утвердиться на Балтике и приобрести для России морские гавани на берегах Балтийского моря, стремился создать против Швеции коалицию и забрать у нее Ливонию. Реализуя эту программу, он выступал за мир с Турцией и Крымом, настаивал на мире с Польшей (на умеренных условиях).

Обладая принципиальностью и самостоятельностью, Ордин-Нащокин имел свои взгляды и по вопросам экономической политики, тщательно оберегал торговые интересы России. С его именем связан новый торговый устав 1667 г., регламентировавший торговлю иностранцев на русском рынке.

Как глава ведомства иностранных дел Ордин-Нащокин высоко ставил дипломатическую службу — «промысел», а Посольский приказ считал главным среди всех государственных учреждений; большое значение придавал профессиональной подготовке и нравственным устоям русских дипломатов. Являясь противником слепого копирования всего иноземного, он в то же время считал, что «доброму не стыдно навикать и со стороны, даже у своих врагов».

Недовольство царя самостоятельностью Ордина-Нащокина привело к отстранению знаменитого дипломата от дел. Назначенный в 1671 г. послом на переговорах в Польше с целью заключения мира на условиях, противоречивших его убеждениям, Ордин-Нащокин подал в отставку. Тот факт, что начальником Посольского приказа вместо Ордина-Нащокина был назначен А. С. Матвеев (сторонник сближения со Швецией), указывает на его разногласия с Алексеем Михайловичем по основным проблемам внешней политики, хотя в целом царь хорошо относился к нему, доверял и ценил своего главного дипломата.

Война ослабила Речь Посполитую, ухудшила ее международное положение в Европе. Впоследствии Польша будет только деградировать. После Андрусовского перемирия отношения России с Польшей существенно упрочились. Этому способствовал усиливавшийся военный натиск на Польшу со стороны Оттоманской Порты, угрожавший ее существованию как национального государства. Стремясь привлечь Россию к совместным действиям против османов, Польша направила в Москву послов К. Гжимуловского и М. Огиньского (с русской стороны переговоры вел В. В. Голицын).

Василий Васильевич Голицын (князь, представитель аристократии) — крупный государственный деятель и видный дипломат при дворе царя Федора Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны.

Василий Голицын получил хорошее домашнее образование: он мог хорошо читать и свободно говорить на латыни, греческом, польском и немецком языках. Высокобразованный Голицын отличался большим умом, настойчивостью и целеустремленностью. Круг его интересов необыкновенно широк: история, богословие, организация государственной службы, культура, медицина, флора и фауна.

Воспитание и разнообразные таланты позволили князю быстро сделать карьеру при дворе. Во времена царя Федора будучи молодым человеком, он стал уже видным лицом в высших кругах. Пик славы Василия Голицына как государственного деятеля приходится на период правления царевны Софьи, фаворитом которой он стал задолго до этого. С ее приходом к управлению страной (регентша при малолетних государях) и до окончания своей государственной деятельности Голицын возглавлял правительство, руководил Посольским приказом (1682–1689 гг.), был одним из самых влиятельных людей в государстве. В 1683 г. князь получил пышный титул «царственных большая печати и государственных великих посольских дел сберегатель».

Особых успехов Василий Голицын добился во внешнеполитической деятельности. Будучи преемником Ордина-Нащокина в Посольском приказе, развивал его идеи, усилил московский дипломатический церемониал введением некоторых западноевропейских обрядов. Как глава правительства Голицын сосредоточил в своих руках все учреждения, ведавшие вопросами внешней политики и армией, повел решительную борьбу с внешней опасностью.

Голицын — западник по убеждению, особенно он чтил Францию. При нем был открыт въезд в Россию иезуитам, разрешено католическое богослужение (в Немецкой слободе стала действовать первая католическая церковь). Молодежь начали посылать на учебу в Краковский университет. Важной задачей своей внешней политики князь считал укрепление отношений с Польшей (эта линия была непопулярна и непонятна

в стране). Оппоненты в правящих кругах считали, что России не следует вступать в антитурецкую коалицию и воевать с Портой, которая уже вела войну с европейскими державами, а нужно ждать ее ослабления.

Из-за сближения с Польшей пришлось временно отказаться от борьбы за выход к Балтийскому морю. Используя противоречия между турками и поляками, путем переговоров Голицын добился отмены их выступления против России. Дипломатическому искусству князя Россия обязана крупным успехом внешней политики — заключением «вечного мира» с Речью Посполитой 1686 г., закрепившего де-юре воссоединение Украины с Россией. В плане реализации этого договора Голицын осуществил два военных похода против Крымского ханства. Обе эти масштабные военные операции часто трактуют как провальные, а князя представляют слабым политиком и неудачным главнокомандующим. Это не совсем верно. Несмотря на отсутствие крупных результатов, Крымские походы имели частичный военный и определенный дипломатический успех. Они показали, что при лучшей организации и подготовке войск завоевание побережья Черного моря — дело вполне реальное.

В. В. Голицын уделял большое внимание укреплению связей с европейскими державами, а также с Китаем, при нем отношения с этой страной вступили в активную фазу. В 1686 г. по заключенному в Москве между двумя странами «вечному миру» был оформлен союз против Османской империи и заложены основы будущего польско-русского союза против Швеции (Северная война 1700—1721 гг.). Подписав «вечный мир» с Речью Посполитой в 1686 г., Россия присоединилась к антитурецкой Священной лиге (Россия, Австро-Венгерская империя, Венеция и Польша), боровшейся с османами и их вассалом — Крымским ханством.

Москва наконец получила возможность сосредоточиться на решении двух других крупных проблем (завоевание Балтийского побережья, выход к Черному морю и разгром Крымского ханства) внешнеполитической стратегии России.

Правительство царя Федора Алексеевича отложило решение вопроса о выходе к Балтийскому морю и сосредоточилось на борьбе с Османской империей. Крупной внешнеполитической акцией царя Федора стала Русско-турецкая война 1676—1681 гг., закон-

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

чившаяся Бахчисарайским мирным договором, закрепившим объединение Левобережной Украины с Россией. Киев Россия получила еще ранее, по договору с Польшей 1678 г. в обмен на Невель, Себеж и Велиж. Договор в очередной раз перераспределил земли между соседними государствами. Однако он имел большое международное значение и создал предпосылки для подписания в 1686 г. «вечного мира» между Россией и Польшей.

Россия совершила поворот от оборонительных действий к стратегическому наступлению против Порты и Крыма. Новый акцент в политике на южном направлении продемонстрировали предпринятые уже Софьей Алексеевной упомянутые Крымские походы 1687–1689 гг. под руководством князя Василия Голицына. В наступление по Дикому полю была отправлена только часть главных сил. Другая армия окольного Леонтия Неплюева и генерала Григория Косагова прошла вдоль Днепра, нанесла сильный удар по левому флангу крымских татар и разгромила ряд турецких крепостей, закрывавших выход к Черному морю. Для защиты морской цитадели Очаков турки перебросили в Черное море свои военные корабли. Однако прибывший флот не успел спасти уже захваченный русскими Очаков¹.

В 1689 г. русская армия дошла до Перекопа. В течение трех дней татары во главе с ханом жестоко атаковали русские войска, но русские выстояли. Не добившись результатов, крымский хан запросил мира, прислал свои дары. Учитывая, что армия не имела запасов для дальнейшего похода по крымским степям, а в случае захвата удержать Перекоп без наличия опорных пунктов на полуострове было невозможно, Голицын отказался брать Перекоп и возвратился в Россию, сохранив армию.

Крымские походы, безусловно, подняли международный авторитет России. Но главная цель — обеспечение безопасности южных границ Московского царства и доступа к Черному морю — так и не была достигнута.

В XVII в. отношения с европейскими странами, порой неудачные, российская дипломатия стремилась компенсировать развитием связей на востоке. Посольский приказ вел дело к расширению восточных границ России за счет присоединения к ней новых народов и территорий. К XVII в. границы Московского государства

¹ Взятие Очакова потрясло турецкого султана. Опасаясь возможной атаки на Стамбул, султан Мухаммед IV бежал в Малую Азию. Взбунтовавшиеся янычары свергли султана и возвели на престол его брата Сулеймана II (1687–1691 гг.).

вплотную приблизились к Каспийскому морю и горам Кавказа. Проживавшие в приволжских степях, на Северном Кавказе и в Закавказье многочисленные народности искали покровительства Москвы от агрессии со стороны Османской империи и шахской Персии. Армянская церковь, например, обращалась к царю Алексею Михайловичу с просьбой о защите армян от насилия иранских властей. Между царским правительством и шахом Ирана (как и между царем и султаном) неоднократно возникали противоречия по поводу положения Грузии, которая была разделена на части Турцией и Ираном. Испытывая сильное давление мусульманских держав, грузины искали помощи у России.

В XVII в. торговые и политические отношения Московского государства с народами Северного Кавказа и Закавказья, особенно с Грузией и Арменией, постоянно расширялись. Оживленные торговые связи существовали у России с народами Азербайджана и Дагестана: торговля шла через Астрахань и Терской городок.

Усиление присутствия России, ее сближение с кавказскими народами сдерживали действия Ирана и Турции по закреплению на Кавказе этих мусульманских государств. В XVII в. Россия уже имела прямые официальные контакты с Персией (дипломатические отношения были установлены в 1590 г.). Сближению с новым соседом способствовали войны, которые обе страны вели с Османской Портой: персы вели борьбу за территории на Кавказе, а Россия страдала от набегов крымского хана. В царствование Михаила Федоровича из Москвы в Персию ежегодно отправлялись посольства для закупки товаров. В Шемахе обосновалась русская купеческая колония. Во второй половине XVII в. торговые связи с Персией значительно расширились: в 1664 г. правительство шаха Аббаса II предоставило русским купцам право беспошлинной торговли на своей территории. Основная торговля шла через Астрахань (для персидских торговых людей там был построен Гилянский двор). Через Астрахань из Персии вывозился шелк. Монополия на торговлю шелком, который через территорию России поставлялся в европейские страны, принадлежала царской казне. В 1667 г. царское правительство подписало договор с армянской торговой компанией на торговлю иранским шелком. В 1650 г. посол шаха, Мухамад Кули-бек, приехал в Москву, где пожаловался на донских казаков, грабивших персидских купцов в Каспийском море и на его побережье. Царь Алексей Михайлович не захотел конфликтовать с Персией и приказал казнить трех казачьих предводителей.

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

В 1668—1669 гг. отношения с Персией резко обострились из-за морских набегов на ее территорию отрядов казачьего предводителя Степана Разина. После подавления вспыхнувшего затем восстания Разина прежние связи с Персией были восстановлены.

Центром русской торговли с восточными странами после присоединения в XVI в. к Московскому государству Астрахани и Казани была Астрахань. Через нее шла оживленная торговля с двумя узбекскими ханствами — Хивой и Бухарой.

Средняя Азия, которую связывали с Россией деловые и политические отношения, служила посредником в ее дипломатических и торговых связях с Персией и Индией. Русским дипломатам в Бухаре поручалось собирать информацию и накапливать сведения о ситуации в Персии и Индии. Только в начале XVII в. через Среднюю Азию были установлены торговые отношения между русскими и индийскими купцами. В 1615 г. в Астрахани появилась колония купцов из Индии. Экспорт из Бухары и Хивы в Россию, как правило, включал реэкспорт персидских и индийских товаров. В 1647 г. царь Алексей Михайлович приказал астраханскому воеводе построить двор для индийских торговых людей. Со временем индийские купцы организовали торговлю в Саратове, Ярославле и Москве. Они посещали ежегодную Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде. В 1679 г. Посольский приказ отвел в Москве специальное здание для индийских, персидских и армянских купцов.

Представление о развитии русско-индийских отношений дают дошедшие до нас выдержки из документов Посольского приказа: № 25. 1646 г. июня 18. — Из наказа Посольского приказа послам в Персию С. И. Козловскому и И. Зиновьеву о переговорах с персидским правительством о пропуске через Персию: в Индию посольства торговых людей Н. Сыроежкина и В. Тушканова; № 28. 1646 г. июня 21. — Грамота царя Алексея Михайловича индийскому падишаху Шах-Джахану с предложением об установлении дипломатических отношений между Россией и Индией; № 29. 1646 г. июня 24. — Грамота из Посольского приказа Н. Сыроежкину и В. Тушканову о сборе сведений об Индии; № 40. 1649 г. июля 19. — Отписка астраханского воеводы Ф. С. Куракина в Посольский приказ о приезде в Астрахань русских торговых и служилых людей из Персии с известием о войне между Персией и Индией. В XVII в. царское правительство многократно направляло свои посольства в Индию.

Освоение Сибири, продвижение русских землепроходцев и торговых людей дальше на восток, установление связей с ханом

Западной Монголии сделали неизбежным налаживание Россией отношений с Китаем. Несмотря на то что Цинская империя проводила политику изоляции от внешнего мира, торговые связи с Китаем сначала осуществлялись через Среднюю Азию, а затем через Сибирь и Монголию. Первая официальная поездка русских в Китай состоялась еще в 1618–1619 гг. По инициативе тобольского воеводы И. С. Куракина в поисках сухопутного пути в Китай казаки Иван Петлин и Андрей Мадов с товарищами в мае 1618 г. выехали из Томска и осенью достигли Китая. Китайцы хорошо восприняли идею установления отношений с Московским царством. Петлину была вручена грамота к царю от императора с предложением установить дружеские связи и приглашением русским купцам торговать в Китае. Однако написанная на китайском языке грамота более полувека пролежала без перевода. Царское правительство в то время с осторожностью относилось к проектам налаживания связей с далеким и неизвестным Китаем. Миссия Петлина носила скорее разведывательный характер. Петлин представил в Посольский приказ отчет, в котором сообщались точные сведения о сухопутном маршруте из Европы через Сибирь и Монголию в Китай и давалось полное со времен Марко Поло описание Китая. Отчет Петлина оказался необычайно востребованным: уже в первой половине XVII в. он был переведен почти на все европейские языки.

Продвигаясь во второй половине XVII в. на восток «встречь солнца», русские в районе реки Амур столкнулись с китайцами. Освоение русскими людьми Приамурья императорское правительство восприняло негативно, опасаясь усиления здесь влияния России. С целью избежать военного конфликта и заложить основу для договора с Цинской империей, который нормализовал бы русско-китайскую торговлю, в 1668 г. в Пекин был отправлен русский торговый караван. Его глава, Сеткул Аблин, имел указания способствовать торговым отношениям между двумя странами и собрать информацию о Китае. Аблин получил аудиенцию у императора Кан Си и разрешение продать товары, с которыми он прибыл. В начале 70-х годов русские вели уже оживленную торговлю с Китаем через Тобольск. Из Тобольска часть китайских товаров отправлялась в Астрахань для реэкспорта в европейские страны. С 1618 по 1675 г. Китай посетило не менее четырех послов.

По предложению главы Посольского приказа Артамона Матвеева царское правительство решило предпринять новую попытку расширить торговлю с Китаем. В 1675–1676 гг. в Китай направи-

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

лась миссия во главе с ученым Николаем Спафарием. Спафарию поручалось установить дипломатические отношения, договориться об обмене посольствами, наладить торговые связи, пригласить на службу китайских мастеров, узнать об удобных водных и сухопутных путях на Дальний Восток. Но послу России не удалось достичь указанных целей. Император не реагировал на сделанные ему Москвой предложения, требовал ухода русских из Приамурья и в конце концов отправил посольство домой без добрых вестей для царского правительства.

Появление русских казаков и промышленников на Амуре и постройка там русских острогов, а также неудача попыток китайских властей вытеснить русских из прилегающих к Амуру территорий военным путем вынудили китайского императора Кан Си к переговорам о разрешении пограничных споров. Глава русской делегации боярин Федор Алексеевич Головин получил наказ добиться установления нормальных дипломатических отношений с Китайским государством и определить границу между Россией и Цинской империей¹.

Заключенный в 1689 г. Нерчинский договор был компромиссным, но в тех условиях он стал дипломатическим достижением обеих сторон. Договор зафиксировал присутствие России в Восточной Сибири, создал юридическую базу для дальнейшего развития русско-китайских отношений, обеспечил утверждение России в верхнем бассейне Амура, определил границу между двумя государствами и открыл широкие возможности для русской торговли с Поднебесной. Между двумя странами устанавливались постоянные торговые отношения. Нерчинский договор стал первым документом в истории русско-китайских отношений. На основе этого договора русско-китайские отношения строились до середины XIX в.

К концу XVII в. и на западе, и на востоке международные позиции и дипломатическое присутствие России существенно укрепились. На западе Россия усилилась за счет обширной территории Украины. Присоединением Украины московской дипломатии удалось решить одну из стратегических задач, стоявших перед правителями России со времен Ивана III, — возвращение белорусских

¹ Переговоры проходили в сложной обстановке: Нерчинск был осажден маньчжурскими войсками, участвовавшие в переговорах с китайской стороны в качестве советников миссионеры-иезуиты испанец Т. Перейро и француз Ф. Гербилон выступали против соглашения с Россией, создавали тяжелую ситуацию в ходе обсуждения важных вопросов.

и украинских земель, захваченных Литвой в предшествующие столетия. Участием в Священной лиге, совместными с Польшей действиями против Турции Москва наконец стабилизировала свои отношения с наиболее сложным соседом — Речью Посполитой. На юге с приобретением Азова Россия обосновалась на подступах к Черному морю и перестала платить отступные крымскому хану.

Но более впечатляющие перемены произошли на восточных рубежах: продолжая продвижение по Сибири, землепроходцы дошли до берегов Тихого океана. За счет новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке в пространственном отношении Россия увеличилась в разы. Численность русского населения Сибири в конце XVII в. достигала уже 150 тыс. человек, половина из которых приходилась на служилых людей. Сущность и стремительность этого мощного процесса (броска на восток) точно подметил Л. Н. Гумилев: «Практически за один век, от похода Ермака Тимофеевича (1581 – 1583) до войн с маньчжурами на Амуре (1687 – 1689), землепроходцами было преодолено расстояние от Урала до Тихого океана, и Россия легко и быстро закрепились на этом огромном пространстве».

Успехи российской внешней политики были тесно связаны с международными отношениями того времени. Поистине фантастические по европейским меркам территориальные приобретения, не последнюю роль в которых сыграла профессионально подготовленная и опытная дипломатия Посольского приказа, в геополитическом плане создали реальные предпосылки для превращения Московского государства в Российскую империю (в правовом отношении оно было оформлено уже в Петровскую эпоху).

Особенности деятельности Посольского приказа в XVII веке

При царе Алексее Михайловиче влияние Посольского приказа настолько усилилось, что он перестает быть зависимым от Боярской думы и становится самым значительным учреждением в административной системе того времени. Руководители внешнеполитического ведомства, пользовавшиеся расположением государя, стали крупными фигурами в администрации Московского царства. Алексей Михайлович повысил статус главы ведомства иностранных дел, дав ему боярское достоинство. В XVI – XVII вв. в недрах Посольского приказа разрабатывались и осуществлялись основ-

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

ные направления внешней политики русской державы, во многом определившие дальнейший ход российской истории.

Проблемы, которые российской дипломатии приходилось решать в XVII в., стали значительно сложнее и разнообразнее, чем в предшествовавшие столетия. Круг ее полномочий заметно расширился, пополнился вопросами выдачи политических преступников, закупки боевых припасов, найма вооруженных отрядов и заключения займов. Многочисленность функций Посольского приказа в XVII в. привела к увеличению штатов. В 1689 г. Боярская дума установила штатную численность подьячих в 30 человек, в том числе 5 старших подьячих — по числу повытий, 20 средних и молодых и 5 «неверстаных».

В XVII в. московская дипломатия, осваивая международный дипломатический опыт, перенимая европейские правила и приемы, начинает активно интересоваться внутренними делами иностранных государств. В ряде случаев Посольский приказ берет на себя роль защитника монархических устоев в европейских государствах. Так, например, по решению царя Алексея Михайловича Московское государство прервало торговые отношения с Англией в качестве реакции на казнь английского короля Карла I. Негативно восприняли в Посольском приказе и известие о поддержке Францией и Данией республиканской Голландии против английского короля. Ордин-Нащокин полагал даже необходимым объединить силы государей Европы с целью ликвидации республиканских учреждений в ряде государств, которые представляют собой «не что иное, как места заблуждения».

В борьбе с противниками России на международной арене московская дипломатия активно применяла известный метод использования врагов своих врагов. Так, в борьбе с Турцией она опиралась на поддержку покоренного Османской Портой православного населения¹.

В дипломатической практике Посольского приказа того времени применялись методы секретной переписки, что подтверждает дошедшая до нас информация, связанная с иерусалимским патриархом Досифеем II Нотарой. В 1682 г. он через русских дипломатов обратился к царю с просьбой распорядиться «писать к нему без имени и грамоты складывать малые и печатать какою малою печат-

¹ Среди проживавших в Стамбуле греков, особенно из числа служителей православной церкви, Москва имела многочисленных агентов, приносивших ценную информацию.

тью, чтобы того никто не знал, и он-де таким же образом станет писать о великих делах, о которых, потребно, и государю надлежит ведать». Иерусалимский патриарх оказал существенную помощь русскому послу в Константинополе Емельяну Украинцеву в его переговорах с турками о мирном договоре в 1700 г., передав послу важные сведения о позиции султана и антироссийских действиях в Стамбуле представителей европейских держав.

В XVII в. в московской дипломатической практике появился такой новый элемент, как борьба с иностранной прессой с целью пресечения в печати пропаганды, направленной против России. Так, московское правительство выразило Швеции протест из-за печатавшихся в Риге в ходе восстания Степана Разина сообщений, в которых унижалось царское достоинство, «и такие полные лжи куранты распространялись подданными короля во всей Европе». Русские дипломаты резко протестовали и против опубликованного в 50-х годах в Ревеле материала, где царь Иван Васильевич изображался тираном, а Алексея Михайловича сравнивали с Геростратом, который «своевольно тиранствовал в Ливонии». В качестве одной из причин для расторжения мира с Польшей дьяки Посольского приказа ссылались, например, на публикацию «по королевскому и панов-рады велению» книг, в которых содержатся «про... великих государей наших, про бояр и про всяких чинов людей злые бесчестия, укоризны и хулы». Москва требовала от Речи Посполитой законодательно закрепить уничтожение книг, изображавших Россию в негативном свете.

Укрепление дипломатических и торговых связей Московского государства с европейскими странами обусловило появление в Москве иностранных резидентов, представлявших интересы различных государств. Уже в конце XVI в. в дипломатических документах упоминается английский резидент в Москве, выполнявший консульские функции. В начале XVII в. появляются резиденты и из других европейских государств. Москва столкнулась с тем, что многие из них помимо дипломатических и консульских обязанностей выполняли разведывательные функции. Посольскому приказу, например, было известно, что шведский резидент имел от своего правительства поручение «со всем прилежанием наблюдать за происходящим при царском дворе» и обо всем доносить своему правительству.

Расширение связей с иностранными государствами и усиление централизованной власти в середине XVII в. привели в 1654 г. к созданию Алексеем Михайловичем нового центрального учреж-

ДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XVII ВЕКА

дения, имевшего отношение и к внешним делам, — Приказа тайных дел. Эта подчинявшаяся непосредственно царю особая служба занималась вопросами разведывательной деятельности, розыском иностранных агентов, шифровальным делом и охраной государя. Доставка наиболее важных писем царя послам осуществлялась исключительно подьячими тайной службы. После кончины царя Алексея в 1676 г., Приказ тайных дел был упразднен, а дела внешней разведки снова перешли к Посольскому приказу. В конце XVII в. была упразднена и Боярская дума.

Учитывая, что Московское государство в начале XVII в. только задумывалось об организации за рубежом своих постоянных представительств, Посольский приказ внимательно наблюдал за европейскими дипломатами и стремился ограничивать их число, утверждая, что в мирное время им «быть не для чего». Вместе с тем отсутствие у России постоянных миссий за границей неблагоприятно сказывалось на деятельности московской дипломатии, которая порой была слабо осведомлена об иностранной политике. Исключением, пожалуй, были отношения с Крымом, где московские дипломаты — «годовые посланники» — находились около года до своей замены другими русскими представителями.

Отставание России от Европы в организации за рубежом постоянных дипломатических представительств (в европейских странах они распространились уже в XVI в.) было связано с большими расходами на содержание посольств, отсутствием хороших путей сообщения и связи, недостатком профессионально подготовленных и опытных дипломатов. Тем не менее к концу XVII в. институт постоянного дипломатического представительства прочно утверждается и в России. Учреждение постоянного представительства и появление юридических норм, регулирующих положение и деятельность дипломатов, свидетельствовали о той большой роли, которую дипломатия стала играть в осуществлении российской внешней политики. Первые русские постоянные миссии в европейских государствах были учреждены в Швеции в 1634 г. и Речи Посполитой в 1673 г.

До отправки дипломатических миссий Посольский приказ подробно разрабатывал указы — поручения, в том числе и разведывательного характера, возлагавшиеся на их руководителей. В наказах прописывался и весь церемониал посольства. Послам, например, запрещалось до аудиенции у государя вести какие-либо переговоры с министрами страны пребывания. Другим требованием было, чтобы русский посол не представлялся государю одновре-

ГЛАВА 6

менно с главами миссий других государств и даже в один и тот же день с ними. Указывалось, как приветствовать иностранного государя. Царское правительство следило, чтобы послы не допускали никаких унижительных проявлений почтения. Главам миссий, отправлявшимся, например, к турецкому султану, давался наказ «поклон правити стоя, а на колени не садиться»¹.

В XVII в. еще не делали больших различий между дипломатической и разведывательной службой, понятия разведывательной и дипломатической деятельности были одного свойства. Практически до начала XX в. управление внешней разведкой находилось в руках дипломатического ведомства. Это возлагало на послов большую ответственность: надо было уметь вести переговоры с представителями иностранных государств и в то же время добывать секретные сведения, что требовало определенных навыков, неординарных усилий и крайней осторожности.

Контрольные вопросы

1. Какие требования предъявлялись русским послам, направлявшимся с дипломатической миссией в иностранные государства?
2. Какую из трех стратегических задач внешней политики российской дипломатии удалось решить в XVII в.?
3. Когда в российской дипломатической службе появились постоянные дипломатические представительства?

Рекомендуемая литература

- Гумилев А. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспрос, 1994.
- Дипломатическая служба: Учеб. пособие / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Зонова Т. В. Дипломатия: модели, формы, методы: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2013.
- История России с древнейших времен до наших дней: Учебник: В 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М.: Проспект, 2016.
- Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906.
- Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.

¹ Посол в Персии Васильчиков наотрез отказался от целования «шаховой ноги»: «я того и слухом не слышал, что государя нашего послам и посланникам государей в ногу целовать». Не согласился он также, чтобы шах взял царскую грамоту, сидя верхом на лошади. В обоих случаях персы уступили.

Глава 7

ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Превращение России в великую державу произошло в эпоху правления Петра I. И хотя из 35 лет его царствования Россия не воевала только один год, свое могущество она обрела не только на поле брани, но и в значительной мере благодаря выдающимся успехам на поприще дипломатии. Конечно, дипломатические акции не могут вызвать такого громкого резонанса, как военные сражения, но без них невозможно одержать истинную победу, так как любая война рано или поздно заканчивается миром. А каким этот мир будет, в значительной мере зависит от успехов дипломатии. Именно в эпоху Петра, одержавшего выдающиеся военные победы, необычайно ярко проявилась незаменимая роль дипломатических усилий в становлении величия России, что дает основания считать Петра создателем новой российской дипломатии.

Сам Петр прекрасно понимал незаменимую роль дипломатии в достижении своих масштабных целей — переустройства России. Он не только активно занимался внешней политикой в целом, но и лично решал все важнейшие вопросы российской дипломатии, стал первым русским царем, лично подписывавшим международные договоры.

Молодому царю, ставшему единодержавным государем в 1689 г., досталось тяжелое наследство. Продолжалась начатая ранее война с Турцией, Московское государство платило дань ее вассалу — крымскому хану, войска которого осуществляли разорительные набеги на южные русские земли и уводили их жителей в плен для продажи на невольничьих рынках. Изгнав после Смутно-

го времени польских и шведских интервентов из разоренных центральных районов страны, Россия тем не менее потеряла свои прибалтийские земли. По Бахчисарайскому мирному договору 1681 г. Москва уступила Правобережную Украину туркам. Не имея никакого влияния в Европе, Московское царство поддерживало нормальные, хотя и далеко не простые связи, по сути, только с двумя соседними странами — Швецией и Польшей. Все вопросы международной политики, в том числе затрагивавшие интересы Москвы, решались ведущими европейскими державами без учета позиции России. На фоне быстрого экономического прогресса европейских держав, богатевших за счет эксплуатации заморских колоний, Россия все больше отставала в своем развитии.

После свержения в августе 1689 г. Софьи — старшей сестры и регентши при двух малолетних царях Петр стал единодержавным государем. На первых порах он осматривался, проводил много времени в Немецкой слободе — районе проживания иностранцев на реке Яузе. Отличаясь любознательностью, Петр в общении с находившимися на русской службе иностранцами — Францем Лефортом, Патриком Гордоном, Францем Тиммерманом (с двумя первыми царь особенно подружился) черпал полезные знания о Европе, царивших там порядках и обычаях, которые позже пригодились ему в дипломатической деятельности.

Понимая важность выхода России к морю, Петр продолжал начатую Софьей войну с турецким вассалом — Крымским ханством, хотя основное внимание в те годы русская дипломатия уделяла малороссийским делам, где после воссоединения Украины с Россией в 1654 г. не прекращались происки поляков, шведов и турок. На южном направлении, в отличие от своих предшественников, Петр сосредоточил внимание не на борьбе с Крымским ханством, а решил нанести удар по позициям его патрона — Турции. Предприняв в 1695 г. неудачную попытку взять турецкую крепость Азов, Петр организовал срочную постройку небольшого галерного флота, благодаря которому уже летом 1696 г. русские войска смогли завоевать Азов. Поблизости Петр нашел удобную гавань, где велел построить портовый город Таганрог. Это был первый успех молодого царя, вызвавший в Европе удивление, хотя взятие Азова еще не обеспечивало России выхода в Черное море, а тем более свободы мореплавания по нему.

Вместе с тем в дипломатическом плане овладение Азовом сделало Австрию и Венецию более сговорчивыми на трудных перегово-

рах, которые русская дипломатия вела с ними о продолжении союза против Турции. В Польше, также считавшейся союзницей России против Турции, но проявлявшей полное бездействие, взятие Азова было встречено с явной настороженностью. Но одержанная военная победа позволила русской дипломатии более решительно требовать от Польши соблюдения русско-польского договора.

Великое посольство

Чрезвычайно важную роль в становлении Петра как дипломата, политика, государственного деятеля, в формировании его внешнеполитических и реформаторских взглядов имело так называемое **Великое посольство** — поездка царя и ряда его сподвижников по европейским странам в 1697—1698 гг., продолжавшаяся полтора года.

Формально возглавлять Великое посольство царь поручил трем великим послам (высший дипломатический чин тех времен), назначив на эти должности генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина и думного дьяка Прокофия Богдановича Возницына. Это были опытные дипломаты, люди надежные, преданные Петру. Головин, представитель старого боярского рода, был одним из близких соратников царя. Ранее он вел переговоры с правившей в Китае маньчжурской династией Цин и подписал в 1689 г. Нерчинский договор, который разграничивал сферы влияния России и Китая и открывал возможности для торговли между двумя странами. Именно ему было поручено отвечать за дипломатическую деятельность Великого посольства. Что касается Возницына, то он был опытным, осторожным дипломатом старой закалки, хорошо проявившим себя в 1681 г., когда, возглавив посольство в Константинополь, заключил там мирный договор между Россией и Крымом. Помимо трех указанных послов в состав Великого посольства входило еще около 250 человек.

Основными целями беспрецедентного путешествия Петра были знакомство с политической жизнью стран Европы, изучение опыта и достижений в государственном, политическом и военном устройстве. Петр хотел посмотреть и перенять все то, что могло быть полезным России, помочь ее быстрому развитию и возвышению. Особенно Петра интересовало морское дело.

Готовясь к своей дипломатической миссии, Петр лично написал директивы трем возглавлявшим ее великим послам, поручая им

во время пребывания в Европе найти и нанять на русскую службу опытных и способных иностранных морских офицеров и матросов, приобрести современное оружие, материалы для производства вооружений, оснастку для кораблей.

Отправившись в апреле 1697 г. в путь в составе Великого посольства инкогнито, Петр прибыл сначала в Ригу, находившуюся на завоеванной Швецией территории. Шведы, хотя и оказали Великому посольству официальные почести, встретили русскую миссию холодно и с явным подозрением. Они даже не позволили Петру посмотреть на стоявшие в порту голландские корабли. Любопытно, что недружелюбный прием, оказанный шведами в Риге, позже стал одним из официальных поводов для объявления Россией войны Швеции. Далее Великое посольство направилось в герцогство Курляндское, находившееся в вассальной зависимости от Польши, где было принято с большим радушием. Оттуда Петр, впервые увидевший там Балтийское море, в сопровождении небольшой группы волонтеров на корабле отправился в Кенигсберг.

Глава Бранденбургско-Прусского государства курфюрст Фридрих III был из династии Гогенцоллернов. Соблюдая инкогнито Петра, он тем не менее принял царя исключительно пышно и любезно, всячески обхаживал его, предоставил царю даже возможность поупражняться в артиллерийском деле под руководством своего искусного главного бомбардира. Но ни радушный прием, ни заверения в вечной дружбе, которые звучали из уст курфюрста, рассчитывавшего заключить с Россией союзный договор, с тем чтобы усилить свое собственное влияние в Священной Римской империи германской нации, не обманули Петра. Несмотря на свою молодость и неопытность, царь сумел распознать в некоторых предложениях Фридриха опасность для России, чреватую ухудшением отношений с Веной — главным союзником Москвы в борьбе с Турцией, ненужным в тот момент обострением отношений со Швецией и риском возникновения напряженности в отношениях с Польшей. Неприемлемые статьи договора, на которых настаивал курфюрст, русские отклонили и заключили с Бранденбургом договор о дружбе, полезный России в контексте предстоявшей ей позже борьбы за выход к Балтийскому морю.

Решив плыть далее морем в Голландию, Петр, однако, был вынужден сделать остановку в Польше, которая после смерти короля Яна Собеского летом 1696 г. находилась в состоянии полной анархии. Продолжавшееся уже год отсутствие в этой стране коро-

ля угрожало внешнеполитическим интересам России, желавшей сохранения подписанных ранее с Польшей важных договоров. Наиболее реальными претендентами на польский трон были ставленник Парижа французский принц де Конти и кандидат Вены — курфюрст Саксонии Фридрих-Август I. Поскольку Франция была союзницей Турции, Россия поддержала кандидата своего союзника — Австрии, который к тому же дал заверения в готовности соблюдать российско-польский договор о «вечном мире».

Поначалу Россия не вмешивалась в процесс выбора короля Польши, но в условиях затянувшегося в этой стране хаоса и значительно усилившихся интриг и подкупа со стороны де Конти, не скрывавшего намерения после вступления на польский престол заключить союз с Турцией и крымским ханом, медлить было нельзя. Находясь в Пилау, Петр направил 31 мая польскому сейму письмо, в котором заявил о неприемлемости кандидатуры де Конти на место короля. На границе с Польшей была размещена 60-тысячная русская армия. Угрозы французского принца начать войну против России и отобрать Смоленск побудили царя вскоре направить сейму второе письмо, которое способствовало усилению сторонников Августа и избранию его на польский престол. В ответ на поздравление Петра Август пообещал сохранить союз между Польшей и Россией. Царь получил возможность продолжить свое путешествие.

Доплыв на корабле до Германии, Петр из-за появления в Балтийском море пиратских кораблей, нанятых французами, решил продолжить путешествие по суше. В Ганновере он сделал остановку для встречи с супругой курфюрста Бранденбургского — Софией-Шарлоттой — прекрасно образованной женщиной, хорошо известной в Европе. Ей очень хотелось познакомиться с «диким зверем» из России, и она сама попросила о встрече. В своих воспоминаниях об обеде с Петром София-Шарлотта писала, что была приятно удивлена прекрасными манерами и галантным поведением Петра, отметила живую, интересную беседу с ним, естественность и непринужденность русского царя. Не задерживаясь долго в Ганновере, Петр тронулся в Голландию — политический центр Европы того времени.

Отношение Петра к Голландии — особое. Среди учителей царя было много голландцев, среди них Франц Тиммерман. Лефорт долго служил в этой стране и много рассказывал о ней. Единственным иностранным языком, которым свободно владел Петр, был голландский. Голландия была главным торговым партнером России,

имела самый большой в мире торговый флот, достигавший 16 тыс. кораблей. В Амстердаме функционировали банки, страховые компании, фондовые биржи. Страна была поистине великой морской, колониальной и торговой державой, по своему богатству она превосходила все остальные страны Европы. Сумев в 1672 г. отстоять свою независимость от покушавшейся на нее Франции, маленькая Голландия воспринималась в те годы в качестве политического центра мира. К тому же глава государства штатгальтер Вильгельм III Оранский в 1688 г. стал одновременно королем Англии.

Прибыв 7 августа в Голландию, задолго до приезда туда Великого посольства, Петр, сохраняя инкогнито, поступил работать на корабельную верфь в Саадреме, чтобы научиться искусству судостроения. Узнав вскоре, что основным центром строительства больших военных кораблей был Амстердам, царь перебрался туда. В те же дни туда добралось и Великое посольство, которому была устроена торжественная встреча. Русские дипломаты были размещены в лучшей гостинице города, все расходы голландцы взяли на себя. Руководство Ост-Индской компании разрешило Петру и его людям принять участие в строительстве кораблей и специально в учебных целях заложило новый фрегат. Царю также довелось поучаствовать в показательном морском сражении, устроенном голландцами для русского посольства.

На протяжении всего Великого посольства Петр, оставаясь в тени, самым непосредственным образом руководил его работой, давал послам указания, по существу управляя всей внешней политикой России, так как на время Великое посольство фактически превратилось в «выездное» министерство иностранных дел.

1 сентября 1697 г. в Утрехте состоялась личная встреча между Петром и Вильгельмом Оранским, в ходе которой царь рассказал штатгальтеру о своих далекоидущих планах по преобразованию России и строительству флота.

Узнав, что истинными мастерами теории и практики кораблестроения были в то время не голландцы, а англичане, Петр согласовал свою поездку на Британские острова с Вильгельмом, являвшимся также королем Англии. Тот, проявляя личное расположение к Петру, решил подарить русскому царю только что построенную в Англии яхту.

Оставив основную часть Великого посольства в Голландии вербовать офицеров, матросов, инженеров и врачей для русского флота, а также закупать новейшие ружья со штыками, разнообразное

морское оборудование и военные материалы, Петр в сопровождении небольшой группы волонтеров 9 января 1698 г. отплыл морем в Англию. Три месяца пребывания в Англии царь в основном посвящал внимательному изучению всех ее технических и научных достижений, осмотру дворцов, замков, театров, музеев. Особое внимание он уделял всему, что было полезно для укрепления военной мощи России, в первую очередь для создания русского флота. Как и во время пребывания в Голландии, в Англии Петр интересовался политической и общественной жизнью, тем, как устроены и функционируют политические институты этих стран, в частности парламент. Почерпнутые там методы рационального административного управления он позже использовал при проведении своих реформ в России.

Что касается дипломатии, то во время посещения Англии Петр не имел возможности заниматься ею в повседневном режиме: все свое время он посвящал приобретению новых знаний, прежде всего в области теории кораблестроения и судоходства.

Длительное пребывание в Гааге, а затем в Лондоне дало Петру возможность вблизи наблюдать изощренность, двуличие и коварство внешней политики европейских государств.

Страны Европы ждали близкого конца короля Испании Карла II, не имевшего наследника. Их привлекало богатейшее наследие приходившей в упадок Испании, во владении которой находились обширные колонии в Южной, Центральной и частично Северной Америке, в Африке, на Филиппинах и ряде других архипелагов. Претенденты на испанский трон были и среди Габсбургов, и среди Бурбонов, но не только. И это порождало напряженную дипломатическую борьбу за испанское наследство, которая велась уже на протяжении нескольких лет.

Вернувшись в конце апреля 1698 г. из Англии в Голландию, Петр 15 мая отправился в обратный путь, лежавший через Вену.

Прибыв 11 июня в Австрию, Великое посольство столкнулось с множеством мелких формальностей и проволочек, ощутило пренебрежительное к себе отношение. После долгих проволочек австрийцы все же удовлетворили просьбу о личной встрече Петра с императором Леопольдом I. Она состоялась, но носила неофициальный характер.

Несмотря на то что Россия и Австрия являлись союзниками, интересы двух стран значительно различались. Разбив в сентябре 1697 г. турецкую армию в сражении при Зенте, Австрия теперь

стремилась закрепить победу, чтобы освободить себе руки для войны за Испанию. Россия лишь взяла Азов и хотела продолжать войну, чтобы обеспечить свои интересы на Черном море. Петр понимал, что австрийские Габсбурги в лице Леопольда, увидев уникальный шанс укрепить свою империю за счет приобретения испанского наследства, уже приняли решение спешно замириться с Турцией. Интересы двух монархов резко расходились. Поэтому, когда австрийцы, давая согласие на личную встречу Леопольда с Петром, выдвинули условие не обсуждать никаких политических вопросов, царь это предложение принял.

В то же время начало официальных переговоров Великого посольства с австрийцами все время откладывалось. Между тем появлявшиеся сведения о тайных переговорах, которые австрийцы вели с турками, становились все более тревожными. В этих обстоятельствах Петр, отбросив формальности, направил канцлеру Австрии графу Кински записку, в которой поставил три вопроса. *Во-первых*, царь хотел знать, намерен ли император продолжать войну с турками или хочет заключить с ними мир? *Во-вторых*, если император был намерен заключить мир, то царь интересовался, какими условиями он удовольствуется? *В-третьих*, упомянув, что он знает о том, что турецкий султан ищет у цесаря мира через посредничество английского короля, Петр спрашивал, какие условия предлагаются турками императору и союзникам?

Граф Кински, проигнорировав позицию России, пошел на хитрость. Он в срочном порядке подготовил письменный ответ на полученные им ранее мирные предложения Турции и, поставив на нем дату задним числом, пытался представить дело так, будто этот ответ был отправлен еще до приезда Великого посольства. Иными словами, австрийцы таким маневром бесцеремонно отстранили своего союзника Россию от разработки условий мира с Турцией.

Видя подлое двурушничество австрийцев, Петр тем не менее решил руководствоваться долговременными интересами России и не пошел на открытое разоблачение трюков австрийской дипломатии. Этим поступком царь избежал изоляции России. Ознакомившись с полученным от Кински ответом, он провел две встречи с канцлером, на которых заявил, что, вступая в переговоры с общим врагом, император Австрии нарушает свои обязательства, что для установления прочного мира Россия настаивает на передаче ей Турцией крымской крепости Керчь. Если Турция не согласится вы-

полнить это требование, то император Австрии должен вместе со своими союзниками продолжить наступательную войну до окончания трехлетнего срока действия союза, т.е. до 1701 г.

Через три дня Кински вручил Петру ответ императора, в котором тот признавал справедливость требования о передаче Керчи России, но отмечал, что это трудновыполнимо. Он обещал поддержать требования России на переговорах с Турцией, но отклонил идею продолжать войну против турок до 1701 г. По сути, ответ императора означал неудачу русской дипломатической миссии в Вене, но, поскольку России нечего было противопоставить сложившимся обстоятельствам, Петру пришлось смириться.

Получив сообщение о бунте четырех стрелецких полков на литовской границе, Петр отменил свои планы ехать из Вены в Венецию и 19 июля с небольшой свитой срочно поскакал в Россию. Великое посольство, получив от царя директивы, направилось в Венецию без него.

Домчавшись до Кракова, Петр получил там письмо, в котором сообщалось, что стрельцы, двинувшиеся на Москву, были разбиты под Истрой. Торопиться уже было незачем. Задержавшись в Польше, Петр вновь встретился с Августом II. Они говорили о союзе двух стран и о совместной войне с турками, но, оставшись наедине, Петр обсудил с польским королем идею совместной войны против Швеции и получил от него поддержку.

К этому времени Петр уже окончательно укрепился в мысли, что выход к Черному морю важен, но он еще не обеспечит России морского пути в Европу. Тем более что предательская политика Австрии и отказ Голландии и Англии поддерживать Россию в ее действиях против Турции делали перспективу продолжения войны очень неопределенной. Петр пришел к убеждению, что России необходимо вернуть себе русские земли на Балтийском побережье, чтобы Швеция больше не могла отрезать Россию от Европы. Выход к Балтийскому морю был абсолютно необходим для расширения связей России с внешним миром, ускоренного развития страны и обеспечения ее безопасности.

За полтора года Великого посольства Петр увидел всю сложность и противоречивость международных отношений в Европе, понял, что любое усиление России будет там встречено крайне враждебно. Молодой и энергичный царь решил, используя новые знания, опыт, полученные в Европе уроки, наверстать отставание

России, провести радикальные реформы всех областей жизни, необходимые для обновления России. С этой точки зрения Великое посольство можно считать началом петровской дипломатии — напористой, целеустремленной, пронизанной верой в будущее России. Великое посольство послужило трамплином и катализатором давно назревших и далекоидущих преобразований России во всех областях, осуществленных Петром, активного и всестороннего сближения с Западной Европой.

Поворот на северное направление

Предшественники Петра понимали важность для России свободного выхода к морю и не раз предпринимали попытки его получить, но из-за нехватки сил, внутренних неурядиц, отсталости страны и недостаточной целеустремленности эти попытки заканчивались неудачей. Признавая важность и необходимость выхода к Черному морю, Петр тем не менее принял во внимание складывавшиеся реалии международной обстановки и пришел к осознанию того, что первостепенные усилия России следует сосредоточить на северном направлении. С момента возвращения царя из поездки в Европу все его усилия были сосредоточены на решении этой стратегической цели. Начатые им в этот период великие преобразования были неразрывно связаны с достижением этой коренной задачи, поскольку Петр понимал, что в Европе Россия должна была появиться не слабой и отсталой, но обновленной, сильной и динамичной державой, чтобы ее уважали и с ней считались. Во всех действиях царя начала проследиваться железная логика государственного интереса.

За изданным в июне 1699 г. указом Петра о роспуске стрелецкого войска в ноябре последовал указ о формировании путем призыва новой регулярной армии. Одновременно в Воронеже с утроенной энергией продолжалось начатое двумя годами раньше интенсивное строительство русского морского флота. В деятельности Петра начался «великий препаративный», охвативший все сферы жизни России, включая и дипломатическую службу.

Со времени свержения царевны Софьи в 1689 г. дипломатическая служба России находилась в ведении дяди Петра по матери Льва Кирилловича Нарышкина, являвшегося по сути «премьер-министром» страны. Практической деятельностью Посольского приказа руководил Е. И. Украинцев.

Исходный дьяк **Емельян Игнатьевич Украинцев**, возглавлявший в 1689—1699 гг. Посольский приказ, происходил из мелкопоместного дворянства. Он был опытным дипломатом, пришедшим на службу в Посольский приказ в 1660 г. и участвовавшим во многих посольствах и переговорах тех лет. Уже в 1662—1663 гг. он вместе с выдающимся дипломатом А. Л. Ординым-Нащекиным, в 1667 г. возглавлявшим Посольский приказ, входил в состав русского посольства в Варшаву. В 1667 г. Украинцев участвовал в заключении Андрусского перемирия с Польшей, завершившего русско-польскую войну 1654—1667 гг. за Украину и Белоруссию, по которому за Россией закреплялись Смоленск и Чернигов и подтверждалось присоединение Левобережной Украины. В 1672—1673 гг. Украинцев являлся посланником России в Швеции, Дании и Голландии, добиваясь их присоединения к войне против Турции. В годы правления царевны Софьи Украинцев вошел в доверие к ее фавориту князю В. В. Голицыну, возглавлявшему Посольский приказ. Благодаря этому он на протяжении нескольких лет фактически руководил повседневной работой этого ведомства.

После свержения царевны Софьи и отставки В. В. Голицына Украинцев был назначен главой Посольского приказа и занимал этот пост в течение десяти лет (1689—1699 гг.). Будучи опытным профессиональным дипломатом, он добросовестно руководил внешнеполитическим ведомством в первое десятилетие правления Петра, когда всем в стране заправляли люди, близкие к матери царя Наталье Кирилловне Нарышкиной, а также родственники жены Петра — Евдокии Лопухиной. По возвращении из своего так называемого Великого посольства в Европу Петр направил Украинцева послом в Константинополь, поручив ему весьма непростую задачу — договориться с Турцией о заключении мира.

В Константинополе Украинцев столкнулся с сильным противодействием со стороны английских и голландских дипломатов, пытавшихся помешать выполнению им своей миссии. Тем не менее посол успешно выполнил задание царя и 3 (14) июля 1700 г. подписал с турками тридцатилетний Константинопольский мирный договор. Он закреплял за Россией завоевания военных походов: Азов с прилегающими территориями и крепостями Таганрог, Павловск и Миус признавались русскими. Территория Приднепровья, занятая русскими войсками, возвращалась Турции, которая обязалась уничтожить все находящиеся на ней военные укрепления. Стороны также взяли на себя обязательство не возводить

ГЛАВА 7

новых укреплений в приграничных зонах и не допускать вооруженных набегов своих подданных и вассалов на земли соседнего государства. Турция обязалась освободить русских пленных и предоставить России равное с другими странами право иметь в Константинополе свое дипломатическое представительство. Договор освобождал Россию от ежегодной уплаты дани крымскому хану.

Петр высоко оценил заслуги Украинцева, добившегося столь нужного России мира, и пожаловал его чином думного дворянина. В дальнейшем он еще не раз выполнял различные дипломатические поручения царя. Скончался в 1708 г.

В феврале 1700 г. главой Посольского приказа был назначен **Федор Алексеевич Головин**, заслуживший в ходе Великого посольства полное доверие Петра.

Большой степени трудами **Головина** были осуществлены структурные изменения во всей системе приказов, которые затронули и Посольский приказ. Головин был умным и энергичным помощником, преданным соратником Петра. Именно он заложил те основы петровской дипломатической службы, на которых она функционировала на протяжении XVIII в. Будучи выдающейся личностью своего времени, он не только умело руководил дипломатической службой России, но также активно помогал царю во всех его преобразованиях и, конечно же, в проведении активной внешней политики России.

Вернувшись из Европы, Петр начал не только военную, но и серьезную дипломатическую подготовку к войне против Швеции.

Поиск союзников взяла на себя русская дипломатия. Инициативу проявила Дания, враждовавшая со Швецией из-за герцогства Шлезвиг-Голштиния, она предложила России заключить союз. В целях сохранения тайны Петр решил вести переговоры о создании такого союза лично. Он провел несколько конфиденциальных встреч с чрезвычайным посланником Дании в Москве Гейнсом

и, вникая во все детали, лично работал над проектом союзного договора, который подготовили датчане. По настоянию царя в договор была добавлена секретная статья, по которой Россия обязалась вступить в войну против Швеции только после заключения постоянного мира с Турцией. 21 апреля 1699 г. текст Русско-датского договора был полностью согласован и готов к подписанию двумя монархами.

11 ноября 1699 г. Петр встретился с личным представителем польского короля Августа и подписал договор, на котором заранее уже поставил свою подпись польский король. Таким образом, два двусторонних договора, которые Россия заключила с Данией и Августом, означали на деле создание тройственной коалиции, ставшей известной как **Северный союз**. Оба этих договора подписал лично царь, и это придавало им особый вес. Но до заключения мира с Турцией Северный союз оставался только на бумаге.

Для осуществления планов на Балтике Петру был нужен прочный мир с Турцией. 2 апреля 1699 г. царь подписал указ о назначении главы Посольского приказа дьяка Е. И. Украинцева послом в Константинополь, поручив ему добиться заключения постоянного мира с Турцией. Детальные инструкции Украинцеву готовил сам Петр при участии Ф. А. Головина. Было решено, что в Константинополь Украинцев отправится на военном корабле, а провожать его до Керчи будет русская эскадра под командованием адмирала Ф. А. Головина. В ее состав вошли 12 больших военных кораблей и много вспомогательных судов. Это была крупная военно-морская демонстрация, предпринятая в дипломатических целях.

Выйдя 5 августа из устья Дона в Азовское море, русская эскадра вскоре достигла Керчи и встала на рейд, вызвав у турок настоящий ужас. Далее до Константинополя линейный 46-пушечный корабль «Крепость» с Украинцевым на борту должен был идти один, но турки стали настаивать, чтобы посол отправился сушей. На это Головин ответил, что готов проводить русского посла до Константинополя всей эскадрой. Турки были вынуждены уступить, и вскоре корабль «Крепость» вышел в Черное море.

Военный корабль «Крепость» с послом Е. И. Украинцевым на борту благополучно пересек Черное море и бросил на рейде Константинополя якорь прямо напротив дворца турецкого султана. Увидев утром под своими окнами русский корабль, султан был настолько поражен, что отправился осматривать его лично. Демонстрация силы, предпринятая Петром, не только явно увеличила

шансы на успех дипломатической миссии Украинцева, но и превратила русский флот в важный фактор внешней политики России.

К лету 1969 г. обстановка в мире обострилась. Хотя Англия, Голландия и Франция заключили договор о мирном разделе испанского наследства, однако Австрия присоединиться к нему не пожелала. Возросла вероятность войны, повысившая заинтересованность Англии, Голландии, а также Австрии в том, чтобы Турция ввязалась в новую войну с Россией и не могла оказать поддержки их общему врагу — Франции. Поэтому они принялись усиленно подталкивать турецкого султана к войне против России.

Понимая серьезность ситуации, Петр направил в Гаагу одного из наиболее опытных и талантливых русских дипломатов — **Андрея Артамоновича Матвеева**.

Матвеев происходил из знатного боярского рода, в его семье воспитывалась будущая царица и мать Петра I — Наталья Кирилловна Нарышкина. Сам Матвеев получил прекрасное образование, владел несколькими иностранными языками. Из-за распрей с родственниками первой жены царя Алексея Михайловича — Милославскими отец Матвеева Артамон в 1676 г. был с семьей отправлен в ссылку, из которой вернулся лишь с вступлением на престол Петра. Во время Стрелецкого бунта в мае 1682 г. Артамон Матвеев был на глазах у сына убит восставшими.

В 1683—1684 гг. Андрей Матвеев служил при царе Петре в звании стольника в селе Преображенском, затем был воеводой Двинского края, а позднее ярославским наместником. В 1699—1707 гг. Матвеев занимал пост чрезвычайного и полномочного министра России в Голландии, став, по сути, первым постоянным дипломатическим представителем России в Европе. В 1707—1708 гг. был послом России в Англии, где вел переговоры о возможном посредничестве Лондона между Россией и Швецией. В 1708—1712 гг. он вновь занимал пост посла в Голландии, а в 1712—1715 гг. служил в качестве посла России в Вене, где пытался договориться о заключении оборонительного союза между Россией и Австрией против Турции.

Петр высоко ценил преданность и высокие деловые качества Андрея Матвеева и, направляя его в Гаагу — важнейший центр дипломатической жизни

того времени, поставил перед ним весьма непростые задачи. Матвеев должен был всеми доступными средствами оказывать содействие трудным переговорам, которые в Константинополе вел Украинцев с целью добиться заключения долгосрочного мира с Турцией. В частности, убедить штатгальтера Голландии подтолкнуть Турцию к заключению мира с Россией. Одновременно Матвеев должен был попытаться привлечь Голландию на сторону России в надвигавшейся войне против Швеции, а также противодействовать попыткам возможного сближения между Голландией и Швецией. Поскольку штатгальтер Голландии Вильгельм III одновременно являлся королем Англии, Петр рассчитывал, что через него Матвееву удастся оказывать влияние и на политику Лондона.

Матвееву не удалось выполнить возложенные на него Петром задачи, хотя его активная дипломатическая работа в Гааге была весьма полезной для России. Он организовал закупки оружия в Европе, которое тайно доставлялось в Россию. Установив обширные доверительные контакты, Матвеев регулярно информировал Петра обо всех хитросплетениях европейской политики, оказывал всяческую поддержку, в том числе информационную, миссии Украинцева, упорно добивавшейся в Константинополе заключения мира с Турцией, регулярно передавал в Москву сведения, поступавшие в Гаагу из Константинополя о ходе переговоров Украинцева.

Переговоры Е. И. Украинцева в Константинополе, начавшиеся 19 ноября 1699 г., растянулись на восемь месяцев и в условиях многочисленных грубых выпадов со стороны турок требовали от него исключительной выдержки и упорства.

В основу переговорной позиции Украинцева было положено предложение России заключить «вечный мир» с Турцией на следующих условиях. Каждая из сторон сохраняла то, чем она фактически владела. Россия прекращала выплату дани крымскому хану, который брал обязательство прекратить набеги на русские земли. Русскому флоту обеспечивалась свобода плавания по Черному морю. Осуществлялся обмен пленными. Святые места в Иерусалиме возвращались под контроль греческой церкви.

Эти условия вызвали возражения турецкой стороны, но в процессе переговоров стало ясно, что камнем преткновения являлось требование России предоставить ей свободу плавания по Черному морю. В этом вопросе Украинцеву пришлось уступить, после чего фокус разногласий переместился на проблему занятых русскими

войсками четырех днепровских городков-крепостей, контроль над которыми открывал путь к овладению устьем Днестра. Согласившись с закреплением за Россией Азова, дававшего русскому флоту выход в Азовское море, путь из которого в Черное море оставался под их контролем, турки решительно воспротивились сохранению за Россией днепровских городков. Переговоры Украинцева оказались под угрозой срыва, ситуация для России складывалась поистине критическая.

В таких обстоятельствах Россия была вынуждена пойти на серьезную стратегическую уступку и дала согласие на передачу Турции днепровских городков. Но эта уступка давала Петру возможность сосредоточить все силы на достижении своих целей на Балтике. В конце концов Турция все же пошла на заключение мира с Россией, и 3 июля 1700 г. в Константинополе мирный договор между Россией и Турцией был подписан сроком на 30 лет. Он закреплял за Россией Азов, устье Дона и прилегающие земли и крепости, в том числе Таганрог, Павловск, Миус. Получив Приднепровье, Турция обязалась уничтожить все расположенные там укрепления и не возводить новых, взяла обязательство освободить всех русских пленных и предоставить России право открыть в Константинополе свое постоянное дипломатическое представительство. Россия освобождалась от уплаты ежегодной дани крымскому хану, Турция обязалась не допускать набегов своих подданных на земли соседних государств. Таким образом ставился заслон на пути регулярных разбойничьих набегов крымских татар на русские селения и обращение в рабство сотен тысяч русских людей. Константинопольский мирный договор являлся осознанным компромиссом, который был необходим Петру для реализации его далекоидущих стратегических замыслов.

Между тем дела на Балтике шли не лучшим образом. Партнер России по Северному союзу польский король Август II, начав военные действия против шведских войск в Ливонии, делал громкие заявления, раздавал обещания, но проявлял полную беспомощность. Первая попытка его войск взять Ригу в феврале 1700 г. провалились, вторая в сентябре кончилась тем, что от него просто откупились. Август II начал склоняться к тому, чтобы за спиной России заключить со шведами сепаратный мир. К тому же польская шляхта не желала поддерживать по существу навязанного им короля-иностранца и отдавала явное предпочтение планам военного захвата Киева, а не Риги.

У другого союзника России — Дании дела шли еще хуже. Захват датчанами Голштинии дал шведскому королю Карлу XII повод при поддержке английского и голландского флотов высадиться со своим войском в Дании. Фредерик IV быстро капитулировал, и 8 августа 1700 г. в Травендале Швеция и Дания подписали договор, по которому последняя обязалась выплатить Голштинии контрибуцию и уважать ее независимость. В результате поражения Дания вышла из коалиции против Швеции, созданной в 1699 г., а Северный союз лишился возможности использовать в войне датский флот.

В этой сложной и запутанной дипломатической обстановке Петр продолжал энергичную подготовку к войне со Швецией. В частности, был выработан план войны, определено направление главных ударов — на Нарву и шведскую крепость Нотебург на Неве. Проводилась разведка на местности. Шло интенсивное обучение новой русской армии.

После заключения 8 августа 1700 г. Константинопольского мира с Турцией Петр получил свободу действий на северном направлении. Уже на следующий день Россия объявила войну Швеции, а 22 августа русские войска выступили в поход на Нарву, которую шведы называли Ругодив, — крепость, прикрывавшую с востока владения шведов в Прибалтике. В октябре русские войска начали осаду Нарвы, закончившуюся, однако, полным провалом.

Причин нарвской катастрофы было несколько. Встретившись с закаленным в боях шведским войском, русская армия проявила неопытность и недостаточную выучку. За исключением трех новых полков, сформированных Петром, — Преображенского, Семеновского и Лефортова, русская армия состояла из старых стрелецких полков и дворянского ополчения. Многие из числа нанятых в Европе командовавших русской армией иностранных офицеров проявили отсутствие мотивации, некомпетентность и даже трусость. Руководивший осадой Нарвы саксонский генерал Галларт не продемонстрировал полководческих качеств, а главнокомандующий — присланный Августом фельдмаршал герцог Шарль де Круа и вовсе поспешно сдался в плен шведам. Русская армия была плохо обеспечена боеприпасами и продовольствием. Расчеты на то, что союзники отвлекут на себя основные силы шведов, были ошибочными. Дания капитулировала, когда русская армия уже была в пути, а польский король, предательски сняв осаду с Риги, начал сепаратные переговоры с Карлом XII.

Поражение под Нарвой имело весьма пагубные последствия для России, в первую очередь дипломатические, поскольку поста-

вило ее в крайне неблагоприятное международное положение, стало основанием для высокомерного отношения со стороны Европы. Но Петр сумел из поражения под Нарвой извлечь серьезные уроки и с удвоенной энергией взяться за реорганизацию армии и подготовку к продолжению Северной войны.

Неудача России в войне против Швеции была воспринята в Европе с удовлетворением. Готовясь к борьбе за испанское наследство, как Франция, с одной стороны, так и Голландия и Англия — с другой, рассчитывали привлечь Швецию на свою сторону и всячески превозносили Карла XII. Восприняв интерес Петра к флоту поначалу как чудачество, они вдруг увидели, что в случае выхода России к Балтийскому морю опасность появления в море русского военного флота стала бы реальностью.

В чрезвычайно сложной ситуации, возникшей в Европе, Петр назначил в феврале 1701 г. послом в Вену князя **Петра Алексеевича Голицына**, приходившегося братом воспитателю и другу Петра в юности Б. А. Голицыну. Интересно, что ему надлежало ехать в Вену инкогнито и не называться послом. Там он должен был тайно добиться частной встречи с императором Леопольдом I. Но после поражения русских под Нарвой отношение к России при императорском дворе заметно ухудшилось. Посла долго отказывались принимать, и, когда он все же смог довести до сведения австрийского двора просьбу о содействии России против Швеции, ее высокомерно отвергли.

После выхода из Северного союза Дании единственным союзником России оставался саксонский курфюрст, король Польский Август, хотя и он был крайне ненадежным. Тем не менее Петр всячески обхаживал союзника, играя на его тщеславии. В новом заключенном союзном договоре стороны взяли на себя обязательство продолжать войну против Швеции всеми своими силами и не заключать с ней мира без взаимного согласия. Это было главное условие, которого Петр добивался, и ради него был готов пойти на очень большие уступки. Так, он пообещал предоставить в распоряжение Августа 20 тыс. пехотинцев и заплатить королю в ближайшие два года по 100 тыс. рублей. Кроме того, Россия отказывалась от каких-либо притязаний на земли Лифляндии и Эстляндии, которые должны были после победы над Швецией отойти к Польше.

Выполняя достигнутые договоренности, Петр отдал в апреле 1702 г. приказ князю Репнину идти во главе 20-тысячного корпуса под Ригу на соединение с саксонской армией. Ее командующий саксонский фельдмаршал Штейнау решил использовать русские

войска на строительстве укреплений, поэтому, когда в июле 1701 г. Карл XII нанес по саксонской армии сокрушительный удар, русские войска в сражении не участвовали и вскоре отошли к Пскову. Это была третья крупная победа Швеции в Северной войне, укрепившая славу непобедимости Карла XII.

Считая саксонцев более опасными противниками, чем русских, Карл XII решил основные свои силы перебросить в Польшу, что дало России передышку. Петр использовал ее для реорганизации и обучения русской армии, оснащения ее новым оружием, не отказываясь при этом от проведения локальных военных операций против войск Швеции. Так, летом 1701 г. русские отразили попытку семи шведских кораблей прорваться к Архангельску. 29 декабря 1701 г. войска графа Б. П. Шереметева нанесли под Эрестфером крупное поражение шведской армии. 11 октября 1702 г. армия Шереметева, командование которой взял на себя Петр, штурмом захватила шведскую крепость Нотебург, располагавшуюся у Ладожского озера на Неве, которая была переименована в Шлиссельбург. В мае 1703 г. русские войска отбили у шведов крепость Ниеншанц в устье Невы, а через шесть дней там же захватили два шведских корабля.

В результате этих операций русской армией был отвоеван участок побережья Балтийского моря, на котором уже 16 мая 1703 г. Петр основал Петербург. Началось создание балтийского флота. Попытка шведов отеснить русских от побережья натолкнулась на жесткое сопротивление войск под командованием Петра, которые на реке Сестре разгромили подошедшую шведскую армию генерала Кронгиорта. Развивая успех, русская армия отвоевала старинные русские города Копорье и Ям. Войска Шереметева наносили удары в Лифляндии и Эстляндии. 13 июля 1704 г. была захвачена крепость Дерпт, а 9 августа русские войска взяли Нарву.

Победы, одержанные русскими войсками, создали новую ситуацию. Боеспособность реформированной Петром армии обеспечила выход России к Балтийскому морю, и теперь главным Петр считал признание этих завоеваний Швецией. Перед русской дипломатией встала задача поиска посредников, которые могли бы помочь России заключить мир со Швецией. Одновременно было необходимо прилагать усилия, чтобы не допустить отхода от России ее союзников и возможного их сближения со Швецией. Расчет на то, что победы, одержанные русской армией, помогут склонить

Голландию взять на себя роль посредника в отношениях со Швейцарией, не оправдались.

Неспокойной оставалась и обстановка на юге. Договор с Турцией, подписанный Е. И. Украинцевым в Константинополе в августе 1700 г., несмотря на его большое значение для России, все же не обеспечивал в полной мере спокойствия ее южных рубежей. Это побудило Петра направить в 1701 г. в Константинополь князя Д. М. Голицына, который должен был получить от турок подтверждение этого договора, а главное — вновь попытаться добиться их согласия на право свободного плавания по Черному морю. И на этот раз Турция ответила категорическим отказом.

Для противодействия сохранявшейся враждебности со стороны турок Петр в апреле 1702 г. направил в Константинополь **П. А. Толстого**, ставшего первым постоянным послом России в Турции. В его задачу входило всеми доступными средствами добиваться сохранения мира между двумя странами. Очень скоро Толстой выяснил, что главным источником агрессивности турок являлся их вассал — крымский хан, который, лишившись русской дани и доходов от разбойничьих набегов на русские земли, постоянно подстрекал двор султана к враждебным действиям против России.

Другой непримиримый враг России — глава правительства Турции великий визирь Далтабан Мустафа-паша, действуя тайно от своего султана, попытался в начале 1703 г. спровоцировать войну против России, для чего организовал бунт крымских татар. Толстой сумел разоблачить этот заговор, в результате чего Далтабан был казнен султаном Мустафой II, который, однако, вскоре после этого сам был свергнут в результате мятежа. Новый султан Ахмед III, заняв трон, направил в Москву своего посла, который потребовал от России прекратить строительство укреплений на Днепре и возле Азова, а также уничтожить русский флот на Дону. Тем не менее Толстому за счет дипломатической гибкости ценой больших усилий все же удалось не допустить возобновления войны Турции против России.

Еще более сложные задачи стояли перед русской дипломатией в Польше, где из-за отсутствия единой власти продолжалось противоборство между королем Августом II и Речью Посполитой, а также входившими в нее влиятельными группировками польской шляхты. Вторжение в Польшу шведских войск Карла XII еще больше обострило эту междоусобицу.

С 1700 г. послом в Варшаве служил князь **Григорий Федорович Долгорукий**. Он происходил из старого боярского рода. В борьбе против царевны Софьи он поддержал Петра, в походе на Азов командовал ротой Преображенского полка, учился за границей, владел иностранными языками. Будучи умным, опытным и настойчивым дипломатом, Долгорукий занимал свой пост в Варшаве в общей сложности 20 лет. Он прекрасно разбирался во всех хитросплетениях польской и европейской политики, благодаря чему Петр высоко ценил его талант, прислушивался к его рекомендациям.

Петру было крайне важно выиграть время, чтобы собраться с силами, подготовиться к решающей схватке со шведами. Поэтому интересам России отвечало, чтобы армия шведского короля оставалась в Польше как можно дольше. Польский король Август II был готов помириться с Карлом XII и, соглашаясь даже на раздробление польских земель, заключить с ним при посредничестве послов Франции и Австрии сепаратный мир. Но Карл XII требовал только полного подчинения Польши. Шведы руками кардинала польского сейма Радзеевского сделали королем Польши малоизвестного представителя шляхты Станислава Лещинского. Август II покинул Варшаву и удалился к себе в Саксонию. Но вскоре значительная часть польской шляхты поняла, что Лещинский был не более чем марионеткой Карла XII, и начала выступать в пользу Августа II. Неразбериха и междоусобица в Польше еще больше усилились.

Послу России в Польше Долгорукому пришлось работать в крайне сложной обстановке, которая усугублялась активными действиями европейских послов в Варшаве, подталкивавших Польшу к союзу со Швецией. Ситуация развивалась явно не в пользу России. Но разорительное для поляков нашествие Карла XII вынудило Речь Посполитую пересмотреть свое отношение к шведам и согласиться на союз с Россией.

ГЛАВА 7

В августе 1704 г., через десять дней после взятия русскими войсками Нарвы, состоялось подписание союзного договора между Россией и Польшей. Согласно ему обе стороны брали на себя обязательство вести войну со Швецией, не вступать с ней ни в какие сепаратные переговоры и не заключать сепаратного мира. Россия согласилась уступить Речи Посполитой все города и крепости Лифляндии и направить на помощь Варшаве 12 тыс. русских солдат. Россия также взяла на себя некоторые финансовые обязательства по поддержке Речи Посполитой.

Таким образом, русской дипломатии удалось добиться вступления Польши в союз с Россией против Швеции и отказа от выдвигавшихся ранее польской шляхтой предварительных условий, в частности передачи ей Киева и других территорий. Заключение договора с Варшавой было большим дипломатическим успехом России, так как обеспечивало продолжение Польшей военных действий против Швеции. Это связывало войска Карла XII и давало Петру время для более тщательной подготовки к войне.

Несмотря на весьма сложную международную обстановку, сильное противодействие со стороны ведущих держав того времени, целый ряд военных неудач, русская дипломатия в годы Северной войны в целом сумела достичь своих основных целей. Она приобрела ценный опыт, научилась успешно действовать в условиях постоянного давления и неблагоприятных обстоятельств, став эффективной составной частью государственного механизма, создававшегося Петром. Русская дипломатия при Петре стала важнейшим фактором укрепления могущества России.

В 1705–1706 гг. дипломатическая борьба разворачивалась в значительной мере вокруг Польши. Шведская армия оставалась в пределах Восточной Прибалтики, одерживая победы местного значения над войсками саксонцев, а также над русской армией. Август II проявлял себя крайне ненадежным союзником и раз за разом обманывал Петра, который, однако, продолжал терпеть его выходки, поскольку саксонский курфюрст оставался единственным союзником России.

Когда шведские войска вошли в Саксонию, курфюрст обратился к Карлу XII с просьбой о мире и принял все ультимативные требования шведов, включая отречение от польской короны. Россия осталась без военных и дипломатических союзников, одна перед лицом могущественной Швеции. Приближался критический момент.

Ветом 1706 г. скончался первый министр Ф. А. Головин, возглавлявший Посольский приказ. Внешнеполитическую службу возглавил **Гавриил Иванович Головкин**, родственник Петра по материнской линии, который был близок к царю и сопровождал его во всех поездках. Он был скорее искусственным и ловким царедворцем, педантичным исполнителем всех указаний Петра, чем выдающимся государственным деятелем и дипломатом. Тем не менее Головкин продержался на своем посту 38 лет, занимая его при четырех российских монархах.

Первые два года в качестве главы Посольского приказа Головкин делил этот пост с **Петром Павловичем Шафировым**, являвшимся заместителем Головина. Это был выдающийся дипломат Петровской эпохи, а также ученый, который написал первое в России сочинение о внешней политике. Рукопись этого сочинения читал, исправлял и дополнял лично Петр, внося в него свое собственное видение событий, понимание задач и целей, стоявших перед Москвой на международной арене.

Еще молодым дипломатом Шафиров в качестве переводчика входил в группу лиц, сопровождавших Великое посольство. Петр познакомился с ним, делая покупки в торговой лавке, узнав, что молодой продавец владеет польским, французским и немецким языками, он велел зачислить его в Посольский приказ. Многие годы Шафиров был надежным помощником Петра на дипломатическом поприще. Пользуясь доверием царя, он принимал участие в важнейших переговорах Петра в качестве переводчика, помогал царю руководить русской дипломатической службой России.

В конце декабря 1706 г. в городке Жолквы неподалеку от Львова, где были расквартированы русские войска, Петр провел совещание с участием Меншикова, Шереметева, Головкина и Григория Долгорукого. На нем при решающей роли Петра был выработан **Жолковский план**, определивший курс дальнейших военных и ди-

пломатических усилий России. В основу была положена идея Петра уклоняться от решающего сражения со шведами до тех пор, пока у русских войск не будет верного шанса их победить. Неприятеля решено было всячески изматывать быстрыми налетами кавалерии, сопротивлением мирного населения, лишая врага продовольствия и фуража. В генеральное сражение со шведами можно было вступить только на русской территории и обладая необходимыми силами.

В то время война за испанское наследство была в самом разгаре. Карл XII, уверовавший в свою непобедимость, превратился, по сути, в «арбитра» Европы. Имея 50-тысячную армию, шведский король поддерживал в борьбе за наследство то одну, то другую сторону, получая за свою поддержку от обеих сторон большие взятки. Такая ситуация давала Петру дополнительное время, которое он использовал для продолжения реформ и подготовки к решающим сражениям.

Обстановка позволяла России нарастить усилия на дипломатическом фронте и вновь попытаться найти посредника для заключения мира со Швецией. Наиболее подходящей на эту роль представлялась Англия, которая в условиях продолжавшейся борьбы за испанское наследство пользовалась большим влиянием среди участников Великого союза. Петр решил направить в Лондон посла в Гааге А. А. Матвеева, хотя и понимал ограниченность шансов его миссии на успех.

Только 23 ноября 1707 г., т.е. через полгода после получения предложений от России о посредничестве, Лондон наконец дал на них официальный ответ. Тема посредничества Англии в установлении мира, как и другие предложения, была оставлена без ответа. Дальнейшее пребывание Матвеева в Лондоне потеряло смысл. Тем более что к этому времени армия Карла XII уже вторглась в пределы России.

Матвеев А. А. уже готовился покинуть Англию, когда на его карету было совершено нападение, посла избили и поместили в английскую тюрьму под предлогом не оплаченного им долга в 50 фунтов. Лишь вмешательство дипломатического корпуса в Лондоне, проявившего корпоративную солидарность, а также многочисленных друзей позволило Матвееву выйти из тюрьмы. Но следует помнить, что нападение на посла, являвшегося *Alter ego*, т.е. «вторым я» представляемого им монарха, означало нанесение оскорбления его сюзерену, т.е. царю Петру. История кончилась извинениями со стороны королевы и наказанием виновных.

До самого вторжения Карла XII в Россию петровская дипломатия, следуя стратегии не прямых, косвенных действий, не оставляла попыток добиться изоляции Швеции. Проявляя недюжинный ум и хитрость, русский посол в Турции П. А. Толстой, несмотря на интриги продажного окружения нового султана Ахмеда III и происки посла Франции в Стамбуле барона Шарля де Ферриоля, как мог продолжал удерживать турок от войны с Россией. В этих условиях важнейшей задачей русской дипломатии было не допустить союза между Турцией и Швецией, который пытались создать шведы.

Благодаря русской дипломатии Турция начала опасаться, что шведы заключат договор с Россией и оставят ее один на один с русскими. Произошло это потому, что, начав в мае 1709 г. переговоры со шведами об обмене пленными и о мире, Головкин поручил Толстому довести эту информацию до турок. В возникших обстоятельствах султан решил занять выжидательную позицию.

Двинувшись летом 1708 г. на Россию, Карл XII рассчитывал одержать быструю и легкую победу, взять Москву и продиктовать Петру свои условия. Русским царем должен был стать шведский ставленник, преданный Карлу XII. Новгород, Псков и весь север России подлежали передаче Швеции. Украина и Смоленщина по этому плану переходили во владение шведского ставленника польского короля Станислава Лещинского, но под управлением Мазепы. Южные земли России планировалось передать туркам и крымским татарам.

Петр продолжил прежнюю стратегию уклонения от крупных сражений и нанесения шведам частых тревожащих ударов с целью истощения их сил. Быстротечные налеты русской конницы изматывали шведов. Постоянно маневрируя на пространстве от Балтийского моря до Черного, русская армия постепенно брала инициативу в свои руки, хотя и не вступала в серьезные сражения.

В эти месяцы главные русские дипломаты — Головкин, Шафиров, Долгорукий — постоянно находились при армии. Русские послы за рубежом делали все возможное для получения сведений о реакции иностранных держав на ход военных действий в России, докладывали о настроениях в шведском лагере, появившейся там неуверенности, узнавали планы Карла XII, сообщали о начатом им поиске союзников.

В расчете пополнить запасы продовольствия и фуража армия Карла XII двинулась на юг и увязла на Украине. Карл XII надеялся на помощь польского короля Лещинского, рассчитывал на поддержку со стороны крымского хана, а также на Мазепу, обещав-

шего собрать против России большое войско украинских казаков. Однако расчеты шведов оказались тщетными. Крымского хана сдерживали указания из Стамбула. А Мазепа, приведя в лагерь Карла XII всего 2 тыс. казаков вместо обещанных 20 тыс., вскоре понял, что совершил глубокую ошибку, так как ему стало ясно, что шведов ждет поражение.

Но еще более серьезную ошибку совершил Карл XII, когда отверг полученное от русских очередное предложение о проведении мирных переговоров. В письме первому министру Швеции Пиперу Головкин предложил заключить мир на условиях сохранения за Россией части Карелии и Ингрии с Петербургом, за которые шведам была предложена денежная компенсация. Несмотря на советы своих генералов, видевших уязвимость позиций шведской армии, Карл XII не принял предложений России и ответил на них высокомерным отказом. 27 июня 1709 г. под Полтавой состоялось сражение, в котором русские войска под командованием Петра нанесли шведам сокрушительное поражение.

Награждая отличившихся в Полтавском сражении солдат и офицеров своей армии, Петр отметил и высокие заслуги русских дипломатов. Верховный президент государственных посольских дел граф Головкин был произведен в канцлеры, барон Шафиров — в подканцлеры, князь Долгорукий — в тайные советники. Тем самым царь признал выдающуюся роль русской дипломатии в обеспечении внешних условий для ведения войны, в нейтрализации происков враждебных держав и создании условий для разгрома шведов. После Полтавского сражения роль и престиж российской дипломатии заметно возросли. Сам Петр, проявив удивительную дипломатическую дальновидность, пригласил на торжественный пир по случаю одержанной им победы пленных шведских генералов Пипера и Реншильда и произнес тост за здоровье своих учителей в военном искусстве — шведов.

Шведская армия была уничтожена. Карл XII, грозивший ликвидировать Русское государство, едва спасся от плена и с небольшой группой сопровождающих был вынужден просить убежища у турок. Но признавать свое поражение шведский король не желал. Россия предложила Стокгольму начать переговоры о мире, однако получила отказ. Несмотря на поражение, шведские войска оставались в Померании, Риге, Ревеле, Выборге, Норвегии, Финляндии и в самой Швеции, территория которой не была затронута войной. Сохранялся шведский флот.

Победа под Полтавой изменила мир и отношение к России. Сложился новый расклад сил. Стало ясно, что отныне Европа уже не могла игнорировать Россию и ее интересы. Это, однако, не означало, что отношение к России стало более дружественным, напротив, ее стали бояться. Русской дипломатии пришлось действовать в новых, более сложных и враждебных условиях. Особой осмотрительности от русской дипломатии требовали изощренные попытки европейских держав использовать могущество России в своих интересах. Но за годы напряженной борьбы петровская дипломатия обрела большой опыт, закалилась, стала поистине профессиональной. Сознание того, что теперь они представляют великую европейскую державу, придавало петровским дипломатам уверенности в своих силах, помогало в решении поставленных перед ними задач.

Петр стремился как можно быстрее закончить войну, заключить мир со Швецией и сосредоточиться на осуществлении своих планов преобразования России. Однако потребовалось еще 12 лет тяжелой войны, прежде чем эта цель была достигнута. Все эти годы русская внешнеполитическая служба обеспечивала дипломатическое сопровождение Северной войны, решая непростую задачу укрепления международных позиций России и воссоздания Северного союза.

Перемещение сразу после Полтавского сражения армии Шереметева в Прибалтику и армии Меншикова в Польшу привело к тому, что шведские войска поспешно отступили в Померанию, куда бежал и Станислав Лещинский. Август II тут же ввел свои войска в Польшу и стал вновь искать союза с Россией. Не забыв предательства Августа II и понимая ненадежность такого союзника, Петр тем не менее в октябре 1709 г. подписал с ним новый договор. По нему Август II получил от России очередную субсидию и дал согласие на передачу ей не только Ингрии, но и Эстляндии с Ревелем. В то же время Россия подписала союзный договор с Данией о войне против Швеции. Это означало, что Северный союз был восстановлен в прежнем составе.

Вместе с тем Россия была заинтересована в укреплении и расширении Северного союза — прежде всего за счет Пруссии, занимавшей стратегическое положение между Польшей и Померанией, где укрылись шведские войска. Король Пруссии Фридрих I попытался извлечь из этой ситуации выгоду. Играя, как и прежде, двойную игру, он рассчитывал поживиться за счет России. Пруссия в Северный союз не вошла.

Продолжая активные боевые действия против шведской армии, русские войска в 1710 г. взяли стратегически важную крепость Выборг, отбили у шведов Кексгольм, заняли Ригу и Ревель. На Балтике Петр добился осуществления всех своих планов, теперь было необходимо закрепить приобретения России путем подписания мирного договора со Швецией. Но Карл XII, подстрекаемый Англией, мира не желал. Напуганные ростом влияния России, шведского короля помимо Англии поддерживали также Голландия и Австрия. Тем не менее ни одна из этих держав не готова была вести войну против России, из-за чего фокус борьбы между ними и Россией переместился в сферу дипломатии.

Напряженная дипломатическая борьба шла по нескольким направлениям. Интриги Англии, Голландии и Австрии, желавших предотвратить окончательный разгром шведов, были направлены на то, чтобы помешать России завершить войну и подписать мир со Швецией. В марте 1710 г. эти три европейские державы подписали «**Акт о северном нейтралитете**», смысл которого заключался в том, чтобы не пустить Россию в Европу. Несмотря на направленность акта против России, Петр, проявив дипломатическую тонкость, решил его признать, так как он давал ему необходимую передышку. Правительство в Стокгольме с готовностью акт поддержало, но неожиданно Карл XII, отсиживавшийся под защитой турок, возмутился, что его согласия на это получено не было. В гневе он сорвал хитроумную дипломатическую комбинацию, затеянную европейскими державами, чтобы спасти Швецию от окончательного разгрома.

Победа русской армии под Полтавой настолько изменила ситуацию, что вопреки традиции того времени у России появилась реальная возможность добиваться заключения мира со Швецией напрямую, без участия посредников. Это стало понятно, когда по улицам Москвы в честь одержанной победы провели 20 тыс. пленных шведов, т.е. одну треть всей армии Карла XII.

Впечатленные англичане, которых Россия до этого несколько раз тщетно просила о посредничестве, изменили свой подход и через своего посла в Москве сообщили, что в случае обращения к ним будут готовы выступить посредниками на переговорах со Швецией. Но к этому времени Россия уже начала чувствовать свою силу. На зондаж Лондона Шафиров дал неопределенный ответ. Тогда англичане уже сами предложили себя на роль посредника, но в ходе обсуждения такой возможности послу было сказано,

что речь может идти только о добрых услугах со стороны Лондона, т.е. о выполнении Англией всего лишь функции передаточного звена. К этому времени из донесений русского посла в Лондоне князя Б. И. Куракина стало ясно, что именно Англия занимала наиболее враждебную позицию по отношению к России и стремилась вредить ей где только могла. Отказ принять посредничество Англии свидетельствовал о возросшей уверенности и профессиональной зрелости дипломатии Петра.

Борис Иванович Куракин родился в семье смоленского князя Ивана Григорьевича Куракина. Он получил прекрасное домашнее образование. В 17 лет был назначен царицей спальником к юному царю Петру. Они подружились, и их дружба продолжалась всю жизнь. К тому же Петр и Куракин стали свояками, так как женились на сестрах Лопухиных. Молодой Куракин, будучи умным и способным человеком, был направлен царем на учебу за границу. Знал итальянский и немецкий языки. Во время войны со шведами проявил себя храбрым офицером. Выполняя поручения Петра, Куракин посетил Польшу, Литву, Голландию, Германию, вел переговоры о союзе России с Венгрией и обеспечил его заключение.

В 1707 г. Куракин был направлен в Ватикан с целью привлечь папу римского Климента XI на сторону России и попытаться добиться от него непризнания Станислава Лещинского польским королем. Куракин выезжал в Венецию, а также в Вену, Прагу, Амстердам, Ганновер, Гамбург, Братиславу, где пытался помешать шведам вербовать наемников в свою армию.

В Полтавском сражении Куракин командовал Семеновским полком лейб-гвардии, проявил героизм. После победы над шведами фокус усилий Петра сместился в сферу дипломатии и царь решил использовать таланты и опыт Куракина на дипломатическом поприще. В октябре 1709 г. по приказу Петра Куракин отправился к европейским монархам в качестве полномочного министра, исполняя на этом посту множество поручений царя, в том числе занимался поиском союзников против Швеции. В 1716 г. Куракин вел переговоры об урегулировании отношений со шведами.

В 1717 г., стремясь помешать сближению Англии и Франции, в Париж отправился сам Петр. После долгих и трудных переговоров в августе в Амстердаме Россия, Франция и Пруссия подписали трактат о создании оборонительного союза. От имени России на нем поставили свои подписи Головкин, Шафиров и Куракин.

В 1722 г., отправляясь в Персидский поход, Петр доверил Куракину руководить всеми русскими послами за рубежом, что свидетельствовало о безграничном доверии царя своему другу и одному из самых талантливых дипломатов той эпохи.

На протяжении всего периода войны со Швецией на юге для России сохранялась угроза возобновления войны с Турцией, которая выжидала удобного момента для нападения. Видя, что заключение мира со Швецией откладывается, Петр дал заверения султану Ахмеду III в желании России соблюдать мирный договор. В январе 1710 г. турки подтвердили Константинопольский договор 1700 г. Но Карл XII и его приближенные по-прежнему оставались в Турции, куда они сбежали после поражения под Полтавой. Они энергично подталкивали султана к войне с Россией. В том же направлении действовали и послы европейских держав в Константинополе.

Сложилось так, что дипломатии Англии, Австрии, Голландии и их противника в борьбе за испанское наследство Франции начали работать в одном направлении, стремясь сдержать рост влияния России. Они рассчитывали на то, что возобновление турецко-русской войны отвлечет силы обеих стран и помешает России успешно завершить войну против Швеции. При этом особую активность проявляла Франция Людовика XIV, который всячески демонстрировал России стремление к сближению и дружбе, но за ее спиной плел предательские интриги. В конце концов такая политика дала результат. На совещании Великого дивана (тайного совета) у султана, в котором приняли участие высшие сановники Османской империи, было принято решение о начале войны с Россией. Турция объявила войну России 20 ноября 1710 г. Русский посол Толстой был помещен в тюрьму. Однако к военным действиям турки приступили значительно позже.

Видя в окрепшей России защиту славян и православных христиан, государи находившихся в турецком рабстве народов — сербов, черногорцев, болгар, валахов, молдаван — не раз обращались к Петру за помощью. Они обещали русской армии всемерную поддержку, если она выступит в поход для их освобождения. В конце 1709 г. в Петербурге был подписан договор с Валахией, в апреле 1711 г. —

секретный договор с господарем Молдавии Дмитрием Кантемиром, были также заключены соглашения с сербами и черногорцами. Появилась перспектива нанести туркам удар на Балканах, и Петр решил ею воспользоваться, хотя серьезной подготовки к походу проведено не было. 30 июня 1711 г. русские войска вошли в Молдавию. Кантемир тут же перешел на сторону России, но валахский господарь Бранкован, нарушив обещание, остался на стороне турок.

9 июля на берегу Прута 38 тыс. русских войск были полностью окружены 135-тысячной армией турок. После ожесточенного боя турки понесли тяжелые потери, но и положение русской армии было отчаянное. На следующий день русские решили предложить перемирие, и после долгой паузы турки, считавшие свое положение далеко не блестящим, на него согласились.

Поручив вести переговоры с турками подканцлеру Шафирову, Петр дал ему указание соглашаться на любые уступки. Но Шафиров, проявив большое терпение и выдержку, сумел дожидаться, пока турки не изложат первыми свои предложения по условиям мира. Они оказались значительно лучше, чем ожидали русские. 12 июля 1711 г. стороны подписали мирный трактат на Пруте, по которому Россия обязалась вернуть Турции Азов, разрушить Таганрог и крепость Каменный Затон, не вмешиваться в польские дела, не держать свои войска в Польше. Россия также отказывалась иметь свое посольство в Константинополе и обещала не препятствовать возвращению Карла XII в Швецию. По условиям мира русские дипломаты Шафиров и М. Б. Шереметев (сын фельдмаршала Б. П. Шереметева) должны были поехать в Турцию — по сути, в качестве заложников.

Благодаря подписанному миру русская армия, сохранив свою артиллерию и другое вооружение, развернула знамена и под бой барабанов покинула берега Прута.

Однако между Россией и Турцией возник спор из-за очередности выполнения пунктов Прутского договора. Петр решил Азов не отдавать, пока турки не вышлют Карла XII. Это было важно, поскольку царь полагал, что, вернувшись в Стокгольм, Карл XII больше не сможет оттягивать заключение мира с Россией, так как положение в самой Швеции, разоренной войной, неурожаем и эпидемией чумы, было катастрофическим. Поэтому Петр продолжал маневрировать, пытаясь затянуть выполнение условий договора. Антирусские настроения в Константинополе усиливались.

9 декабря 1711 г. Турция вновь объявила России войну и денонсировала Прутский договор. Находившимся в Константинополе

Шафирову и Шереметеву турки вручили проект нового договора. Он содержал ряд требований ультимативного характера, в том числе о передаче Турции всей Украины. Русской дипломатии было очевидно, что за этими маневрами турок стояли французы, заинтересованные в разжигании турецко-русской войны. 27 января 1712 г. Османская империя повторно объявила России войну, однако, как и до этого, никаких военных действий так и не начала. В марте русско-турецкие переговоры о заключении мира возобновились. 5 апреля 1712 г. новый мирный договор между Россией и Турцией был подписан. Ради предотвращения войны на два фронта Петр принял предложенные ему условия договора, хотя они и предусматривали вывод русских войск из Польши. Несмотря на подписание договора, странные отношения ни войны и ни мира между Россией и Турцией продолжались.

31 октября Великий диван опять принял решение начать войну с Россией. Султан Ахмед III назначил новым великим визирем Сулеймана-пашу, тесно связанного с послом Франции. По наущению француза турки вновь потребовали от России уступить им Украину и отказаться от завоеваний на Балтике в пользу Швеции, угрожая в случае отказа начать войну. Но Петр не поддался на этот шантаж, и турки, увидев, что их шумные демарши не дают ожидаемых результатов, сбавили тон. Более того, у турецкого султана назрело недовольство Карлом XII, который, преследуя собственные цели, пытался сравнять Турцию и Россию. Султан решил от шведского короля избавиться и осенью 1712 г. вынудил Карла XII покинуть пределы Османской империи. После 15 лет отсутствия Карл XII перебрался в находившуюся под шведами Померанию.

Поняв бесперспективность войны с Россией, турки после пяти месяцев заточения выпустили из тюрьмы Шафирова, Шереметева и посла Толстого. В марте 1713 г. они доставили русских дипломатов в Адрианополь для проведения переговоров о мире. С самого начала русские дипломаты отвергли вновь выдвинутые турками неприемлемые требования. Но в конце концов, несмотря на отсутствие у них указаний от Петра, они все же пошли на ряд уступок. 13 июня 1713 г. мирный договор между Россией и Турцией был подписан, и царь его одобрил.

Заключением Адрианопольского мира закончился очень тяжелый и сложный этап в отношениях между Россией и Турцией. Русская дипломатия, не допустив войны на два фронта, одержала очень важную дипломатическую победу. Она сумела оказать до-

стойный отпор объединенным дипломатическим усилиям Франции, Турции, а также Австрии и периодически помогавшим им Англии и Голландии.

События в отношениях России с Турцией развивались параллельно и плотно переплетались с продолжавшимися попытками Петра заключить мирный договор со Швецией. Россия не стремилась к новым территориальным приобретениям на Балтике, но хотела закрепить за собой уже завоеванные позиции на Балтийском побережье. Карл XII, подстрекаемый Францией и Англией, всеми силами продолжал уклоняться от мирных переговоров с Россией. Основная нагрузка в достижении внешнеполитических целей в таких условиях ложилась на дипломатическую службу, которая, однако, опиралась прежде всего на военные успехи и возраставшую военную силу России.

Шведская 20-тысячная армия продолжала находиться в принадлежавшей тогда Швеции Померании, и, чтобы вынудить ее капитулировать и заставить Карла XII заключить наконец мир с Россией, Петр двинул русские войска в германские земли. Ценой энергичных усилий русской дипломатии была возобновлена деятельность Северного союза, в который входили Россия, Дания и Саксония. После взятия русскими войсками Нотебурга, Нарвы, Выборга, Риги и Ревеля главным оплотом шведов оставалась крепость Штральзунд.

Союзники решили совместными усилиями захватить Штральзунд. Но партнеры России по Северному союзу, преследуя собственные узкие интересы, затеяли спор относительно последовательности дальнейших действий их армий. Два русских посла — Василий Лукич Долгорукий в Дании и Григорий Федорович Долгорукий в Польше — провели всю осень и зиму 1711 г. в тщетных усилиях добиться согласия между союзниками России. Тем временем король Дании Фредерик IV вступил в тайные переговоры со шведами. Петр пришел к выводу, что добиться успеха в Померании русская армия может только собственными усилиями. Весной 1712 г. царь направил туда дополнительные войска под командованием фельдмаршала А. Д. Меншикова, а опытному дипломату В. Л. Долгорукому поручил уладить споры и конфликты между союзниками.

Постоянные интриги, обман, необязательность, а порой и откровенное жульничество со стороны союзников, которые за счет России стремились лишь добиться своих собственных целей, раздражали Петра. Авантюризм датского короля Фредерика IV привел

к тому, что появившуюся у союзников в начале 1713 г. возможность сокрушить армию шведского генерала Стенбока Фредерик IV бездарно провалил. Желая получить все лавры победителя, он вступил в сражение со шведами, не дождавшись подхода русской армии, и был наголову разбит.

Датский король обратился к Петру за спасением, и тогда русская армия, нагнав шведов, 31 января 1713 г. разгромила их под Фридрихштадтом. Остатки шведской армии, успевшие укрыться в крепости Тенинген, вскоре были вынуждены сдаться войскам Меншикова. Но в руках шведов все еще оставался их главный оплот в Померании — город-крепость Штральзунд, осаждать которую русская армия не могла из-за отказа Фредерика IV предоставить обещанную им артиллерию.

В начале 1713 г. Петр прибыл в Берлин, чтобы встретиться с новым королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом, занявшим престол после смерти своего отца Фридриха I. Царь хотел прозондировать возможность вовлечения Пруссии в Северный союз. Продолжить усилия в этом направлении он поручил своему послу в Берлине Александру Гавриловичу Головкину (сыну канцлера Г. И. Головкина). В результате переговоров в июне 1714 г. между Россией и Пруссией был наконец подписан договор о союзе и гарантии. По нему Россия гарантировала Пруссии владение Штеттином, а Пруссия брала на себя обязательство поддерживать все завоевания Петра на Балтике.

Сложно складывались отношения России с Англией, которая на протяжении многих лет занимала наиболее враждебную России позицию, так как опасалась роста русского влияния в Европе. Смерть в августе 1714 г. королевы Анны и вступление на английский престол курфюрста Ганновера, взявшего имя Георга I, породили у русских надежду на улучшение отношений с Англией. Поначалу отношения развивались обнадеживающе. Посол в Лондоне Б. И. Куракин проделал большую работу для сближения двух стран. Но из-за различий в подходе к обустройству германских земель после изгнания оттуда русской армией шведов и усиления влияния России Георг I и особенно его окружение вновь заняли враждебную позицию.

Усилия Петра сплотить Северный союз и наконец начать военные действия против собственно Швеции, за которые на словах выступила и Англия, натолкнулись, однако, на множество уловок, обман, открытую измену со стороны партнеров. Проявляя макси-

мальную гибкость и лояльность, русская дипломатия пыталась тем не менее сохранить Северный союз и направить его усилия против Швеции, но встречала лишь враждебность со стороны Англии и союзников. Причина крылась в том, что к 1716 г. война за испанское наследство уже завершилась и Англия, получив по Утрехтскому миру Гибралтар и остров Менорку, значительно усилила свои международные позиции. Ее военный и торговый флот стал доминировать на всех морях, за исключением Балтийского, которое оставалось неподконтрольным Англии. Там явно набирала мощь Россия, сумевшая благодаря многолетним усилиям Петра создать на Балтике собственный современный морской флот. В Лондоне, посчитав, что возросшее влияние России осложняет задачу установления английской гегемонии на всех морях и океанах, повсеместно противодействовали политике России, стараясь тем не менее не вступать в открытый конфликт с ней.

В этот сложный период распадавшегося Северного союза Петр особенно полагался на опыт и профессионализм своих послов за рубежом. Показательно, что в условиях отсутствия устойчивых каналов связи с русскими дипломатическими представителями в других странах царь предоставлял им широкую свободу и самостоятельность. Он настойчиво требовал, чтобы они действовали энергично и инициативно с учетом складывавшихся обстоятельств и не дожидались указаний из столицы.

В 1716—1717 гг. Петр совершил свое второе длительное путешествие в Европу, в ходе которого основное внимание уделил вопросам дипломатии. В условиях разваливавшегося Северного союза царь встретился в Пруссии с единственным еще сохранявшим верность этому союзу монархом — королем Фридрихом-Вильгельмом. Результатом встречи стало подтверждение существовавшего между двумя странами союза и предоставление взаимных гарантий сохранения сторонами приобретенных шведских территорий.

Очень сложно складывались отношения России с Францией, которая испытывала тревогу в связи с усилением первой. В борьбе со своим традиционным врагом Австрией Франция опиралась на союз с Турцией, которая являлась врагом России. Начатая Петром война против Швеции сорвала планы Парижа использовать Карла XII в войне за испанское наследство. Вмешательство России в дела Польши помешало Франции посадить на польский престол своего ставленника принца де Конти, который должен был стать связующим звеном между Турцией и Швецией в осуществлении

задуманного Парижем создания «Восточного барьера». Этими обстоятельствами и объяснялась крайняя враждебность со стороны французов.

В сентябре 1715 г. после смерти Людовика XIV на французский престол вступил Людовик XV, которому было всего пять лет. Регентом при нем стал герцог Филипп Орлеанский, задумавший заменить ослабленную Швецию более сильным союзником — Россией. По его указанию в январе 1717 г. посол Франции в Гааге маркиз Шатенеф устанавливает контакт с Б. И. Куракиным. России это было на руку, так как, разочаровавшись в англичанах и голландцах, Петр искал новых союзников. Регент пригласил Петра посетить Францию. Царь, прекрасно понимая, что французы преследуют в первую очередь свои собственные интересы, решил тем не менее ехать в Париж, чтобы попытаться договориться о посредничестве французов в достижении мира со Швецией.

Переговоры между Россией и Францией проходили в Париже. Находившийся там с 7 мая до 20 июня 1717 г. Петр вел их лично. Помимо него в них участвовали П. П. Шафиров и Б. И. Куракин, которые продолжили переговоры после отъезда царя. Встречаясь с французами, Петр откровенно говорил им о преимуществах, которые Франция могла получить от союза с Россией. Он призывал французов дать четкое разъяснение своей позиции по Швеции и Турции. Тем не менее переговоры шли крайне трудно, французы их постоянно затягивали, к тому же содержание всех доверительных бесед с русскими представителями они сразу передавали англичанам. Объяснялось это тем, что главным стремлением герцога Орлеанского было завладеть французской короной, для этого он нуждался в поддержке Англии.

Итогом пребывания Петра в Париже и продолженных русскими дипломатами после его отъезда переговоров стало подписание в Амстердаме договора о дружбе между двумя странами. На деле, однако, это был «пустой» договор, за красивыми фразами которого скрывалось расхождение позиций сторон. В нем, к примеру, говорилось о приоритете, который в Париже отдавали своему договору от 4 января 1717 г. с Англией. Россия гарантировала соблюдение Утрехтского договора, что не имело практического значения. Франция не признавала приобретений России на Балтике, но гарантировала будущий мирный договор России со Швецией, в деле подписания которого Париж обязался выступить посредником. В то же время сам факт заключения Амстердамского договора, под-

писания которого добивалась русская дипломатия, говорил о том, что Россия превращалась в фактор равновесия в дипломатической жизни Европы.

Уехав из Парижа на французский курорт Спа, Петр продолжал руководить дипломатической деятельностью своих послов, которые к тому времени уже провели ряд тайных встреч с представителями шведского короля. В частности, еще в августе 1716 г. посол Б. И. Куракин повидался с представителем Швеции Ранком, который сообщил о желании Карла XII начать переговоры.

В конце ноября 1717 г. Герц сообщил, что Карл XII готов выслать своих представителей в финский город Або, как только туда придут русские делегаты. Ведение переговоров Петр поручил двум обрусевшим иностранцам — Якову Вилимовичу Брюсу, давнему соратнику Петра, и немцу Андрею Ивановичу Остерману, который более 20 лет находился на русской дипломатической службе. Эти два человека не обладали богатым дипломатическим опытом, но такой выбор царя объяснялся тем, что более опытные и закаленные петровские дипломаты срочно потребовались царю в Европе, где английская дипломатия энергично занялась формированием широкой антирусской коалиции. Петр и Шафиров дали Брюсу и Остерману подробные директивы, предоставлявшие им, однако, значительную свободу маневра при условии соблюдения главного требования — сохранения за Россией всех ее завоеваний на Балтике. Исключением являлась Финляндия, которую дозволялось вернуть шведам.

На острове Сундшер Аландского архипелага 12 мая 1718 г. открылся конгресс, на котором шведы потребовали возвращения всех утраченных ими земель, но натолкнулись на решительный отказ русских представителей. Сразу возникла тупиковая ситуация.

Неформальные контакты Остермана с Герцем, доверенным лицом Карла XII, позволили, однако, выяснить, чего на самом деле хотят шведы. Они были согласны оставить за Россией Лифляндию и Эстляндию, но при условии получения от России помощи и участия русских войск в возвращении Швеции земель, потерянных ею в пользу Дании, Ганновера и Пруссии. Шведы также требовали сохранения за ними Выборга, Ревеля и Кексгольма. Кроме того, Герц представил Брюсу и Остерману проект дополнительных статей. Речь шла о том, чтобы Россия, вступив в войну против Дании, Англии, Польши, Голландии и Германской империи на стороне разоренной и обескровленной Швеции, обеспечила силами русской ар-

мии возвращение Карлу XII всех тех позиций и земель, которые он утратил в ходе своих военных авантюр.

Несмотря на абсурдность требований, Петр все же не хотел срывать Аландского конгресса. Обсудив на тайном совете положение, царь дал 16 ноября указание Брюсу и Остерману отклонить наиболее неприемлемые требования шведов, но одновременно предложить им отсрочить выполнение остальных требований. Послам предписывалось конгресс не прерывать и всячески затягивать его ход. Петр рассчитывал использовать факт продолжения переговоров со шведами для нажима на своих союзников в Европе. Но неожиданным образом ситуация разрешилась сама собой. В начале декабря 1718 г. Карл XII был убит шальной пулей при осаде норвежской крепости Фридрихсгаль, а сразу после этого в Стокгольме Герца арестовали, судили, а затем казнили.

В конце января 1719 г. королевой Швеции стала младшая сестра Карла XII Ульрика-Элеонора. Она и ее муж принц Гессен-Кассельский, который через два года стал шведским королем, ориентировались на Англию. Стокгольм взял курс на установление мира с европейскими участниками Северного союза, а вопрос о мире с Россией отошел на второй план. При этом в отличие от Карла XII новая королева соглашалась на присоединение к России лишь Ингрии с Петербургом, но требовала возвращения Швеции всех утраченных в войне территорий.

Между тем Аландский конгресс вяло, без каких-то зримых результатов продолжал свою работу. Желая получить контроль над Балтикой, Англия наращивала нажим на шведов. В августе 1718 г. к союзу Англии, Франции и Голландии присоединилась Австрия. Формально возникший Четверной союз был направлен против Испании, но на деле он быстро приобрел антирусский характер.

Видя надвигающуюся опасность, Петр пришел к выводу, что после двух лет затишья на военном фронте, когда русская дипломатия рассчитывала достичь мира со Швецией путем переговоров, пришло время подкрепить дипломатию силой русского оружия. На время дипломатия должна была уступить авансцену армии. 9 июня 1719 г. в море из Ревеля вышла передовая эскадра русских галер, а 22 июня за ней последовали главные силы русского флота, которые подошли к Аландским островам. Цель этой акции заключалась в том, чтобы вынудить Швецию подписать мирный договор. По указанию Петра Остерман выехал в Стокгольм, где передал королеве предложения России, являвшиеся, по сути, ультиматумом. Царь

предложил вернуть Швеции Финляндию, но Лифляндия должна была на 20 — 40 лет остаться за Россией. Предлагалось также выплатить Швеции денежную компенсацию. Никаких других уступок Россия делать не намеревалась.

Шведы ультиматум отвергли. Русские войска высадились на шведский берег севернее и южнее Стокгольма. Пытавшаяся оказать сопротивление шведская армия была обращена в бегство. Русские войска заняли восемь шведских городов, включая второй по величине после Стокгольма Норчёпинг, уничтожили более двадцати заводов, нанесли другой значительный урон. Стокгольм брать не стали, поскольку целью десанта было продемонстрировать силу русской армии. Уязвимость Швеции перед русскими войсками стала очевидна. Русский флот с десантом на борту вернулся к местам дислокации. Шведы прекратили свое участие в Аландском конгрессе.

Между тем демонстрация силы, предпринятая Россией, ускорила процесс формирования в Европе антирусской коалиции, которая к тому времени фактически уже сложилась под эгидой Англии. Однако сама эта коалиция носила довольно странный характер, потому что, выступая на словах в поддержку Швеции, ни одна из входивших в нее стран не готова была идти на разрыв и открытое противостояние с Россией. К тому же сами участники коалиции, имея разные цели, постоянно конфликтовали между собой. И все же опасность новой изоляции России была вполне явной. От русской дипломатии потребовались колоссальные усилия и значительная гибкость, чтобы успешно противостоять нараставшему внешнему давлению.

Стратегия Петра заключалась в том, чтобы, проявляя выдержку, терпение и осторожность, сохранить со странами антирусской коалиции нормальные двусторонние отношения, избежать прямой конфронтации и выиграть время. Такая линия дала результат, и разработанный шведами план совместного военного нападения участников коалиции на Россию начал разваливаться. Несовпадение целей членов коалиции, обострившиеся в них внутренние противоречия, их нежелание воевать за шведские интересы привели к тому, что Швеция, которая уже отказалась от своих владений в Германии в расчете компенсировать эти потери за счет отвоеванных у России земель, оказалась обманутой.

На стороне Швеции выступила только Англия, которая направила свой флот в Балтийское море. Это было продолжением стра-

тегии Лондона на обеспечение гегемонии английского флота во всех морях и океанах. Перед командующим английской эскадрой адмиралом Норрисом была поставлена задача уничтожения русского флота. В конце мая 1720 г. в акватории Ревеля появился объединенный англо-шведский флот в составе 25 линейных кораблей и множества более мелких судов. Но, не имея сухопутных войск на борту, Норрис не решился высадиться на побережье, а вскоре увел свой флот прочь. На этом морская экспедиция англичан закончилась. Что касается русского флота, то он продолжал совершать рейды на побережье Швеции, однако от сражения с английской эскадрой уклонялся. Тем не менее, когда 28 июня 1720 г. отряд из 60 русских галер встретился у острова Гренгам с небольшой шведской эскадрой, он вступил с ней в бой, нанес шведам поражение и захватил четыре шведских фрегата.

Антирусская коалиция, сколоченная Англией, разваливалась: европейские государства не хотели воевать с Россией. После завершения войны против Испании Австрия перестала нуждаться в поддержке Англии и Франции. В январе 1720 г. австрийский вице-канцлер Шенборн начал искать улучшения отношений с Россией и предложил начать переговоры о заключении договора о дружбе.

В марте 1720 г. через русского представителя в Париже барона Шлейница французы сообщили, что хотели бы заключить союз с Россией. Петр направил в Париж с особой миссией П. И. Мусина-Пушкина, поручив ему установить тайные контакты с регентом аббатом Дюбуа. Было решено эти контакты скрыть даже от Шлейница, которому как немцу не доверяли и французы, зная, что он часто действовал в интересах Пруссии. Занимавшая нейтральную позицию Голландия благодаря усилиям Куракина сохраняла неплохие отношения с Россией. Четверной союз, созданный в августе 1718 г., явно распадался.

Изменение ситуации в Европе стало ощущаться и в отношениях России с Турцией. На протяжении Северной войны Россия всеми силами стремилась избежать войны на два фронта. Ради сохранения мира с Турцией Петр даже вынужден был терпеть постоянные разбойничьи набеги на южные русские земли со стороны вассалов Турции — крымских и ногайских татар. При этом русской дипломатии приходилось бороться против постоянных происков англичан, подгалкивавших Турцию к войне с Россией.

В мае 1719 г. царь направил в Константинополь чрезвычайного посланника А. И. Дашкова. Его задачей было провести перегово-

ры о заключении «вечного мира» с Турцией, который должен был заменить временный Андрианопольский мир 1713 г. В Константинополе Дашкову пришлось вступить в дипломатическую схватку с послом Англии Станьеном, который сумел добиться от турок высылки русского посланника из страны. Однако, несмотря на это, Дашков все-таки сумел решить свою главную задачу: 5 ноября 1720 г. между Россией и Турцией был подписан договор о «вечном мире», который заметно улучшил двусторонние отношения.

В этой ситуации Государственный совет Швеции на заседании 9 августа 1720 г. был вынужден принять решение о переговорах с Россией.

В финском городке Ништадт 28 апреля 1721 г. стартовали прямые переговоры между делегациями России и Швеции. Вопреки традиции тех лет, обе стороны предпочли вести их без чьего-либо посредничества. Русскую делегацию вновь возглавили Брюс и Остерман, причем на этот раз, в отличие от Аландского конгресса, ведущую роль взял на себя Яков Вилимович Брюс. Несмотря на то что Швеция отчаянно нуждалась в мире, ее дипломаты начали с абсурдных требований, выполнение которых было бы равноценно отказу России от всех своих завоеваний на Балтике. Естественно, они были категорически отвергнуты. Стало ясно, что переговоры со шведами будут затяжными и весьма трудными.

К лету 1721 г. русская армия была готова войти в Швецию и нанести ей окончательный разгром. Но Петр стремился избежать такого хода событий и предпочитал оказывать на шведов давление посредством регулярных десантных операций в прибрежных районах. Они сочетались с дипломатическим нажимом на Швецию.

На переговорах в Ништадте русские дипломаты, действуя под непосредственным руководством Петра, заняли жесткую позицию и твердо отклонили беспочвенные требования шведов. Вместе с тем ради ускорения подписания мира Россия согласилась уступить шведам Финляндию и выплатить им компенсацию за Лифляндию.

30 августа 1721 г. договор между Россией и Швецией был подписан. Швеция уступила России в полное и вечное владение территории, завоеванные силой русского оружия, — Ингерманландию, часть Карелии, всю Эстляндию и Лифляндию с городами Рига, Ревель, Дерпт, Нарва, Выборг, Кексгольм, острова Эзель и Даго (рис. 6). Это был успешный итог тяжелейшей войны, длившейся 21 год. Ништадтский мирный договор стал главным дипломатическим документом царствования Петра I, основным достижением его внешней политики.

Рис. 6. Россия с конца XVII в. по 60-е годы XVIII столетия

С подписанием Ништадтского мира в картине международных связей Европы произошли важнейшие изменения. Франция утратила долго занимавшееся ею положение гегемона в европейской политике. Влияние традиционного противника Франции — Австрии было также ослаблено. В противовес этим государствам значительно усилились позиции морских держав — Англии и Голландии. Новым влиятельным фактором европейской политики стала Россия. Трудami Петра и его сподвижников она сумела создать

мощную современную армию, могучий морской флот и современную профессиональную дипломатию.

Во время торжественной церемонии по случаю заключения Ништадтского мира канцлер Г. И. Головкин по поручению Сената обратился к Петру с просьбой принять титул «Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского». Это был акт искреннего признания заслуг Петра перед Россией, которая с этого момента превращалась в империю. Признание Петра императором, а возглавляемого им государства — империей означало согласие считать Россию великой европейской державой. Не случайно поначалу только Пруссия, Голландия и Дания признали Петра императором. Потребовалось еще несколько десятилетий, чтобы все ведущие государства Европы стали именовать русских царей императорами, признавая тем самым особое влияние России в международных делах.

Обеспечив военно-дипломатическими методами прочные позиции России на Балтике, Петр взялся за решение вопросов безопасности страны на восточных рубежах. Перед петровской дипломатией встала задача обезопасить русские города и деревни на востоке и юге России от разбойничьих набегов кочевых племен, многие из которых считались вассалами Турции. Стояла также задача отобрать у Англии, Голландии и Португалии по существу монопольное право на чрезвычайно выгодную торговлю с Азией, которая осуществлялась в немалом объеме транзитом через территорию России. В годы правления Петра были предприняты попытки наладить связи с Китаем, Средней Азией, Персией, установить границы России по Черноморскому побережью и Кавказскому хребту, обеспечить свободу мореплавания по Черному и Каспийскому морям. Далеко не все эти попытки имели успех, но предпринятые петровской дипломатией усилия на Востоке задали вектор русской политики на будущее.

В 1722 г. пришло известие, что против господства Персии восстали афганцы и, разбив армию шаха, захватили Исфаган. Персидский шах Тохмас-Мирза обратился к России за помощью. В июле 1722 г. русские войска под командованием Петра отплыли из Астрахани вдоль западного побережья Каспия. Они высадились в устье Терека и заняли Дербент. После отъезда Петра русские войска во главе с генералом А. Матюшкиным продолжили поход на юг и заняли город Решт, а затем и Баку.

В сентябре 1723 г. персидский посол в Петербурге подписал договор с Россией, по которому Дербент, Баку и ряд провинций вдоль

южного и западного побережий Каспийского моря передавались России. Договор предусматривал оборонительный союз России и Персии против Османской империи. Турция, видя в действиях России угрозу своим интересам, потребовала отвода русских войск. Получив от русского резидента в Константинополе Ивана Ивановича Неплюева решительный отказ, турки объявили России войну.

Однако вскоре резидент был приглашен на беседу к великому визирю, во время которой стороны договорились, что «произошло недоразумение». Начались русско-турецкие переговоры, в результате которых Турция была вынуждена отказаться от своих притязаний на Персию и побережье Каспийского моря. Она признала все территориальные приобретения России, которой взамен пришлось дать согласие на присоединение к Турции новых земель на Кавказе. Эти договоренности были закреплены русско-турецким договором, подписанным в Константинополе 12 июня 1724 г. Благодаря ему Россия фактически отодвинула свою границу на юге до Кавказского хребта, положила конец постоянным набегам кочевых племен, укрепила свои позиции на пространстве от Черного до Каспийского моря.

Авторитет и влияние России возросли настолько, что недавние противники стали искать ее дружбы и поддержки. Шведский король Фредерик I, пытаясь восстановить абсолютную власть монарха, ограниченную риксдагом после смерти Карла XII, обратился к Петру за помощью, но не получил от него поддержки. В благодарность шведский риксдаг, несмотря на противодействие послов Англии и Дании, принял решение заключить с Россией договор, предусматривавший взаимную военную помощь в случае нападения на одну из стран извне. Такой договор, рассчитанный на 12 лет, был подписан 22 февраля 1724 г. Даже Англия через французов начала зондировать возможность примирения с Россией и возобновления дипломатических отношений, прерванных королем Георгом I. Дружбу России и посредничество в нормализации ее отношений с Англией предложил Париж, рассчитывавший опереться на Россию в своем давнем противоборстве с династией Габсбургов.

Англия, становившаяся ведущей державой Европы, видела в России опасного соперника. Тем не менее в Лондоне уже не могли игнорировать Россию и рассчитывали использовать ее влияние в обозначившейся на дипломатическом горизонте схватке за имперское наследство Австрии, а также предстоявшей борьбе

за польскую корону. Благодаря усилиям Б. И. Куракина в конце 1724 г. Петр наконец дал согласие на нормализацию отношений с Англией. Она должна была осуществиться в форме подписания между Россией и Францией союзного договора, в котором содержалось бы приглашение Англии присоединиться к этому договору. Но 28 января 1725 г. император Петр Великий скончался.

Закончилась одна из наиболее ярких и драматических эпох в истории России. Из слабой, отсталой страны, находившейся, по сути, на краю пропасти, Россия при Петре I превратилась в одну из великих европейских держав, с позицией которой вынуждены были считаться. В значительной степени это стало возможным благодаря настойчивым усилиям русской дипломатии, которой руководил лично Петр. Русский царь умело сочетал военные и дипломатические методы достижения внешнеполитических целей, главная из которых — обеспечение национальных интересов России.

Благодаря глубоким реформам всех сфер жизни России, ценой огромных усилий, в том числе военных и дипломатических, «прорубив окно в Европу», Петр оставил своим потомкам новую Россию. Из отсталой и слабой страны она превратилась в мощную европейскую державу, полноправную участницу европейской истории. Успехи Петра обеспечили России прочное международное положение на многие годы вперед, дали наследникам императора огромное влияние на политическую жизнь всего континента.

Велики заслуги Петра и в деле создания профессиональной дипломатической службы России. При нем выросла плеяда выдающихся русских дипломатов — умных, сильных, прекрасно образованных, умевших добиваться поставленных целей. Российские послы, направленные царем в столицы крупнейших государств Европы, пользовались там авторитетом и уважением, оказывали реальное влияние на политическую жизнь стран пребывания, успешно действовали в интересах укрепления могущества России.

При Петре в России утверждается понимание дипломатии как системы взаимоотношений между суверенными государствами, основанной на взаимном обмене постоянными дипломатическими представителями, воплощающими суверенитет своего правителя. Реформировав всю государеву службу, Петр подверг основательной перестройке и дипломатическую службу России, перевел ее на господствовавшие в те годы в Европе принципы.

Нововведения Петра предусматривали замену громоздкого административно-государственного аппарата более компактной

и эффективной администрацией. Вместо Боярской думы был создан административный Сенат. Упразднен сословный принцип формирования центральной власти, начал действовать принцип профессиональной пригодности. Принятая Табель о рангах определяла статус и карьерное продвижение государственных чиновников. Был осуществлен переход на европейскую систему ранжирования дипломатических служащих, появились полномочные и чрезвычайные послы, чрезвычайные посланники, министры, резиденты, агенты. Введена практика обязательного взаимного информирования русскими представительствами за рубежом о важнейших военных и политических событиях, переговорах и соглашениях. Вскоре после вступления России в Северную войну Посольский приказ был преобразован в Посольскую походную канцелярию — в условиях войны Петр брал на себя ведение всех внешнеполитических дел государства. Позднее, в 1717 г., она была реорганизована в Коллегию иностранных дел.

В основу реформы российской дипломатической службы было положено утвержденное в 1720 г. «Определение Коллегии иностранных дел» (т.е. положение), на базе которого строилась работа Коллегии. В нем регламентировались вопросы, связанные с подбором кадров на дипломатическую службу, определялась структура внешнеполитического ведомства, уточнялись функции и компетенция работавших в Коллегии должностных лиц.

Члены Коллегии назначались Сенатом. В центральном аппарате Коллегии, не считая обслуживающего персонала, работали 142 человека. В то же время за рубежом трудились 78 человек, которые занимали должности послов, министров, агентов, консулов, секретарей, копиистов, переводчиков, учеников. Были среди них также священники. Чины служащим Коллегии присваивались Сенатом. Все чиновники приносили присягу на верность царю и Отечеству.

Коллегия иностранных дел России состояла из двух основных подразделений: Присутствия и Канцелярии. Высшим органом было Присутствие, именно им принимались окончательные решения по всем важнейшим вопросам. Оно состояло из восьми членов Коллегии во главе с президентом и его заместителем и собиралось на свои заседания не менее четырех раз в неделю. Что касается Канцелярии, то она являлась исполнительным органом и состояла из двух отделений, называвшихся экспедициями: секретной экспедиции, которая непосредственно занималась вопросами внешней политики, и публичной экспедиции, ведавшей административно-

финансовыми, хозяйственными и почтовыми делами. Секретная экспедиция в свою очередь подразделялась на четыре более мелкие экспедиции. Первая из них заведовала приемом и отзывом иностранных дипломатов, приезжавших в Россию, отправкой российских дипломатов за границу, ведением дипломатической переписки, делопроизводством, составлением протоколов. В ведении второй экспедиции находились все дела и материалы на западных языках, третьей — на польском, а четвертой (или «ориентальной») — на восточных языках. Во главе каждой экспедиции стоял секретарь.

Президентами Коллегии иностранных дел в разные годы являлись выдающиеся русские дипломаты. Первым президентом Коллегии стал граф Гавриил Иванович Головкин, в дальнейшем на этом посту его сменили князь Алексей Михайлович Черкасский, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, граф Михаил Илларионович Воронцов, князь Александр Андреевич Безбородко и целая плеяда других выдающихся дипломатов России.

По мере расширения международных связей России происходило и дальнейшее совершенствование деятельности Коллегии иностранных дел, ее центрального аппарата, учреждались новые постоянные российские дипломатические и консульские представительства за рубежом. Так, в годы царствования Петра I Россия открыла свои дипломатические миссии в Австрии, Англии, Голландии, Испании, Дании, Гамбурге, Турции, Франции и Швеции. Затем были учреждены российские консульства в Бордо (Франция), Кадисе (Испания), Венеции (Италия), Вроцлаве (Польша). Направлены дипломатические агенты и аудиторы в Амстердам (Голландия), Данциг (ныне Гданьск, Польша), Брауншвейг (Германия). Специальный представитель был назначен при калмыцких ханах. Временные миссии были направлены в Бухару и Китай.

Что касается последней, то история ее создания была необычной. Узнав о существовании в Пекине православной общины, которую основали захваченные еще в 1685 г. в китайский плен русские казаки из Албазинского острога в Сибири, Петр I в интересах укрепления влияния России и развития связей с Китаем посчитал необходимым иметь в Пекине российское представительство. После долгих переговоров император правившей в Китае маньчжурской династии Цин, несмотря на свою изоляционистскую политику «закрытых дверей», все-таки дал согласие, и в 1715 г. в Пекин прибыла первая Русская духовная миссия. Она стала самой ранней из всех

зарубежных миссий Русской православной церкви и до 1864 г. фактически служила неофициальным дипломатическим представительством России в Китае. При этом данная миссия имела двойное подчинение — Святейшему синоду и Коллегии иностранных дел.

При Петре I значительно повысились требования к лицам, поступавшим на дипломатическую службу России. В частности, претенденты должны были сдать специальный квалификационный экзамен. Введение этого правила означало, что при Петре I дипломатия стала рассматриваться не только как искусство, но и как наука, требующая особых знаний, профессиональных навыков, умений. Как и прежде, подбор дипломатических кадров осуществлялся за счет выходцев из дворянских семей, однако при Петре I гораздо большее внимание стало уделяться поиску наиболее способных и талантливых молодых людей, которых нередко направляли за границу в целях приобретения навыков, необходимых для последующего зачисления на дипломатическую службу. Повышенные требования предъявлялись к деловым и моральным качествам сотрудников Коллегии, их надежности, честности и порядочности.

Показательно, что в регламенте Коллегии Петр I собственноручно написал: «К делам иностранным служителей иметь верных и добрых, чтоб не было дыряво, и в том крепко смотреть. А ежели кто непотребного в оное место допустит или, ведая за кем в сем деле вину, а не объявит, те будут наказаны, яко изменники».

Благодаря реформам и высоким требованиям во времена Петра I дипломатическая служба впервые приобрела профессиональный характер, чиновники Коллегии иностранных дел все свое время посвящали службе и получали за это жалованье. В то же время среди дипломатов тех лет было немало иностранцев, так как российская дипломатическая служба нуждалась в профессиональных кадрах, в частности в людях, свободно владевших иностранными языками.

Столь пристальное внимание Петра I к организации дипломатической службе объяснялось в первую очередь тем, что он видел в ней действенный инструмент достижения своих далекоидущих внешнеполитических планов. В центре его политики стояли задачи преодоления отсталости России за счет использования европейского опыта, получения страной выхода к Балтийскому и Черному морям, превращения России в мощное и влиятельное европейское государство.

ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Контрольные вопросы

1. Какую роль сыграло Великое посольство Петра I в истории России?
2. Значение победы русских войск под Полтавой для международных позиций России и усилия русской дипломатии по завершению войны со Швецией.
3. Адрианопольский мир и его значение для укрепления южных рубежей России.
4. Ништадтский мир и его значение для упрочения международных позиций России.

Рекомендуемая литература

- Антонова Л. В., Просвирина Т. А.* История дипломатии России. М.: ООО «Дом славянской книги», 2010.
- Всемирная история: В десяти томах / Академия наук СССР. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. V, VI.
- История дипломатии: [Сб.] / Сост. А. Лактионов. М.: АСТ, 2006.
- Ключевский В. О.* Русская история. М.: Эксмо, 2008.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. 3-е изд. М.: Международные отношения, 1990.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. I.

Глава 8

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Коренные преобразования Петра I, затронувшие все сферы жизни России, самым непосредственным образом коснулись и дипломатической сферы, проявившись, в частности, в появлении такого феномена, как петровская дипломатия. Ей были присущи высокая активность, напористость при одновременной гибкости и осмотрительности, дальновидность и тонкий расчет, патриотизм и настойчивое отстаивание национальных интересов России. К сожалению, на смену Петру, добивавшемуся превращения России в современную, могучую и влиятельную державу, пришла череда весьма посредственных монархов, радевших больше о своих династических интересах, нежели о благе России, и ничем особым на дипломатической ниве себя не проявивших. И все же основные векторы внешней политики России, заданные Петром, сложившаяся при нем русская дипломатическая школа, представленная целой плеядой талантливых русских дипломатов, составили ту основу, на которой еще многие годы функционировала дипломатия Российской империи.

За два года до смерти Петр принял решение короновать свою супругу Екатерину Алексеевну, урожденную Марту Скавронскую, дочь литовского крестьянина. Пышная церемония коронации состоялась 7 мая 1724 г. в Успенском соборе Московского Кремля. После скоропостижной кончины 28 января 1725 г. Петра Великого,

не успевшего назначить преемника, Екатерина была возведена на престол гвардейскими полками, которыми командовал светлейший князь А. Д. Меншиков.

При Екатерине I вся реальная власть в империи была фактически сосредоточена в руках этого давнего сподвижника Петра. Для более прочного контроля и управления страной по рекомендации Меншикова императрица создала Верховный тайный совет, ставший высшим государственным учреждением империи. Посольским приказом, как и прежде, руководил Г. И. Головкин, продержавшийся на этом посту до 1734 г., однако Меншиков активно вмешивался в вопросы внешней политики.

Энергичная внешняя политика Петра держала всю Европу в напряжении, поэтому уход царя из жизни не мог не ослабить международных позиций России. Во многих европейских столицах русским послам пришлось вновь ощутить на себе высокомерное отношение к России, связанное в том числе и с неурядицами, начавшимися в самой империи. Только большой задел, созданный при Петре, помогал русской дипломатии продолжать с честью справляться со своими задачами.

Вскоре после смерти Петра произошло заметное усиление притока на русскую дипломатическую службу иностранцев всех мастей, радевших прежде всего о своих собственных интересах, а не о благе России. Естественно, это обстоятельство не могло не оказать негативного влияния на русскую дипломатическую службу в целом. Во внешней политике все чаще начали проявляться слабость, некомпетентность, непоследовательность, которые влекли за собой дальнейшее ослабление позиций империи. Борясь с наследием Петра, активизировались все недруги России, особенно в Европе. Они собирали всевозможные слухи и небылицы, прибегали к откровенному вымыслу и бессовестной лжи, стремились развенчать Петра, всячески опорочить его политику и дипломатию. Наиболее яркий пример — так называемое «Завещание Петра Великого», состряпанное во Франции накануне нашествия Наполеона на Россию и имевшее целью оправдать захватническую политику французского императора.

Взойдя на престол, Екатерина I вскоре ввела в состав Верховного тайного совета видного петровского дипломата члена Сената и вице-президента Коллегии иностранных дел **Андрея Ивановича Остермана**, которому Петр за заслуги в деле заключения Ништадтского мира пожаловал титул барона и чин тайного советника.

Именно Остерман по поручению Петра занимался подготовкой реформы системы дипломатической службы России, был одним из разработчиков петровской Табели о рангах. Екатерина I назначила Остермана государственным вице-канцлером, и в течение последующих 15 лет он являлся фактическим руководителем внешней политики России.

Смерть Петра I и вступление Екатерины I на престол совпали с периодом заметной активизации дипломатической деятельности в Европе. Австрийский император Карл VI, еще в 1713 г. объявивший нераздельными все владения Габсбургов (так называемая «**Прагматическая санкция**»), 16 апреля 1725 г. заключил Венский оборонительный союз с Испанией, который угрожал Франции и затрагивал торговые интересы Англии и Голландии. В ответ на это 23 августа 1725 г. на встрече в Ганновере Англия, Франция и Пруссия заключили свой союз, к которому позже присоединилась Швеция.

Поначалу к Ганноверскому союзу намеревалась примкнуть и Россия. Однако по рекомендации русского посла в Париже Б. И. Куракина этот шаг было решено обусловить предоставлением России гарантий сохранения за ней территориальных приобретений, завоеванных Петром I. Англия решительно воспротивилась этому, а Пруссия и Франция заняли выжидательную позицию. Стало ясно, что Ганноверский союз таил в себе угрозу отмены Ништадтского мира.

В таких обстоятельствах Россия по предложению Г. И. Головкина решила заключить союзный договор с Австрией. 6 августа 1726 г. в Вене русским полномочным министром Л. Лачинским и принцем Евгением Савойским был подписан союзный договор между Священной Римской и Российской империями. В мировую дипломатию он вошел как один из самых продолжительных альянсов в истории. Этот союз, идея создания которого принадлежала еще Петру I, сохранял свое значение на протяжении всего XVIII столетия, так как основывался на взаимном учете интересов обеих сторон, касавшихся раздела Польши, сдерживания экспансии Пруссии, а также вытеснения Турции из Европы. По Венскому договору Россия присоединилась к «Прагматической санкции», а взамен получила от Австрии гарантии целостности своих европейских границ. В свою очередь Вена присоединилась к Ништадтскому миру. Стороны договорились о численности войск, которые они должны были выставить в случае начала войны.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Такой поворот событий побудил прусского короля Фридриха-Вильгельма I, увидевшего в союзе России и Австрии опасность серьезного осложнения своих отношений с двумя ведущими государствами Европы, объявить о выходе Пруссии из Ганноверского союза. В тот же день, 10 августа 1726 г., между Россией и Пруссией был заключен оборонительный союз, по которому стороны гарантировали территориальную целостность друг друга и фиксировали общность внешнеполитических интересов, особенно в отношении Польши. В свою очередь Франция на действия, предпринятые русской и австрийской дипломатиями, отреагировала попыткой создать свою коалицию со Швецией, Польшей и Турцией, которая противостояла бы Венскому договору.

Продолжая общую тенденцию активной внешней политики Петра I, русская дипломатия при Екатерине I уделяла немалое внимание и вопросам укрепления позиций России на восточном направлении. Заметную роль в этом деле сыграл видный русский дипломат Савва Лукич Рагузинский.

Савва Лукич Рагузинский-Владиславич был потомком герцеговинских князей Владиславичей, он родился в городке Херцег-Нови на побережье Адриатики. Когда родовое имение его родителей было разорено бандитами, семья бежала в Дубровник, находившийся в вассальной зависимости от Турции. Молодой Савва изучал экономические дисциплины в Венеции, Испании, Франции, потом занялся успешным бизнесом в Константинополе, где взял фамилию Рагузинский. Вскоре он познакомился с русским посланником в Турции Е. И. Украинцевым, с которым начал сотрудничать. Ему удалось добыть тексты договоров, заключенных Турцией с Францией, Венецией, Англией и Австрией, которые он передал русскому дипломату. Эти документы имели большую ценность для России и были использованы при проведении в 1700 г. русско-турецких переговоров о заключении мира.

После отзыва Петром I из Константинополя Украинцева, а затем и сменившего его Д. М. Голицына посланником в Турцию был назначен один из самых талантливых петровских дипломатов граф П. А. Толстой. Он пригласил Рагузинского на работу в русскую дипломатическую миссию. Прекрасно

разбиравшийся в хитросплетениях турецкой политики, Рагузинский сумел создать под прикрытием коммерческой деятельности разветвленную агентурную сеть, охватывавшую Турцию, Венецию и Францию. После прихода к власти в Константинополе в результате государственного переворота враждебно настроенного к России султана Ахмета III Рагузинскому пришлось уехать в Россию, где он с рекомендательным письмом от Толстого был принят Петром I.

Вскоре Рагузинский вернулся в Константинополь, где продолжил заниматься разведывательной деятельностью в пользу России. Одновременно он выполнял частные поручения Петра и его супруги Екатерины. В частности, в 1705 г. Рагузинский по просьбе царя привез в Петербург купленного им в Константинополе абиссинского княжича Ибрагима, будущего Абрама Петровича Ганнибала, предка А. С. Пушкина.

Окончательно перебравшись в 1708 г. в Россию, Рагузинский поступил на службу в Посольский приказ. Вскоре он стал официальным советником Петра I по вопросам православного Востока, участвовал в Прутском походе царя. В качестве дипломата был представителем России в Черногории и Молдавии, выезжал с дипломатическими миссиями в Рим и Венецию, был посланником в Ватикане.

Пожаловав в 1725 г. Рагузинскому титул графа, Екатерина I направила его в качестве полномочного посла в Китай. По прибытии в Пекин Рагузинский в 1727 г. заключил с Китаем Буринский договор, согласно которому границы между Россией и Китаем устанавливались от перевала Шабин-Дабата в Западных Саянах до реки Аргунь в районе сопки Абагайту. В октябре 1727 г. положения Буринского договора вошли составной частью в Кяхтинский договор, который заключил с Китаем также Рагузинский. Помимо определения российско-китайской границы этот договор устанавливал правовое положение двусторонней торговли и вводил порядок мирного разрешения пограничных споров. В Бурятии на границе России с Внешней Монголией, входившей тогда в состав Китая, Рагузинский в 1727 г. основал город Троицесавск, ныне российский пограничный город Кяхта.

Зимой 1726/27 г. императрица Екатерина I заболела и написала завещание, по которому российский престол должен был перейти к 12-летнему внуку Петра — царевичу Петру Алексеевичу. 6 мая 1727 г. Екатерина I умерла.

Петр Алексеевич был сыном казненного Петром I за государственную измену царевича Алексея. Согласно завещанию Екатерины I, он вступил на русский престол и стал Петром II, но до его совершеннолетия управление империей передавалось в руки Верховного тайного совета. Влиятельный царедворец князь Меншиков, нарушив завещание Екатерины I, вновь сосредоточил всю власть в империи в своих руках. Он взял над юным императором опекунство и перевез его в свой дом на Васильевском острове Петербурга. Воспитателем Петра II Меншиков назначил члена Верховного тайного совета барона А. И. Остермана, к которому молодой царь очень быстро привязался.

После смерти Екатерины I **А. И. Остерман**, оставаясь вице-канцлером, продолжал осуществлять руководство внешней политикой России. В 1727–1729 гг. в своих письмах, адресованных Б. И. Куракину и А. И. Головкину, которые представляли Россию на Суассонском конгрессе, Остерман обстоятельно сформулировал главные положения новой внешней политики России. В ее основе, считал Остерман, должно было находиться стремление России избегать военных конфликтов, занимать во всех вопросах международных отношений позицию примирения, вести дело к возобновлению дипломатических отношений с Данией, установлению дружественных отношений с Англией при сохранении союза с Пруссией и Австрией.

Будучи иностранцем на русской службе, Остерман нуждался в покровителях и поначалу опирался на всемогущего Меншикова. Тот, желая еще больше укрепить свое влияние, решил обручить Петра II со своей старшей дочерью Марией. Однако постепенно молодой император все больше попадал под влияние своего воспитателя Остермана, который осенью 1727 г. переметнулся на сторону клана князей Долгоруких. Кроме того, и сам Петр II, проводивший много времени с сыном князя Алексея Григорьевича Долгорукого — Иваном, близко сдружился с ним. В этих обстоятельствах в Петербурге постепенно сложилась политическая группировка, которая начала работать над тем, чтобы отодвинуть Меншикова от власти и взять управление страной в свои руки. Случай представился, когда Меншиков надолго заболел. Воспользовавшись этим, Петр II отказался от опеки князя, приказал его арестовать, а затем и сослать в Сибирь.

После коронации Петра II, которая состоялась 25 февраля 1728 г., молодой император назначил Василия Лукича и Алексея Григорьевича Долгоруких членами Верховного тайного совета. Заняв влиятельные позиции, Долгорукие постепенно оттеснили А. И. Остермана от царя.

В то время французская дипломатия, поставившая перед собой цель любыми средствами сдержать рост влияния России, встала на путь проведения политики «Восточного барьера». Впервые идею создания «Восточного барьера» сформулировал знаменитый французский кардинал Арман де Ришелье, но относилась она первоначально к Австрии. Ее суть сводилась к тому, чтобы окружить Австрийскую империю цепью враждебных ей государств, которая в качестве своих звеньев, объединив такие страны, как Швеция, Дания и Польша, включила бы также Османскую империю. Теперь же французская дипломатия, следуя той же концепции, попыталась дипломатическими методами выстроить вдоль западных границ России «барьер», состоящий из Швеции, Пруссии, Польши и Турции. Более того, французы всячески подталкивали Швецию и Турцию к развязыванию войны против России. Русской дипломатии пришлось противодействовать французской политике «Восточного барьера» еще много лет, вплоть до революции 1789 г. во Франции.

Тем временем в России, простудившись в морозную зимнюю погоду, 19 января 1730 г. в возрасте 16 лет умер царь Петр II.

После смерти молодого императора прямыми наследниками трона являлись незамужняя дочь Петра I Елизавета Петровна и малолетний внук Петра, сын его старшей дочери Анны Петровны. Верховный тайный совет после долгих споров решил тем не менее возвести на русский престол Анну Иоанновну, племянницу Петра I, которую в 17 лет выдали замуж за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма. После свадьбы на пути из России в Германию Фридрих-Вильгельм умер, а рано овдовевшая герцогиня поселилась в Митаве, где и прожила 19 лет до своего возвращения в Россию. Вместе с ней в Россию прибыл и ее любовник герцог Э. И. Бирон.

Приглашение Анны Иоанновны на русский престол Верховный тайный совет обставил рядом условий, ограничивавших ее власть, и она их приняла. Однако, оказавшись в Москве, Анна Иоанновна эти условия выполнять отказалась, а после коронации, прошедшей

28 апреля 1730 г., распустила Верховный тайный совет и создала вместо него кабинет министров. По причине своей малообразованности новая императрица государственными делами интересовалась мало. Она окружила себя немецкими вельможами и доверила всю власть своему фавориту Бирону. В 1734 г. на пост канцлера вместо Г. И. Головкина, прослужившего в этом качестве 28 лет, был назначен **Андрей Иванович Остерман**. Помимо того что он возглавил кабинет министров, канцлер также продолжал отвечать за внешнеполитические дела.

Между тем Пруссия настойчиво подталкивала Турцию к выступлению против России, что вынудило российскую дипломатию предпринять ряд контрмер. Так были осуществлены шаги с целью заручиться дружбой набиравшей силу Персии, которая являлась традиционным противником Турции. Для этого Россия, подписав в 1732 г. Рештский договор и в 1735 г. Гянджийский договор, уступила персидскому шаху Надиру приобретенные ею во время похода Петра I владения на западном и южном побережье Каспийского моря. В частности, Персии были переданы Баку, Дербент, Гилян, Астрабад и Мазандаран. Османская империя, считавшая уступленные Россией территории своими, направила на Каспий 20-тысячную армию крымского хана Каплан-Гирея. Грабежи и насилие со стороны проходивших через русские владения крымских татар спровоцировали новую войну с Турцией, союзником России в которой выступила Австрия.

После первых неудач, понесенных осенью 1735 г., русская армия в 1736 г. перешла Перекоп, заняла столицу крымского ханства Бахчисарай, а затем овладела Азовом.

В 1737 г. военные действия развернулись в Крыму с новой силой. Русские войска разбили армию хана Каплан-Гирея, а в Северо-Западном Причерноморье отбили у турок стратегически важную крепость Очаков.

Турки запросили мира. 16 августа — 11 ноября 1737 г. в украинском городке Немирове прошли переговоры русских, австрийских и турецких дипломатов, которые, однако, не привели к конкретным результатам. Увидев, как австрийцы пытаются на переговорах в Немирове сдерживать русскую дипломатию, ограничить ее влияние, турки взяли линию на затягивание переговоров, в результате чего они провалились.

В 1738 г. армия Миниха, начав военные действия, вышла к Бендерам, одержала ряд побед в сражениях с турками на реках Кон-

дине и Сарване. Но сильная жара вынудила его армию отступить за Днепр и вернуться в пределы России. В результате за Россией остались только Азов и Таганрог.

Сделав выводы из провальной кампании 1738 г., русские войска в 1739 г. действовали более целеустремленно и организованно, направив основной удар в Приднестровье. Разгромив под Ставучанами турецкую армию Вели-паши, русские войска под командованием Миниха овладели крепостью Хотинном. К концу августа они подошли к Яссам.

18 сентября в Белграде состоялось подписание мирного договора между Россией и Турцией. По его условиям Россия закрепила за собой Азов и Таганрог, хотя и без права иметь там оборонительные укрепления. Россия также получила Запорожье и небольшую территорию на Правобережной Украине, но северное побережье Черного моря осталось в руках турок. Россия отказалась иметь военный и торговый флот в Черном и Азовском морях. Таким образом, итоги Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., несмотря на ряд одержанных русскими войсками крупных побед, дали России лишь незначительные территориальные приобретения и частично отменили условия мира, который Россия заключила с Турцией в 1711 г. в результате Прутского похода Петра.

И тем не менее новый договор с Турцией можно считать относительным успехом русской дипломатии, так как к тому времени ситуация в Центральной Европе вновь начала усложняться. Швеция, поощряемая Францией, явно готовилась к реваншу. Из-за ухудшения здоровья австрийского императора Карла VI замаячила перспектива начала борьбы за богатое австрийское наследство. Но не менее сложно складывалась обстановка и в самой России. Предвидя близкую смерть, тяжело болевшая Анна Иоанновна, у которой не было детей, 5 октября 1740 г. объявила наследником русского престола младенца Ивана — только что родившегося сына своей племянницы Анны Леопольдовны. До достижения Иваном совершеннолетия императрица назначила ему регентом своего фаворита курляндского герцога Бирона. 17 октября 1740 г. Анна Иоанновна умерла.

Младенец Иван Антонович был сыном принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны и герцога Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. Он родился 12 августа 1740 г. и после смерти Анны Иоанновны был провозглашен императором Всероссийским Иваном VI. В ноябре 1740 г., получив согласие Анны Леопольдовны,

фельдмаршал Миних арестовал Бирона и сослал его в Сибирь, после чего Анна Леопольдовна провозгласила себя правительницей России.

Государственными делами новая правительница, однако, не занималась. Она поручила Остерману выполнять функции премьер-министра и фактически доверила ему управление страной. Непосредственное руководство Коллегией иностранных дел было передано Алексею Михайловичу Черкасскому, хотя все нити внешней политики России продолжал держать в своих руках Остерман.

Между тем события, разворачивавшиеся в Европе, требовали пристального внимания со стороны русской дипломатии. Разгоралось соперничество между Австрией и Пруссией за доминирование в германских землях и обладание Силезией. Англия и Франция вели борьбу из-за американских колоний и контроля над морскими торговыми путями. В Европе наметилось формирование двух противостоящих блоков. В одном ведущую роль играли Англия, Австрия и Россия, к нему примыкали Саксония, Польша, Голландия и Сардинское королевство. Во второй блок входили Франция, Пруссия и Швеция, к нему тяготели Бавария и Испания.

Долго копившиеся между двумя группировками противоречия резко обострились после смерти в октябре 1740 г. императора Священной Римской империи германской нации Карла VI. У него не было сыновей, и он передал императорский трон своей старшей дочери Марии-Терезии. Воспользовавшись ситуацией, прусский король Фридрих II в декабре 1740 г. напал на Австрию и захватил Силезию. Одновременно Франция нанесла военное поражение Англии и Голландии, а затем совместно с Испанией начала боевые действия в Италии. Баварцы напали на Вену, и Карл-Альбрехт Баварский был провозглашен австрийским императором под именем Карла VII. В руках Марии-Терезии остались только Венгрия и Тироль.

Поначалу Россия, поглощенная собственными проблемами, которые были связаны со смертью Анны Иоанновны, участия в борьбе за австрийское наследство не принимала. Руководители русской дипломатической службы были глубоко вовлечены в придворные интриги. К тому же Остерман, считавший, что после мира с Турцией основная задача русской внешней политики заключалась в защите позиций России на Балтике, выступал за союз с Пруссией. Прозевав события, стремительно развивавшиеся вокруг Австрии, и ничего не зная о нападении Фридриха II на Австрию, Остерман

27 декабря 1740 г. заключил союз с Пруссией. Этим шагом он поставил Россию в весьма двусмысленное положение.

Видя внутреннюю неустойчивость и неразбериху в России, активизировалась французская дипломатия. Она активно разжигала реваншистские настроения в Швеции и подталкивала Стокгольм к войне с Россией. Получив от Парижа обещание финансовой поддержки, шведы 24 июня 1741 г. объявили России войну, целью которой было вернуть утраченные в Северной войне территории. Параллельно посланник Франции в Петербурге маркиз И.-Ж. Шетарди, приложивший руку к тому, чтобы спровоцировать нападение Швеции на Россию, пытался любой ценой втянуть Россию в войну за австрийское наследство на стороне Пруссии.

Тот факт, что Остерман, Миних и Анна Леопольдовна ориентировались на союз с Австрией, побудил Шетарди принять участие, прежде всего финансами, в подготовке дворцового переворота, который готовили дочь Петра I Елизавета Петровна и ее сторонники. Расчет Шетарди строился на том, чтобы, оказав помощь Елизавете Петровне в захвате власти, использовать ее затем для укрепления французского влияния на Россию.

К тому времени неспособность Анны Леопольдовны управлять государством стала очевидной. Это вызывало серьезное недовольство в высших кругах русской знати. В ночь на 25 ноября 1741 г. гвардейцы Преображенского полка, которых возглавила Елизавета Петровна, отстранили Анну Леопольдовну и ее сына Ивана от власти. Пленников сначала перевозили из одной тюрьмы в другую, но в конце концов заточили в Холмогорах.

Дочь Петра Великого Елизавета Петровна, коронация которой состоялась 25 апреля 1742 г., стала императрицей Всероссийской. В своем правлении она опиралась прежде всего на представителей русской знати, поддержавших ее переворот, многие из них получили высокие государственные посты. А. И. Шувалов возглавил Тайную канцелярию, А. П. Бестужев-Рюмин занял пост канцлера и фактического руководителя Коллегии иностранных дел, граф М. И. Воронцов стал вице-канцлером. Немалую роль играл и фаворит Елизаветы — Алексей Григорьевич Разумовский, с которым императрица тайно обвенчалась в конце 1742 г. По рекомендации получившего немалое влияние при дворе Шетарди Остерман был отправлен в ссылку.

Став императрицей, Елизавета проявляла заметный интерес к вопросам внешней политики. Она регулярно заслушивала до-

клады канцлера Бестужева-Рюмина, итогом дискуссий и споров с которым нередко становились те или иные шаги русской дипломатии. Елизавета также лично просматривала и одобряла наиболее важные внешнеполитические документы, собственноручно вносила в них существенную правку. При Елизавете Бестужев-Рюмин на протяжении многих лет играл ключевую роль в осуществлении и руководстве русской дипломатией.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был потомственным дипломатом, одним из «птенцов гнезда Петрова». Сын известного русского дипломата, тайного советника, гофмейстера и фаворита Анны Иоанновны Петра Михайловича Бестужева-Рюмина. В возрасте 15 лет Алексей вместе со своим братом Михаилом был по указанию Петра I направлен на учебу в Копенгаген, а затем в Берлин. Он хорошо учился, освоил латинский, французский и немецкий языки, а после возвращения в Россию был зачислен на дипломатическую службу. Его первым назначением стала должность в русском посольстве в Голландии, где он, находясь под начальством князя Б. И. Куракина, оказался в центре дипломатических событий, связанных с подписанием Утрехтского мира, которым завершилась война за испанское наследство.

Направленный Петром на дипломатическую работу в Ганновер, молодой русский дипломат понравился курфюрсту. Когда курфюрст Ганноверский взшел на английский престол в качестве короля Георга I, то он решил направить Бестужева-Рюмина в качестве уже своего посланника в Петербург с тем, чтобы известить русского царя о своей коронации. В 1717 г. Петр вернул Бестужева-Рюмина на русскую дипломатическую службу и направил его в качестве представителя России в Данию, где он заменил министра-резидента князя Долгорукого. Перед Бестужевым-Рюминым царь поставил непростую задачу — противодействовать усиливавшемуся враждебному России влиянию Англии.

После смерти Петра карьера Бестужева-Рюмина приостановилась, поскольку Меншиков, конфликтовавший с отцом Алексея, стал всячески тормозить продвижение Алексея Петровича по службе. Несколько лет он оставался на второстепенных ролях, пока при Анне Иоанновне Бестужева-Рюмина не поддержал всесильный

Э. И. Бирон. В 1740 г. Бестужев-Рюмин вернулся в Россию и был назначен кабинет-министром. Падение Бирона, покровительствовавшего Бестужеву-Рюмину, обернулось для последнего опалой и ссылкой. Готовившие государственный переворот в пользу Елизаветы Петровны князь Н. Ю. Трубецкой и граф М. Г. Головкин привлекли Бестужева-Рюмина к участию в заговоре, и после вступления Елизаветы на трон он был вознагражден должностью вице-канцлера. Позже при поддержке Шетарди и влиятельного при дворе лейб-медика императрицы И. Лестока Бестужев-Рюмин занял пост канцлера. При этом Шетарди рассчитывал использовать нового канцлера для того, чтобы побудить Россию к заключению мира с союзницей Франции — Швецией на выгодных для Стокгольма условиях. Однако французский дипломат просчитался, так как Бестужев-Рюмин, заняв пост канцлера, проявлял исключительную самостоятельность и упорство, последовательно отстаивая интересы России.

Императрица Елизавета Петровна, придя к власти, провозгласила своей внутренней и внешней политикой возвращение к принципам Петра (рис. 7). Она упразднила Кабинет министров, восстановила все полномочия и функции Сената, которому подчинялись коллегии, в том числе иностранных дел. Однако в окружении императрицы не утихала напряженная борьба за влияние на нее. Бестужеву-Рюмину удалось перехватить тайную переписку Шетарди, в которой содержались выпады в адрес России, а также самой Елизаветы. Стали очевидны неприглядные истинные цели французской дипломатии, выяснились поступки, компрометировавшие Шетарди. Французский посланник был выдворен из России, что создало благоприятные условия для начала переговоров между Россией и Англией.

Ратуя за интересы России, Бестужев-Рюмин главную задачу видел в продолжении внешнеполитического курса, определенно Петром I. Именно поэтому руководимая им русская дипломатия основное внимание стала уделять сближению с морскими державами — Англией и Голландией. Энергичные усилия русская дипломатия также прилагала для развития отношений с Польшей, Саксонией, Австрией и Швейцарией, направляя их против Франции, Пруссии и Турции.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Рис. 7. Российская империя в середине XVIII в.

С одобрения Елизаветы Бестужев-Рюмин провозгласил внешнеполитическую концепцию России, которую он назвал «Системой Петра I». Суть этой концепции сводилась к тому, что в своей внешней политике Россия должна была следовать четырем основным постулатам:

1. Полагаться на традиционных союзников России, определенных еще Петром I, прежде всего на морские державы.

2. Польский престол должен был занимать курфюрст Саксонский.
3. Австрийская императрица Мария-Терезия должна сохранять контроль над территориями, которые традиционно входили в состав Австрийской империи.
4. Противниками России объявлялись Франция и Швеция, поскольку первая боялась усиления России, а вторая хотела реванша.

Однако особую опасность для России, согласно концепции русского канцлера, представлял ее «тайный» противник — Пруссия. Основой «системы Петра I» Бестужев-Рюмин называл принцип поддержания равновесия сил в Европе. Для этого России необходимо было поддерживать добрососедские отношения со всеми государствами, в том числе и с Пруссией, но не вступая при этом в союз с ней.

Тем временем объявленная Швецией война против России протекала довольно вяло. Шведская армия действовала крайне неудачно, и русские войска нанесли ей в 1742 г. поражение. Шведы запросили переговоры о заключении мира. У Елизаветы был большой соблазн занять жесткую позицию и потребовать от Стокгольма территориальных уступок, однако Бестужев-Рюмин, проявив дальновидность, настоял на том, чтобы за основу нового договора со Швецией были взяты условия Ништадтского мира, заключенного при Петре I.

В августе 1743 г. Русско-шведская война закончилась подписанием в городе Або мирного договора. По нему Швеция была вынуждена уступить России незначительную часть финской территории к западу от Выборга вплоть до реки Кюмене, а также часть Саволакской провинции. Дальнейшие события показали, что предложенный Бестужевым-Рюминым сдержанный подход к условиям мира со шведами оказался правильным, так как он лишил рычагов дипломатию Франции и Пруссии, которые пытались не допустить нормализации русско-шведских отношений.

Тем временем под руководством короля Фридриха II позиции Пруссии в Европе усиливались. В таких условиях русская дипломатия искала пути поддержания баланса сил в Европе. По инициативе Бестужева-Рюмина Россия сделала ставку на дальнейшее сближение с Австрией. 22 мая 1746 г. в Петербурге был подписан русско-австрийский договор о возобновлении оборонительного союза двух стран, который предусматривал взаимную помощь в случае нападения со стороны внешнего врага.

Относительным успехом русской дипломатии можно считать заключение в 1747 г. трех так называемых «субсидных конвенций»

с Англией, которые предусматривали посылку русских войск для защиты от Пруссии ганноверских владений английского королевского дома в обмен на получение Петербургом от Лондона денежных субсидий. Благодаря этому шагу Россия и Англия, несмотря на союз последней с Пруссией, смогли сохранить отношения в ходе начавшейся позднее Семилетней войны.

Подписание Россией договора с Австрией и заключение «субсидных конвенций» с Англией создавали препятствие для дальнейшей экспансионистской политики Фридриха II в Европе. Фактически эти документы означали завершение войны за австрийское наследство. В январе 1748 г. русские войска, находившиеся в Курляндии, вышли в поход на берега Рейна. Это поставило в трудное положение Францию, которая стала искать возможности замирения с Австрией и Россией.

30 апреля 1748 г. Франция заключила предварительный договор с Англией и Голландией об окончании войны, а 18 сентября между этими государствами в Аахене был заключен окончательный мирный договор, к которому 28 октября присоединилась Австрия. Договор подтвердил все прежние мирные договоры, которые подписали эти державы, а также «Прагматическую санкцию» 1713 г. По Аахенскому договору Англия, Франция и Испания остались при тех владениях, которые у них были до начала войны.

Очевидно, что мир, заключенный в Аахене, не мог урегулировать многих противоречий, накопившихся в отношениях между европейскими державами. В частности, продолжилось англо-французское противоборство из-за колоний. Пруссия усилила нажим в Прибалтике и Польше в расчете потеснить Россию и Швецию. Начался процесс перегруппировки сил в Европе. Перед лицом усиливавшейся Пруссии на второй план отодвинулся многовековой антагонизм между династиями Габсбургов и Бурбонов, возник альянс Австрии и Франции. Давняя неприязнь между Россией и Францией сменилась их альянсом, к которому примкнула Швеция, увидевшая для себя опасность в усилении Пруссии. При этом канцлер Бестужев-Рюмин, испытывавший неприязнь к Пруссии, тем не менее не желал и чрезмерного ее ослабления. Он исходил из того, что Пруссия могла быть инструментом поддержания выгодного для России равновесия сил в Европе.

Важнейшим событием периода правления Елизаветы, потребовавшим максимального напряжения сил русской дипломатии, стала Семилетняя война 1756 — 1763 гг. К этому времени политическая ситуация в Европе претерпела кардинальные изменения. Начавша-

яся между Англией и Францией война побудила Лондон заключить так называемый Уайтхоллский договор с Пруссией, который обеспечивал нейтралитет последней в этой войне. Этот договор означал возникновение нового расклада сил в Европе. Франция пошла на сближение с Австрией. Россия колебалась, испытывая сильное влияние со стороны как Англии, так и Франции. В конечном итоге, опасаясь чрезмерного усиления Пруссии, которая захватила Силезию и стремилась превратить Польшу в вассальное государство, Россия примкнула к союзу Франции и Австрии. Союз Англии с Пруссией был направлен против тройственной коалиции Франции, Австрии и России. Тем не менее дипломатические отношения между Россией и Англией были сохранены благодаря заинтересованности обеих стран в продолжении взаимной торговли.

Имея союзнические отношения с Австрией и Францией, Россия вместе с тем была недовольна отсутствием договоренности о совместных действиях против Пруссии в случае нападения с ее стороны. Но в январе 1757 г. России все же удалось заключить с Австрией наступательный союз. С Францией ситуация оставалась сложнее. Несмотря на то что 31 декабря 1756 г. Россия присоединилась к Версальскому соглашению, Париж отказался от совместных действий против Турции. В ответ Россия потребовала убрать из текста союзного договора пункт о военных действиях русских войск против Англии.

Начатая Фридрихом II в 1756 г. Семилетняя война развивалась в пользу Пруссии, войска которой теснили австрийскую армию. Россия, как выяснилось, к войне была не готова. К тому же вследствие ошибочной военной стратегии канцлера Бестужева-Рюмина русские войска от активных действий воздерживались. При этом как Бестужев-Рюмин, так и главнокомандующий русской армией С. А. Апраксин, будучи изоэренными царедворцами, проявляли в войне с Пруссией заметную пассивность и нерешительность. Это объяснялось ухудшением здоровья Елизаветы и возросшей в связи с этим возможностью прихода к власти ее наследника Петра Федоровича, известного своими симпатиями к Фридриху II.

Оправившись от болезни, Елизавета обвинила канцлера и главнокомандующего в бездействии в условиях войны, а также в планах привести к власти в России Павла Петровича при регентстве Екатерины. Апраксин и Бестужев-Рюмин были смещены со своих постов, причем канцлера приговорили к смертной казни, которую, правда, заменили потом ссылкой в Можайск. Новым канцлером и главой внешней политики России в 1758 г. стал представитель

древнего дворянского рода, опытный дипломат и царедворец Михаил Илларионович Воронцов.

Одержав победы над войсками Франции и Австрии, прусская армия двинулась навстречу русским войскам, которые в 1757 г. вошли в Восточную Пруссию. Произошел ряд сражений, успешных для русской армии, одержавшей победы сначала при Грос-Егерсфорде, а 25 августа 1758 г. при Цорндорфе. Еще раньше, в начале 1758 г., русские войска заняли Кенигсберг. Решающая битва произошла 12 августа 1759 г. у Кунерсдорфа, где русские войска, перейдя в успешную контратаку, обратили прусскую армию в бегство. 9 октября 1760 г. корпус генерала З. Г. Чернышева взял Берлин, а в декабре 1761 г. войска П. А. Румянцева заняли всю территорию Восточной Пруссии и Померании. Положение Фридриха II казалось безнадежным. Он уже готовился отречься от престола, но смерть императрицы Елизаветы 25 декабря 1761 г. резко изменила ситуацию. Вступивший на русский престол Петр III, бывший большим поклонником Фридриха II, спешно заключил с прусским королем мир, подписал с ним военный союз и приказал русской армии покинуть Пруссию. Одним шагом Петр III свел на нет блестящие победы русской армии.

Двадцатилетний период пребывания Елизаветы на русском престоле был насыщен высокой активностью русской дипломатии, действовавшей рука об руку с русской армией. Но не менее энергичная, часто изощренная борьба велась дипломатиями разных стран за влияние на саму императрицу. Усилиям иностранных послов в Петербурге, действовавших в интересах своих государств, искусно противодействовала русская дипломатия.

Период правления Елизаветы был отмечен немалыми успехами русской дипломатии за рубежом, где она проявляла себя энергичной и предприимчивой. Так, русские дипломаты в Швеции разыграли серьезную дипломатическую интригу с целью создания в Стокгольме влиятельного прорусски настроенного лобби. Оно должно было противостоять французскому влиянию.

Любопытно, что в 40-х годах XVIII в. русская и английская дипломатии действовали в Швеции рука об руку. Недовольное этим правительство Швеции направило жалобу в Петербург на действия русского посла барона И. А. Корфа и потребовало его отозвать. В ответ, однако, из Петербурга поступили жалобы на активность антирусски настроенных сил в Стокгольме.

Новый русский посланник в Швеции Н. И. Панин в своем письме канцлеру Бестужеву-Рюмину предложил целую программу

действий на случай смерти болевшего короля Швеции. В этой программе ставились три основные задачи: не допустить установления в Швеции самодержавия, сменить правительство Швеции и поставить министрами «патриотов», т.е. прорусски настроенных политиков. При этом Панин допускал даже возможность вооруженного вмешательства в дела Швеции со стороны России.

Уход из жизни 25 декабря 1761 г. императрицы Елизаветы Петровны, не оставившей после себя потомства, привел к новому драматическому витку в русской истории. Еще в 1742 г. преемником русского престола Елизавета объявила своего племянника — родившегося в Голштинии Карла-Петра-Ульриха. Оставшись рано без родителей, он до 14 лет воспитывался при дворе Фридриха II. Однако позже императрица вызвала его в Петербург, где он после принятия православия стал именоваться Петром Федоровичем. Но наследник был физически и морально слаб, к наукам испытывал отвращение, нового отечества не полюбил и тосковал по Германии. 25 августа 1745 г. Елизавета женила его на 16-летней принцессе Ангальт-Цербстской Софии-Августе, нареченной в православии Екатериной Алексеевной.

В день смерти императрицы Елизаветы Петр Федорович занял русский престол под именем Петра III. Первым делом он резко сменил ориентиры внешней политики России. Будучи поклонником Фридриха II, он положил в основу своей внешней политики два принципа: полное и безусловное преклонение перед государственным и военным «гением» Фридриха II и решение всех вопросов внешней политики России исключительно под углом зрения своих собственных династических интересов как герцога Голштинского.

Канцлер М. И. Воронцов, прекрасно разбиравшийся в международных отношениях, подготовил для Петра III обстоятельную записку, в которой сформулировал внешнеполитические интересы России и обозначил основные задачи и цели, стоявшие перед русской дипломатией. Отмечая изменения, происходившие в политике союзников России, канцлер объяснял их возросшими опасениями в связи с усилением влияния Петербурга и военными успехами русской армии. Указывая, что в сложившихся условиях заключение мира с Пруссией не противоречит интересам России, Воронцов тем не менее подчеркивал необходимость использовать те преимущества, которые давали победы русского оружия. Особый упор в своей записке канцлер делал на необходимости добиваться воссоединения Украины и Белоруссии с Россией.

Граф Михаил Илларионович Воронцов принадлежал к старинному русскому роду, представители которого находились на службе у великих князей со времен Ярослава Мудрого. Родившись в семье ростовского воеводы, М. И. Воронцов с детства был приближен к царской семье: он был пажом Елизаветы Петровны, камер-юнкером и секретарем великой княжны. Граф сыграл заметную роль в возведении Елизаветы на престол, а также в аресте Анны Леопольдовны и ее семьи. Женившись на двоюродной сестре императрицы, он еще больше приблизился к царской семье.

В июле 1744 г. Воронцов благодаря поддержке императрицы и канцлера Бестужева-Рюмина получил пост вице-канцлера. В своих внешнеполитических взглядах Воронцов ориентировался на Францию. Он участвовал в заключении русско-шведского оборонительного союза, выезжал во Францию, Германию, Италию, Голландию.

В 1758 г. Воронцов сменил Бестужева-Рюмина на посту канцлера. Проявив свои дипломатические таланты, он сыграл заметную роль в заключении соглашений между Австрией, Францией, Россией, Швецией, Испанией и Саксонией, с одной стороны, и Пруссией, Португалией и Англией — с другой, в основном в период Семилетней войны. При участии Воронцова подписаны многие важные дипломатические документы, связанные с созданием разных союзов и коалиций.

С вступлением на престол Петра III Воронцов добросовестно служил ему и участвовал в заключении 24 апреля 1762 г. мира с Пруссией. После отстранения Петра III от власти Воронцов пытался защищать его интересы и отказался присягать Екатерине II, но после смерти Петра III принес ей присягу. Императрица, отдавая должное большому политическому и дипломатическому опыту Воронцова, ценя его трудолюбие и таланты, оставила графа на посту канцлера. Но постоянные разногласия по вопросам внешней политики с Г. Г. Орловым и Н. П. Паниным привели к тому, что в августе 1763 г. Воронцов уехал в длительный отпуск за границу. После возвращения в Россию его конфликт с Орловым и Паниным разгорелся вновь, и Михаил Илларионович вышел в отставку.

Неизвестно, читал ли Петр III записку по внешней политике, подготовленную для него Воронцовым, но его практические шаги были прямо противоположны рекомендациям канцлера. Первым делом новый император приказал остановить военные действия против Пруссии. Он начал писать Фридриху II подобострастные письма, заверяя прусского короля в том, что верно ему служит. Петр III отдал приказ русской армии возвращаться домой, а 5 марта 1762 г. заключил с Фридрихом II перемирие, предложив прусскому королю самому составить проект мирного договора между Россией и Пруссией.

Видя грубые политические ошибки, допускавшиеся Петром III, и зная о нараставшем в России недовольстве действиями нового царя, Фридрих II пытался удержать своего почитателя от дальнейших опрометчивых действий, но тщетно. Проект мирного договора между Пруссией и Россией, подготовленный Фридрихом II, Петр III принял полностью, без каких-либо исправлений или дополнений. Более того, император запретил Воронцову вносить в текст любые поправки. 24 апреля 1762 г. мирный договор между Россией и Пруссией был подписан. По нему Россия безвозмездно возвращала Пруссии все отвоеванные у нее русской армией территории.

После подписания мира стороны начали переговоры о заключении между двумя государствами союза. Тем не менее, не дожидаясь их завершения, Петр III приказал корпусу генерала Чернышева соединиться с войсками Пруссии и начать совместные военные действия против Австрии. 8 июня 1762 г. Россия и Пруссия подписали союзный договор, предусматривавший ведение совместной войны против Дании, целью которой было вернуть Шлезвиг герцогству Голштинскому.

Столь резкая смена вектора внешней политики России в одночасье перечеркнула завоевания русского оружия и достижения русской дипломатии предшествовавших лет. Действия императора воспринимались в России как предательство национальных интересов, они вызывали справедливое возмущение русской армии и значительной части русского общества. Открытое восхищение Петра III всем немецким, унижение русской гвардии, воспитанной на славных традициях Петровской эпохи, оскорбительное отношение к православному духовенству, а также объявление бессмысленной с точки зрения интересов России войны против Дании вызвало еще большее недовольство. Гвардия выступила против Петра III и, совершив дворцовый переворот, привела на русский престол его

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

жену Екатерину Алексеевну. 28 июня 1762 г. Петр III был арестован гвардейцами, которыми командовал А. Г. Орлов, и подписал свое отречение. Начинаясь эпоха Екатерины Великой.

Однако свержение Петра III и воцарение Екатерины II уже не могли изменить в пользу России условий мира, подписанного с Пруссией. Тем более что в Европе начала складываться принципиально новая международная обстановка, которая сопровождалась распадом франко-русско-австрийского союза. В 1763 г. Австрия, Саксония и Франция заключили мирные договоры с Англией и Пруссией. Семилетняя война завершилась. Она не принесла России заслуженных результатов, но тем не менее ее итогом стало упрочение северо-западных рубежей империи. Ведущее положение России в бассейне Балтийского моря заметно усилилось. Возникли благоприятные условия для успешного решения проблемы выхода России к Черному морю, воссоединения украинских и белорусских земель с Россией, решения многих других сложных внешнеполитических задач, стоявших перед Российской империей.

Контрольные вопросы

1. Основное содержание внешнеполитической концепции России под названием «Система Петра I» и ее реализация русской дипломатией.
2. Успехи русской дипломатии в годы правления Елизаветы Петровны.

Рекомендуемая литература

- Антонова Л. В., Просвирова Т. А.* История дипломатии России. М.: ООО «Дом славянской книги», 2010.
- Всемирная история: В десяти томах / Академия наук СССР. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. V, VI.
- История дипломатии: [Сб.] / Сост. А. Лактионов. М.: АСТ, 2006.
- Ключевский В. О.* Русская история. М.: Эксмо, 2008.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. 3-е изд. М.: Международные отношения, 1990.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. I.

Глава 9

ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Екатерина II родилась в Штеттине в семье небогатого германского принца Христиана-Августа Ангальт-Цербстского. От природы была одарена большим умом, сильным характером и трудолюбием. Главными инициаторами дворцового переворота были фаворит Екатерины Григорий Григорьевич Орлов и его братья. Гвардия присягнула 33-летней Екатерине Алексеевне, провозгласив ее императрицей. 22 сентября 1762 г. Екатерина II была коронована. 34 года ее правления оставили глубокий след в истории России, привели к значительным территориальным приобретениям, серьезному укреплению международного влияния и престижа империи. Русская дипломатия в годы царствования Екатерины II, самым активным образом участвуя в развитии и укреплении позиций России, добилась больших успехов.

К моменту вступления Екатерины II на престол международная обстановка складывалась для России достаточно благоприятно. Семилетняя война расколола всю Европу на два противоборствующих лагеря. Англия серьезно подорвала позиции Франции на море, Пруссия во главе с Фридрихом II была, по существу, на грани катастрофы. Лично занимаясь вопросами русской внешней политики и дипломатии, Екатерина II за три с лишним десятилетия своего правления смогла добиться значительного возвышения России. Отечественная дипломатия, тесно взаимодействуя с русской армией, одержала в годы ее царствования многие замечательные победы.

Во главе внешней политики при Екатерине II многие годы фактически стоял один из самых опытных, умных и образованных политических деятелей того времени — граф **Никита Иванович Панин**. Он родился в семье племянницы князя А. Д. Меншикова и генерал-поручика И. В. Панина. Получив прекрасное образование, Никита Иванович поступил на военную службу. Во время дворцового переворота 1741 г. он был в числе гвардейцев, которые привели Елизавету Петровну к власти. В 1747 г. Панин был направлен посланником в Данию, а затем переведен в Швецию, где проработал 12 лет. Этот видный русский дипломат сыграл основную роль в недопущении разрыва дипломатических отношений между Россией и Швецией, а в 1758 г. подписал русско-шведскую декларацию об охране обоими государствами торгового мореплавания в Балтийском море и недопущении на Балтику английского флота.

В ноябре 1759 г. императрица Елизавета отозвала Панина из Стокгольма и назначила воспитателем и обер-гофмейстером своего внучатого племянника великого князя Павла Петровича. С вступлением на русский престол Петра III Панин выступил за его отстранение от власти и назначение его супруги Екатерины Алексеевны регентшей при малолетнем Павле Петровиче, при этом ратуя за ограничение монархии.

Панин принял участие в свержении Петра III, а после прихода к власти Екатерины II несколько лет являлся ее неофициальным советником по внешней политике. Но на этом посту Панин вступил в конфликт со своим прежним покровителем Бестужевым-Рюминым, а также фаворитом императрицы графом Г. Г. Орловым. Тем не менее в октябре 1763 г. Панин получил назначение старшим членом Коллегии иностранных дел, а после отстранения Бестужева-Рюмина от дел возглавил Коллегию. Официально Панин не занял поста канцлера, но на протяжении двух десятилетий он оставался главным советником Екатерины II по вопросам внешней политики и все эти годы, по сути, осуществлял успешное руководство русской дипломатией.

Панин лично просматривал всю поступающую из-за границы корреспонденцию и наиболее важные вопросы докладывал со своим пометками и предложениями императрице, которая принимала уже окончательное решение. По согласованию с Паниным Екатерина II и сама вела дипломатическую переписку, если ее личное участие в решении вопро-

сов сулило России дополнительные выгоды. Проекты многих посланий императрицы, направленных европейским монархам, готовились Коллегией иностранных дел под руководством Панина. В 1763 г. Панину в дополнение к Коллегии иностранных дел было поручено также возглавить Тайную канцелярию, которая занималась расследованием государственных преступлений и вопросами контрразведки.

Вскоре после воцарения Екатерины II русской дипломатии вновь пришлось вплотную заняться весьма деликатными проблемами Польши. После смерти польского короля Августа III императрица добивалась избрания новым королем Польши своего бывшего любовника Станислава-Августа Понятовского. Она рассчитывала на то, что он будет послушно исполнять ее волю. Чтобы успешно решить столь щекотливую задачу, понадобился дипломатический опыт Панина. Проявив хитрость, он сумел добиться от польского сейма принятия решения, согласно которому кандидатом на польский трон мог быть только поляк. Это решение спровоцировало бурные протесты со стороны послов Франции, Австрии, Испании и Саксонии. В знак несогласия они предприняли коллективный демарш и покинули Варшаву. Как только это произошло, польский сейм провел свое заседание и 26 августа 1764 г. избрал представителя старинного дворянского польского рода графа Понятовского королем Польши, получившим имя Станислава-Августа. Это был несомненный успех русской дипломатии, который позволил России нормализовать отношения с Польшей, испорченные опрометчивой политикой Петра III.

Новый посол России в Варшаве Н. В. Репнин получил указание добиваться уравнивания в правах православных и католиков, проживавших в Речи Посполитой. После четырех лет обсуждений польский сейм в конце концов принял эти требования России. 13 февраля 1768 г. между Россией и Польшей был заключен Договор о вечной дружбе и гарантиях. По нему Россия становилась гарантом неизменности государственного строя Речи Посполитой, а Польша гарантировала «грекам-ортодоксам», т.е. православным, а также протестантам равные с католиками права как в религиозной, так и в гражданской сфере.

В основу внешней политики, которую проводила Россия с подачи Панина, была положена идея создания Северного союза в соста-

ве России, Пруссии, Англии, Дании, Швеции, Саксонии и Польши. Продвигавшийся русской дипломатией Северный союз должен был стать инструментом усиления влияния России в Польше, Швеции и Турции. Он также был призван облегчить противодействие политике, проводившейся Францией и ее союзниками — Австрией и Испанией. Предложенная Паниным программа формирования Северного союза придала внешней политике России при Екатерине II большую целостность и целеустремленность.

Первым шагом в направлении создания Северного союза стало подписание Паниным 31 марта 1764 г. в Петербурге оборонительного союзного договора с Пруссией. После прихода Екатерины II к власти прусский король Фридрих II стал проявлять явную заинтересованность в сближении с Россией. Однако Панин, желая получить для России максимально выгодные условия мира, начал подписание договора с Пруссией затягивать. Благодаря такой тактике Панину удалось включить в договор секретную статью, согласно которой Пруссия брала на себя обязательство в случае войны между Россией и Турцией предоставить русскому правительству денежную субсидию. Помимо этого, между Россией и Пруссией была достигнута договоренность о единстве действий двух стран в Швеции, а также о недопущении каких-либо изменений в конституции Польши. Таким образом, союз, заключенный с Пруссией, был весьма выгоден России. Он давал Петербургу реальную возможность влиять на польские дела, сдерживать Турцию, а также играть существенную роль в делах Северной Европы, не неся при этом каких-либо серьезных затрат.

В феврале 1765 г. Россия подписала союзный договор с Данией. В нем имелись секретные статьи, согласно которым Дания брала на себя обязательство помогать России в ее борьбе против Турции. Дания также соглашалась оказывать поддержку России в ее противодействии проискал Франции, целью которых было разжигание в Швеции антирусских настроений. Взамен Дания получала территории в Голштинии, принадлежавшие великому князю Павлу Петровичу.

Вместе с тем предпринимавшиеся русской дипломатией попытки склонить Англию к заключению союзного договора с Россией окончились неудачей. Лондон в 1766 г. пошел лишь на то, чтобы подписать с Петербургом торговый договор. Тем не менее, учитывая совпадение интересов России и Англии в Польше, а также в вопросах противодействия Франции, значение этого торгового договора явно выходило за рамки чисто коммерческих отношений.

Но наряду с этими успехами российская дипломатия испытала и ряд ощутимых неудач. Так, она натолкнулась на враждебную политику со стороны Австрии и Франции, которые были обеспокоены усилением влияния России. Послы этих двух стран в Константинополе начали подталкивать Турцию к выступлению против России. Результатом этих усилий стало то, что в конце 1768 г. Османская империя объявила Российской империи войну. В возникших условиях положительную роль для России сыграл Северный союз. Дружественный характер отношений России с Пруссией, Данией и Англией позволил Петербургу сосредоточить максимальные усилия на войне против Турции.

Объявив войну России, Османская империя тем не менее из-за своей неподготовленности к ней долго не начинала военных действий и приступила к ним только через год. По приказу турецкого султана крымские татары напали на южные окраины России. Это было последним в истории России вторжением крымских татар, и оно было успешно отражено русскими войсками. Военные операции против Турции велись на трех фронтах — на Дунае, в районе Крыма и в Закавказье, куда русские войска вошли в 1769 г. по приглашению Грузии. Благодаря высоким боевым качествам и превосходству в вооружении русская армия под командованием П. А. Румянцева нанесла ряд крупных поражений значительно превосходившим по численности турецким войскам и на суше, и на море.

Летом 1770 г., разбив при Ларге и Кагуле впятеро превосходившую армию турок, войска Румянцева овладели устьем Дуная, что обеспечило им стратегическую инициативу. В это время русский флот под командованием адмирала Г. А. Спиридонова и брата фаворита императрицы А. Г. Орлова, осуществлявшего общее командование экспедицией, пересек Балтийское море, прошел Северное море, вышел в Атлантический океан и далее, минуя Гибралтарский пролив, вошел в Средиземное море. Целью экспедиции было блокировать Черноморские проливы с Запада. В ночь на 26 июня 1770 г. русская эскадра атаковала турецкий флот в Чесменской бухте, у острова Хиоса, и полностью его уничтожила. Этим она обеспечила себе доминирование в Эгейском море до конца войны. Армия под командованием В. М. Долгорукого, действуя совместно с Азовской флотилией, в 1771 г. заняла Крым. Турция начала переговоры о мире, но, подстрекаемая Австрией, Англией и Францией, отказалась принять требование России о предоставлении русским судам права свободного прохода через проливы. В марте 1773 г. Россия возобновила военные действия против турок. Армия под

командованием Румянцева форсировала Дунай. Армия, которой командовал А. В. Суворов, разгромила турок под Туртукаем, Гирсовом и Козлуджи.

Очевидные военные успехи России вызвали серьезное беспокойство у Франции, дипломатия которой фактически и спровоцировала войну между Россией и Турцией. По указанию герцога Шуазеля, руководившего внешней политикой Франции, резко активизировались направленные против России дипломатические интриги французов в Польше и Швеции.

Дипломатия Екатерины II прилагала немалые усилия, направленные на то, чтобы создать благоприятные условия для присоединения к России Крыма и Приднестровья, продвинуться в сторону Дунайских княжеств, а также оказать содействие народам Балканского полуострова в их борьбе за освобождение от господства Османской империи. Но осуществление этих планов Петербурга встретило противодействие со стороны Франции и Австрии, а также союзной Пруссии. Осенью 1771 г. Фридрих II даже пригрозил Екатерине II, что если Россия будет добиваться провозглашения независимости Молдавии и Валахии, занятых русскими войсками, то Австрия и Франция неизбежно начнут против нее войну.

Преследуя собственные цели, король Фридрих II начал настойчиво продвигать идею раздела Польши. Австрия явно склонялась к ее поддержке, однако Россия всеми путями уклонялась от того, чтобы занять по этому вопросу определенную позицию. Тем не менее, когда в августе 1771 г. Австрия заключила оборонительный союз с Турцией, по которому взяла на себя обязательство содействовать возвращению ей территорий, занятых русской армией, позиция Екатерины II по Польше начала меняться. На заседании Совета при высочайшем дворе 19 мая 1771 г. было принято решение поддержать планы Пруссии в отношении Польши. Русская дипломатия рассчитывала, что участие России в разделе Польши обеспечит ей более благожелательную позицию со стороны Пруссии и Австрии к проводившейся Петербургом политике в отношении Турции. Раздел Польши давал России возможность обезопасить свои западные границы и вывести отсюда русские войска. Кроме того, поскольку Австрия принимала участие в разделе Польши, то открывалась возможность убедить Вену не вмешиваться в ход Русско-турецкой войны.

Весной 1772 г. начались переговоры России с Пруссией и Австрией, в ходе которых обсуждались конкретные претензии сторон

на те или иные территории Польши. После упорных споров между Пруссией и Австрией о том, кому какая часть Польши должна достаться, спорящим сторонам при посредничестве России удалось достичь предварительного соглашения на этот счет. В результате 25 июля 1772 г. в Петербурге Россия, Пруссия и Австрия подписали друг с другом двусторонние соглашения, касавшиеся раздела Польши. Трем державам отходило порядка одной трети польской территории, на которой проживало 40% населения Речи Посполитой. Россия получила польскую часть Ливонии и Восточную Белоруссию, т.е. земли, которые ранее были отторгнуты у России Литвой. На присоединенных территориях Восточной Белоруссии, включавших Витебск, Полоцк, Могилев, Гомель и другие города, в то время проживали 1,3 млн представителей братского белорусского народа.

Незадолго до подписания соглашений в Петербурге в местечке Фокшаны на территории Молдавии в присутствии дипломатов из Австрии и Пруссии начались мирные переговоры между Россией и Турцией. Однако из-за жестких требований Орлова признать независимость Крыма переговоры с турками оказались безрезультатными и были прекращены.

Первый раздел Польши и начало мирных переговоров с Турцией совпали по времени с весьма интересным эпизодом в истории русской дипломатии. 20 сентября 1772 г. наследнику престола великому князю Павлу Петровичу исполнилось 18 лет.

В связи с достижением Павлом совершеннолетия Н. И. Панин лишился статуса воспитателя наследника. Он остался первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, но утратил свое прежнее влияние на государственные дела. Одновременно с этим заметно снизилось и влияние Г. Г. Орлова, поскольку его в качестве нового фаворита императрицы сменил А. С. Васильчиков. Эти перемены означали завершение первого этапа царствования Екатерины II, во время которого она в своей внешней политике была так или иначе вынуждена маневрировать между походами этих двух самых влиятельных фигур в русской политике того времени. Дело в том, что Орлов, как и ранее Бестужев-Рюмин, был сторонником союза с Австрией. При этом он выступал за более решительные действия на Юге, вплоть до организации военного похода на Константинополь. В свою очередь Панин продвигал свою «Северную систему». Он выступал с более реалистичных позиций, ратовал за проведение максимально активной дипломатии, рассчитывая с ее помощью добиться успешного завершения войны с Турцией.

ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Возобновившиеся в октябре 1772 г. в Бухаресте переговоры о мире между Россией с Турцией результата не дали. Тем не менее видному русскому дипломату А. М. Обрескову, которому было поручено вести переговоры с турками, удалось согласовать текст десяти статей. Позднее они вошли в Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией.

Выдающийся русский дипломат **Алексей Михайлович Обресков**, получив в 1740 г. военное образование, попросился на дипломатическую работу и был направлен в русское посольство в Константинополь. Благодаря хорошему знанию иностранных языков он быстро продвинулся по службе. После смерти в 1751 г. в Константинополе русского резидента А. И. Неплюева Обресков, несмотря на свою молодость, занял его место. Он сумел неплохо поладить со строгим и капризным турецким султаном Мустафой III. В период Семилетней войны, несмотря на происки послов Пруссии и Англии в Константинополе, Обрескову удалось обеспечить нейтралитет Турции.

В период царствования Екатерины II, когда в Польше развернулась борьба вокруг престолонаследия, Обресков сыграл существенную роль в недопущении вмешательства Турции в дела Польши, чем заслужил одобрение императрицы. В 1768 г. после смены великого визиря в Турции Обресков и 11 сотрудников русского посольства были арестованы. Сам Обресков был заточен в сырое подземелье, но потом перемещен в небольшую избушку с единственным маленьким окном в крыше. В 1769 г. визирь взял его с собой в поход, во время которого Обресков подвергался всяческим издевательствам и насилию.

Несмотря на все строгости турецких властей, русскому дипломату все же удавалось даже в тех суровых условиях пересылать важные донесения Панину, в которых он описывал не только свое состояние, но и положение дел в Константинополе, давал ценные советы относительно ведения войны против Турции. Как истинный профессионал, период своего пребывания в турецких застенках Обресков использовал для сбора всевозможной информации о Турции и глубокого изучения ее проблем. Только летом 1771 г. благодаря требованиям австрийского и прусского послов Обресков был освобожден и 30 августа

1771 г. вернулся в Петербург. Императрица щедро наградила своего дипломата, пожаловала в тайные советники, а затем назначила членом Коллегии иностранных дел.

Военное поражение турецкой армии и успешная дипломатия России привели в итоге к тому, что 10 июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджи, располагавшейся к югу от Дуная, в палатке главнокомандующего русской армии П. А. Румянцева был подписан мирный договор между Россией и Турцией. Впервые после эпохи Петра I блестящие победы, одержанные русской армией, нашли закрепление в не менее блестящих успехах русской дипломатии.

Переговоры в Кючук-Кайнарджи со стороны России было поручено вести А. М. Обрескову, который за годы пребывания в Турции глубоко разобрался в турецких делах. Это обстоятельство позволило ему через несколько лет блистательно провести переговоры с турками и добиться весьма выгодных для России условий мирного договора с Османской империей. И хотя под Кючук-Кайнарджийским договором стоит подпись известного генерала и дипломата Н. В. Репнина, истинным автором всех его важнейших статей был Обресков. Сформулировав эти статьи договора, он тем самым заложил основные параметры русской дипломатии в восточном вопросе на длительную перспективу. В частности, в договоре нашло закрепление право России на защиту интересов православных подданных Османской империи, даны русские гарантии автономии Молдавии и Валахии, был создан прецедент, который в дальнейшем позволил России оказать поддержку национально-освободительной борьбе народов Балкан.

Согласно Кючук-Кайнарджийскому договору крымские и кубанские татары становились независимыми от Турции. Во владение России переходили Керчь и Еникале в Крыму, Кинбурн на берегу Днепровского лимана и Кабарда. Россия получила право возвести вокруг Азова оборонительные укрепления, русские торговые суда отныне могли беспрепятственно проходить через Черноморские проливы. Турция выплачивала России контрибуцию. Россия получала право открыть свои консульские учреждения в балканских портах и на островах Восточного Средиземноморья. Благодаря договору, заключенному в Кючук-Кайнарджи, Россия после многих лет упорной борьбы превратилась наконец в Черно-

ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

морскую державу, значительно усилила свои позиции в Закавказье и на Балканах.

Крупные военные и внешнеполитические успехи, одержанные Россией в годы царствования Екатерины II, привели к значительному усилению роли и влияния России в мире. Они дали России обширные территориальные приобретения, позволили существенно расширить границы империи. В 1771 г. было ликвидировано и включено в состав России Калмыцкое ханство, находившееся ранее в вассальной зависимости от нее. В результате 1-й Русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. Россия приобрела земли в устье Днепра, Дона, в Керченском проливе. В 1783 г. последний крымский хан Шагин-Гирей сложил с себя власть и Крым был присоединен к России. Ключевую роль в этом деле сыграл видный русский дипломат С. А. Лашкарев.

Сергей Лазаревич Лашкарев прославился как искусный дипломат-востоковед Екатерининской эпохи. Он в совершенстве владел десятью иностранными языками, включая турецкий, персидский, арабский и грузинский. Его усилиями в Коллегии иностранных дел впервые был создан Азиатский департамент. Он вел переговоры с турецкими властями во время заточения русского посланника Обрескова, оставался при посольстве в Константинополе для защиты торговых интересов русских подданных, во время начавшейся войны обеспечивал их эвакуацию из Турции. Лашкарев не раз выполнял наиболее деликатные дипломатические миссии в странах Востока, был генеральным консулом в Синопе, Молдавии, Валахии, Бессарабии.

25 октября 1782 г. Лашкарев был назначен резидентом при последнем крымском хане Шагин-Гирее. Пользуясь неограниченным доверием хана, он убедил его просить покровительства императрицы Екатерины II и разрешения переселиться в Петербург.

После обращения 21 декабря 1782 г. грузинского царя Ираклия II к Екатерине II с просьбой о принятии Грузии под покровительство России Лашкарев был направлен в Константинополь для переговоров с турками о переходе Грузии под защиту России. В ходе Русско-турецкой войны Г. А. Потемкин, а после его смерти Н. В. Репнин не раз посылали Лашкарева для встречи с великим визирем и проведения пе-

реговоров о заключении мира. Его подпись стоит под русско-турецким договором, заключенным в Яссах 29 декабря 1791 г.

В дальнейшем Лашкарев успешно выполнил целый ряд ответственных дипломатических миссий при Павле I, а затем при Александре I. В частности, он сыграл важную роль в завершении присоединения Грузии к России.

В итоге 2-й Русско-турецкой войны 1787—1791 г. были освобождены народы Средиземноморья, Балкан и Кавказа, к России была присоединена прибрежная полоса между Бугом и Днестром. В результате этих завоеваний Россия приобрела гарантированный выход в Черное море. Благодаря военным успехам русской армии и упорству русской дипломатии в годы правления Екатерины II России отошли Северное Причерноморье, Крым, Кубань, укрепились ее позиции на Кавказе и на Балканах.

В Закавказье православная Грузия, существование которой из-за политики Турции оказалось под угрозой, вновь обратилась к России за защитой. Переговоры между карталино-кахетинским царем Ираклием II и русским правительством завершились подписанием в 1783 г. между двумя странами Георгиевского трактата, по которому Восточная Грузия переходила под покровительство России в обмен на предоставление ей российской военной защиты.

В течение всего периода своего правления Екатерина II принимала самое активное участие в проведении внешней политики России, не оставляя без личного внимания ни одну серьезную внешнеполитическую проблему. На протяжении 20 лет она опиралась в своей дипломатии на Панина, хотя и не во всем ему доверяла, считая его сторонником ограниченной монархии. В ноябре 1780 г. практическое ведение всеми вопросами внешней политики России императрица передала в руки своего секретаря князя **Александра Андреевича Безбородко**. Он был чрезвычайно эффективным, работоспособным и исполнительным чиновником, скрупулезно и добросовестно исполнявшим все указания императрицы. Сменивший вскоре после этого Панина на посту вице-канцлера граф Иван Андреевич Остерман — в отличие от своего отца личность довольно посредственная — внешней политикой интересовался мало и числился президентом Коллегии иностранных дел лишь номинально. Зато самое непосредственное участие в «политических

тайнах» императрицы, т.е. в ее личной дипломатии, начал принимать Григорий Александрович Потемкин, активно вовлекавшийся в решение важнейших задач внешней политики России.

Г. А. Потемкин выступал за то, чтобы постоянным принципом русской политики в Центральной Европе было поддержание равновесия сил между двумя германскими государствами и создание препятствий для усиления одного из них. Правильность такого подхода подтвердили события 1777 г., связанные с прусско-австрийской войной за баварское наследство. Ее спровоцировала смерть баварского курфюрста Максимилиана-Иосифа, владения которого хотели заполучить и Пруссия, и Австрия. Эта война открыла Екатерине II возможность взять на себя роль «вершительницы судеб Европы». Несмотря на расчеты Фридриха II на то, что Россия окажет Пруссии военную помощь, Екатерина II предпочла выступить в этом конфликте в качестве арбитра, активно вмешивавшегося в германские дела для поддержания равновесия. Заключенный в 1779 г. между Австрией и Пруссией Тешенский мир, при подписании которого Россия выступила не только посредником, но и гарантом, стал триумфом русской дипломатии, поскольку означал доминирующую роль России в германских делах.

В результате мирного конгресса в силезском городе Тешен был подписан мир, который подтвердил неизменность устройства Германской империи и сохранение австро-прусского дуализма в Германии. Возглавлявший русскую делегацию на этом конгрессе Н. В. Репнин проявил себя самым лучшим образом, сумев фактически обеспечить России роль одного из гарантов системы международных отношений, сложившейся в мире к концу 70-х годов XVIII в.

Безусловным достижением екатерининской дипломатии может считаться выдвижение в 1780 г. **принципа вооруженного морского нейтралитета**. С началом в 1778–1779 гг. Войны за независимость английских колоний в Северной Америке Франция и Испания выступили на стороне американских повстанцев. Король Англии Георг III трижды обращался к Екатерине II с просьбой направить в Северную Америку русский экспедиционный корпус для совместного подавления восстания, но неизменно получал отказ. Россия, проявив благоразумие, решила не ввязываться в войну против Америки, в которую ее пыталась втянуть Англия.

С началом военных действий между враждовавшими государствами Европы их военные корабли стали часто прибегать к пиратским нападениям и грабежу торговых судов в нейтральных

водах. К концу 70-х годов действия английских флибустьеров наносили изрядный ущерб морской торговле России и других морских держав. Россия и другие государства, торговые суда которых подвергались нападениям английского флота, направляли Лондону решительные протесты, требовали компенсации убытков, но все безрезультатно.

Такая ситуация побудила Россию в начале 1779 г. приступить к совместному с флотами Дании и Швеции патрулированию вод Северного моря. Его целью была защита торговых судов от пиратских нападений со стороны английских, французских и испанских кораблей. Эта мера, однако, не дала ожидавшихся результатов, нападения и грабежи продолжались. Тогда Россия прибегла к более решительным мерам. 28 февраля 1780 г. Екатерина II подписала подготовленную русской дипломатией декларацию о вооруженном морском нейтралитете, которая была адресована Англии, Франции и Испании.

В декларации провозглашались следующие принципы: нейтральные корабли могут свободно плавать у берегов воюющих держав; неприятельская собственность под нейтральным флагом неприкосновенна; предметом военной контрабанды может быть только оружие и военное снаряжение; блокированным считается лишь порт, вход в который практически затруднен в связи с действиями военно-морских сил воюющих государств. Смысл декларации заключался в том, чтобы установить право нейтральных судов, находящихся в море, защищать себя силой оружия. В интересах обеспечения торговых прав нейтральных государств Россия направила 15 военных кораблей и 4 фрегата русского флота, в задачу которых входило патрулирование торговых путей в Средиземном море, у берегов Португалии, в проливе Зунд и в Северном море.

Нейтральные государства приветствовали действия России и присоединились к декларации. В 1780—1781 гг. Россия заключила конвенции о вооруженном морском нейтралитете с Данией, Швецией, Голландией, Пруссией, Австрией, Португалией и Неаполем. В результате этих действий фактически сложился союз нейтральных государств. Франция, Испания и США также признали принцип вооруженного нейтралитета, хотя формально к нему не присоединились. Англия, против которой декларация о вооруженном нейтралитете, по сути, и была направлена, признать ее отказалась. Союз, или, как его называли, лига вооруженного морского нейтралитета, просуществовала до подписания Версальского мирного до-

говора 1783 г., которым завершилась Война североамериканских колоний за свою независимость.

С отстранением Н. И. Панина от активной дипломатической деятельности во внешней политике России произошло серьезное смещение акцентов. Началось сближение Петербурга с Веной. Ему в немалой степени способствовало подписание Айналы-Кавакской конвенции, по которой Турция окончательно признавала независимость Крыма. Весной 1780 г. в Могилеве состоялась первая встреча Екатерины II с австрийским императором Иосифом II, итогом которой стало заметное ослабление влияния короля Пруссии Фридриха II. На своей встрече в Могилеве монархи России и Австрии договорились занять одинаковую позицию в отношении Турции и Польши. Эта договоренность была оформлена в мае 1781 г. в виде обмена письмами, собственноручно написанными Екатериной II и Иосифом II, в которых говорилось о заключении между двумя странами оборонительного союза. Его создание означало замену Северного союза, продвигавшегося Н. И. Паниным, так называемой **Австрийской системой**. Ключевая роль в вопросах проведения екатерининской внешней политики окончательно перешла от Н. И. Панина к Г. А. Потемкину и А. А. Безбородко.

Обмен письмами между двумя монархами, который завершил подписание русско-австрийского союза, был довольно необычным вариантом заключения договора. Объяснялось это тем, что австрийский император категорически отказался подписывать традиционный договор из-за нежелания соблюдать принятый в международной практике принцип альтерната. Согласно ему каждый из подписантов на своем экземпляре размещает свою подпись на первом месте, но расписывается вторым на экземпляре партнера.

Примечательным было также желание Австрии сохранить достигнутые с Россией договоренности по территориальным вопросам в тайне. По этой причине Иосиф II признал принадлежность России земель, приобретенных ею по Кючук-Кайнарджийскому договору, отдельным письмом, в котором также взял обязательство в случае объявления турками войны России действовать в союзе с ней.

Развивая договоренности, достигнутые в Могилеве, Екатерина II и Иосиф II осенью 1782 г. вновь обменялись очень важными письмами, в которых согласовали русско-австрийские планы по вытеснению Турции из Европы и разделу Балканского полуострова. В историю дипломатии этот обмен письмами вошел под назва-

нием **Греческого проекта**. С учетом того, что Турция продолжала препятствовать проходу русских судов через Босфор и Дарданеллы и пыталась подстрекать крымских татар к восстанию, Екатерина II в своем письме от 10 сентября предложила Иосифу II заключить «секретную конвенцию о вероятных приобретениях», которых двум империям следовало добиваться от турок. Она также предложила создать новое буферное государство, которое располагалось бы между Российской, Австрийской и Османской империями. В его состав предполагалось включить Молдавию, Валахию и Бессарабию. Новое образование должно было получить древнее название Дакия. При этом Екатерина II высказала надежду на то, что в случае успешного исхода войны с Турцией Иосиф II поддержит ее усилия по восстановлению «древнегреческой монархии». На греческий престол императрица рассчитывала посадить своего внука великого князя Константина.

В ответном письме от 13 ноября 1782 г. Иосиф II дал понять, что интересы Австрии и России не совпадают. В качестве своего главного противника австрийский император видел не Турцию, а Пруссию, усиление которой вызывало у Вены заметные опасения. Несмотря на столь значительные различия в подходах двух государств, сближение между Россией и Австрией вызвало негативную реакцию со стороны Пруссии, увидевшей в этом угрозу своим интересам. Насторожились также Англия, Швеция и Голландия.

В фокусе внешней политики Екатерины II находились намеченные еще Петром I планы укрепления позиций России в зоне Причерноморья, а также в Крыму. Князь Г. А. Потемкин, после издания императрицей 8 апреля 1783 г. Манифеста о присоединении Крыма ставший фактическим наместником Екатерины II на юге России, взялся за осуществление программы освоения Таврического и Новороссийского краев. Яркой дипломатической акцией в этом контексте стало знаменитое путешествие Екатерины II в Тавриду, состоявшееся в январе – июне 1787 г. Оно должно было продемонстрировать всему миру прочность позиций России на Черноморском побережье и ее готовность отстаивать свои завоевания.

В этой поездке императрицу по ее настоянию сопровождал австрийский император Иосиф II, что по замыслу Екатерины II должно было подчеркнуть тесную связь и крепкий союз двух государств, направленный против Турции. Вместе с императрицей в поездку отправились также иностранные послы, аккредитованные при ее дворе. На пути в Крым к Екатерине II присоединился польский

король Станислав-Август, который, желая примкнуть к русско-австрийскому союзу, предложил подписать союзный договор между Польшей и Россией.

С поездкой императрицы в Крым связана история, получившая широкое распространение, и касается она так называемых потемкинских деревень. Согласно придуманной позже иностранными послами легенде, вдоль пути следования кортежа императрицы Г. А. Потемкин якобы построил бутафорские деревни, для того чтобы ввести в заблуждение Екатерину II относительно успехов своей деятельности по освоению новых территорий. Но, как выяснилось, на самом деле речь шла о хорошо рассчитанной акции русской дипломатии: муляжи деревень были построены по указанию самой императрицы, для того чтобы показать сопровождавшим ее монархам и иностранным послам, что Россия уже всерьез и надолго закрепилась и осваивает новые южные территории империи.

Подстрекаемые послами Англии и Франции в Константинополе, турки расценили поездку Екатерины II в Тавриду как демонстрацию силы. 13 августа 1787 г. Турция объявила России войну, а 17 сентября Екатерина II подписала ответный манифест. В начавшейся 2-й Русско-турецкой войне в соответствии с соглашением 1780 г., заключенным в Могилеве, Австрия выступила союзницей России. В марте 1788 г. австрийские войска начали военные действия против турок. Однако исход этой войны обеспечили блестящие победы, которые одержали над турецкими войсками русские армии под командованием Г. А. Потемкина, П. А. Румянцева и А. В. Суворова. В результате ее были взяты в декабре 1788 г. Очак, а в октябре 1789 г. — Исмаил.

Тем не менее общая международная обстановка в те годы складывалась не в пользу России. Английская дипломатия в свойственной ей манере постоянно интриговала, стараясь стравить европейские державы между собой, а также настроить их против России. Расчет Лондона заключался в том, чтобы взять на себя роль верховного арбитра и благодаря этому еще больше укрепить свое влияние в мире. В августе 1788 г. Англия, Пруссия и Голландия создали так называемый **Тройственный союз**, направленный против России.

Решив воспользоваться удобным моментом, Швеция, подталкиваемая Англией и Пруссией, предприняла попытку вернуть себе часть утраченных ею ранее земель и в июле 1788 г. начала войну против России. Но, получив решительный отпор со стороны русских войск, шведы были вынуждены пойти на заключение мира,

который был подписан 3 августа 1790 г. По его условиям Швеция отказывалась от какого-либо изменения границ с Россией. Выход Швеции из войны позволил России высвободить силы для противодействия нажиму со стороны Лондона и Берлина.

В столь сложной международной обстановке от русской дипломатии потребовалось предельное напряжение сил и возможностей для того, чтобы нейтрализовать нараставшие угрозы. Дальновидным стратегом в вопросах внешней политики России, к рекомендациям которого прислушивалась Екатерина II, проявил себя Г. А. Потемкин. Он считал необходимым сосредоточить усилия на сдерживании в первую очередь Пруссии как наиболее опасного соперника Российской империи. Тонкую дипломатическую игру вел канцлер А. А. Безбородко, умело использовавший традиционные противоречия между Англией и Францией. Благодаря эффективным действиям послов Д. М. Голицына, а затем А. К. Разумовского в Вене, посла С. Р. Воронцова в Лондоне, послов В. К. Нессельроде и М. М. Алопеуса в Берлине, посла И. М. Симолина в Париже русской дипломатии удалось переломить опасные для России тенденции.

Не менее сложно для России складывалась обстановка на южном направлении, особенно после того как Пруссия заключила союз с Польшей и Турцией, который был направлен против России и Австрии. Ловко интригуя, английская дипломатия поставила Вену перед выбором: выйти из войны с Турцией или потерять возможность восстановить свой контроль над Бельгией, где в то время произошла революция. Сменивший на австрийском троне Иосифа II новый император Леопольд II выбрал первый вариант и подписал 27 июля 1790 г. Рейхенбахские соглашения, по которым Австрия взяла на себя обязательство выйти из войны с Турцией. Перемирие между Австрией и Турцией было заключено уже в сентябре 1790 г., а в августе 1791 г. две страны подписали в Сисово окончательный мир. Во многом это был результат дипломатии английского премьера У. Питта, которая шла вразрез с интересами России.

После заключения Австрией сепаратного мира с Турцией Россия оказалась в непростом положении. Далекостоящие планы Екатерины II по расширению влияния России до Балкан и походу на Константинополь были расстроены. В новых условиях требования России ограничивались присоединением к империи Очакова и части степного пространства между Бугом и Днестром. Но блестящая победа, одержанная русскими войсками под командованием А. В. Суворова, взявшими 11 декабря 1790 г. штурмом турецкую

ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

крепость Измаил в устье Дуная, поставила Турцию по существу в безвыходное положение.

Одновременно успехи русского военного флота под командованием Ф. Ф. Ушакова, нанесшего поражения более многочисленному турецкому флоту сначала в августе 1790 г., а затем в 1791 г., продемонстрировали возросшую силу русского флота. Опасаясь, что Россия получит контроль над устьями всех крупных рек, впадающих в Черное море, и сможет господствовать на Черном море, английская и прусская дипломатии пытались запугивать Россию новой войной.

Недовольные позицией России, Англия и Пруссия принялись открыто демонстрировать военные приготовления. В этих условиях заметную роль сыграл русский посол в Англии **Семен Романович Воронцов**. Будучи ярким представителем рода Воронцовых, из которого вышло несколько русских канцлеров и видных дипломатов, С. Р. Воронцов был близок Петру III и после его свержения отказался присягнуть Екатерине II, но вскоре был прощен императрицей. Благодаря своим талантам в 1764 г. он был принят на дипломатическую службу и направлен советником в Вену. После возвращения Воронцов вновь посвятил себя военной службе, но в 1783 г. после нескольких лет отставки получил назначение полномочным министром в Венецию, а в 1785 г. стал послом в Лондоне, где сменил своего брата Александра Романовича. На новом посту Воронцов энергично добивался сближения между Россией и Англией.

Прекрасно изучив политическую систему Англии, Воронцов сыграл ключевую роль в предотвращении столкновения между Россией и Англией в 1791 г., когда Лондон, напуганный успехами России в войне с Турцией, попытался шантажировать Петербург угрозой войны. В своем донесении Воронцов сообщил о жестком сопротивлении, которое встретила в парламенте Англии агрессивная политика У. Питта. Эта важная информация позволила Екатерине II не поддаваться на шантаж и, сохраняя полное спокойствие, просто игнорировать звучавшие из Лондона угрозы.

Любопытно, что чуть раньше, весной 1791 г., когда Англия направила военно-морскую эскадру

в Балтийское море для запугивания России и демонстрации поддержки Турции, С. Р. Воронцов, исчерпав все дипломатические средства, прибег к неординарному шагу: он, минуя официальные каналы, обратился напрямую к английской общественности, которая решительно выступила против войны с Россией. Война была предотвращена.

Твердая и уверенная позиция Екатерины II позволила России и Турции вступить в прямые переговоры. С русской стороны их вел Г. А. Потемкин, а после его смерти в октябре 1791 г. переговоры продолжил А. А. Безбородко.

В результате конгресса, проходившего в ноябре – декабре 1791 г. в Яссах, между Россией и Турцией 29 декабря был заключен мирный договор. В нем подтверждались условия Кючук-Кайнарджийского мира, акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России и все последующие русско-турецкие соглашения, в том числе определявшие демаркацию русско-турецкой границы. Таким образом, Ясский мирный договор окончательно закреплял за Россией Очаков, все северное побережье Черного моря, включая территорию между Бугом и Днестром. Границы Российской империи были отодвинуты до Днестра, открылась возможность хозяйственного освоения обширных земель Новороссии. Односторонний акт о присоединении к России Крыма получил признание турецкой стороны. Ясский мир стал яркой дипломатической победой Екатерины II.

Примечательно, что будущий великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов-Голенищев, сыгравший ключевую роль во взятии в декабре 1790 г. неприступной крепости Измаил, после заключения Ясского мира был назначен Екатериной II послом в Турцию. В этом качестве он проявил себя как искусный дипломат, сумев после прибытия в Константинополь установить близкие связи с турецким султаном. Свои дипломатические усилия Кутузов сосредоточил на том, чтобы предотвратить создание союза Турции с Францией и Пруссией и не допустить флоты этих европейских держав в Черное море.

Заключение Ясского мира дало Екатерине II возможность сосредоточить внимание на европейских делах, где ситуация развивалась весьма сложно. 3 мая 1791 г. в Варшаве сейм Речи Посполитой принял конституцию, которая ограничивала польскую монархию,

ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

вводила буржуазный принцип разделения властей и несколько урезала власть магнатов. Пруссия и Россия восприняли конституцию Польши и начавшиеся в этой стране изменения крайне негативно. Поэтому осенью 1792 г. в Петербурге между Россией и Пруссией начались секретные переговоры, результатом которых стало подписание 12 января 1793 г. русско-прусской Конвенции о втором разделе Польши. По ней Пруссия брала на себя обязательство продолжить войну против Франции, за что получала города Данциг, Торунь, Познань, территорию почти всей Великой Польши, часть Мазовецкого и Краковского воеводств с городом Ченстохов. России отходили значительные части Белоруссии и Правобережной Украины, включая Киевское и Волынское воеводства, часть Виленского воеводства и литовских земель.

Большую роль в сближении с Австрией сыграл опытный русский дипломат **Андрей Кириллович Разумовский**, третий сын генерал-фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовского, брата фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Он был другом детства цесаревича Павла Петровича, в 1777 г. пришел на дипломатическую службу и был направлен чрезвычайным посланником в Неаполь. В 1786 г. Разумовский получил назначение послом в Швецию, а летом 1790 г. был направлен в Австрию. Там он занял пост помощника чрезвычайного и полномочного посла в Вене князя Д. М. Голицына, которого вскоре и заменил на этой должности.

Заслугой Разумовского можно считать то, что он добился от Вены возобновления союзного договора между Австрией и Россией. Позже, в 1793 и 1795 гг., Разумовский сыграл важную роль в осуществлении второго и третьего разделов Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Будучи сторонником близких отношений с Австрией, Разумовский в 1798 г., несмотря на колебания австрийского императора, сумел тем не менее убедить Вену вступить в коалицию с Россией и Пруссией против республиканской Франции.

Второй раздел Польши привел в марте 1794 г. к восстанию поляков, которое возглавил Т. Костюшко. Русский посланник в Варшаве О. А. Игельстром был вынужден экстренно покинуть столицу, а несколько русских дипломатов попали в руки повстанцев. События в Польше побудили Екатерину II возобновить взаимодействие с Пруссией и Австрией в делах Польши. Пруссия и Австрия ввели туда свои войска. Прусская армия двинулась к Варшаве и Кракову, а австрийцы захватили Люблин, однако в целом союзники действовали весьма вяло. Тогда на подавление польского восстания Екатерина II приказала направить армию А. В. Суворова, которая в середине октября 1794 г. разгромила повстанцев и заняла Варшаву. В результате поражения повстанцев Польско-Литовское государство окончательно прекратило свое существование.

23 декабря 1794 г. в Петербурге Россия и Австрия подписали декларацию о третьем разделе Польши. Одновременно был подписан акт о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о втором разделе Польши. По ним Австрия получила земли между реками Пилицей, Вислой и Бугом. Новая граница России прошла по Бугу и Неману. В декларации однозначно указывалось, что раздел Польши был осуществлен по инициативе Пруссии и Австрии. Фридрих-Вильгельм, поставленный Россией и Австрией перед фактом, был вынужден принять условия русско-австрийской декларации.

Окончательное оформление третьего раздела Польши произошло 13 октября 1795 г. путем заключения двух двусторонних конвенций. Они предусматривали присоединение Пруссии к подписанной ранее русско-австрийской декларации от 23 декабря 1794 г. В одной из этих конвенций договаривающимися сторонами были Австрия и Пруссия, а во второй — Россия и Пруссия. В дальнейшем Россия, Австрия и Пруссия договорились между собой о разграничении сфер влияния в Северной Европе. Эти договоренности закрепляли присоединение к России Курляндии и Семигалии.

Итак, по третьему разделу Польши Россия получила Литву, Курляндию, а также земли до Немана и Буга. При этом она не стала присоединять к себе территории, на которых преобладало польское население. К Пруссии отошла Варшава, а к Австрии — Люблин и Краков. Раздел Польши стал той основой, на которой сложилось сотрудничество России, Австрии и Пруссии.

Дипломатические события в Европе тех лет разворачивались на фоне драматических потрясений во Франции, связанных с Великой французской революцией 1789 г., в результате которой была

свергнута монархия и созван Национальный конвент. В России самым внимательным образом и с большой озабоченностью следили за развитием событий во Франции и вокруг нее. Екатерина II, еще раньше разорвавшая дипломатические отношения с Францией, после казни французского короля Людовика XVI издала указ о расторжении торгового договора с Францией, о запрете впускать французские суда в русские порты, а французских граждан — в пределы Российской империи. Но в открытую войну против революционной Франции Россия вступать не стала под предлогом своей вовлеченности в польские дела. Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. во Франции, положившее начало якобинской диктатуре, имело далекоидущие последствия для всех европейских держав. Крупная буржуазия, пришедшая к власти во Франции 9 термидора, получила в наследство от якобинцев новую революционную армию, обеспечившую Франции ряд серьезных военных побед в войнах против других европейских государств.

Уже в конце 1794 г. стали очевидны разногласия между членами враждебной Франции коалиции, в которую входили Англия, Австрия и Пруссия.

С выходом в 1795 г. Пруссии, Голландии и Испании из антифранцузской коалиции войну с Французской республикой продолжили только Англия и Австрия. Но, покончив с польскими делами, Екатерина II решила примкнуть к этим державам и в 1795 г. заключила союз с Англией и Австрией. Началась подготовка к отправке в Европу 60-тысячного русского корпуса для ведения военных действий против Франции. Однако смерть императрицы 6 ноября 1796 г., а также возросшая враждебность со стороны Пруссии не позволили русской армии принять участие в войне против революционной Франции.

Преобразования в дипломатической службе России

С именем Екатерины II связаны серьезные преобразования в дипломатической службе России. Императрица была фактически своим собственным министром иностранных дел, она занималась как принятием стратегических решений в области внешней политики, так и повседневной деятельностью русских посольств и миссий за рубежом. Екатерина II пристально следила за работой Кол-

легии иностранных дел, уделяла большое внимание улучшению качества и повышению профессионализма русской дипломатической службы. Она лично знакомилась с депешами русских послов, подписывала направлявшиеся им указания, которые готовились в Коллегии иностранных дел. Помимо обмена официальной корреспонденцией Екатерина II вела личную переписку с русскими послами в ведущих странах Европы. Среди них были Г. Кейзерлинг, О. М. Штакельберг и Я. И. Булгаков в Варшаве, Д. М. Голицын в Вене, Д. А. Голицын в Париже и Гааге, И. А. Остерман и А. И. Морков в Стокгольме, И. С. Бярятинский и И. М. Симолин в Париже.

При подготовке внешнеполитических решений Екатерина II опиралась на высших должностных лиц Российской империи, занимавшихся вопросами безопасности и развития отношений с зарубежными государствами. В первый период царствования императрицы ее основными помощниками в вопросах внешней политики были глава Коллегии иностранных дел Н. И. Панин, вице-канцлер А. М. Голицын, позже — И. А. Остерман. С начала 80-х годов основной опорой императрицы в вопросах внешней политики стал А. А. Безбородко. Ближайшим советником по всем внешним делам до самой своей смерти в 1791 г. оставался Г. А. Потемкин. Значительную роль в решении внешнеполитических дел играли генерал-адъютанты А. М. Дмитриев-Мамонов, затем П. А. Зубов, президент Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов.

В годы правления Екатерины II произошли значительные изменения в порядке деятельности русской дипломатической службы. С созданием в ноябре 1768 г. Совета при высочайшем дворе в его ведение перешли такие функции Коллегии иностранных дел, как вопросы ведения войны с Турцией. На Совете обсуждались важнейшие вопросы внешней и внутренней политики России, вырабатывались рекомендации по отношениям с ведущими европейскими державами, определялась стратегическая линия русской дипломатии по тем или иным международным проблемам. Роль Коллегии иностранных дел все больше сводилась к предварительной проработке вопросов, выносившихся на обсуждение Совета и на решение самой императрицы.

Осуществляя личное руководство деятельностью русской дипломатии, Екатерина II привнесла в нее много нового. Она регулярно встречалась с ведущими европейскими монархами, обращалась к своим семейным связям с датским королем Кристианом VII и шведским королем Густавом III. Для решения особо деликатных

проблем императрица широко использовала каналы неофициальной дипломатии.

При Екатерине II были решены такие важные организационные вопросы деятельности Коллегии иностранных дел, как налаживание единой системы делопроизводства, установление порядка реагирования на поступавшие из-за рубежа донесения русских дипломатов, укрепление режима секретности и сохранение государственной тайны. Существенное развитие получила практика русского и международного государственного протокола.

В январе 1779 г. императрица издала указ, определявший штат Коллегии иностранных дел. Одновременно со штатом центрального аппарата она утвердила и численный состав русских дипломатических представительств в зарубежных государствах. Как правило, он был небольшим и состоял из двух-трех человек: главы представительства и его секретарей. Заметно были увеличены ассигнования на финансирование деятельности Коллегии иностранных дел, повышены оклады ее президента и вице-президента.

Своим указом Екатерина II ввела градацию русских дипломатических представительств, которая зависела прежде всего от важности той или иной страны для внешнеполитических интересов России. Так, высшее звание посла получил только русский дипломатический представитель в Варшаве. Большинство же глав других дипломатических представительств России за границей именовались тогда министрами второго ранга. Некоторые представители назывались министрами-резидентами. Министры второго ранга и министры-резиденты осуществляли представительские и политические функции. К министрам были приравнены генеральные консулы, следившие за соблюдением интересов русских купцов и за осуществлением торговых связей. Послами, министрами и генеральными консулами назначались специально подготовленные люди — представители правящего сословия, получившие необходимые знания в области внешних сношений и имевшие должные профессиональные навыки.

Императрица осуществила ряд шагов, направленных на регламентацию деятельности русской дипломатической службы. Указом от 15 марта 1781 г. она подтвердила действовавшие с петровских времен ограничения на контакты сотрудников Коллегии иностранных дел с иностранными дипломатами. Действовавшие регламенты по обеспечению секретности указом Екатерины II от 3 августа 1791 г. были еще более ужесточены, а поступавшие на

работу в Коллегию люди давали письменное обязательство строго соблюдать положения этого указа. Большое значение имел указ императрицы от 3 декабря 1787 г., который предписывал всем дипломатам писать свои донесения только по-русски.

С именем Екатерины II связано и следующее нововведение в русской дипломатической практике. Еще со времен Петра I ведущие государства Европы, напуганные усилением роли и влияния России в мировых делах, начали прибегать к массированным пропагандистским атакам на Россию и личным выпадам против императора. Так, Петра I бездоказательно обвиняли в агрессивных намерениях, регулярно вбрасывали множество нелепых слухов о нем и его политике, не гнушались и откровенной ложью и подлогом. С тех пор такая линия европейских держав в отношении России с разной интенсивностью прослеживалась на всем протяжении истории. Русская дипломатия такому информационному давлению пыталась противодействовать, но получалось это не всегда успешно. Однако при Екатерине II борьба с враждебной пропагандой и открытой клеветой в адрес России стала более осмысленной и целенаправленной. Показательно, что самое активное участие в этой деятельности принимала и сама императрица.

Так, Екатерина II первой среди русских монарших особ стала широко использовать внешнеполитическую пропаганду и контрпропаганду для достижения дипломатических целей. Установив близкие отношения с такими выдающимися мыслителями XVIII в., как Дидро, Вольтер, Даламбер, Гримм, императрица сумела привлечь их к усилиям по формированию благожелательного по отношению к России общественного мнения в государствах Европы. В своей личной переписке с этими выдающимися представителями века Просвещения Екатерина II разъясняла свою политику, решительно разоблачала инсинуации, направленные против России, которые регулярно вбрасывались враждебными европейскими политиками.

Богатая на международные события эпоха правления Екатерины II выдвинула на высокие дипломатические посты десятки умных, талантливых и профессионально одаренных русских дипломатов. В основном они были продолжателями славных традиций дипломатической службы, заложенных еще при Петре Великом. Среди наиболее ярких представителей элиты русской дипломатии екатерининских времен, помимо Никиты Ивановича Панина, можно упомянуть Николая Васильевича Репнина, Александра

ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Романовича Воронцова, Семена Романовича Воронцова, Михаила Илларионовича Кутузова, Андрея Кирилловича Разумовского. Показательно, что все эти неординарные личности в разные периоды своего преданного служения России были то видными дипломатами, то отважными военачальниками.

Настойчивые и хорошо продуманные действия Екатерины II и русской дипломатии на международной арене, умелая комбинация победоносных военных кампаний и напористых дипломатических усилий принесли Российской империи обильные плоды. За годы правления Екатерины II были реализованы многие стратегические планы, начертанные еще Петром Великим, решены те главные задачи, которые он ставил перед русской дипломатией. Территория Российской империи в период царствования Екатерины II значительно расширилась. Были закреплены достигнутые при Петре I территориальные приобретения России на Балтике, воссоединены с Россией обширные земли, населенные родственными русскому народу белорусами и украинцами. Россия прочно закрепила свои позиции на Черном море. К России была присоединена Аляска, русские первопроходцы продвинулись вдоль западного побережья Северо-Американского континента вплоть до Форта Росса в Калифорнии. Россия поистине обрела статус великой державы, оказывавшей решающее влияние на европейские дела. В историю Екатерина II по праву вошла как Екатерина Великая.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные достижения русской дипломатии в период правления Екатерины II.
2. Принцип вооруженного морского нейтралитета и его воплощение в жизнь.
3. Преобразования в дипломатической службе России в Екатерининскую эпоху.

Рекомендуемая литература

- Антонова Л. В., Просвирова Т. А.* История дипломатии России. М.: ООО «Дом славянской книги», 2010.
- Всемирная история: В десяти томах / Академия наук СССР. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. V, VI.
- История дипломатии: [Сб.] / Сост. А. Лактионов. М.: АСТ, 2006.
- Ключевский В. О.* Русская история. М.: Эксмо, 2008.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. I.

Глава 10

ДИПЛОМАТИЯ ПАВЛА I

В день смерти Екатерины II 6 ноября 1796 г. ее 42-летний сын Павел Петрович провозгласил себя императором Всероссийским под именем Павла I. Его воцарение привело к коренной ломке порядков, существовавших при Екатерине II. В день своей коронации 5 апреля 1797 г. Павел I издал Указ о престолонаследии, согласно которому в России устанавливался порядок наследования престола от государя к его старшему сыну. Глубокой реорганизации подверглись практически все сферы жизни русского общества, включая внешнюю политику. Своим вторым после прихода к власти указом Павел отменил начатый при Екатерине II набор рекрутов для войны с Францией.

Павел был сыном императора Петра III и свергнувшей его супруги Екатерины II. С малых лет бабка Павла императрица Елизавета Петровна, отняв внука от родителей, готовила его в наследники престола вместо Петра III. Его воспитанием занимался известный государственный деятель и дипломат граф Никита Иванович Панин. Трагические события, связанные со свержением Петра III и последующим его убийством, оставили в душе Павла глубокий след и негативно отразились на его характере. Он был чрезвычайно подозрителен, раздражителен, вспыльчив, испытывал приступы страха и безудержного гнева. Сложившаяся с детства отчужденность в отношениях с матерью, которой Павел не мог простить расправу над его отцом, еще больше обострилась с воцарением Екатерины II на российском престоле. Рано овдовевший Павел в 1776 г. вторым браком женился на принцессе Вюртембергской Софии-

Доротее, в православии Марии Федоровне. Этот брак сделал его не менее фанатичным поклонником прусского короля Фридриха II, чем был его отец Петр III. В дальнейшем это обстоятельство оказало большое влияние на внешнюю политику Российской империи.

Критически относясь ко всему, что делала его мать Екатерина II, Павел I начал свое правление с глубоких изменений во всей государственной и политической системе России. По поручению императора вице-канцлер И. А. Остерман в ноябре 1796 г. разослал всем европейским державам ноту, в которой говорилось о стремлении Павла I к проведению мирной внешней политики и отказе от завоевания новых территорий. Император встретился с заточенным в Шлиссельбургской крепости лидером польского восстания Т. Костюшко и освободил его и всех поляков, оказавшихся в плену после взятия Варшавы. Павел I пригласил бывшего польского короля Станислава-Августа переехать жить из Гродно в Петербург. Тем не менее, несмотря на эти шаги, Павел I продолжил начатые при Екатерине II переговоры с Пруссией и Австрией о территориальном разграничении, в итоге которых 15 января 1797 г. была подписана конвенция об окончательном разделе Польши.

Сразу после воцарения Павел I произвел новые назначения на высшие посты в своем окружении. И. А. Остерман получил должность канцлера, А. А. Безбородко возглавил Коллегию иностранных дел, вице-канцлером был назначен друг детства нового императора А. Б. Куракин. Но неуравновешенность характера Павла I, его вспыльчивость и подозрительность стали причиной настоящей чехарды в назначениях руководителей внешней политики России. Так, уже в октябре 1798 г. место вице-канцлера вместо Куракина занял племянник Безбородко, бывший посол в Константинополе В. П. Кочубей. Однако в августе 1799 г. Павел I, не терпевший возражений, отправил его в отставку, заявив, что Кочубей «слишком умничает». В сентябре 1799 г. на место Кочубея был назначен бывший посол в Берлине Н. П. Панин — племянник воспитателя Павла Никиты Ивановича Панина, который рос вместе с будущим императором. Первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел вместо Безбородко стал Ф. В. Ростопчин. Из-за возникшего вскоре конфликта Ростопчина с Паниным последний в декабре 1800 г. был отправлен Павлом I в отставку. Однако уже в феврале 1801 г. в отставку был отправлен и Ростопчин.

Следствием импульсивности и непредсказуемости Павла I, а также неразберихи в руководстве внешней политики России ста-

ли некоторые нестандартные шаги, предпринятые русской дипломатией по указанию императора. Так, 4 января 1797 г., т.е. через два месяца после вступления Павла I на престол, Безбородко и Куракин подписали по его приказанию конвенцию с Орденом Иоанна Иерусалимского. Эта конвенция подтвердила права Ордена, в том числе имущественные, в России и Польше. Она также предусматривала создание Великого приорства российского, в состав которого могли назначаться только подданные Российской империи. В ноябре 1797 г. Павел I принял предложенный ему титул протектора Ордена.

Ко времени восшествия Павла I на престол в Европе набрала силу революционная Франция, находившаяся под управлением Директории. Упрочение французского влияния в Голландии и Швейцарии, экспедиция Бонапарта в Египет усилили опасения всех ведущих европейских держав. Однако в первый год своего правления Павел I упорно уклонялся от присоединения к антифранцузской коалиции. В июле 1798 г. Бонапарт оккупировал Мальту и в связи с низложением Великого магистра Мальтийского ордена Гомпеша 13 ноября того же года Павел I принял титул Великого магистра Мальтийского ордена.

Действия Павла I осложнили отношения России с Австрией, Испанией, Баварией, а также рядом других европейских государств, великие приорства которых с одобрения папы Пия VI отказались признать Павла I Великим магистром. Тогда Павел I объявил посла Испании в Петербурге персоной нон грата. Испанцы в ответ выслали русского поверенного в делах Бицова. Разгневанный Павел I издал 15 июля 1799 г. манифест об объявлении войны Испании.

Павел I отказался соблюдать обязательства России, взятые по договору с Австрией еще при Екатерине II, и прийти на помощь австрийским войскам, терпевшим от французов одно поражение за другим. Вместе с тем император подтвердил положения Тешенского мира 1779 г., согласно которым Петербург брал на себя обязательства выступить гарантом стабильности Германской империи.

Все больше разочаровываясь в действиях Австрии и Пруссии, которые пытались решать свои проблемы за спиной у России, договариваясь с Францией, Павел I повел линию на вовлечение Берлина и Вены во II антифранцузскую коалицию. Он решил присоединиться к Англии, выдвинувшей эту идею, и 5 марта 1798 г. обратился к Австрии, Англии, Пруссии и Дании с предложением

создать коалицию для совместного противостояния угрозам, нависшим над Европой. Франция ответила на это захватом Ионических островов, потом Мальты, а летом 1798 г. высадкой французских войск в Египте.

Военный поход Бонапарта в Египет, территория которого входила в состав Османской империи, серьезно напугал турецкого султана Селима III. В результате случилось, казалось бы, невероятное: непримиримые враги — Турция и Россия — оказались участниками одного союза, направленного против Французской республики. 23 декабря 1798 г. между Россией и Турцией был заключен договор, по которому русский военный флот получил право свободного прохода через Черноморские проливы.

Экспансионистские действия Франции побудили европейские державы консолидировать свои усилия, что привело к формированию в конце 1798 — начале 1799 г. II коалиции против Франции. Поначалу Павел I хотел вступить в эту коалицию. Испытывая глубокую ненависть к буржуазной Франции, Павел I уже в своем манифесте по случаю вступления на престол призывал любыми возможными средствами оказывать противодействие Французской республике, которую он рассматривал в качестве угрозы для Европы. Действия Бонапарта наносили удар по планам Павла I добиться усиления позиций России на Ближнем Востоке, а также его расчетам превратить Мальту в форпост русского влияния в Средиземном море. Более того, политика Франции в Польше, а также действия французов в германских землях шли вразрез с интересами России. Павел I был крайне раздражен. Тем не менее Безбородко и Кочубей сумели отговорить императора от полноправного членства России во II антифранцузской коалиции. Петербург решил ограничиться лишь вспомогательной ролью в ней.

Пользуясь заключенным с Турцией договором, дававшим русскому флоту право прохода через Черноморские проливы, русская эскадра в начале 1799 г. прошла через Босфор и Дарданеллы. На пути к ней присоединилась турецкая эскадра, и уже совместный русско-турецкий флот под командованием вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова направился к Ионическим островам, захваченным французами. Ряд успешных военных операций, которые русские и турецкие силы провели на островах, позволил Ушакову высадить десант на острове Корфу. 18 февраля 1799 г. русско-турецкие войска взяли штурмом расположенную на нем мощную крепость, захватив при этом богатые трофеи. Над Ионическими островами,

освобожденными от французов, был установлен двойной протекторат России и Турции, а русский флот получил удобную базу на Средиземном море.

Война в Европе возобновилась весной 1799 г., она складывалась для французов неудачно, особенно на территории Италии. Русские войска под командованием А. В. Суворова, пройдя стремительным маршем большое расстояние, в апреле 1799 г. появилась в Северной Италии, заняли Милан, а затем Турин. Флот под командованием Ушакова в июне 1799 г. овладел Неаполем, а затем русский десант вошел в Рим. Победа, одержанная войсками Суворова 15 августа 1799 г. в сражении у Нови, произвела на Европу большое впечатление. Русская армия готова была вторгнуться на территорию Франции, но Вена стала настаивать, чтобы войска Суворова были направлены в Швейцарию на замену находившимся там австрийским войскам. Именно тогда и был совершен знаменитый героический переход армии Суворова через Альпы. Однако, оказавшись в Швейцарии, русская армия попала в тяжелое положение из-за того, что к этому моменту армия австрийцев уже покинула пределы Швейцарии. Поражение армии А. М. Римского-Корсакова под Цюрихом еще больше осложнило обстановку. Неудачный англо-русский десант в Голландии осенью 1799 г. фактически означал поражение антифранцузской коалиции.

Причиной военных неудач II антифранцузской коалиции было различное понимание ее целей, которое существовало у вошедших в нее стран. Австрийский канцлер Тугут стремился захватить Северную Италию, а Суворов видел свою задачу в том, чтобы, освободив Италию, поставить заслон на пути экспансии Бонапарта. Обострение отношений между Россией и Австрией вызвал инцидент, связанный с отказом австрийцев допустить русских моряков в город Анконте, который был взят флотом под командованием Ушакова. В знак протеста Павел I срочно отозвал из Вены русского посла А. К. Разумовского. В октябре 1799 г. Павел I сообщил императору Францу II о том, что возвращает армию Суворова из Швейцарии. Конфликт в отношениях с Веной достиг пика, когда Павел I через нового русского посла в Австрии Степана Алексеевича Кольчова потребовал от австрийцев отозвать из Петербурга своего посла Кобенцеля. Оказавшийся в Петербурге по сути под домашним арестом, Кобенцель в мае 1800 г. был вынужден под благовидным предлогом сам уехать из России. Отношения между Россией и Австрией практически прервались.

Одновременно с обострением отношений между Петербургом и Венной русской дипломатии стали очевидны усилия, которые предпринимала Англия для сдерживания влияния России на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, а также для выдавливания русских с Ионических островов. В Лондоне были озабочены шагами России по сближению с Пруссией, Данией и Швецией и созданием так называемой «Второй лиги вооруженного морского нейтралитета», поскольку ее целью было ограничение английского влияния в Балтийском море. Захват английским флотом под командованием адмирала Нельсона 5 сентября 1800 г. Мальты, на которую претендовал Павел I, и явное намерение Лондона забрать этот остров себе стали поводом для официального выхода России из II антифранцузской коалиции. Как только англичане назначили на Мальте своего губернатора, Россия наложила эмбарго на английские суда, находившиеся в русских портах. Вернув русские войска из Европы в Россию, Павел I объявил о разрыве отношений с Англией и о заключении договоров со Швецией, Данией и Пруссией, которые имели направленность против Англии.

Между тем в Париже Бонапарт был уверен, что для реализации своих планов ему необходимо одержать крупную победу над одной из стран, которая могла бы вторгнуться во Францию. Такой страной стала Австрия. Начав против нее военные действия, Бонапарт разгромил австрийские войска при Маренго, серьезно ослабив Австрию и напугав Пруссию. В планах Бонапарта было также нанести поражение Англии и заключить военный союз с Россией, необходимый Франции для того, чтобы установить на Европейском континенте свое господство. С целью улучшить отношения с Павлом I Бонапарт велел без каких-либо условий вернуть в Россию всех русских пленных, взятых в боях 1798 — 1799 гг., а также возвратить захваченные французами русские полковые знамена. Министру иностранных дел Ш.-М. Талейрану было поручено довести до сведения русского императора, что в Париже признают, что именно русские войска, а не английские и не австрийские, одержали над французами победы в Италии. Бонапарт также предложил Павлу I «подарить» ему остров Мальту, который к тому времени находился в руках англичан.

В начале декабря 1800 г. французские войска нанесли сокрушительное поражение австрийской армии в сражении при Гогенлиндене, что привело к заключению с Австрией Люневильского мира. По нему Франция получила в свои руки Северную Италию.

После этого Бонапарт стал все настойчивее добиваться сближения с Павлом I. Лестью, любезностями, заверениями в дружественных намерениях и осуждением ненадежных союзников России Бонапарт смог добиться того, что русский император направил в Париж сначала своего эmissара Спренгпортена, а затем и официального представителя С. А. Колычёва. Последнему были даны полномочия вести переговоры о мире и, возможно, о союзе с Францией.

Решению Павла I пойти на контакты с Францией способствовало то, что отношение русского императора к Бонапарту начало меняться. Переворот 18 октября (18 брюмера) 1799 г. во Франции Павел I расценил как шаг, ведущий к восстановлению французской монархии. В первом консуле Директории Павел I увидел человека, способного сдержать рост революционных настроений во Франции.

В сотрудничестве с Францией Павел I предполагал приблизить реализацию одной из своих весьма авантюрных идей. Он давно вынашивал планы направить экспедицию в Среднюю Азию, чтобы найти сухопутный путь в Индию. Практическим шагом в этом направлении стало указание, отданное Павлом I в январе 1800 г. атаману Войска Донского, двинуться казачьими полками в Оренбург. Оттуда казакам надлежало выступить в поход в Индию с тем, чтобы нанести удар по колониальным владениям Британской империи. В сближении с Францией Павел I увидел возможность объединить усилия двух стран для совместной военной экспедиции в Индию, целью которой был захват этой «жемчужины» британской короны.

Радикальное изменение вектора внешней политики России, которое начал осуществлять Павел I, вызвало недовольство в русском обществе и встретило возражения в среде дипломатов. Особенно решительно против сближения с Францией выступил вице-канцлер Н. П. Панин, в результате чего император отправил его в отставку. Верх взяла линия, которую отстаивал фаворит Павла I и первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Федор Васильевич Ростопчин. Этот русский государственный деятель и генерал от инфантерии крайне отрицательно относился к союзу с Англией и Австрией, которые не раз проявили свое вероломство по отношению к России. Ростопчин выступил за сближение с Францией, и 2 октября 1800 г. Павел I одобрил подготовленный им меморандум по вопросам внешней политики. В нем Ростопчин

предлагал императору вступить в союз с Бонапартом, с тем чтобы совместными усилиями осуществить раздел Османской империи, которую он называл «безнадежно больным». К реализации этого плана Ростопчин предлагал привлечь Австрию и Пруссию. Он также высказался за заключение военного союза с Пруссией и Швецией в целях установления морского эмбарго против Англии.

Сближение между Францией и Россией заметно ускориилось, когда в начале 1801 г. Павел I и Бонапарт начали вести интенсивную переписку друг с другом. Появилась реальная перспектива коренного изменения политического расклада в Европе. Решительный поворот во внешнеполитической ориентации Павла I вызвал большую озабоченность в Вене, но еще больше в Лондоне. Английский посол в Петербурге Ч. Уитворт принялся усиленно искать пути отстранения Павла I от власти. Через свою знакомую из высшего света Ольгу Александровну Жеребцову посол установил тайную связь с ее братом графом П. А. Зубовым, а затем и с попавшим в опалу Н. П. Паниным, а также некоторыми другими представителями высшей русской знати, которые были недовольны радикальными реформами императора, ограничивавшими власть помещиков. Одновременно во влиятельных проанглийских кругах Петербурга нарастали настроения против радикального поворота во внешней политике в сторону Франции, который начал Павел I.

В результате комбинации всех этих факторов в стране созрел заговор с целью отстранения императора от власти. В число заговорщиков вошла большая группа офицеров русской гвардии, недовольных императором, а также ряд представителей высшей знати, в том числе приближенных Павла I. Во главе заговора встал один из ближайших приближенных императора генерал от кавалерии и военный губернатор Петербурга Петр Алексеевич Пален. О заговоре знал и наследник престола великий князь Александр Павлович.

Ночью 12 марта 1801 г. группа заговорщиков ворвалась в спальню императора, проживавшего в Михайловском дворце. Павел I был задушен. Преемником Павла I на русском престоле стал его 24-летний старший сын Александр Павлович, провозглашенный Александром I.

Контрольные вопросы

1. Непоследовательность дипломатии Павла I.
2. Сближение России и Франции в период правления Павла I.

ГЛАВА 10

.....

Рекомендуемая литература

- Антонова Л. В., Просвинова Т. А.* История дипломатии России. М.: ООО «Дом славянской книги», 2010.
- Всемирная история: В десяти томах / Академия наук СССР. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. V, VI.
- История дипломатии: [Сб.] / Сост. А. Лактионов. М.: АСТ, 2006.
- Ключевский В. О.* Русская история. М.: Эксмо, 2008.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. I.

Глава 11

ДИПЛОМАТИЯ АЛЕКСАНДРА I

Дипломатическая служба в первой четверти XIX века

Успехи русской дипломатии в XVIII в. способствовали росту политического веса и влияния России. Страна вступила в новое столетие как великая держава, занимающая огромную территорию на трех континентах — в Европе, Азии и Америке. Но продолжавшееся расширение границ опережало рост экономического потенциала империи и ставило ее перед новыми, более сложными внешнеполитическими вызовами.

В начале XIX в. главный из них был связан с глубокими международными потрясениями, вызванными сначала Французской революцией, а затем безудержной экспансией наполеоновской империи. Военный гений Бонапарта пронесся по Европе как смерч, ломая вековые устои и стирая с политической карты целые государства. Россия возглавила борьбу за освобождение Европы, а русская дипломатия взяла на себя трудную миссию обеспечения единства союзников.

С падением Наполеона наступил звездный час европейской дипломатии. Ей предстояло не только разобрать завалы, образовавшиеся в результате многократной перекройки границ в ходе Наполеоновских войн, но и построить новую международную систему, способную обеспечить длительный мир и спокойствие на континенте. Русской дипломатии и на этот раз было суждено сыграть важнейшую и по сути новую для нее роль. Если в течение

XVIII столетия, с тех пор как Петр I «прорубил окно» в Европу, Россия участвовала в европейских делах, защищая главным образом собственные интересы, то теперь, одержав победу в титанической схватке с Наполеоном, она становится силой, формирующей политическое устройство Европы. Олицетворением этой силы был император Александр I, личность которого — настолько же яркая, насколько и противоречивая — оставила глубокий след в истории русской и мировой дипломатии.

«Северный сфинкс». В представлении не только современников, но и последующих поколений истинная натура императора Александра I осталась во многом неразгаданной. Историки неизменно указывали на ее двойственность: в ней сочетались, казалось бы, несовместимые черты характера и политические взгляды. Но никто из них не ставил под сомнение выдающиеся дипломатические способности Александра. Он обладал редким даром очаровывать людей, но при этом отличался умением скрывать свои мысли. Усвоенная с юности привычка к постоянному лавированию между ненавидевшими друг друга отцом и бабкой не раз помогала ему в сложнейших условиях европейской политики.

Александр умел ставить крупные стратегические задачи и упорно добиваться их решения. Как дипломата его отличали терпение, гибкость и готовность в нужный момент пожертвовать второстепенным ради главного. Его способность «держать удар» в полной мере раскрылась в историческом поединке с Наполеоном, из которого он вышел победителем. Историкам еще предстоит по достоинству оценить его новаторский вклад в развитие международных отношений, который нашел выражение в смелых инициативах, направленных на политическое объединение Европы, утверждение коллективных подходов к решению международных вопросов, сокращение вооружений и т.п.

В отличие от большинства европейских монархов Александр не только принимал ключевые решения в области внешней политики, но и воплощал их в жизнь, самостоятельно ведя переговоры с Наполеоном, Меттернихом, Талейраном и другими видными европейскими дипломатами. Хотя у царя было немало способных сотрудников, таких как А. Чарторыйский, И. Каподистрия, К. Поццо ди Борго, К. Нессельроде, Х. Ливен и др., они не играли самостоятельной роли и были в лучшем случае толковыми исполнителями императорской воли.

Модернизация дипломатических служб. В начале XIX в. был дан сильный толчок развитию и совершенствованию организационных форм, стиля и методов дипломатической деятельности. Выдающимся достижением было принятие на Венском и Аахенском конгрессах международного регламента, который унифицировал ранги дипломатических представителей и установил простой и понятный принцип их старшинства в зависимости от ранга и времени прибытия в страну. Это разом положило конец многовековым спорам о старшинстве, из-за которых в прошлом не раз возникали ненужные конфликты и даже скрещивались шпаги. Такое решение сыграло важную роль в процессе профессионализации дипломатической деятельности и ее превращения в особую отрасль государственной службы каждой страны.

Вместе с тем модернизация была медленным и постепенным процессом. В начале XIX в. дипломатические отношения между государствами все еще ограничивались преимущественно рамками Европы и сводились в основном к обсуждению политических вопросов. Для этого не было нужды в многочисленных дипломатических службах. Внешнеполитическими делами занимался крайне ограниченный круг лиц за наглухо закрытыми дверями. Главные решения принимались монархами при участии их ближайших советников, а также послов и посланников в столицах наиболее влиятельных европейских стран. Общественное мнение только начинало формироваться и не оказывало серьезного воздействия на внешнюю политику государств.

Дипломатия во многом отождествлялась с персоной царствующего монарха, а международная политика воспринималась как своего рода «семейные» отношения между европейскими дворами. Тем более это касалось самодержавной России, где руководство внешней политикой было исключительной прерогативой императора. Русский дипломат первой половины XIX в. служил не столько России, сколько своему «августейшему шефу», которому он, поступая на службу, приносил личную присягу. По свидетельству А. М. Горчакова, его предшественник на посту министра иностранных дел К. В. Нессельроде говорил, что он вообще не знает, что такое Россия, для него существует только император. Такое феодальное по существу понимание служебного долга обеспечивало высокую личную лояльность дипломата. Но оборотной стороной были слабость национального сознания и отсутствие глубокого понимания национальных интересов страны.

Еще одним следствием личного характера дипломатической службы была распространенная еще с петровских времен практика приема на нее иностранцев или лиц нерусской национальности. Особенно велик был процент остзейцев — дворян немецкого происхождения, проживавших на территории прибалтийских губерний Российской империи — Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Русские императоры ценили их за преданность трону и европейскую образованность, которой порой не хватало дворянам русского происхождения. По подсчетам историка С. С. Татищева, доля «лиц с нерусскими фамилиями» в конце царствования Александра I составляла 68%, а в конце царствования Николая I — 81%. Но тогда это не вызывало недовольства и воспринималось как нечто естественное и органичное для наднациональной Российской империи. Тем более что и русское дворянство того времени тяготело в большей степени к европейской, чем к русской национальной культуре. Протесты общественности против «иностранного засилья» на русской дипломатической службе начались во второй половине столетия на волне пробуждения национального самосознания.

Учреждение Министерства иностранных дел. «Дней Александровых прекрасное начало» ознаменовалось реформой высшего звена государственного управления. В 1802 г. в числе восьми учрежденных императором министерств было создано Министерство иностранных дел.

На первых порах эта реформа, разработанная наспех и не доведенная до логического завершения, лишь в малой степени отразилась на дипломатической службе. Петровская коллегия иностранных дел не была распущена и долгие годы существовала параллельно с министерством, к которому постепенно переходили ее функции. Структура МИД сформировалась далеко не сразу. Императорским указом от 1811 г. она была упорядочена. Главным принципом министерского управления стали единоначалие министра и его личная ответственность перед царем. В МИД было образовано четыре департамента. Политические вопросы входили в компетенцию департамента внешних сношений, в рамках которого действовала канцелярия министра, ставшая со временем важнейшим подразделением министерства. В 1809 г. был учрежден Азиатский департамент, в котором были сосредоточены вопросы отношений со странами Востока, включая Турцию. В целом образование МИД положило начало формированию современного внешнеполитического аппарата, адекватного новой роли России в международных отношениях.

Первым главой МИД стал многоопытный государственный деятель и дипломат граф **Александр Романович Воронцов** (1741—1805). Он принадлежал к древнему боярскому роду, возвысившемуся при императрице Елизавете Петровне. Получив образование во Франции, он начал карьеру на посту поверенного в делах в Вене, а затем полномочного министра в Англии и Голландии. Многие годы был президентом Коммерц-коллегии, сыграв выдающуюся роль в развитии внешней торговли России, за что пользовался высоким доверием императрицы Екатерины II. Руководил МИД в 1802—1804 гг. Будучи сторонником независимой внешней политики, Воронцов способствовал сближению с Англией, Австрией и Пруссией в целях противодействия экспансионизму наполеоновской Франции.

Дипломатические кадры и их подготовка. В России, как и в других европейских государствах, подавляющее большинство дипломатов являлись выходцами из дворян. Принадлежность к аристократии была общей чертой европейской дипломатии начала XIX в. Она гарантировала надлежащий уровень образования, культуры и знания иностранных языков — все остальное зависело от природных способностей и профессионального опыта дипломата.

Общественный престиж дипломатической службы был очень высок. В России она котировалась почти наравне с военной службой в императорской гвардии. Дворянские семьи стремились хотя бы формально и без выплаты жалованья пристроить своих сыновей в МИД. В результате штаты министерства были чрезвычайно раздуты. В первой половине XIX в. здесь насчитывалось более 300 сотрудников. (Для сравнения: в британском Форин Офис в тот же период работало всего 28 человек, в МИД Франции — 55.) Но многие из них только числились в МИД и в работе практически не участвовали.

В России, как и в других европейских странах, по-прежнему была широко распространена практика назначения на ответственные дипломатические посты крупных военных и гражданских деятелей на основе личного доверия к ним со стороны царствующего

монарха. Вместе с тем в Александровскую эпоху заметно повысилось внимание руководства МИД к пополнению дипломатической службы способной и образованной молодежью. Этого требовало, в частности, увеличение числа консульских представительств России. За время царствования Александра количество генеральных консульств возросло с 14 до 24, консульств — с 8 до 21, вице-консульств — с 2 до 11. Главным критерием для приема на службу в эти учреждения, зачастую находившиеся в отдаленных районах Востока с тяжелыми бытовыми условиями, было не аристократическое происхождение, а хорошее образование и знание иностранных языков. Важным новшеством, также появившимся в эту эпоху, стало учреждение обязательных экзаменов при поступлении на государственную службу для лиц, не имеющих университетского образования.

В начале царствования Александра I в правительственных кругах России заговорили о необходимости специальной подготовки дипломатических кадров.

В 1823 г. было учреждено **Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД**. Оно стало одним из главных центров отечественного востоковедения. В нем было налажено преподавание как восточных, так и западных языков и других дисциплин, включая древнюю и новую историю, географию Азии, а позже мусульманское и международное право. Со временем количество изучаемых языков значительно возросло, а срок обучения увеличился с двух до трех лет. На учебу принимались после тщательного отбора выпускники восточного отделения Петербургского и Казанского университетов, а также Лазаревского института восточных языков. За период с 1823 по 1907 г. Учебное отделение выпустило 220 специалистов.

Крупным событием стало основание в 1811 г. по инициативе императора **Царскосельского (впоследствии Александровского) лицея**. Хотя он был предназначен для подготовки государственных служащих широкого профиля, лицей стал одной из «кузниц» дипломатических кадров старой России. Именно из его стен, овеянных славой А. С. Пушкина, вышли пять министров иностранных дел: А. М. Горчаков, Н. К. Гирс, А. Б. Лобанов-Ростовский, А. П. Извольский и С. Д. Сазонов. Второй директор лицея Энгельгардт организовал специальные занятия с лицеистами, решившими поступить на службу в МИД. По его просьбе из министерства присылали дипломатические документы, которые лицеисты усердно разбира-

ли, переписывали и таким образом на конкретном материале учились будущей специальности.

Учебная программа лицея носила весьма широкий гуманитарный характер, отвечая высшим европейским образовательным стандартам своего времени. Она наилучшим образом соответствовала господствовавшим в данный период представлениям об объеме знаний и уровне культуры, которыми должен обладать будущий дипломат. Важная привилегия лицея, как и Училища правоведения, состояла в том, что по окончании его питомцы получали на один чин выше выпускников университетов.

Русская дипломатия в эпоху Наполеоновских войн

Александр I вступил на престол 12 марта 1801 г. в условиях относительного затишья в европейской политике. Это благоприятствовало намерению молодого императора воздерживаться от вмешательства в конфликты между европейскими державами и сосредоточить усилия на внутренних преобразованиях.

В начале царствования вопросы внешней политики обсуждались на заседаниях так называемого «негласного комитета», членами которого были друзья и единомышленники Александра, образованные молодые аристократы А. Чарторыйский, П. А. Строганов, В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев. Особая роль в этой группе принадлежала А. Чарторыйскому, который в 1804 г. возглавил Министерство иностранных дел.

Члены «негласного комитета» склонялись к выработке такого курса, который давал бы России максимальную «свободу рук» в международных делах. Сам Александр говорил на заседаниях комитета, что Россия может обойтись без союзов с иностранными державами. Однако вскоре ему пришлось пересмотреть это мнение. Более реалистической выглядела концепция, предложенная опытным государственным деятелем екатерининского времени Н. П. Паниным. Ее основные положения сводились к поддержанию мира и равновесия между европейскими державами, сдерживанию экспансионизма Франции, удержанию Австрии и Пруссии в состоянии «взаимной ревности», укреплению торговых отношений с Англией и добрососедства с Оттоманской империей и государствами Северной Европы.

Князь **Адам Чарторыйский** (1770—1861), польский аристократ, поступил на русскую службу в 1795 г. В 1799 г. назначен посланником России в Сардинском королевстве. После вступления на престол Александра I вернулся в Петербург и входил в состав «негласного комитета» друзей и единомышленников императора. В 1802 г. получил должность товарища министра иностранных дел, а в 1804 г. — министра. В 1805 г. выдвинул проект восстановления Польского государства в границах 1772 г., связанного с Россией династической унией. Сближение России с Пруссией доказало не-реальность этих планов. В июне 1806 г. Чарторыйский покинул пост министра.

В 1815 г. после образования на основе решений Венского конгресса Царства Польского вошел в состав его временного правительства, но уже в 1816 г. подал в отставку. Во время польского восстания 1830—1831 гг. занимал пост председателя правительства и заведующего иностранными делами. После подавления восстания эмигрировал в Париж, где возглавлял консервативную польскую эмиграцию.

Ближайшей задачей Александра была нормализация международного положения России, осложнившегося из-за импульсивных шагов Павла I в отношениях с Англией и Францией. Надо было нормализовать их с Англией, но при этом не рассориться с Наполеоном, строившим планы создания франко-русского союза против англичан.

Эта задача уже вскоре была успешно решена. В июне 1801 г. была заключена **конвенция о дружбе и свободе мореплавания с Англией**. Тем самым не только прекращалось состояние войны между двумя странами, но и открывался путь к нормализации двусторонней торговли, издавна имевшей важное экономическое значение для России.

Тогда же Александр предпринял первые шаги к сближению с Пруссией. В начале лета он встретился в Мемеле с королем Фридрихом-Вильгельмом III и его женой королевой Луизой, установив

с ними близкие дружеские отношения. Наметилось также сближение с Австрией.

В сентябре 1801 г. после напряженных переговоров были подписаны **мирный договор и секретная конвенция с Францией**, предусматривавшая, в частности, согласованные действия обеих держав в Германии и Италии. Эти договоренности ознаменовали поворот в политике России, так как означали признание ею необратимости перемен, вызванных Французской революцией, и отказ от дальнейшей борьбы за реставрацию Бурбонов. Теперь цель договоренностей с Францией сводилась исключительно к сдерживанию агрессивных устремлений Бонапарта.

Поначалу могло показаться, что попытка русской дипломатии связать первого консула Франции договорными обязательствами удалась. Внешне он вел себя корректно, проявляя любезность в отношении царя и его дипломатических представителей. В марте 1802 г. в Амьене явно под влиянием русско-французского примирения был заключен мирный договор между Францией и Англией.

Однако реальная политика Наполеона вскоре показала, что договоры с Россией и Англией были для него лишь тактическим маневром, развязывающим руки для наращивания агрессивных действий на других направлениях. Наполеон не собирался соблюдать условия договоренностей с Россией. Он продолжал захватывать одну за другой территории в Италии, бесцеремонно хозяйничал в германских государствах, направлял войска в Швейцарию, готовил высадку десанта на Британские острова.

Амьенский договор продержался в силе немногим больше года. В мае 1803 г. война между Англией и Францией возобновилась. А. Р. Воронцов с присущей ему проницательностью увидел в этом прелюдию к большой европейской войне. Он писал: «На море французам нечего будет делать противу Англии, потому-то они и захотят выместить оное сухопутными своими силами, а тут выйдет жертвою немецкая земля, Италия, а может, и турецкие области...» Из этого он сделал вывод о необходимости для России вооружаться и формировать союз против Франции.

Императору Александру нелегко было отказаться от «свободы рук» и встать на путь участия в военно-политических союзах. Он предпочитал играть роль арбитра в урегулировании европейских проблем. Но его предложения о посредничестве между Англией и Францией были отвергнуты обеими державами.

Переход к «коалиционной» дипломатии. После захвата французами Ганновера, находившегося во владении английского короля,

Россия перед лицом угрозы своим интересам в Германии начала в июне 1803 г. переговоры с Пруссией о создании оборонительного союза. Принципиальное значение имел вопрос о пропуске русских войск через прусскую территорию. Однако в Берлине взяли курс на затягивание переговоров. Осенью 1803 г. выяснилось, что Пруссия одновременно вела тайные переговоры с Францией. Надежда на заключение союза с Берлином рухнула. Теперь союзницей России в континентальной Европе могла быть только Австрия. Но и с ней переговоры проходили с большими трудностями.

Здесь выявилась одна из главных проблем «коалиционной» дипломатии. Наличие общего врага в лице Бонапарта оказалось недостаточным для формирования прочного союза. Если Россия и отчасти Англия преследовали цель объединения усилий для борьбы с агрессором, то Австрия и Пруссия видели в ней средство для удовлетворения своих частных интересов. Этим охотно пользовался Наполеон, чтобы вносить раскол в ряды союзников, а затем гроить их поодиночке.

В то же время именно его грубые и бесцеремонные действия, как ничто другое, способствовали формированию антифранцузских коалиций. В январе 1804 г. сильным толчком для заключения австро-русского союза стало всеобщее возмущение монархической Европы в связи с расстрелом видного представителя династии Бурбонов герцога Энгиенского, ложно обвиненного в заговоре с целью убийства Наполеона. Россия направила Франции ноту протеста. Наполеон ответил грубым оскорблением, намекнув в ответной ноте на причастность русского императора к убийству собственного отца. В том же году Наполеон провозгласил себя императором Франции, представ в глазах европейских монархов «узурпатором», поставившим под угрозу вековые политические устои Европы.

После этих событий формирование III антинаполеоновской коалиции резко ускорилося. В апреле 1805 г. в результате миссии Н. Н. Новосильцева в Лондоне была подписана **англо-русская союзная конвенция**. В состав новой коалиции вошли Россия, Англия, Австрия и Швеция. Тем не менее опыт III коалиции и война 1805 – 1807 гг. оказались весьма неудачными для России. Австрийские войска потерпели ряд серьезных поражений еще до подхода союзной русской армии под командованием М. И. Кутузова, а 2 декабря 1805 г. соединенные русско-австрийские силы были разгромлены Наполеоном в сражении при Аустерлице. Вскоре Австрия вышла из войны, подписав с Францией унижительный Пресбургский мир.

В течение почти целого года в отношениях между Россией и Францией не было ни мира, ни войны. Россия отступила, но не сложила оружия. Попытка прощупать возможность перемирия с Францией успеха не принесла. Посланный в Париж дипломат П. Я. Убри, вопреки полученным инструкциям, вернулся в Петербург с готовым русско-французским договором, содержащим неприемлемые для России уступки Наполеону. Царь отказался его одобрить.

Теперь все надежды Александр возлагал на Пруссию. В подписанной 26 апреля 1807 г. союзной **Бартенштейнской конвенции** он добился согласия сторон в том, что «военные действия никогда не будут направляемы из видов частных, но единственно для достижения главной цели — принудить неприятеля к заключению общего и прочного мира».

Так возникла IV антинаполеоновская коалиция. Однако в битвах при Йене и Ауэрштедте в октябре 1806 г. прусская армия была наголову разбита. Александр, мобилизовав подкрепления, поспешил на помощь своему другу Фридриху-Вильгельму, укrywшемуся в Восточной Пруссии. Однако, несмотря на стойкость русской армии в сражениях под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, Наполеон снова выиграл кампанию, нанеся русским тяжелое поражение под Фридландом. Русская армия была вынуждена отступить за Неман, в пределы Российской империи. Теперь почти вся Западная и Центральная Европа находилась под контролем Бонапарта.

Тильзитский мир. Россия оказалась в исключительно трудном положении. В одиночку продолжать войну было невозможно. IV коалиция перестала существовать. Александр считал, что Англия предала союзников, не выполнив обещаний о финансировании военной кампании. Экономические и военные ресурсы России были на исходе. К тому же она в тот момент находилась в состоянии войны с Персией и Турцией.

Между тем Наполеон также был заинтересован в прекращении войны. При этом он хотел не просто мира, а союза с Россией. Следуя излюбленной тактике, он стремился обезопасить себя на востоке, чтобы развязать руки для покорения Пиренейского полуострова и экономического удушения Англии путем континентальной блокады. Но без участия России — традиционного торгового партнера Англии — замкнуть кольцо этой блокады было невозможно.

10 июня 1807 г. состоялась встреча Наполеона и Александра близ города Тильзита на плоту посередине реки Неман, которая тогда служила границей между двумя империями. Ключевые во-

просы русско-французских отношений и европейской политики решались в ходе бесед двух императоров с глазу на глаз.

Поначалу Александр хотел ограничиться мирным договором, зная, что союз с Наполеоном будет крайне непопулярным в России, и опасаясь втягивания в войну с Англией. Он считал достаточными уступками расторжение союза с Англией и признание территориальных захватов Наполеона в Европе. Взамен он добивался невмешательства Франции в русско-турецкие дела и сохранения Пруссии в качестве самостоятельного государства. Но реальное соотношение сил складывалось не в пользу России. В ходе напряженных переговоров стало очевидным, что без вступления в союз с Наполеоном получить приемлемые условия мира было невозможно. Тильзитский договор, а также секретный договор о союзе, подписанные 7 июля 1807 г., представляли собой сложный комплекс взаимных уступок и компромиссов, в целом более выгодный Парижу, но и не слишком тяжелый для Петербурга.

Россия не уступила ни пяди собственной территории и даже получила приращение в виде Белостокского края. Пруссия «из уважения к императору Всероссийскому» была сохранена, но в сильно урезанном виде. На принадлежавших ей польских землях Наполеон создал вассальное Великое герцогство Варшавское. Россия уступила Франции Ионические острова в Восточном Средиземноморье, где она имела военное присутствие с конца XVIII в., и соглашалась на французское посредничество при заключении русско-турецкого мира. Александр также обязался действовать совместно с Наполеоном в случае войны с любой европейской державой, но это обязательство ему удалось обставить такими оговорками, что за время существования Тильзитской системы Россия ни разу реально не воевала на стороне Франции.

Как и ожидалось, Тильзитский мир был крайне отрицательно воспринят в России. Ведь еще недавно с амвонов православных церквей Наполеона клеймили как «антихриста». Недовольство и ропот вызвало согласие Александра участвовать в континентальной блокаде, повлекшее за собой немалые экономические издержки. Одно время даже поползли слухи о заговоре против императора, подобном тому, который в похожих обстоятельствах стоил жизни его отцу.

Однако Александр проявил твердость, взяв на себя всю полноту ответственности за этот вынужденный поворот во внешней политике. Он писал матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Союз с Наполеоном — лишь изменение способов борьбы

против него. Он нужен России для того, чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы».

Александр постарался в максимальной степени использовать Тильзитскую систему в интересах России. Уже следующее свидание двух императоров, состоявшееся по инициативе Бонапарта в **Эрфурте осенью 1808 г.**, проходило в более благоприятных для нее условиях. Наполеон, под ногами которого начинала гореть земля Испании и других оккупированных стран, как никогда нуждался в союзе с Россией. В обмен на торжественное подтверждение и возобновление этого союза он согласился признать права России на Финляндию и Дунайские княжества. В то же время попытки Наполеона заручиться поддержкой России на случай новой войны с Австрией не дали результата. Александр не взял на себя на этот счет никаких обязательств. Напротив, он поддерживал тайные контакты с Австрией и Пруссией, исподволь готовя почву для будущей антифранцузской коалиции.

Царь полагал, что самоуверенность и авантюризм Наполеона рано или поздно приведут его к краху. В этом он неожиданно нашел в Эрфурте единомышленника в лице Талейрана. Тот призывал русского императора спасти Францию и Европу от Наполеона и предложил ему свои услуги в качестве тайного осведомителя. В последующие годы он снабжал Петербург ценной информацией, позволявшей быть в курсе самых секретных военных и политических планов Бонапарта.

После свидания в Эрфурте противоречия между Россией и Францией продолжали нарастать. Одна размолвка следовала за другой. В 1809 г. во время войны Наполеона с Австрией Россия выставила против нее символический контингент, но реальных военных действий не вела. Это убедило Наполеона в том, что на полноценный союз с Россией рассчитывать не приходится. В свою очередь Россия была обеспокоена все новыми мерами Наполеона по увеличению герцогства Варшавского, наращиванию вооружений и продолжению территориальных захватов, в том числе в нарушение Тильзитского договора. В 1810—1811 гг. отношения продолжали обостряться из-за стремления России найти лазейки для обхода континентальной блокады, а также принятия Петербургом нового таможенного тарифа, задевающего интересы французской торговли. К началу 1812 г. неизбежность столкновения стала очевидной для обеих сторон.

В этих условиях русская дипломатия предприняла две крупные акции, призванные обезопасить границы России на севере и на юге и сосредоточить все силы на отражение агрессии Наполеона.

Союз со Швецией. В Тильзите Наполеон активно подталкивал Александра к войне со Швецией, союзницей Англии. В договор была включена секретная статья, дававшая России свободу рук для территориальных приобретений за счет Швеции. Однако царь воспользовался этой «уступкой» в собственных целях. Он опасался, что в Финляндии, в непосредственной близости от Петербурга может возникнуть «второе герцогство Варшавское», т.е. плацдарм для нападения на Россию. В 1808 г. началась Русско-шведская война, закончившаяся победой России. По условиям Фридрихсгамского мирного договора, подписанного 17 сентября 1809 г., Финляндия вошла в состав Российской империи на правах Великого княжества с широкой внутренней автономией.

Из-за проигранной войны в Швеции произошел государственный переворот. Вместо свергнутого короля Густава IV Адольфа трон занял его дядя Карл XIII. Поскольку он был бездетным, стране нужен был наследник престола. Им стал бывший наполеоновский маршал Ж.-Б. Бернадот. Наполеон надеялся на него как на послушного вассала, но просчитался: Бернадот оказался убежденным противником наполеоновской политики. Александр вновь пустил в ход свою способность очаровывать людей и сумел установить с правителем Швеции доверительные личные отношения. Он дважды встречался с Бернадотом в Финляндии, вел с ним личную переписку. Маршал даже давал советы Александру, как лучше организовать сопротивление наполеоновской армии в случае ее вторжения в Россию. **В апреле 1812 г. между двумя странами был заключен тайный союзный договор**, в соответствии с которым Швеция не только подтвердила свой отказ от Финляндии, но и обязалась помогать России в войне против Франции. Взамен ей была обещана поддержка в деле присоединения Норвегии.

Бухарестский мир. Еще одним крупным успехом русской дипломатии стало заключение мира с Оттоманской империей. Русско-турецкая война, начавшаяся в 1806 г., приняла затяжной характер. Год спустя было заключено перемирие, но в 1809 г. военные действия возобновились. Назначенный в 1811 г. командующим русскими войсками М. И. Кутузов сочетал в себе качества выдающегося полководца и блестящего дипломата. Он понимал неизбежность

войны с Наполеоном и соответственно необходимость как можно скорее заключить мир с Турцией. Однако царь требовал добиться этого на условиях, которые Кутузов считал завышенными и нереалистичными. К тому же французская дипломатия, вопреки обещаниям, данным в Тильзите, стремилась всеми силами помешать русско-турецкому соглашению. В том же направлении действовали англичане и австрийцы. Кутузову пришлось разыграть сложную комбинацию, искусно сочетая успешные военные действия против Турции и дипломатическое давление. В итоге мир был подписан в Бухаресте 28 мая 1812 г., всего за месяц до вторжения Наполеона в Россию. Армия, воевавшая против Турции, высвобождалась для отпора наполеоновской агрессии. Французский император впоследствии признал, что соглашения России со Швецией и Турцией должны были заставить его отказаться от похода в Россию.

Решающая схватка (1812–1814 гг.). После вторжения «великой армии» Александр дал торжественное обещание не заключать мира до тех пор, пока хоть один вражеский солдат остается на территории России. Неоднократные обращения к нему Наполеона с предложением начать мирные переговоры остались без ответа.

Одержав победу в Отечественной войне 1812 г., Россия встала перед дилеммой: остановиться или продолжать войну. Министр иностранных дел Н. П. Румянцев и часть генералитета, включая М. И. Кутузова, считали, что русская армия не должна идти в Европу, чтобы освобождать ее кровью своих солдат. По мнению Кутузова, окончательный разгром наполеоновской империи был бы на руку только англичанам; Россия же, полагал он, заинтересована в сильной Франции как гарантии европейского равновесия.

Но царь придерживался другой точки зрения. Он считал, что остановиться на границе России — значило бы дать Наполеону столь необходимую ему передышку, после которой он неизбежно восстановит свои силы и будет вновь терроризировать Европу. Александр снова взял на себя огромную историческую ответственность, решив довести до конца дело освобождения Европы от наполеоновского ига. Теперь усилия русской дипломатии были сосредоточены на создании новой антифранцузской коалиции.

На волне патриотического подъема, вызванного разгромом Наполеона в России, первым был восстановлен союз между Россией и Пруссией. **13 февраля в г. Калише был подписан договор о совместной борьбе с Наполеоном.**

Гораздо труднее было привлечь к этому союзу Австрию. В Вене боялись России еще больше, чем Франции. Австрия рассчитывала

выступить посредником между Петербургом и Парижем в надежде вернуть себе хотя бы часть территорий, отобранных Бонапартом. Александр понимал, что Австрия ведет двойную игру, но проявил терпение и дипломатическое мастерство. Летом 1813 г. во время перемирия с Францией он пошел навстречу австрийцам и согласился на проведение **международного конгресса в Праге** для обсуждения условий мира. Однако Наполеон отверг предложения союзников. Тем самым он подтвердил правоту Александра, доказывавшего австрийцам, что переговоры с Наполеоном бесполезны. Австрия была вынуждена объявить войну Франции, чтобы не подвергнуться вторжению союзников. Александр воспользовался этой ситуацией, чтобы добиться подписания **9 сентября в Теплице трех аналогичных союзных договоров: русско-австрийского, русско-прусского и прусско-австрийского**. Это сыграло важную роль накануне Битвы народов под Лейпцигом в октябре 1813 г., в которой французская армия потерпела тяжелое поражение.

Тем не менее австрийская дипломатия в начале 1814 г. еще раз попыталась добиться мира с Наполеоном. Правда, теперь требования союзников существенно ужесточились. Главное из них сводилось к возвращению Франции к границам 1792 г., т.е. полному отказу от территориальных захватов. Наполеон с негодованием отверг и это предложение, фактически еще раз сыграв по сценарию, намеченному русским императором. Переговоры, проходившие в Шатийоне между союзниками и французским представителем А. Коленкурром, были сорваны. **14 февраля 1814 г. в Шомоне** Россия, Англия, Австрия и Пруссия подписали новый договор, который окончательно оформил антинаполеоновскую коалицию. Так был сформирован **Четверной союз**, который стал главной движущей силой послевоенного устройства Европы.

18 марта 1814 г. союзные войска вступили в Париж. Спустя несколько дней Наполеон отрекся от престола. Цель Александра была достигнута: наполеоновская империя прекратила свое существование.

Россия и послевоенное урегулирование в Европе

18 мая 1814 г. Россия, Англия, Австрия, Пруссия, Испания, Швеция и Португалия подписали с Францией **первый Парижский мирный договор**. Державы-победительницы проявили редкую

снисходительность к поверженному врагу. По условиям договора Франция оставалась в своих естественных границах и не платила ни копейки контрибуции. От нее даже не потребовали оплатить расходы на содержание французских военнопленных. Союзники считали, что воюют не против Франции, а против Бонапарта. Но и ему они обеспечили комфортные условия существования на острове Эльба. Сильная Франция была нужна им, чтобы обеспечить равновесие сил в Европе, это и был главный принцип, положенный в основу послевоенного урегулирования. Талейран, который представлял Францию на Венском конгрессе, добился того, что его признали в качестве если не равноправного, то привилегированного участника переговоров.

В Париже обсуждались только будущие границы Франции. Для рассмотрения других территориальных вопросов предполагалось созвать международный конгресс с участием всех стран, принимавших участие в войне с той и другой стороны, т.е. по существу всех государств Европы. Однако другая, секретная статья того же договора предусматривала, что все вопросы послевоенного урегулирования решит между собой «четверка» союзных держав. Всем остальным предоставлялось только право ратифицировать эти решения.

Венский конгресс, проходивший с сентября 1814 г. по июнь 1815 г., поразил воображение современников своим небывалым внешним блеском. В мировой истории еще не было столь представительного дипломатического форума. В столицу Австрии съехались два императора, четыре короля, два наследных принца, 215 глав княжеских домов, а также 450 дипломатов и других официальных лиц. В глазах сторонних наблюдателей конгресс выглядел как нескончаемая череда празднеств, балов, маскарадов, торжественных обедов, фейерверков, охот и военных парадов.

Однако за фасадом «танцующего» конгресса шла напряженная дипломатическая работа. Она проходила в нескольких комитетах, среди которых главную роль играл «комитет пяти» в составе представителей России, Австрии, Пруссии, Англии и Франции. Для обсуждения общеевропейских вопросов время от времени собирался «комитет восьми», включавший также Испанию, Португалию и Швецию, т.е. все страны, подписавшие Парижский мирный договор 1814 г. Представители других стран приглашались лишь в случае, если рассматривались непосредственно касавшиеся их вопросы.

Россия была представлена первым уполномоченным А. К. Разумовским, а также К. В. Нессельроде и посланником в Вене

Г. О. Штакельбергом. Однако ключевая роль в российской делегации, как и в целом на конгрессе, принадлежала императору Александру. Он был единственным из европейских монархов, который не только взял на себя непосредственное ведение переговоров, но и выдвинул собственную концепцию переустройства Европы. Царь смотрел на задачу конгресса шире, чем союзники, сводившие ее в основном к перекройке границ. В инструкциях русским послам он писал о своем видении будущего Европы как «великой европейской семьи». Эти идеи вызывали раздражение у прагматичных и расчетливых союзников. Министр иностранных дел Англии лорд Каслри называл Александра I «калмыцким царем, вздумавшим перевернуть Европу».

Еще более ожесточенное сопротивление со стороны Англии, Австрии и Франции вызвало требование России о присоединении к ней территории бывшего Великого герцогства Варшавского. Они опасались, что тем самым Россия выдвинет свои границы к центру Европы. Это их совершенно не устраивало: ведь Россия была нужна им, чтобы сокрушить империю Наполеона, но совсем не для того, чтобы стать одной из доминирующих европейских держав.

Разногласия по польскому и саксонскому вопросам привели к резкому обострению отношений между союзниками. Уже в январе 1815 г. был сколочен тайный союз против России в составе Англии, Австрии и Франции, к нему присоединилось еще несколько государств. Правда, просуществовал он недолго и был разрушен во время наполеоновских «ста дней». После своего триумфального возвращения в Париж Наполеон обнаружил на письменном столе у бежавшего из столицы короля Людовика XVIII копию секретного договора и немедленно послал ее Александру в надежде на окончательный раскол союзников. Но тот, показав эту бумагу потрясенному австрийскому канцлеру Меттерниху, дал понять, что ради единства в деле сокрушения Бонапарта он готов забыть столь явное коварство союзников, и демонстративно швырнул ее в пылающий камин.

Внезапное возвращение общего врага способствовало восстановлению единства союзников и ускорению работы конгресса. К весне 1815 г. компромиссное решение основных вопросов было достигнуто, а 9 июня, за несколько дней до окончательного разгрома Наполеона в битве при Ватерлоо, был подписан **Заключительный акт Венского конгресса**. Россия получила территорию Великого герцогства Варшавского, за исключением Кракова, объявленного вольным городом. К Пруссии отходили северная часть

Саксонии, левый берег Рейна и большая часть Вестфалии. Австрия приобретала контроль над Северной Италией, а также преобладающее влияние в германских государствах. К Англии отходили бывшие колонии Франции и Голландии. Швеция получала территорию Норвегии. Создавалось королевство Нидерландов в составе Голландии и Бельгии. Швейцария расширила свою территорию и стала независимым государством с нейтральным статусом.

Историческое значение Венского конгресса не исчерпывается перекройкой границ в Европе. Это был уникальный для своего времени опыт системного переустройства международных отношений. В Вене был заложен фундамент нового европейского порядка, который обеспечивал мир на протяжении почти 40 лет. Основой Венской системы стал **принцип равновесия**, при котором ни одна европейская держава не могла претендовать на гегемонию. Другим ее основополагающим принципом был **легитимизм**, т.е. законность, уважение к праву как внутри государств, так и в отношениях между ними. Наконец, главным механизмом поддержания и укрепления Венской системы стал так называемый **Европейский концерт**. Он предусматривал регулярные консультации между представителями ведущих европейских держав, что означало использование новых для того времени методов коллективного решения международных проблем.

Историки критиковали создателей Венской системы за то, что она не оправдала чаяний народов, возникших в ходе национально-освободительной борьбы против наполеоновских нашествий. Но участники Венского конгресса были людьми своего времени. Они действовали в интересах монархов, а не народов. Они видели, какие потрясения были вызваны Французской революцией и Наполеоном, и не хотели, чтобы подобное повторилось. Поэтому стабильность в международных отношениях и внутри отдельных европейских стран были для них тесно взаимосвязаны. В то же время следует признать, что консервативно-охранительная направленность Венской системы зачастую способствовала не предотвращению, а, наоборот, разрастанию революционных движений в Европе.

Второй Парижский мирный договор. После победы над Наполеоном при Ватерлоо возникла необходимость заново урегулировать отношения с Францией. Теперь требования к ней заметно ужесточились. Пруссия выступала за расчленение Франции и добивалась от нее огромной контрибуции. В качестве заступника Франции вновь выступил русский император. Он писал союзни-

кам: «Нельзя обращаться с Францией как с врагом. Державы не могут осуществлять там право завоевателей».

20 ноября 1815 г. в Париже был подписан второй мирный договор. Благодаря усилиям русской дипломатии размеры контрибуции были несколько уменьшены, а срок оккупации Франции союзными войсками сокращен с 7 до 5 лет.

Образование Священного союза. Александр I считал решения Венского конгресса недостаточными для обеспечения прочного мира и спокойствия на Европейском континенте. Находясь в то время под сильным влиянием религиозно-мистических настроений, он мечтал объединить Европу на основе христианских нравственных ценностей. В сентябре 1815 г. на встрече в Париже с императором Австрийским и королем Прусским царь передал им написанный собственной рукой проект договора, который вошел в историю как акт создания Священного союза. В нем говорилось о том, что европейские монархи брали на себя обязательство строить отношения на базе «высоких истин, внушаемых вечным законом Бога-Спасителя», а также «подавать друг другу пособия, подкрепления и помощь», а подданными своими управлять «как отцы семейства».

Поначалу этот необычный проект был встречен с недоумением. Каслри и Меттерних реагировали на него весьма отрицательно. Но позже австрийский канцлер увидел в нем практическую пользу, истолковав идею солидарности монархов как право на вмешательство во внутренние дела других стран в целях борьбы с революцией. Как писал историк С. Ф. Платонов, «благородная мысль императора Александра на практике выродилась в не соответственные ей формы... Он надеялся подчинить право и политику велениям морали и религии, а на деле политика в ловких руках Меттерниха обратила мораль и религию в практическое средство достижения реакционных целей».

Вскоре к Священному союзу присоединились все европейские державы, кроме Англии, но и она в своей практической политике руководствовалась теми же принципами.

Россия на конгрессах Священного союза. В первые годы существования Священного союза Александр рассматривал его как инструмент поддержания мира, а не борьбы с революциями в Европе. В апреле 1816 г. он писал лорду Каслри, что еще «есть страны, где упорно пытаются сразу же возродить институты, изжившие себя. Там слишком мало считаются с новым мировоззрением народов,

которые надлежит постепенно привести к устойчивому порядку и миру». Александр выполнил свое обещание дать либеральную конституцию Царству Польскому и сохранить широкую автономию Финляндии. Он также выступал за сохранение «конституционной хартии» во Франции, где ее стремились уничтожить сторонники восстановления абсолютизма.

Царь видел в Священном союзе идейно-нравственную основу для реализации своего проекта объединения Европы. И. А. Каподистрия облек его в форму «всеобщего союза» европейских государств как противовеса Четверному союзу, в рамках которого Англия и Австрия выступали единым фронтом против России. В Петербурге рассчитывали, что с помощью более широкого союза Россия сможет приобрести гораздо больший простор для дипломатического маневра, в том числе на Балканах и в Восточном Средиземноморье.

Проект «всеобщего союза» был выдвинут российскими представителями на **I конгрессе Священного союза, проходившем в Аахене с 20 сентября по 29 ноября 1818 г.**, и предсказуемо встретил резкое неприятие со стороны Каслри и Меттерниха. Завязалась острая дипломатическая борьба, в ходе которой Александр I во имя сохранения единства союзников снял предложение о «всеобщем союзе». Но и англичане с австрийцами были вынуждены пойти на компромиссы. Аахенский конгресс принял важное для России решение о досрочном выводе союзных оккупационных сил из Франции и о ее приеме в Четверной союз в качестве полноправного члена. Тем самым открывалась возможность более эффективно противостоять антироссийской политике англо-австрийского блока.

Дальнейшие встречи в рамках Европейского концерта проходили в условиях обострения международной обстановки, вызванного подъемом революционного движения в Европе. Беспорядки в Италии, Испании, Португалии и Греции повлекли за собой все более явный консервативный крен как во внешней, так и во внутренней политике Российской империи.

В позиции самого императора стали острее сталкиваться остатки либеральных убеждений и враждебность к европейским революциям. Эта двойственность отразилась и на руководстве дипломатической службой России. С конца 1815 г. во главе МИД находились сразу два статс-секретаря: консервативно настроенный К. В. Нессельроде и известный своими либеральными взглядами И. А. Каподистрия.

Иоанн Антонович Каподистрия, грек по национальности, родился в 1776 г. в аристократической семье на острове Корфу. Получил широкое и разнообразное образование. Дипломатический опыт приобрел на посту государственного секретаря Республики Семи Соединенных Островов — первого независимого греческого государства, созданного при поддержке России на Ионических островах в 1800 г. Поступил на русскую службу после того, как Россия в соответствии с Тильзитским договором 1807 г. уступила эту территорию Франции. В 1813—1815 гг. — посланник в Швейцарии, участник Венского конгресса. С 1816 г. был управляющим МИД России, ответственным за отношения со странами Востока. Был сторонником сближения с Францией, а также активной политики

на Балканах, направленной на освобождение христианских народов от турецкого господства и создание там независимых государств под покровительством России.

И. А. Каподистрия выступал против насильственного подавления национально-освободительных революций в Европе, полагая, что это лишь способствует разжиганию революционных настроений. В 1822 г. в результате серьезных разногласий с императором Александром I Каподистрия взял бессрочный отпуск и поселился в Женеве. Во время борьбы греков за независимость (1821—1829) избран в 1827 г. президентом Греции. В 1831 г. был убит в результате заговора.

Будучи в Петербурге, Каподистрия поддерживал тесные отношения с деятелями русской культуры. Был почетным членом либерального кружка «Арзамас», в который входили А. С. Пушкин и В. А. Жуковский. В 1818 г. был избран членом Российской академии наук.

Поворот России к консерватизму дал о себе знать на следующем конгрессе пяти союзных держав, который проходил в октябре—декабре 1820 г. в городе Троппау. Русская дипломатия еще продолжала выступать за политические методы обеспечения стабильности в странах, охваченных революционным брожением, и возражала против попыток Австрии единолично расправиться с революцией в Неаполе. Однако в позиции Александра уже наметился поворот

в сторону сближения с Меттернихом. Он согласился на подписание совместно с Австрией и Пруссией протокола и дополнения к нему, в которых провозглашалось право вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств без приглашения с их стороны для подавления там революционных выступлений. Протокол санкционировал военную оккупацию Австрией Неаполитанского королевства, хотя Александр настоял на том, чтобы державы гарантировали его неприкосновенность и возможность для неаполитанского короля добровольно дать своему народу конституцию.

Обсуждение мер по подавлению революций в Неаполе, а также в Испании и Греции было продолжено **на конгрессе в Лайбахе (совр. Любляна), проходившем в январе–марте 1821 г.** По просьбе неаполитанского короля представители пяти держав дали согласие на вооруженную интервенцию Австрии в Неаполе и Пьемонте, где таким образом были восстановлены абсолютистские порядки.

Последний конгресс Священного союза проходил с 20 октября по 14 ноября 1822 г. в Вероне. Это была наиболее представительная встреча, в которой приняли участие императоры России и Австрии, король Пруссии, итальянские государи и многочисленные дипломаты. Главным вопросом, обсуждавшимся на Веронском конгрессе, были меры по подавлению революции в Испании. Россия, Австрия и Пруссия санкционировали вооруженную интервенцию Франции, в результате которой в 1823 г. испанская революция была подавлена. В день окончания конгресса они опубликовали документ, в котором осудили европейские революции, в том числе в Греции, и подтвердили право Священного союза на вмешательство во внутренние дела любой страны, где революционное движение могло угрожать монархическим устоям других государств.

Русская дипломатия и греческий кризис 1820-х годов

Утверждение России на северном побережье Черного моря поставило ее перед новыми вызовами. Несмотря на первоочередное значение европейских дел в эпоху Наполеоновских войн и послевоенного урегулирования, Россия была вынуждена уделять постоянное внимание восточному направлению своей внешней политики, в котором ключевое место принадлежало отношениям с Османской империей.

Начало царствования Александра I пришлось на благоприятный момент в их развитии. С 1799 г. обе империи были союзниками. Турция не только признала все предыдущие территориальные приобретения России, но и вступила с ней в тесное военное сотрудничество против агрессии Наполеона. Экспедиция русской эскадры под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова создала важный прецедент беспрепятственного прохода русских военных кораблей через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море и обратно. Александр I и его окружение отвергли строившиеся в последние месяцы предыдущего царствования планы территориального раздела Турции. Восторжествовала точка зрения ближайших советников Александра А. Р. Воронцова, В. П. Кочубея и А. Чарторыйского, которые считали, что интересам России отвечало поддержание добрососедских отношений с Турцией. Так был сформулирован ключевой принцип российской политики в Восточном вопросе: лучше иметь в качестве соседа и «привратника» Черноморских проливов слабеющую Турцию, чем одну из сильных европейских держав. Сам Александр высказывался за то, чтобы «всеми средствами содействовать сохранению этого государства (Турции. — *Peg.*), которого бессилие и плохое внутреннее управление служит драгоценным ручательством безопасности».

Другой принцип российской политики состоял в том, что Черное море является закрытым бассейном, где могут распоряжаться только прибрежные государства — Россия и Турция. Проход военных кораблей третьих стран через проливы в Черное море должен быть закрыт.

В первые годы царствования Александра I русская дипломатия довольно успешно отстаивала эти принципы и активно противодействовала попыткам наполеоновской Франции добиться от султана пропуска своих военных судов в Черное море. Петербург добивался продления и упрочения русско-турецкого союза. Подходящий момент для этого наступил в 1805 г. в связи с созданием III антинаполеоновской коалиции. 23 сентября был подписан новый союзный договор, согласно которому Россия сохранила за собой право прохода через проливы для пополнения и замены своих военноморских сил, находившихся на Ионических островах. В нем также было зафиксировано, что стороны считают Черное море закрытым и намерены «не позволять в нем появления военных и вооруженных судов какой бы то ни было державы».

Однако не прошло и года, как Турция, подстрекаемая Наполеоном, решила воспользоваться поражением России при Аустерли-

це и взять реванш за прошлые проигранные войны. Русско-турецкая война 1806 — 1812 гг. лишила Россию указанных преимуществ. Порта вновь ввела запрет на проход русских военных судов через проливы. Тем не менее **Бухарестский мир 1812 г.** на целое десятилетие обеспечил спокойствие на южных рубежах России и дал толчок развитию внешней торговли, прежде всего экспорту хлеба.

Восточный кризис 1821 г. На Венском конгрессе и других встречах Четверного союза Восточный вопрос не рассматривался. Россия через своего посланника в Константинополе Г. А. Строганова самостоятельно вела переговоры с Оттоманской Портой (турецким правительством. — *Reg.*) в целях урегулирования спорных вопросов на двусторонней основе. Это полностью отвечало сформулированной в 1816 г. «доктрине Нессельроде», согласно которой Россия считала отношения с соседними азиатскими странами своими «домашними делами» и ни при каких обстоятельствах не допускала в них посредничества или вмешательства какого-либо иностранного государства. В отношении Турции этот принцип действовал до тех пор, пока Россия не была вынуждена согласиться на интернационализацию Восточного вопроса.

Русско-турецкие переговоры уже близились к благополучному завершению, когда весной 1821 г. в Молдавии вспыхнуло восстание греков против османского ига. Возглавил его князь А. Ипсиланти, флигель-адъютант императора, участник войны 1812 г., обратившийся к царю с просьбой о поддержке. Александр был возмущен действиями Ипсиланти, считая, что он не только изменил присяге и чести мундира, но и нанес ущерб интересам России. Царю пришлось приложить немалые усилия, чтобы убедить Порту и европейские державы в непричастности его правительства к восстанию, поднятому русским генералом. Ипсиланти был уволен с русской службы и лишен всех званий и наград. Русская дипломатия обратилась к турецкой стороне с предложением оказать содействие в политическом «умиротворении» греков.

Однако турецкие власти не только отвергли это предложение, но и развязали против восставших неслыханный по жестокости террор. Напрасно Г. А. Строганов пытался убедить Порту, что излишние репрессии лишь разожгут восстание, вместо того чтобы его погасить. Массовые казни следовали одна за другой. Общественное мнение России и европейских стран было потрясено расправой над греческим патриархом Григорием, повешенным в Константинополе накануне Пасхи в полном архиерейском облачении,

а также убийством других представителей высшего православного духовенства. В Европе и особенно в России развернулось движение солидарности с греческим народом.

Стало очевидным вопиющее противоречие между принципами Священного союза и национальными интересами России. Получалось, что ради абстрактной идеи легитимизма Россия становилась на сторону мусульманского султана, подвергающего избиению ее православных единоверцев. Кроме того, под угрозу были поставлены собственно российские интересы. В ходе репрессий против греков турецкие власти начали массовые досмотры и конфискации русских товаров, которые за неимением у России крупного торгового флота перевозились в Европу на греческих судах. Г. А. Строганов доносил в Петербург: «Права русских подданных в торговле явно нарушены, наш флаг подвергается оскорблениям в проливах, а наши матросы разбоям и убийствам. Вход в Дарданеллы воспрещен всем судам, нагруженным хлебом». Наконец, Турция грубо нарушала положения Бухарестского договора 1812 г. об автономии Дунайских княжеств и Сербии.

И. А. Каподистрия неоднократно пытался склонить императора к более жестким действиям в отношении Порты, но безуспешно. Под влиянием Меттерниха Александр рассматривал греческое восстание как проявление «революционного духа времени», направленного против «легитимной» турецкой власти, а следовательно, против созданной им самим европейской политической системы. Он упорно противился силовым действиям против Турции, ограничиваясь вербальными протестами и попытками воздействовать на нее путем совместных демаршей европейских союзников. Самое большее, на что пошел император, был отзыв Г. А. Строганова из турецкой столицы и приостановление дипломатических отношений. Для И. А. Каподистрии разногласия с царем по греческому вопросу вскоре окончились его постепенным отстранением от руководства МИД и отъездом из России.

В дальнейшем Александр I и К. В. Нессельроде неоднократно выдвигали различные планы урегулирования греческого вопроса путем предоставления Греции широкой автономии в рамках Османской империи. Вплоть до середины 1825 г. в Петербурге шли переговоры по этому вопросу между представителями государств — членов Пятерного союза. Однако из-за глубоких противоречий между союзниками соглашение так и не было достигнуто. К тому же британская дипломатия во главе с ее новым руководите-

ДИПЛОМАТИЯ АЛЕКСАНДРА I

лем Дж. Каннингом в марте 1823 г. неожиданно для всех объявила о своем признании греков воюющей стороной. Эти и другие события постепенно убедили царя в бесполезности попыток коллективного воздействия на Порту. Как признавалось в специальной записке МИД, подготовленной для императора Николая I в феврале 1826 г., Александр был настолько разочарован действиями союзников, что незадолго до смерти распорядился полностью прекратить с ними дискуссии по Восточному вопросу. Понимая неизбежность войны с Турцией, он предпринял инспекционную поездку по югу России, во время которой скончался в Таганроге 19 ноября 1825 г. Довершать начатое им дело предстояло новому императору.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные направления реформы дипломатической службы при Александре I?
2. Какова была роль России в урегулировании в Европе после Наполеоновских войн?
3. В чем значение Венской системы международных отношений?

Рекомендуемая литература

Валлотон А. Император Александр I. М., 1991.

Княпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1974.

Кудрявцева Е. П. Русские на Босфоре: Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1989.

Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. От Венского конгресса до Адрианопольского мира. М., 1998.

Глава 12

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Император Николай I и восточные кризисы 1820-х годов

Великий князь Николай Павлович, занявший императорский трон в декабре 1825 г., не рассматривался как наследник престола и не готовился к управлению государством. Своим призванием он считал военную службу. Получив образование, которое сам называл «убогим», он поначалу имел смутное представление о проблемах внешней политики. В беседах с иностранными дипломатами он любил представлять себя бесхитрым «генералом, внезапно ставшим императором». Однако, обладая чувством высокой ответственности и недюжинным государственным умом, Николай сравнительно быстро приобрел вкус к внешнеполитической деятельности и стал таким же единоличным ее руководителем, каким был его старший брат.

Новый император подтвердил преемственность внешней политики России. Но если ее консервативно-охранительная направленность была полностью сохранена и даже усилена, то стиль дипломатической деятельности становился другим. Полностью разделяя принципы Священного союза, Николай помнил, насколько безрезультатными оказались попытки его предшественника догово-

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

ряться с союзниками на многосторонней основе, и предпочитал действовать самостоятельно или путем двусторонних договоренностей.

Неискушенность в международных делах, вероятно, побудила царя оставить на посту министра иностранных дел многоопытного К. В. Нессельроде. Тем более что тот вскоре доказал свою полезность новому императору успешными действиями в Восточном вопросе.

Сименем **Карла Васильевича Нессельроде** связана целая эпоха в истории российской дипломатии. Он возглавлял МИД России в течение рекордного срока — с 1816 по 1856 г., т.е. без малого 40 лет, причём в период наивысшего подъема международного влияния России.

К. В. Нессельроде родился в Лиссабоне в 1780 г. Его отец, принадлежавший к старинному немецкому графскому роду, был российским посланником в Португалии. Первоначально К. В. Нессельроде готовился к военно-морской службе, затем некоторое время служил в императорской гвардии, но военная карьера не удалась. В 1801 г. он поступил на дипломатическую службу и до 1806 г. находился «сверх штата» при русской миссии в Берлине, а затем в Гааге. В 1806—1807 гг. был дипломатическим агентом при главнокомандующих русской армии. Присутствовал на мирных переговорах между Александром I и Наполеоном в Тильзите. Правда, там его деятельность, как он сам признавал, «ограничилась переписыванием трактата».

Звезда Нессельроде взошла после его назначения советником посольства в Париже, где он обратил на себя внимание Наполеона, который считал его одним из самых способных российских дипломатов. Император не догадывался, что главной заслугой Нессельроде было установление тайных связей с бывшим министром иностранных дел Талейраном, который передавал через него в Петербург ценнейшие сведения о военно-политических планах Бонапарта.

Во время освободительного похода русской армии в Европу в 1813—1814 гг. Нессельроде находился при императоре и возглавлял его походную дипломатическую канцелярию. Принимал активное участие в формировании антинаполеоновских коалиций, заключении Шомонско-

го союзного договора, а затем в дипломатических конгрессах в Вене, Аахене, Троппау, Лайбахе и Вероне.

Современники отмечали исключительную работоспособность и расчетливый ум Нессельроде, его цепкую память, истинно немецкую педантичность и пунктуальность. Вопреки стереотипным представлениям, распространенным в исторической литературе, К. В. Нессельроде не был лишь «послушным чиновником», лишенным всякой инициативы. В начале царствования Николая он играл самостоятельную роль в разработке и весьма успешном осуществлении плана действий русской дипломатии в Восточном вопросе, а в дальнейшем не раз удерживал императора от безрассудных авантюристических действий. Например, во время Крымской войны Нессельроде отговорил его от намерения поднять восстание славянских народов Балкан против Турции, справедливо считая, что подобная затея может втянуть Австрию в войну против России.

Несомненно, К. В. Нессельроде несет свою долю ответственности за внешнеполитические просчеты, приведшие к несчастной для России Крымской войне. Но в такой же степени Россия обязана ему своими дипломатическими успехами. В конце жизни Нессельроде сам признал ошибки внешней политики своего времени и предложил внести в нее коррективы, которые впоследствии легли в основу внешнеполитической концепции А. М. Горчакова.

Царствование Николая I началось и закончилось под знаком так называемого Восточного вопроса, ставшего во второй четверти XIX в. важнейшей сферой деятельности русской дипломатии.

Восточный вопрос — принятое в исторической литературе условное обозначение комплекса международных проблем конца XVIII — начала XX в., вызванных постепенным разложением Османской империи, подъемом национально-освободительного движения поработенных ею балканских народов и борьбой европейских держав за влияние в Турции и на Балканах, а также за контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

Первым неотложным делом, которым предстояло заняться новому императору, было урегулирование проблем, связанных с последствиями **греческого восстания**. Для выработки нового курса был произведен опрос российских послов в основных европейских столицах. Все они высказались за более жесткую линию в отно-

шении Турции и сделали вывод, что война против нее не вызовет серьезной негативной реакции со стороны европейских держав.

На этой основе К. В. Нессельроде представил императору план действий, который предусматривал возможность дать Порте последний шанс для мирного урегулирования споров с Россией при условии, что в случае отказа неминуемо последует применение военной силы. При этом были намечены два направления действий: разрешение греческого вопроса при участии европейских держав и урегулирование споров, которые Россия считала относящимися исключительно к двусторонним русско-турецким отношениям.

На каждом из этих направлений уже вскоре были достигнуты ощутимые успехи. В итоге состоявшихся в июле – сентябре 1826 г. переговоров с Турцией была подписана **Аккерманская конвенция**, содержащая выгодные России договоренности о внутреннем устройстве Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, а также об автономии и границах Сербии. Турецкая сторона пошла на ряд существенных уступок в вопросах, касающихся прав русских подданных, включая обеспечение полной свободы торговли и мореплавания.

Не менее благоприятно для России складывалась ситуация в греческом вопросе. Весной 1826 г. Дж. Каннинг направил в Петербург героя Ватерлоо герцога Веллингтона со сложным заданием — договориться с Россией о совместных действиях против Турции, но так, чтобы это не привело к чрезмерному усилению российского влияния. 16 апреля был подписан **англо-русский протокол**, согласно которому обе державы обязались потребовать от Порты предоставления грекам внутренней автономии в рамках Османской империи. Они также договорились выработать соглашение о границах будущего Греческого государства. Россия настояла на том, что в случае отказа Турции от посредничества Великобритании в осуществлении прав Греции каждая из договаривающихся сторон будет действовать «сообща или единолично». Тем самым Россия фактически получала свободу рук для войны с Турцией при благожелательной или, по крайней мере, нейтральной позиции Лондона.

Дж. Каннинг был недоволен таким результатом миссии Веллингтона, но дело было сделано, и год спустя к англо-русской договоренности присоединилась Франция. Так родилась трехсторонняя **Лондонская конвенция 1827 г. о будущем устройстве Греции**. Она полностью повторяла содержание англо-русского протокола, но имела секретную статью, которая предусматривала принуди-

тельные меры на случай нежелания Турции выполнить требования трех держав. Эти меры включали, в частности, установление торговых отношений с Грецией и назначение туда консульских агентов, а главное — использование военной силы.

Натолкнувшись на очередной отказ Порты, державы направили к берегам Греции объединенную англо-франко-русскую эскадру, которая 8 октября 1827 г. уничтожила в **Наваринском сражении** турецко-египетский флот. Однако и после этого поражения Турция не пошла на уступки. Напротив, она снова встала на путь ущемления интересов русской торговли вразрез с только что заключенной Аккерманской конвенцией.

Россия вновь обратилась к Англии и Франции с призывом оказать совместное давление на Порту. Чтобы успокоить их опасения относительно своих намерений в отношении Турции, русская дипломатия пошла на подписание отдельного «протокола о незаинтересованности», в котором все три державы давали друг другу обязательство не искать для себя особых привилегий в Турции и не стремиться к территориальным приобретениям за ее счет. Тем не менее обе державы, особенно Англия, напуганная ослаблением Турции, уклонились от совместных действий. В конце 1827 г. турецкий султан подписал указ, призывавший мусульман к священной войне с неверными, и указывал на Россию как на главного врага Османской империи.

С этого момента разрыв с Портой стал неизбежен. Однако, для того чтобы начать войну с Турцией, необходимо было прежде окончить ее с **Персией**. Эта война шла с 1826 г. и была результатом острых русско-иранских противоречий, вызванных расширением южных границ России.

В 1801 г. в ее состав вошла Восточная, а в 1803—1804 гг. — Западная Грузия. Это привело к конфликту с Персией, претендовавшей на грузинскую территорию. Вспыхнувшая в 1804 г. Русско-персидская война завершилась победой России. Русская армия заняла большую часть Северного Азербайджана. В дальнейшем война приняла затяжной характер, однако после решающих побед русской армии Персия пошла на заключение мира. Согласно **Гюлистанскому договору 1813 г.** она признала вхождение в состав России Грузии и значительной части Закавказья. Россия получила право иметь военно-морской флот на Каспийском море.

Гюлистанский договор обеспечил довольно длительный мирный период в отношениях России и Персии. Однако в 1820-е годы Персия при поддержке Англии взяла курс на его пересмотр. Летом

1826 г. она развязала новую войну с Россией, но и на этот раз потерпела поражение. Осенью 1827 г. начались переговоры, которые **22 февраля 1828 г. завершились подписанием Туркманчайского мирного договора**. По его условиям Россия приобрела Эриванское и Нахичеванское ханства, свободу мореплавания торговых судов и монопольное право иметь военный флот в Каспийском море. Персия обязалась выплатить контрибуцию в размере 20 млн золотых рублей.

Большой вклад в подготовку Туркманчайского договора внес выдающийся русский писатель и дипломат **Александр Сергеевич Грибоедов**. Глава российской делегации на этих переговорах И. Ф. Паскевич в письме директору Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникину отмечал, что Грибоедов «много усердствовал пером и словесными сношениями, и удачными идеями, часто приносившими пользу по изведенному им характеру людей, с которыми мы имели дело».

В декабре 1828 г. А. С. Грибоедов вернулся в Персию в качестве главы русской дипломатической миссии. Здесь он застал сложную обстановку. Персидские власти, подстрекаемые английскими агентами, искали предлоги для обострения отношений с Россией, чтобы уклониться от выполнения договора. Вскоре после приезда в Тегеран Грибоедов предоставил убежище армянину, служившему в гареме хана, и двум пленным армянкам. Это послужило поводом для разжигания вражды местных фанатиков к русским дипломатам. 30 января 1829 г. возбужденная толпа ворвалась на территорию русской миссии и перебила всех ее членов, за исключением одного случайно спасшегося секретаря. Персидское правительство поспешило отмежеваться от этого преступления. Различными наказаниями было подвергнуто более тысячи человек. Персидский принц прибыл в Петербург, чтобы принести извинения русскому императору.

Прекращение конфликта с Персией развязало руки правительству Николая I для начала войны с Турцией. Военные действия начались весной 1828 г. и первоначально складывались неудачно для России. Однако летом 1829 г. русская армия, сломив сопротивление турок, перешла в наступление и приблизилась к Константинополю. Черноморский флот блокировал Босфор, а Балтийская эскадра адмирала Гейдена подошла к Дарданеллам. 14 сентября 1829 г. русские уполномоченные граф Орлов и граф Пален подписали в Адрианопле мирный договор с Турцией.

Граф Алексей Федорович Орлов (1786—1861) был одной из наиболее заметных фигур русской дипломатии того времени. Он поступил на службу в Коллегию иностранных дел в 1801 г. Спустя три года

перешел на военную службу, был участником Отечественной войны 1812 г. Проявил решительность в подавлении восстания декабристов, чем снискал доверие и дружбу императора Николая I. В 1844—1856 гг. был шефом жандармов, в 1856 г. возглавлял российскую делегацию на Парижском мирном конгрессе. Емкую характеристику этого дипломата дал поэт П. А. Вяземский: «Орлов никогда не готовился к дипломатической деятельности. Поприще его была военная и придворная служба. Позднее обстоятельства и царская воля облекли его дипломатическим званием. Конечно, не явил он в себе ни Талейрана, ни Меттерниха, ни Нессельроде, но светлый и сметливый ум его, тонкость и уловчивость, сродные русской натуре и как-то дружно сливающиеся с каким-то простосердечием, впрочем, не поддающимся обману, заменяли ему предания и опытность дипломатической подготовки. Прибавьте к тому глубокое чувство народного достоинства, унаследованное им от орла из стаи той высокой, которую воспел Державин, и отменно красивую и богатырскую наружность, которая, что ни говори, всегда обольстительно действует на других, и можно будет прийти к заключению, что все это вместе возмещало пробелы, которые остались от воспитания и учения, недостаточно развитых».

Перешел на военную службу, был участником Отечественной войны 1812 г. Проявил решительность в подавлении восстания декабристов, чем снискал доверие и дружбу императора Николая I. В 1844—1856 гг. был шефом жандармов, в 1856 г. возглавлял российскую делегацию на Парижском мирном конгрессе. Емкую характеристику этого дипломата дал поэт П. А. Вяземский: «Орлов никогда не готовился к дипломатической деятельности. Поприще его была военная и придворная служба. Позднее обстоятельства и царская воля облекли его дипломатическим званием. Конечно, не явил он в себе ни Талейрана, ни Меттерниха, ни Нессельроде, но светлый и сметливый ум его, тонкость и уловчивость, сродные русской натуре и как-то дружно сливающиеся с каким-то простосердечием, впрочем, не поддающимся обману, заменяли ему предания и опытность дипломатической подготовки. Прибавьте к тому глубокое чувство народного достоинства, унаследованное им от орла из стаи той высокой, которую воспел Державин, и отменно красивую и богатырскую наружность, которая, что ни говори, всегда обольстительно действует на других, и можно будет прийти к заключению, что все это вместе возмещало пробелы, которые остались от воспитания и учения, недостаточно развитых».

Адрианопольский мир, хотя и отличался умеренностью российских требований, был весьма выгоден России. В соответствии с его положениями устье Дуная с островами, все Кавказское побережье Черного моря от устья реки Кубани до северной границы Аджарии, крепости Ахалкалаки и Ахалцих с прилежащими районами переходили к России. Турция признавала российский суверенитет над Грузией, а также Эриванским и Нахичеванским ханствами, перешедшими к России по Туркманчайскому договору 1828 г. с Персией. Подтверждалась автономия Дунайских княжеств, Сербии и Греции, а также полученные прежде Россией права свободной

торговли во всех областях Османской империи. Турция окончательно открывала Босфор и Дарданеллы для русских и иностранных торговых судов.

Адрианопольский мир укрепил влияние России в Турции и положил начало существенному улучшению русско-турецких отношений. Немалая заслуга в этом принадлежала А. Ф. Орлову, который, оставаясь в Константинополе в качестве посланника, смог убедить турецких сановников в отсутствии у России агрессивных замыслов по отношению к Турции. Тем самым создавались предпосылки для восстановления союза двух империй по образцу договоров 1799 и 1805 гг. Благоприятные условия для этого не замедлили появиться уже очень скоро.

Русская дипломатия и проблема Черноморских проливов. Восточные кризисы 1830–1840-х годов

В одной из депеш российским дипломатическим представителям К. В. Нессельроде писал: «Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы убедиться, что с того дня, как русские владения коснулись берегов Черного моря, свободное сообщение между этим морем и Средиземным стало одним из первых интересов России, а сильное влияние в Константинополе — одною из первых ее потребностей».

Режим Черноморских проливов — Босфора и Дарданелл — стал наиболее острой проблемой российской внешней политики. Здесь теснейшим образом сплелись жизненные интересы безопасности и экономического развития Черноморского побережья и южных районов России, потребности ее растущей внешней торговли. К этому примешивались религиозные мотивы: мечта о водружении православного креста на куполе превращенного в мечеть собора Святой Софии в Константинополе владела многими русскими умами, включая военных и дипломатов.

Россия нуждалась в обеспечении свободного прохода своих военных кораблей через проливы в Средиземное море и обратно. Эта цель могла быть достигнута либо путем силового захвата проливов, для чего Россия не имела необходимых ресурсов; либо в рамках союзных отношений с Турцией. Однако такие союзы были непрочными и непродолжительными: в отношении Турции к России слишком велик был исторический груз враждебности и недоверия.

Кроме того, положение России осложнялось нараставшим противодействием ее политике в Восточном вопросе со стороны Англии, Франции и Австрии. Опасаясь конфликта с европейскими державами, Россия в интересах собственной безопасности была готова согласиться скорее на закрытие проливов для своего военного флота, нежели на возможность прохода какой-либо иностранной эскадры через проливы в Черное море.

Успехи России, достигнутые благодаря победе в войне против Турции и заключению Адрианопольского мира, европейские державы встретили с большой настороженностью. Впереди было новое обострение дипломатической борьбы вокруг Восточного вопроса.

Ункяр-Искелесийский договор. В мае 1833 г. Николай I снова направил в Константинополь А. Ф. Орлова, который привез предложение заключить с Турцией новый договор с целью восстановить союзные отношения, подорванные Русско-турецкими войнами. Однако султан сам внес предложение о заключении союза. При этом обе стороны соблюдали осторожность, чтобы не вызвать протесты со стороны западных держав. В частности, султан заговорил о союзе только после того, как Орлов сообщил ему о выводе русской эскадры из Босфора и ее возвращении в черноморские порты.

Союзный договор был подписан 8 июня 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси на Босфоре, где во время прибытия русского флота был высажен сухопутный десант. Согласно его условиям русско-турецкий союз заключался на восемь лет и носил оборонительный характер. Россия брала на себя обязательство в случае необходимости оказать помощь Турции «сухим путем и морем». Тем самым косвенно подразумевалась возможность прохода русских военных кораблей через проливы, хотя в договоре этот вопрос специально не оговаривался. В то же время в нем содержалась принципиально важная для России секретная статья, согласно которой турецкое правительство брало на себя обязательство закрыть Дарданеллы для иностранных держав, находящихся в состоянии войны с Россией.

Хотя отдельные положения Ункяр-Искелесийского договора могли толковаться по-разному, его заключение было крупным успехом русской дипломатии. Россия вновь обретала преобладающее влияние в Турции, усиливала безопасность своих черноморских рубежей и создавала возможность для прохода русских военных кораблей через проливы. В частности, в том же году турецкие власти дали разрешение на проход в Черное море балтийской эскадры. Другим важным результатом договора был возврат к признанию обеими сторонами статуса Черного моря как «внутреннего

бассейна». Русско-турецкое сближение способствовало дальнейшему развитию внешней торговли России. В 30–40-х годах XIX в. через Босфор и Дарданеллы проходило больше половины российского хлебного экспорта.

В то же время Ункяр-Искелесийский договор имел неоднозначные международные последствия для России. Его «побочными эффектами» стали не только систематическое вмешательство в сферу русско-турецких отношений со стороны западных держав, обеспокоенных ростом влияния России в Турции, но и их отныне почти постоянное военно-морское присутствие в районе проливов. «Морские державы» Англия и Франция заявили протест России и Турции по поводу заключения Ункяр-Искелесийского договора и направили к берегам Турции свой объединенный флот. С тех пор их эскадры периодически крейсировали в Эгейском море, готовые в любой момент войти в Дарданеллы.

Противостояние между Россией и Западом в зоне проливов стало фактором перманентной напряженности на Ближнем Востоке.

Британская дипломатия стремилась уничтожить Ункяр-Искелесийский договор путем его «растворения» в каком-либо общем соглашении западных держав и России с Турцией.

Когда срок действия Ункяр-Искелесийского договора подходил к концу, у российской стороны были веские основания сомневаться в том, что Турция согласится на его продление: слишком сильным было противодействие западных держав. Возникал вопрос, как и на что его заменить или разменять. Существенную роль в расчетах русской дипломатии играла заинтересованность Николая I в сближении с Англией в целях изоляции «мятежной» Франции и недопущения англо-французского сговора на антирусской основе.

Петербург сделал попытку договориться с Англией. С этой целью в начале сентября 1839 г. в Лондон был направлен барон Ф. И. Бруннов.

Бруннов привез в Лондон предложение из трех пунктов:

1. Вопрос о целостности Османской империи остается в компетенции двух причерноморских держав.
2. Проливы будут закрыты как в мирное, так и в военное время.
3. Россия будет действовать на Босфоре от имени объединенных европейских держав.

При соблюдении этих трех условий Россия была готова отказаться от Ункяр-Искелесийского договора.

Филипп Иванович Бруннов (1797–1875) был в то время одним из наиболее опытных и влиятельных русских дипломатов. Он поступил на службу в 1818 г., принимал участие в Лайбахском и Веронском конгрессах. В 1838 г. именно ему было поручено прочесть курс лекций по вопросам внешней политики и международных отношений наследнику престола, будущему императору Александру II. Вся последующая карьера Бруннова была связана с Англией, где он почти до конца жизни оставался посланником, а затем послом. Он был уполномоченным России на исторической Лондонской конференции 1871 г., отменившей статьи Парижского договора 1856 г. о «нейтрализации» Черного моря. В славянофильских кругах не любили Бруннова, считая его англофилом и сторонником «антинационального», космополитического курса. В то же время современники отдавали должное высокому профессионализму Бруннова, отмечая, в частности, его феноменальную способность быстро и точно формулировать тексты дипломатических документов — нот, циркуляров, соглашений и т.п., значение которых он, впрочем, порой преувеличивал в ущерб существу дела. Грешил он и донесениями из Лондона, которые отражали не столько реальное положение дел, сколько то, что хотели услышать в Петербурге. Этим он вольно или невольно содействовал просчетам, допущенным в отношениях с Англией накануне Крымской войны.

В то же время современники отдавали должное высокому профессионализму Бруннова, отмечая, в частности, его феноменальную способность быстро и точно формулировать тексты дипломатических документов — нот, циркуляров, соглашений и т.п., значение которых он, впрочем, порой преувеличивал в ущерб существу дела. Грешил он и донесениями из Лондона, которые отражали не столько реальное положение дел, сколько то, что хотели услышать в Петербурге. Этим он вольно или невольно содействовал просчетам, допущенным в отношениях с Англией накануне Крымской войны.

Британская дипломатия с интересом и удивлением восприняла поворот в позиции России, но ни один из этих пунктов не приняла. По каждому из них завязалась жесткая дипломатическая борьба. В результате Бруннов пошел на существенные уступки. Он согласился на то, чтобы британский флот вошел в Дарданеллы одновременно с появлением русского флота в Босфоре. Принял он и английское предложение о закрытии проливов только в мирное, а не в военное время.

15 июля 1840 г. Россия, Англия, Австрия и Пруссия подписали Акт, получивший наименование **I Лондонская конвенция**, которая устанавливала принцип коллективного обеспечения безопасно-

сти Османской империи со стороны европейских держав. Черноморские проливы закрывались для военных кораблей всех держав в мирное время. В качестве юридического основания использовалось «древнее правило» Османской империи держать проливы закрытыми для иностранных военных судов.

I Лондонская конвенция не могла быть окончательным решением вопроса о режиме проливов, поскольку в ней не участвовала Франция. Чтобы придать договоренности о проливах полновесный международный статус, надо было заключить специальное соглашение с участием Франции.

С этой целью в январе 1841 г. в Лондоне состоялась новая конференция. Россия неохотно согласилась на ее созыв, не желая допускать Францию к обсуждению Восточного вопроса. Царь мечтал о том, чтобы сделать изоляцию Франции постоянным фактором европейской политики. Однако англо-французские противоречия были к тому времени в значительной мере преодолены, и русской дипломатии не оставалось другого выхода, кроме участия в конференции, чтобы самой не оказаться в изоляции. К тому же требовалось не допустить принятия неприемлемых для России предложений Франции о коллективных гарантиях целостности Османской империи и предоставлении ей роли главной покровительницы христианского населения Сирии.

Ф. И. Бруннову удалось решить эту задачу, добившись того, что новое международное соглашение коснулось исключительно вопроса о статусе Черноморских проливов. Летом 1841 г. была подписана **II Лондонская конвенция**. Ее участницами стали пять европейских держав: Австрия, Англия, Пруссия, Россия и Франция, с одной стороны, и Турция — с другой. В первой статье трактата подтверждалось «твердое намерение» султана соблюдать «древнее правило» о закрытии проливов для иностранных военных судов, пока Порты находится в мире.

В Петербурге были удовлетворены завершением сложной операции по замене двустороннего договора с Турцией международным соглашением о проливах. К. В. Нессельроде в ежегодном докладе МИД императору писал: «Лондонская конвенция не преследовала никакой другой цели, как только запрет пребывания в Черном море других военных судов, кроме наших, и эта гарантия безопасности, которая была нам дана в 1833 г. только на 8 лет и не признанная другими кабинетами, стала законной и всеобщей».

Иначе трактуется значение Лондонских конвенций российскими историками. Традиционная точка зрения заключается в том, что

правительство Николая I, дав согласие на интернационализацию Восточного вопроса, пошло на неоправданные уступки, допустив создание прецедента для вмешательства третьих стран в дела, ранее входившие в исключительную компетенцию прибрежных государств — России и Турции. Некоторые современные историки, напротив, считают, что Лондонские конвенции лишь зафиксировали фактически уже сложившееся положение дел, которое не могло измениться в пользу России.

Как бы то ни было, Лондонские конвенции отражали реальное соотношение сил между Россией и Западом. Они давали России лишь относительные гарантии безопасности, исключая военноморское присутствие иностранных держав в Черном море в мирное время или в случае конфликта между Россией и каким-либо другим государством без участия Турции. Но, разумеется, в них не содержалось ничего, что могло бы помешать Турции во время Крымской войны 1854—1855 гг. пропустить англо-французский флот через проливы в Черное море. Установленный в Лондоне режим проливов создавал для России и другие неудобства, такие как невозможность ни перебрасывать Черноморскую эскадру на другие театры военных действий, как, например, во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., ни пополнять ее состав кораблями, построенными на балтийских и других нечерноморских верфях. Такое положение сохранялось вплоть до Первой мировой войны, т.е. фактически до конца существования Российской империи.

Дипломатия Николая I и революции в Европе

Пережив в начале своего царствования сильнейшее потрясение в связи с восстанием декабристов, император Николай I и во внешней политике стремился противостоять революциям, где бы они ни происходили. Его непоколебимая приверженность принципам Священного союза, хотя и оправдывалась стремлением к миру, законности и порядку в Европе, нередко вступала в противоречие с собственными интересами России и оборачивалась для нее немалыми политическими издержками.

Одной из первых жертв этой политики стали русско-французские отношения. В 1826—1829 гг. дружба с Францией помогала русской дипломатии противостоять интригам Лондона и Вены.

Ситуация резко изменилась после Июльской революции 1830 г. во Франции. Николай понимал, что она была спровоцирована действиями короля Карла X, стремившегося покончить с «конституционной хартией» Франции, подтвержденной международными договорами 1814–1815 гг. Поэтому царь предпочел не вмешиваться в дела Франции при условии, что она сама не предпримет агрессивных действий против своих соседей. Эти обстоятельства, однако, не изменили враждебного отношения Николая к Французской революции и «королю баррикад» Луи-Филиппу, которого он долгое время отказывался официально признавать. Затянувшееся на годы отчуждение между двумя странами сковало свободу маневра русской дипломатии и отрицательно сказалось на ее позициях в Европе и на Ближнем Востоке.

Положение еще больше осложнилось, когда в 1831 г. вслед за Французской революцией вспыхнули восстания в Бельгии и на территории самой Российской империи — в Царстве Польском. Николай выступил с инициативой организовать коллективную военную интервенцию в Бельгии, однако потенциальные союзники — Австрия и Пруссия — не были к ней готовы. Да и для самой России это было бы трудноосуществимой и дорогостоящей авантюрой. Вскоре отделение Бельгии от Нидерландского королевства и ее превращение в независимое нейтральное государство были признаны всеми европейскими державами.

В то же время предпринятые Николаем военные приготовления оказались востребованными в Польше. К сентябрю 1831 г. восстание было окончательно подавлено русскими войсками. Несмотря на демарши со стороны Англии и Франции, где общественное мнение симпатизировало восставшим полякам, русской дипломатии удалось не допустить коллективного вмешательства европейских держав в польский конфликт, который в Петербурге считали исключительно внутренним делом России.

Подъем революционного движения в Европе заставил Николая I вернуться к принципам Священного союза как основе внешней политики. Ухудшение русско-французских отношений после Июльской революции 1830 г. и последовавшее затем англо-французское сближение подтолкнули его к укреплению союза с Австрией и Пруссией. Это был сильный удар по всей Венской системе международных отношений. Европа фактически раскололась на два блока: «сердечное согласие» либерального толка между Англией и Францией, с одной стороны, и монархический, консерва-

тивно-охранительный союз «северных дворов», России, Австрии и Пруссии, — с другой.

В 1833 г. состоялась встреча Николая с австрийским императором Францем в Мюнхенгреце. Наряду с взаимным обязательством поддерживать существование Османской империи стороны заключили конвенцию о взаимной гарантии польских владений и выдаче политических преступников. Через несколько дней аналогичная конвенция была подписана К. В. Нессельроде в Берлине с Пруссией. Здесь же, в Берлине, после продолжительных переговоров с прусским министром Ансильоном было заключено Тройственное соглашение, направленное против Франции. В нем говорилось о взаимной поддержке с целью «укрепления охранительной системы, составляющей незыблемое основание их политики», а также было зафиксировано право на вмешательство по просьбе того государства, которому угрожают внутренние смуты или внешнее нападение. Согласно другой статье «в случае, если бы было потребовано материальное содействие одного из трех дворов, австрийского, прусского и российского, и если бы какая-либо держава пожелала сему воспротивиться силою оружия, то эти три двора сочли бы каждое неприязненное действие, предпринятое с этой целью, направленным как бы против каждого из них. Они примут тогда меры, наиболее быстрые и наиболее действительные для отпора такому нападению». Эта позиция была доведена представителями трех держав до сведения французского правительства. Ответом на нее стало образование четверного союза Англии, Франции, Испании и Португалии.

Не удовлетворяясь союзом с Австрией и Пруссией, Николай продолжал настойчиво искать пути к сближению с Англией, ради которого он уже пошел на существенные уступки Лондону в Восточном вопросе. В 1844 г. он совершил визит в Англию, в ходе которого попытался смягчить англо-русские противоречия и развивал свою «идею фикс» о неизбежности развала Османской империи и необходимости сотрудничества между Россией и Англией в ее разделе. Однако ему не удалось преодолеть недоверие к России. Несмотря на вежливый прием, взаимопонимание не было достигнуто. Скорее наоборот, призывы Николая к совместному разделу Турции лишь настораживали британское правительство, укрепляя его уверенность в наличии у России завоевательных планов на Ближнем Востоке.

Столкновение интересов в Европе и на Ближнем Востоке от времени вызывало острые кризисы в русско-английских отношениях.

Считая себя «защитником тронов и алтарей» в Европе, а борьбу с революциями — своей священной обязанностью, Николай начал с особым усердием исполнять ее в годы европейских революций 1848 — 1849 гг.

Сильным потрясением для Николая I явилась **Французская революция 1848 г.** В стране была объявлена республика, президентом которой стал племянник Наполеона I Луи Наполеон Бонапарт. Русская дипломатия столкнулась с двойной проблемой, связанной как с неприемлемым для Николая изменением политического режима Франции, так и с появлением призрака возвращения эпохи Наполеоновских войн.

Главной заботой царя стало недопущение или отсрочка принятия Луи Наполеоном императорского титула. В одной из депеш К. В. Нессельроде указывал послу в Париже Н. Д. Киселеву, что до тех пор, пока Луи Наполеон не провозгласит Францию империей, он может рассчитывать на поддержку России.

В декабре 1851 г. Луи Наполеон совершил государственный переворот, давший ему неограниченную власть. Добившись продления президентских полномочий на десятилетний срок, он отменил республиканскую конституцию и стал диктатором страны. Николай I был удовлетворен подавлением демократических институтов, но опасался, что за этим могут последовать притязания Наполеона на наследственный престол. Вопрос был настолько серьезным, что в целях выработки общей позиции «северных дворов» Николай в мае 1852 г. посетил Вену и Берлин. В ходе встреч с монархами Австрии и Пруссии были выработаны Протокол и общая Декларация. В них говорилось, что провозглашение Франции империей не явится причиной разрыва отношений с этой страной и тем более объявления ей войны. Россия, Австрия и Пруссия не признают Луи Наполеона императором до тех пор, пока не получат от него гарантий в том, что он будет проводить мирную политику и признает нерушимость границ в Европе, установленных международными договорами.

Согласившись признать за Луи Наполеоном императорский титул, три монарха признавали его как императора французов, а не как императора Наполеона III. Было также решено обращаться к нему «любезнейший друг», а не «любезнейший брат», как это было принято в отношениях между европейскими монархами. Однако, после того как Луи Наполеон был объявлен императором, Австрия и Пруссия отказались соблюдать эту договоренность. Только русский царь обращался к нему как к «брату». Это вызвало

глубокую обиду у Наполеона III и в определенной мере сказалось на дальнейшем развитии русско-французских отношений. Вместе с тем Наполеон III, желая избежать ссоры с русским императором, сгладил его жест находчивым замечанием: «Бог дает нам братьев, друзей же мы выбираем сами».

Апогеем борьбы русского царя против европейских революций стало его участие в подавлении **венгерского восстания 1849 г.** против Австрийской империи Габсбургов. Восставшие объявили их лишенными прав на венгерский престол и провозгласили независимость Венгрии.

Поначалу Николай I не горел желанием вмешиваться в революционные события в Венгрии. Но он не мог пройти мимо активного участия в этой революции мятежных поляков, особенно лидеров повстанческого движения 1831 г. Кроме того, царь был традиционно заинтересован в сохранении Габсбургской империи как противовеса Пруссии. Поэтому, когда австрийский император Франц-Иосиф обратился к нему с просьбой о помощи, Николай послал в Венгрию армию во главе с И. Ф. Паскевичем для наведения порядка. После короткой кампании русская армия одержала победу над венграми и принудила их к капитуляции.

Венгерская экспедиция 1849 г. вошла в историю России как пример внешней политики, построенной на базе абстрактных принципов, а не национальных интересов. Россия собственными руками спасла от распада империю, которая впоследствии сыграла роковую роль в ее исторической судьбе. Сам император понял и признал ошибочность этой акции слишком поздно, когда Австрия «удивила мир своей неблагодарностью», заняв враждебную России позицию во время Крымской войны.

В целом, однако, попытки Николая создать прочный союз с Австрией и Пруссией не увенчались успехом. Идеологической основой для этого в виде легитимистских принципов Священного союза оказалось недостаточно — союзники имели собственные интересы, не всегда совпадавшие с российскими.

В конце 1840-х — начале 1850-х годов позиции России в Европе казались незыблемыми. Еще никогда за всю свою историю Российская империя не пользовалась таким огромным влиянием в европейских делах. По степени этого влияния императора Николая сравнивали только с Наполеоном I. Но это внешнее могущество было обманчивым. В Европе исподволь начинала формироваться мощная коалиция, готовая бросить вызов России с целью покончить с ее преобладающим влиянием на континенте.

Крымская война и Парижский мир 1856 года

Крымская война 1853–1855 гг. была порождением сложного комплекса причин, связанных с обострением противоречий между Россией и ведущими западными державами. Ни одна из враждующих сторон сознательно не стремилась к развязыванию войны, но каждая преследовала цели, которые могли быть достигнуты только с помощью военной силы.

Спор о Святых местах. События, приведшие к Крымской войне, стали разворачиваться задолго до ее начала. Непосредственным поводом для конфликта послужили русско-французские разногласия по поводу прав католической и православной церквей в Палестине, которая была частью Османской империи. В 1850 г. президент Франции Луи-Наполеон в поисках поддержки со стороны влиятельных клерикальных кругов обратился к властям Турции с требованием восстановить права католической церкви в Святых местах в соответствии с франко-турецким договором 1740 г. Под нажимом французской дипломатии Турция передала католикам ключи от пещеры Рождества Христова в Вифлееме и предоставила им ряд других привилегий. Это вызвало протесты православного населения и духовенства Турции, которые обратились с жалобами к русскому императору.

«Спор о ключах» тянулся на протяжении 1850–1852 гг., то обостряясь, то затихая. Под давлением дипломатических представителей России и Франции турецкие власти маневрировали, уступая то одной, то другой стороне, но в целом отдавая предпочтение французам. Межконфессиональная проблема перерастала в политическую. Николай I усматривал в действиях Порты покушение на одно из важнейших прав, закрепленных русско-турецкими договорами, а именно права России выступать в качестве защитницы и покровительницы православного населения Османской империи.

В конце 1852 г. царь пришел к выводу, что наступил благоприятный момент не только для урегулирования церковного вопроса, но и для реализации далекоидущих планов в отношении Турции. В январе–феврале 1853 г. он провел несколько бесед с британским послом в Петербурге Г. Сеймуром, в ходе которых снова, как в 1844 г. в Лондоне, развивал свою излюбленную идею о якобы неминуемом распаде Османской империи и предлагал Англии договориться о разделе ее наследства.

Как показали последующие события, действия царя основывались на глубоко ошибочных оценках позиции Англии и других европейских держав. Он был убежден, что в случае решительных действий с его стороны Англия не будет воевать с Россией, тем более в одиночку. Даже после того как его предложения о разделе турецкого наследства были встречены вежливым отказом, он не переставал надеяться на взаимопонимание с Лондоном. Возможность англо-французского союза против России он также исключал. Несостоятельной оказалась и уверенность Николая в лояльном отношении одного из ближайших союзников — Австрии.

Миссия А. С. Меншикова. Другим крупным просчетом царя было его убеждение в том, что Турция не решится на войну с Россией и пойдет на уступки, если на нее как следует надавить. С этой целью в начале 1853 г. он направил в Константинополь чрезвычайное посольство во главе с морским министром князем А. С. Меншиковым — правнуком знаменитого сподвижника императора Петра I.

Назначение Меншикова оказалось еще одной ошибкой Николая. Князь был военным деятелем и, хотя время от времени выполнял отдельные дипломатические поручения, слыл в дипломатии дилетантом. Не слишком ориентируясь в обстановке, но зная, что император ждет от него решительных действий, он повел переговоры с турецкими властями в резком, почти ультимативном тоне. Перед Меншиковым была поставлена задача заключить с Турцией договор, в котором предусматривалось не только восстановление всех прежних прав и привилегий православной церкви, но и право российского посольства в Константинополе «делать представления» в ее пользу. Порта расценила это требование как вмешательство в ее внутренние дела. Чувствуя поддержку со стороны Англии в лице посла Ч. Стрэтфорда-Каннинга, враждебно настроенного к России, она отказалась удовлетворить требования русского правительства. Объявив дипломатические отношения прерванными, Меншиков покинул Константинополь.

В мае 1853 г. Николай отдал приказ русским войскам вступить в Дунайские княжества. При этом он дал понять, что не стремится к войне с Турцией, а хочет иметь рычаг давления, чтобы склонить Порту к принятию своих требований.

«Венская нота». Летом 1853 г. европейские державы предприняли совместную попытку удержать Россию и Турцию от войны. Собравшиеся в Вене представители Австрии, Англии, Франции и Пруссии направили обеим сторонам ноту, в которой Турции

предлагалось взять на себя обязательство по соблюдению прежних договоров с Россией относительно особых прав и привилегий православной церкви. Новым элементом было то, что отныне спорные вопросы русско-турецких отношений передавались на рассмотрение указанных держав.

Российская сторона немедленно согласилась с этим предложением при условии, что Турция также примет ноту без каких-либо оговорок. Однако Порта вновь усмотрела в формулировках ноты возможность для вмешательства России во внутренние дела Османской империи и в своем ответе высказала оговорки, которые в Петербурге были объявлены неприемлемыми.

Возмущенный действиями Турции, Николай тем не менее продолжал искать возможность выпутаться из конфликтной ситуации мирным путем, на основе положений «Венской ноты». Осенью 1853 г. он встречался в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме с австрийским и прусским монархами, а также с британским посланником в Вене, которого пытался убедить в своем миролюбии. Однако прогнать изоляцию, в которой все более явно оказывалась Россия, не удалось. «Северные дворы» отказались поддерживать ее политику в Восточном вопросе. Царь мог надеяться в лучшем случае на нейтралитет Пруссии; Австрия же скатывалась на враждебные позиции. В Англии и Франции нарастала волна русофобии.

В этих условиях у Турции окончательно созрела решимость взять реванш за прежние поражения в войнах с Россией. В октябре 1853 г. султан объявил о состоянии войны с Россией и обратился к западным державам с просьбой о помощи. Спустя несколько дней английская и французская эскадры прошли через Дарданеллы в Мраморное море.

В ноябре того же года русская Черноморская эскадра под командованием адмирала П. С. Нахимова одержала блестящую победу, уничтожив турецкий флот в сражении в Синопской бухте. Убедившись в том, что Турция не выдержит поединка с Россией, Англия и Франция открыто встали на ее сторону. В феврале 1854 г. их эскадры вошли в Черное море, а спустя месяц союзники объявили войну России. В начале 1855 г. к ним примкнуло Сардинское королевство. Таким образом, вместо слабой Турции Россия столкнулась с мощной коалицией европейских держав.

Венская конференция. Особенностью Крымской войны было то, что одновременно с военными действиями почти непрерывно шли

дипломатические переговоры. К середине 1854 г. стало ясно, что для России эта война приобретает сугубо оборонительный характер. В августе австрийская дипломатия от имени великих держав предъявила России в качестве предварительных условий мирного урегулирования следующие четыре пункта: 1) замена русского покровительства над Дунайскими княжествами протекторатом пяти великих держав; 2) свобода судоходства по Дунаю с установлением контроля держав над устьями реки; 3) пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. о Черноморских проливах «в интересах европейского равновесия»; 4) замена покровительства России православному населению Османской империи коллективной гарантией прав христианских подданных султана со стороны всех великих держав.

Первоначально Россия отклонила эти требования как неприемлемые. Однако к концу года военные неудачи заставили царя принять их в качестве предварительных условий переговоров. В декабре 1854 г. в Вене состоялась неофициальная встреча представителей России, Австрии, Англии и Франции. Российским уполномоченным был посланник в Вене Александр Михайлович Горчаков — дипломат, которому в недалеком будущем предстояло сыграть выдающуюся роль в истории внешней политики России.

Встреча состоялась в крайне неблагоприятной для России военно-политической обстановке. 2 декабря Австрия заключила союзный договор с Англией и Францией, завершив таким образом переход на сторону врагов России. Кроме того, требования союзников к России существенно ужесточались: теперь от нее добивались территориальных уступок (отказа от устья Дуная), а главное — «уничтожения русского преобладания на Черном море», т.е. ограничения военно-морских сил. Хотя А. М. Горчакову удалось несколько смягчить эти требования, переговоры вскоре были прерваны: обе стороны надеялись, что военные успехи подкрепят их переговорные позиции.

В феврале 1855 г. скоропостижно умер император Николай I. Спустя месяц в Вене уже официально открылась конференция с участием представителей России, Австрии, Англии, Франции и Турции. Россия была представлена А. М. Горчаковым и бывшим посланником в Константинополе В. П. Титовым. Англия и Франция потребовали, чтобы Россия разоружила Севастополь, гарантировала целостность Османской империи и признала ограничение своего военного флота на Черном море. В ответ Россия согласилась только «уважать», но не гарантировать целостность Турции и кате-

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

горически отвергла всякое ограничение своих суверенных прав на Черном море.

В начале июня 1855 г. Венская конференция была объявлена закрытой.

Парижский конгресс 1856 г. С падением Севастополя в сентябре 1855 г. правительство Александра II после ряда совещаний пришло к выводу о бесперспективности продолжения войны. После того как русские войска одержали крупные победы на Кавказском фронте, взяв турецкую крепость Карс, в Петербурге решили, что настал благоприятный момент для заключения мира на условиях, в наименьшей степени задевающих честь и достоинство России. Кроме того, со стороны правительства Франции стали множиться сигналы о готовности искать пути к заключению мира.

Накануне нового 1856 г. Австрия предъявила России от имени союзников ультимативное требование принять предварительные условия мира. Они представляли собой ужесточенный вариант упоминавшихся четырех пунктов. Наиболее тяжелым и унижительным для России было требование нейтрализации Черного моря, т.е. запрещение иметь там военно-морской флот, за исключением легких судов (так называемых стационаров). Но и оно, в сущности, представляло собой не дополнительное требование к России, а отражение реального положения дел: Черноморский флот России был затоплен в Севастопольской бухте, а сам Севастополь взят англо-французскими войсками.

В феврале в Париже открылся международный конгресс. Россию представляли граф А. Ф. Орлов и барон Ф. И. Бруннов. Перед русской дипломатией стояла задача использовать противоречия между союзниками, с тем чтобы добиться наименее тяжелых условий мирного договора.

Эту задачу удалось решить благодаря наметившемуся сближению с Францией. Император Наполеон III имел далекоидущие планы установления французской гегемонии в Европе и, в отличие от английского правительства, не был заинтересован в чрезмерном ослаблении России. В ходе работы конгресса А. Ф. Орлов имел ряд негласных доверительных встреч с Наполеоном III, которые, согласно его донесениям в Петербург, проходили в весьма доброжелательной обстановке. Выяснилось, что французская дипломатия не намерена поддерживать радикальные требования англичан и австрийцев. Это подтверждало и поведение председательство-

вавшего на конгрессе министра иностранных дел Франции графа Ф. А. Велевского, который, по отзыву Орлова, выступал скорее как «пособник», нежели как противник русской делегации. Умело используя противоречия между союзниками, Орлов уступал там, где они выступали единым фронтом, и занимал жесткую позицию там, где чувствовал за своей спиной завуалированную поддержку французов. Благодаря этой тактике он, в частности, обеспечил России минимальные территориальные уступки в Бессарабии и успешно противостоял радикальным требованиям Англии об уступке крупных территорий на Кавказе и о распространении принципа нейтрализации на Азовское море.

Несмотря на эти тактические успехи русской дипломатии, подписанный 18 марта 1856 г. Парижский мирный трактат фиксировал поражение России в Крымской войне. Самым тяжелым условием была для нее нейтрализация Черного моря, лишавшая ее права иметь там военно-морской флот и береговые укрепления. Россия и Турция могли сохранить лишь малое количество легких военных судов. Россия утратила свое традиционное право преимущественного покровительства православным народам Османской империи; вместо этого вводился принцип коллективной гарантии держав. Потеряв Южную Бессарабию, Россия перестала быть дунайской державой. Все это существенно ослабляло международные позиции России.

Крымская война и Парижский мир подвели черту под целой эпохой в истории международных отношений. Окончательно прекратила существование Венская система. Пришедшая ей на смену Крымская система имела ярко выраженную антироссийскую направленность. Россия сохранила статус великой державы, но лишилась лидирующей роли, которую она играла в Европе в течение нескольких десятилетий после победы над Наполеоном. Но и европейские державы не извлекли из нее той пользы, на которую рассчитывали. Совместное выступление против России не разрешило ни одного из противоречий в их собственных взаимоотношениях. Как писал британский историк А. Тэйлор, «старый порядок, порожденный Священным союзом, был уничтожен; но никакая новая система не заняла его места — ни либеральный “концерт” по английскому идеалу, ни революционное объединение, о котором мечтал Наполеон. Вместо этого начался период анархии в Европе, длившийся от Крымской войны до следующей крупной схватки на Ближнем Востоке». Все это подводит к важ-

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

ному выводу о том, что попытки ослабить Россию или вытеснить ее из Европы в конечном итоге оборачиваются против интересов самих европейских государств.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под Восточным вопросом в международных отношениях середины XIX в.?
2. Каковы особенности дипломатии Николая I?
3. В чем причины Крымской войны?

Рекомендуемая литература

- Виноградов В. Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
- История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995.
- Международные отношения на Балканах. 1830 – 1856 гг. М., 1990.
- Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) / Отв. ред. А. В. Игнатьев, Л. Н. Нежинский. М., 1999.
- Тарле Е. В.* Крымская война: Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. VIII, IX.

Глава 13

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

А. М. Горчаков и обновление внешнеполитического курса

После поражения в Крымской войне главной особенностью внешней политики и дипломатии России стала их тесная взаимосвязь с внутренними преобразованиями в стране.

Поначалу император Александр II был настроен на сохранение преемственности внешнеполитического курса. Сразу же после восшествия на престол в феврале 1855 г. он заявил иностранным дипломатам, что будет придерживаться «начал Священного союза», завещанных отцом и дядей. Однако положение, в котором оказалась Россия в результате проигранной войны, уже очень скоро потребовало их коренного пересмотра.

Необходимость перемен стала очевидной для всех: даже К. В. Нессельроде перед уходом в отставку в своей записке-завещании признал несостоятельность идеологии легитимизма, на которой почти 40 лет держалась внешняя политика страны. Он писал, что вместо попыток насаждать «порядок» в Европе Россия должна «заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил».

Корректировка внешней политики потребовала обновления руководства МИД. В апреле 1856 г. министром иностранных дел был назначен князь Александр Михайлович Горчаков.

Александр Михайлович Горчаков пришел на этот пост, имея огромный опыт дипломатической работы. Он родился в 1798 г. в семье военного, принадлежавшего к старинному дворянскому роду. В 1817 г. окончил с золотой медалью Царскосельский лицей, где его товарищем по учебе был А. С. Пушкин, посвятивший ему несколько стихотворений.

В начале дипломатической карьеры А. М. Горчакова его учителем и наставником был граф И. А. Каподистрия. В 1820—1822 гг. Горчаков находился в свите Александра I на конгрессах Священного союза в Троппау, Лайбахе и Вероне. Царь заметил молодого дипломата и назначил его первым секретарем российского посольства в Лондоне, где он оставался до 1827 г. В течение следующих нескольких лет Горчаков работал в российской миссии в Риме, посольстве в Берлине, был поверенным в делах во Флоренции и советником посольства в Вене. С 1839 г. А. М. Горчаков — чрезвычайный посланник и полномочный министр при Вюртембергском дворе. В 1846 г. был произведен в тайные советники. В 1854 г. возглавил российское дипломатическое представительство в Вене. К. В. Нессельроде противился этому назначению и выражал императору сомнения в компетентности Горчакова. Но Николай I решительно отвел эти возражения. «Я назначил его, потому что он русский», — отрезал он.

В марте—июне 1855 г. А. М. Горчаков был российским уполномоченным на Венской конференции европейских держав, созванной во время Крымской войны в целях выяснения предварительных условий мира. Именно здесь впервые по-настоящему раскрылся его талант дипломата. Работа Горчакова на конференции была отмечена новым императором Александром и сыграла свою роль в его назначении на пост министра иностранных дел.

Современники характеризовали Горчакова как человека прощительного ума, независимого характера и широкого политического кругозора, хотя и отмечали его склонность к тщеславию и самолюбанию. Он также обладал выдающимся даром составителя дипломатических документов, которые подчас выходили из-под его пера как литературно-публицистические произведения, отличавшиеся образностью и стилистическим блеском.

Как министр Горчаков был более самостоятельной фигурой, чем его предшественник. В первые годы царствования Александра II его влияние на императора было особенно велико. По свидетельству самого Горчакова, царь советовался с ним почти по всем государственным вопросам. Предложения министра, как правило, встречали поддержку императора.

Во время царствования Александра II механизм выработки внешнеполитических решений стал более коллегиальным. Наиболее важные из них принимались в рамках особых совещаний с участием царя и министров, а также специальных комитетов, создававшихся для рассмотрения наиболее крупных и долгосрочных проблем.

Новая внешнеполитическая концепция¹. А. М. Горчаков был убежденным сторонником реформ Александра II — отмены крепостного права, создания суда присяжных, развития местного самоуправления и т.д. В контексте внутренних преобразований он видел и задачи внешней политики. Его историческая заслуга состояла в том, что он способствовал не только практическому, но и глубокому концептуальному обновлению внешнеполитического курса России.

До эпохи реформ Александра II внешнеполитической доктрины в России не существовало. Отчасти это было вызвано объективными причинами. За четыре столетия Московское княжество, первоначально сравнимое по своей площади с одним из небольших государств Европы, разрослось до масштабов империи, занимавшей одну шестую часть суши. Включение в ее состав новых территорий продолжалось и в XIX в., завершившись лишь в 1880-е годы с присоединением Средней Азии. В ходе этого уникального исторического процесса Россия должна была устанавливать и разви-

¹ Внешнеполитическая концепция (доктрина) — принятая в том или ином государстве система взглядов на цели, задачи и характер внешней политики, а также на способы ее реализации и обеспечения.

вать связи со странами, принадлежавшими к различным культурным и цивилизационным пространствам (Европа, Ближний Восток, Центральная Азия, Дальний Восток, Северная Америка), которые в ту пору еще не были объединены в глобальную систему международных отношений.

Другое препятствие для выработки целостной и преемственной внешнеполитической доктрины состояло в том, что в условиях самодержавия внешняя политика формировалась на основе личных взглядов самодержца, которые складывались произвольно, зачастую под влиянием абстрактных идей, оторванных от реальных интересов и возможностей России.

Действуя в таких условиях, Горчаков тем не менее нашел и сформулировал системообразующее начало российской внешней политики и дипломатии — идею о необходимости нацелить их главным образом на создание благоприятных условий для развития и укрепления внутренних сил страны. Суть этой идеи была изложена им в знаменитом циркуляре российским дипломатическим представителям от 21 августа (2 сентября) 1856 г. и в самом кратком виде заключалась в исторической фразе: **«Россия сосредоточивается»**, т.е. собирается с силами.

Сама по себе мысль о необходимости подчинять внешнюю политику интересам внутреннего укрепления империи и благосостояния ее подданных провозглашалась еще в начале царствования Александра I, но так и осталась на уровне риторики. Теперь же речь шла о жизненной потребности. Главной причиной поражения России в Крымской войне было ее экономическое и военно-техническое отставание от стран Запада. Чтобы сократить его, страна нуждалась в коренных реформах, а для этого ей была необходима длительная мирная передышка. Обеспечить ее можно было только проводя политику, строго отвечающую реальным возможностям и ресурсам страны.

Такая внешнеполитическая программа не была продиктована лишь сиюминутными интересами, а рассчитывалась на длительную перспективу. Горчаков считал фундаментальной проблемой России «отставание внутреннего развития империи от ее стремительного внешнего развития». Поэтому тезис «Россия сосредоточивается» был для него не конъюнктурным, а долгосрочным императивом внешней политики.

Сам Горчаков до конца пребывания на посту министра был верен своей доктрине. Под его руководством русская дипломатия

действовала осмотрительно, добиваясь своих целей мирными средствами и опираясь на взаимодействие с другими странами. Осторожность Горчакова, особенно в конце его жизни, порой вызывала раздражение в общественном мнении России и даже у самого императора. Однако его главная цель — уберечь страну от втягивания в крупные европейские конфликты — была достигнута: первые 20 лет царствования Александра II прошли без войн.

Воспитанный в эпоху господства принципов Священного союза, Горчаков тем не менее был реалистом и прагматиком, категорически отвергая политику, построенную на базе отвлеченных идеологических схем. Сочетая монархические и либеральные убеждения, он, разумеется, не симпатизировал революционным движениям. Но при нем русская дипломатия окончательно порвала с порочной практикой конфронтации с правительствами, пришедшими к власти в результате революционных переворотов. В частности, отказ от идеологии легитимизма открыл для России путь к установлению отношений с молодыми государствами Латинской Америки.

Впоследствии Россия далеко не всегда и не во всем следовала заветам Горчакова. Тем не менее сформулированные им принципы внешней политики продолжали оставаться основой официальной доктрины Российской империи вплоть до конца ее существования и прочно вошли в сознание российских дипломатов.

Модернизация дипломатической службы. С первых лет пребывания на посту министра А. М. Горчаков уделял внимание повышению эффективности работы внешнеполитического ведомства и качества дипломатических кадров. Одна из его ключевых идей состояла в том, чтобы оставить штатных чиновников только на дипломатической работе, а все технические и канцелярские функции передать наемным служащим, не имеющим никаких привилегий чиновничества (премии, повышенные пенсии, казенные квартиры и т.д.). Он выдвинул смелую для того времени идею — «применить частную коммерческую предприимчивость к исполнению собственно канцелярской работы по Министерству».

В 1860 г. министр изложил свое видение реформы МИД в развернутой записке, адресованной Государственному совету. Он писал: «В последнее тридцатилетие в России развилась в страшных размерах потребность служить где бы то ни было, вовсе не принимая в соображение свои способности и наклонности, но с единственной целью получать чины, ордена и проч. привилегии чиновничества... Я полагаю на должности, мною предназначаемые,

определять людей образованных, умственно развитых и способных, обеспеченных содержанием, дающим им возможность безбедного существования, а также обеспеченным в будущем хорошей пенсией, личность которых ограждена в отношении к их деятельности прямою ответственностью за свой труд».

Хотя осуществить задуманную реформу министру удалось только к 1868 г. и далеко не в полной мере, главная его идея — о необходимости сокращения личного состава и использовании высвободившихся средств на повышение окладов остающимся кадровым чиновникам МИД — была реализована. Численность центрального аппарата министерства была сокращена почти вдвое — с 306 до 134 должностей. С тех пор вплоть до очередного пересмотра штатов МИД в 1897 г. эта цифра оставалась неизменной. Сокращения не коснулись дипломатов, работавших за рубежом, — их численность и без того была весьма ограниченной и медленно росла по мере увеличения числа дипломатических и консульских представительств.

В 1859 г. приказом по МИД были установлены новые «Правила для определения на службу и к должностям». Они преследовали цель повысить образовательный и культурный уровень дипломатических кадров и создать дополнительные фильтры для недопущения на дипломатическую службу случайных людей. Для кандидатов вводилась двухступенчатая система экзаменов, включавшая «предварительное испытание» для формального зачисления в министерство, а затем специальный экзамен, после успешной сдачи которого кандидат мог быть назначен на дипломатическую должность. Программа этого экзамена предусматривала высокие требования к владению французским языком (знание других иностранных языков поощрялось, но не было обязательным), а также вопросы по международному праву, истории договоров России с другими государствами, политической экономии и статистике.

В дальнейшем программа обоих экзаменов неоднократно пересматривалась и усложнялась. В частности, согласно правилам, установленным в 1875 г., претендентам на дипломатическую должность за неделю до экзамена вручалось сочинение по статистике, которое им предстояло разобрать и прокомментировать на русском и французском языках. При этом от них требовалось, во-первых, критически подойти к данному сочинению, т.е. проявить аналитические способности, и, во-вторых, оценить его содержание с точки зрения интересов России.

Порядок приема на дипломатическую службу, установленный при Горчакове, почти в неизменном виде просуществовал вплоть до следующей реформы МИД в 1906 – 1914 гг.

Россия и Европа. Борьба за отмену нейтрализации Черного моря

После поражения в Крымской войне самой насущной задачей русской дипломатии стала борьба за отмену статей Парижского трактата 1856 г., запрещавших ей иметь флот и военно-морские базы на Черном море. Такое положение не только унижало достоинство России как великой державы, но и представляло непосредственную угрозу ее безопасности. Хотя Черноморские проливы оставались в мирное время закрытыми для иностранных военных кораблей, Турция в случае конфликта с Россией могла в любой момент открыть их для иностранных флотов, готовых атаковать незащищенное Черноморское побережье России.

Борьба за отмену нейтрализации Черного моря растянулась на долгие 15 лет и прошла через несколько этапов. Решать эту задачу нужно было аккуратно, чтобы не быть втянутыми в новый конфликт с европейскими державами. А. М. Горчаков подчеркивал необходимость действовать только наверняка, чтобы избежать риска «скомпрометировать цель или ослабить действенность нашего влияния».

Русско-французское сближение. Для начала необходимо было прорвать изоляцию России, которая лежала в основе Крымской системы. В этих целях в Петербурге сделали ставку на сближение с Францией, наметившееся еще в ходе Парижского конгресса 1856 г.

Поначалу этот путь решения черноморской проблемы казался многообещающим: во второй половине 1850-х годов русско-французские отношения продолжали быстро улучшаться. Между двумя столицами шел интенсивный политический диалог. В 1857 г. в Эрфурте состоялась встреча Александра II и Наполеона III, организованная Горчаковым. Активную работу в пользу укрепления двусторонних связей вели французский посол в Петербурге герцог де Морни и русский посол в Париже многоопытный государственный деятель П. Д. Киселев. Одновременно усиливалось взаимодействие двух держав на Балканах, где Россия в ряде случаев успешно

использовала дипломатическую поддержку Франции в целях оказания помощи освободительному движению славянских народов.

В ходе контактов с российскими представителями Наполеон III не скрывал, что имеет серьезные виды на Россию, надеясь использовать ее для реализации своих планов утверждения французской гегемонии в Европе. В свою очередь русская дипломатия, не слишком доверяя императору, стремилась внушить ему мысль о том, что рассчитывать на поддержку России он может только при условии оказания ей помощи на Востоке. Однако Наполеон III не спешил брать на себя конкретные обязательства.

В этих непростых условиях русская дипломатия умело использовала обострение противоречий внутри антирусской коалиции, прежде всего между Францией и Австрией. Ключевым вопросом стала позиция России на случай войны между двумя державами, к которой активно готовился Наполеон III. Обеспокоенная русско-французским сближением Вена попыталась нейтрализовать Россию, пообещав ей содействие в отмене ограничительных статей Парижского трактата. Но ставка на Австрию была заведомо проигрышной для России, так как ее поддержка мало что стоила при негативной позиции Парижа и Лондона.

Осенью 1858 г. в Петербурге состоялись переговоры с уполномоченным французского императора бароном ля Ронсьером, который предложил России вступить в войну с Австрией, обещая взамен согласие на присоединение Галиции. Но и на этот раз французская дипломатия уклонилась от обязательств в отношении пересмотра Парижского трактата. Горчаков счел такую сделку совершенно невыгодной для России. В докладе императору он пояснял, что Россию пытаются втянуть в войну с неизвестным исходом, в то время как по главному для нее вопросу «обещали при заключении мира эвентуальную поддержку, обусловленную обстоятельствами, не поддающимися никакому разумному учету».

В то же время Горчаков не считал нужным ставить крест на сближении с Францией и представил встречные предложения. Существование их сводилось к тому, что в случае, если Франция поддержит Россию в черноморском вопросе, та будет готова сосредоточить на границе с Австрией значительные силы, чтобы отвлечь на себя часть австрийских войск.

Наполеон III был разочарован этими предложениями, но не отказался от дальнейших переговоров, которые были продолжены в Париже между послом П. Д. Киселевым и министром ино-

странных дел Валевским. В итоге 19 февраля 1859 г. был подписан **секретный русско-французский договор**, в котором фиксировался «благожелательный нейтралитет» России в случае франко-австрийского конфликта в обмен на туманное обещание Франции способствовать пересмотру договора 1856 г. Обещание выделить войска, чтобы сковать австрийские силы на Востоке, было дано Александром II в устной форме.

В ходе франко-австрийской войны Россия оказала Франции немалую услугу, обеспечив дипломатическими средствами невмешательство в конфликт Пруссии и других германских государств. Однако Наполеон III посчитал, что Россия не выполнила своих обязательств, так как русские войска так и не были придвинуты к границе с Австрией. При заключении мира между Парижем и Венной российские интересы были проигнорированы. Одержав победу над Австрией, Наполеон III утратил интерес к сотрудничеству с Россией. Отношения двух империй начали ухудшаться. В Петербурге окончательно убедились в том, что Франция не заинтересована в восстановлении позиций России на Ближнем Востоке.

Хотя сближение с Францией не принесло России желанного результата в борьбе за отмену нейтрализации Черного моря, оно все же отвечало ее интересам. Крымская система была расшатана, а Россия постепенно выходила из изоляции и возвращалась к активной внешней политике, в том числе на Балканах.

Польское восстание 1863 г. и поворот к сближению с Пруссией.

Смертельный удар по русско-французскому сближению нанесло восстание в Польше. Вспыхнув на территории Царства Польского в январе 1863 г., оно к лету распространилось на Литву, Украину и Белоруссию. Франция, для которой Царство Польское в составе России было одним из символов ненавистной Венской системы, не только встала на сторону восставших поляков, но и выступила с требованием о восстановлении независимой Польши.

Совсем иначе повела себя Пруссия. Правительство О. Бисмарка было заинтересовано в скорейшем подавлении восстания, рассчитывая достичь сразу нескольких целей: обезопасить собственную территорию, вбить клин в русско-французские отношения и не допустить создания на своих границах профранцузского Польского государства. Обеспокоенное тем, что Россия может не проявить решимости в расправе с восставшими поляками, оно направило в Петербург генерала Альвенслебена с предложением заключить конвенцию о сотрудничестве в подавлении восстания. А. М. Горча-

ков возражал против такого соглашения, но Александр II, ценивший родственные связи и монархическую солидарность с прусским двором, ответил согласием.

Хотя стараниями Горчакова конвенция так и не вступила в силу, она была использована европейскими державами как предлог для попытки интернационализировать польский вопрос в целях ослабления позиций России в Европе. В течение 1863 г. Англия, Франция и Австрия трижды обращались к России с нотами, в которых осуждались ее действия в Польше и выражались требования вынести польский вопрос на международную конференцию, а также восстановить польскую конституцию 1815 г.

Назревал новый конфликт между Россией и Западом. Однако в Петербурге знали, что воевать с Россией ради Польши он не намерен, тем более что лидеры восстания выдвигали заведомо нереалистические требования. Учитывая это, русская дипломатия ограничилась обещанием провести реформы в Польше, но наотрез отказалась рассматривать западные демарши, расценив их как вмешательство во внутренние дела России.

Польское восстание имело крупные международные последствия. Для России главным из них был поворот к полномасштабному сближению с Пруссией. Оно было продиктовано среди прочего интересами поиска новых союзников в борьбе за отмену нейтрализации Черного моря. После размолвки по польскому вопросу Горчаков продолжал попытки спасти хорошие отношения с Францией, но безуспешно: Наполеон III действовал в пику российским интересам по всем направлениям, включая Балканы. В конечном счете сам Горчаков был вынужден признать, что «...серьезное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная».

В Петербурге понимали, что за сближение с Пруссией придется платить ценой отказа от традиционной политики в отношении Австрии и Пруссии. До сих пор Россия поддерживала «равновесие» между этими державами, не допуская чрезмерного усиления ни той ни другой и тем самым препятствуя единству Германии. Теперь же ей предстояло смириться с тем, что у ее границ создавалось объединенное «железом и кровью» мощное Германское государство с агрессивными, милитаристскими наклонностями.

Русская дипломатия не форсировала сближение с Пруссией, но и не мешала О. Бисмарку проводить в жизнь свои экспансионистские планы. В частности, она не препятствовала захвату Пруссии

ей и Австрией Шлезвига и Гольштейна во время их войны против Дании (1864 г.) и заняла нейтральную позицию во время прусско-австрийской войны (1866 г.), закончившейся разгромом Австрии и дальнейшим усилением Пруссии.

В августе 1866 г. в Петербург прибыл прусский уполномоченный генерал Э. Мантейфель. В ходе переговоров с ним российская сторона поставила вопрос о поддержке Пруссией отмены ограничительных статей Парижского трактата. Представитель Пруссии, для которой этот вопрос имел лишь косвенное значение, ответил согласием. В 1868 г. оно было оформлено в виде устного соглашения, имевшего силу договора. Со своей стороны Россия обещала занять позицию благожелательного нейтралитета в вопросе об объединении Германии под эгидой Пруссии.

Благоприятный момент для реализации этой договоренности наступил в 1870 г. в связи с Франко-прусской войной. Незадолго до ее начала Александр II обещал Бисмарку, что в случае вмешательства Австрии в этот конфликт Россия выдвинет к ее границе крупные силы, а в августе 1870 г. Бисмарк подтвердил свое обещание поддержать Россию в деле пересмотра Парижского трактата.

После того как Франция потерпела сокрушительное поражение, А. М. Горчаков решил: «Сейчас или никогда». Он обратился к царю с предложением о немедленной односторонней отмене ограничительных статей Парижского трактата. При этом канцлер допускал возможность одновременно потребовать возвращения России Южной Бессарабии. 27 октября 1870 г. этот вопрос обсуждался на заседании Совета министров под председательством Александра II. Между его участниками возникли разногласия. Некоторые министры опасались конфликта с европейскими державами и предлагали вначале прозондировать их позицию. Горчаков настаивал на необходимости действовать немедленно, доказывая, что попытка решить вопрос на коллективной основе приведет лишь к увековечению нейтрализации Черного моря. В итоге было принято предложение военного министра Д. А. Милютина о том, чтобы во избежание опасности европейского конфликта ограничиться только заявлением о восстановлении прав России на Черном море.

31 октября 1870 г. А. М. Горчаков направил русским дипломатическим представителям циркуляр, который извещал государства, подписавшие Парижский трактат 1856 г., что Россия больше не считает себя связанной постановлениями, ограничивающими ее суверенитет на Черном море. Канцлер, сославшись на точное со-

блюдение российским правительством всех статей договора 1856 г., привел примеры неоднократных нарушений его другими державами. Кроме того, турецкому султану сообщалось об аннулировании дополнительной конвенции, определяющей число и размеры военных судов, которые обе державы могли иметь на Черном море. В заключительной части циркуляра русским послам предписывалось разъяснить европейским правительствам, что отмена ограничительных статей Парижского трактата не носит враждебного характера, а имеет целью только обеспечить безопасность России.

Циркуляр Горчакова был крайне негативно воспринят в Европе. Особенно бурной была реакция Англии. Некоторые английские министры даже призывали объявить войну России. Однако воевать без сильных союзников Англия не могла. Франция была разгромлена Пруссией, а Австрия ослаблена поражением в войне 1859 г. с Францией. Бисмарк был недоволен «несвоевременными» действиями России, так как предпочел бы отложить решение черноморского вопроса до конца войны с Францией. Но Пруссия по-прежнему нуждалась в нейтралитете России, и ей ничего не оставалось, как выполнить обещание о поддержке требований Петербурга.

Лондонская конференция. С целью урегулирования ситуации О. Бисмарк предложил создать в Петербурге совещание заинтересованных держав. Это предложение было принято всеми странами, включая Россию, которая была заинтересована в международном признании своих требований. По просьбе Англии совещание решено было провести в Лондоне.

Конференция открылась 17 января 1871 г. с участием уполномоченных держав — участниц Парижского трактата 1856 г. Россию представлял посол в Лондоне Ф. И. Бруннов. Западные державы пытались оспорить односторонние действия России, но в итоге были вынуждены смириться с ними как со свершившимся фактом. 13 марта 1871 г. была подписана Лондонская конвенция, вносившая изменения в Парижский мирный договор 1856 г. В частности, отменялись его XI, XIII и XIV статьи, ограничивающие суверенитет России на Черном море, а также приложенная к договору отдельная русско-турецкая конвенция. Теперь России и Турции разрешалось держать на Черном море неограниченное количество военных кораблей и строить на его побережье военные арсеналы и крепости. Согласно статье III конвенции Черное море объявлялось по-прежнему открытым для свободного плавания торговых судов всех наций.

Лондонская конвенция оставила в силе принцип закрытия Черноморских проливов для всех иностранных военных кораблей, установленный конвенцией 1841 г. и Парижским трактатом. Вместе с тем в нее было внесено дополнение, согласно которому турецкий султан получал право «открывать проливы в мирное время для военных судов дружественных и союзных держав в том случае, если Блистательная Порта найдет это необходимым для обеспечения исполнения постановлений Парижского трактата 1856 г.».

Отмена нейтрализации Черного моря стала большим успехом русской дипломатии и лично А. М. Горчакова. Сам он считал ее главным делом своей жизни. Выражая чувства, которые тогда испытывала вся Россия, поэт и дипломат Ф. И. Тютчев посвятил канцлеру следующие строки:

Да, Вы сдержали Ваше слово —
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Союз трех императоров. После Франко-прусской войны в Европе сложилась новая расстановка сил. Теперь вместо поверженной Франции на первые роли вышла Германская империя. Россия опасалась ее гегемонии, но была заинтересована в союзе с Берлином, чтобы использовать его как посредника для смягчения русско-австрийских противоречий на Балканах и как противовес Англии, являвшейся главным соперником России в Азии. Со своей стороны О. Бисмарк был готов идти на сотрудничество с Россией, чтобы помешать русско-французскому сближению.

В сентябре 1872 г., узнав о готовящейся встрече германского и австрийского императоров в Берлине, Александр II дал понять кайзеру, что желал бы принять в ней участие. По совету Бисмарка Вильгельм I ответил согласием. В ходе этого свидания состоялись переговоры министров иностранных дел трех империй. Формальных соглашений достигнуто не было, но А. М. Горчаков и австрийский министр Д. Андраши договорились устно о поддержании статус-кво на Балканах и невмешательстве во внутренние дела Османской империи. В свою очередь О. Бисмарк в беседе с Горча-

ковым обязался поддерживать скоординированные действия Петербурга и Вены в Балканском регионе. Одновременно германская поддержка была обещана балканской политике Австро-Венгрии.

Следующим шагом во взаимоотношениях трех дворов стала русско-германская военная конвенция, подписанная в марте 1873 г. во время визита Вильгельма I и Бисмарка в Петербург. Она носила оборонительный характер и предусматривала, что в случае, если одна из двух империй подвергнется нападению, другая должна в кратчайший срок предоставить ей помощь «в виде армии из двухсот тысяч человек наличного состава». При этом Бисмарком была сделана оговорка, что конвенция не будет иметь силу до тех пор, пока к ней не присоединится Австрия.

В июне 1873 г. состоялся визит русского императора в Вену. Это был символический акт примирения двух империй после совершенного Австрией предательства России во время Крымской войны. Александр II предложил императору Францу-Иосифу присоединиться к русско-германской конвенции. Но Австрию не устраивало столь обязывающее соглашение. В итоге между двумя странами была заключена конвенция, содержавшая лишь взаимное обязательство координировать свои действия в случае возникновения угрозы европейскому миру. В октябре того же года к этой конвенции присоединилась Германия. Так родился консультативный пакт, который вошел в историю как Союз трех императоров.

Эта новая версия прежних альянсов трех «северных дворов» на сей раз лишь формально имела в своей основе идею монархической солидарности. Теперь их объединяла общность интересов, да и то весьма относительная. Участники пакта преследовали разные политические цели. Так, Германию интересовала возможность покрепче привязать к себе Россию в целях изоляции Франции. России, напротив, нужна была сильная Франция для сдерживания германской гегемонии. На протяжении 70-х годов русская дипломатия неоднократно использовала Союз трех императоров, чтобы расстраивать новые антифранцузские происки Бисмарка и таким образом поддерживать относительное равновесие в Европе.

В целом участие в этом непрочном, но влиятельном объединении было полезным для России. Оно способствовало дальнейшему упрочению международных позиций страны и обеспечивало ей сравнительно безопасный тыл для развертывания активных действий на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Деятельность русской дипломатии на среднеазиатском, дальневосточном и американском направлениях

На протяжении всего XIX столетия продолжалось расширение границ России на Востоке. В орбиту ее внешнеполитических интересов включались все новые страны и народы.

Завоевание Средней Азии. В первой половине XIX в. присоединение обширных среднеазиатских земель еще не входило в планы русского правительства. Его активность ограничивалась изучением этого региона путем направления туда военно-научных и разведывательных экспедиций, а также поисками возможностей для развития торговли и политических контактов со среднеазиатскими государствами: **Хивинским и Кокандским ханствами и Бухарским эмиратом.**

Попытки России установить с ними постоянные дипломатические отношения не удавались, так как нормы и обычаи дипломатии были еще чужды их политической культуре. Феодалы, пользовавшиеся неограниченной властью, не имели вкуса к ведению переговоров и не заботились о соблюдении договоренностей. В этих условиях Россия ориентировалась главным образом на развитие торговых связей. В отчете МИД за 1838 г. отмечалось: «Торговля есть основной клапан всей нашей политики в Средней Азии». Однако и здесь возможности России были ограничены в силу недостаточного развития промышленности и экспортного потенциала. На протяжении всего XIX в. русский вывоз из Средней Азии превышал ввоз. Трудности возникали также из-за отсутствия гарантий безопасности и дискриминационных условий торговли. Особенно агрессивно вело себя Хивинское ханство, чьи войска систематически нападали на русские торговые караваны и захватывали заложников. В 1839 г. был предпринят военный поход на Хиву, который оказался неудачным. Несколько лучше обстояло дело с Бухарским эмиратом, с которым в 1840 г. удалось обменяться визитами высоких представителей и установить торговые связи. Однако в целом Россия в тот период не располагала ресурсами для проведения активной политики в Средней Азии.

Внимание Петербурга к этому региону начало расти во второй половине столетия, когда к традиционным торгово-экономиче-

ским интересам начали примешиваться геополитические. В начале 1860-х годов, особенно после острого столкновения с Западом из-за польского восстания 1863 г., в правящих кругах России получила распространение теория, согласно которой наступательный курс в Средней Азии мог бы сдерживать антироссийские происки Англии в Европе и на Ближнем Востоке. Военное ведомство, которое наряду с МИД играло важную роль в выработке среднеазиатской политики, также обращало внимание на ненормальное положение, когда у России на ее весьма протяженных южных рубежах не было оформленной государственной границы. Вместо нее существовали условные и не связанные между собой «линии» — Оренбургская и Западно-Сибирская. Военные губернаторы пограничных областей били тревогу по поводу вооруженных набегов кочевников, настраиваемых против России английскими агентами.

В 1864 г. была успешно закончена многолетняя Кавказская война, что позволило высвободить силы и средства для более активных действий на среднеазиатском направлении. Но и тогда в Петербурге предпочитали действовать осторожно, с оглядкой на реакцию западных держав. А. М. Горчаков, допуская возможность применения военной силы, призывал воздерживаться от вмешательства во внутренние дела среднеазиатских государств и оказывать на них главным образом «нравственное воздействие».

Летом 1864 г. начались военные действия в целях выравнивания границы. Главный удар был направлен против основного противника России — кокандского хана. Русские войска захватили несколько городов. Весной следующего года генерал М. Г. Черняев без приказа из Петербурга взял Ташкент, который вскоре по просьбе жителей был присоединен к Российской империи. В 1867 г. на занятых территориях было создано Туркестанское генерал-губернаторство.

Действия России вызвали болезненную реакцию Англии, рассматривавшей Среднюю Азию как потенциальный плацдарм, с которого Россия могла угрожать Британской Индии. Чтобы сдержать русскую экспансию, Лондон предложил создать между двумя империями «нейтральную зону» в составе Афганистана и некоторых земель к северу от него, на которые одновременно претендовали Афганистан и Бухарский эмират. Россия после некоторых колебаний согласилась заключить соответствующее соглашение, которое, правда, не было официально оформлено. Важным итогом соглашения было признание обеими сторонами независимости Афганистана.

В последующие годы завоевание Средней Азии продолжалось как с помощью военной силы, так и путем заключения договоров с государствами региона. В 1873—1876 гг. было покончено с независимостью Хивинского, а затем и Кокандского ханства. К концу 1870-х годов в составе России была уже большая часть Средней Азии. Формы присоединения территорий были различны. Бухарский эмират и Хивинское ханство сохранили внутреннюю автономию. Коканд стал частью России под названием Ферганская область.

Все эти годы английская дипломатия не оставляла усилий для противодействия России в Средней Азии. Однако ее попытки сколотить антироссийский фронт азиатских государств в составе Турции, Персии и Афганистана не увенчались успехом. Англо-русское противостояние в Азии, получившее в исторической литературе название «большой игры», с разной степенью интенсивности продолжалось до начала XX столетия и затихло лишь незадолго до Первой мировой войны.

Русско-китайские отношения. Начиная с XVIII столетия основная цель политики России в отношении Китая заключалась в том, чтобы установить с ним равноправные дипломатические отношения, содействовать развитию торговли и создать условия для начала переговоров по пограничным вопросам.

Решению этих задач препятствовала изоляционистская политика императоров маньчжурской династии Цин. Они традиционно рассматривали свою страну как центр вселенной, а все иностранные государства — как «варваров четырех сторон света», достойных лишь платить дань Китаю. Российским представителям, желавшим посетить Китай, предъявлялись требования соблюдать сложные ритуалы воздания почестей императору и демонстрации «даннического» статуса России по отношению к Поднебесной. Этими требованиями, унижавшими достоинство Российской империи, в частности, была вызвана неудача предпринятой в 1805—1806 гг. дипломатической миссии во главе с сенатором графом Ю. А. Головкиным.

В этих условиях функции дипломатического представительства в Пекине отчасти выполняла созданная еще при Петре I русская Духовная миссия, члены которой рассматривались как китайские государственные служащие. Эта миссия сыграла выдающуюся роль в развитии российского китаеведения, изучении китайского языка, истории и культуры. Особое значение в этом плане имела

IX миссия во главе с архимандритом Иакинфом — Никитой Яковлевичем Бичуриным, находившимся в Китае в 1808—1819 гг.

Развернувшееся в 1840—1850 гг. активное проникновение в Китай Англии и Франции заставило русское правительство уделить больше внимания Дальнему Востоку. В Петербурге опасались, что подчинение Китая западным державам может поставить под угрозу интересы России на огромных пространствах Приамурья и Приморья, где ее граница с Китаем не была юридически оформлена. Закрепление этих земель за Россией имело для нее стратегическое значение, так как не только открывало доступ к природным богатствам региона, но и обеспечивало выход к побережью Тихого океана, включая создание там морских портов и военно-морской эскадры. Талантливый и энергичный генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев активно занимался освоением Приамурья и его заселением казаками. Пользуясь большим авторитетом у местных китайских властей, он вел с ними переговоры по вопросу об установлении общей границы.

В 1857 г. русское правительство, обеспокоенное началом англо-французской военной интервенции в Китае, направило в Пекин вице-адмирала Евфимия Васильевича Путятин с целью выяснить обстановку и завязать переговоры по пограничным и другим вопросам русско-китайских отношений. Чтобы подчеркнуть непричастность России к агрессии западных держав, ему также поручалось предложить Китаю безвозмездную военную помощь в виде 10 тыс. ружей и содействия русских офицеров-инструкторов.

Е. В. Путятин, заслуженный военный моряк, участник Наваринского и других морских сражений, уже не в первый раз выполнял ответственные дипломатические поручения на Дальнем Востоке. На этот раз ему выпала особенно трудная миссия. Поначалу китайские власти, воспринимавшие Россию как такое же враждебное государство, как Англия и Франция, наотрез отказывались вести переговоры. Однако, потерпев поражения от войск интервентов, они были вынуждены обратиться к Путятину с просьбой о посредничестве. Согласившись на это, вице-адмирал стремился помочь Китаю обеспечить наиболее благоприятные условия мира.

Тем временем тяжелым положением Китая воспользовался Н. Н. Муравьев. Ему удалось убедить своих китайских партнеров в необходимости скорейшего разграничения с Россией на Амуре, чтобы предупредить возможные покушения на эти территории со стороны англичан. **В мае 1858 г. был подписан Айгуньский дого-**

вор, по условиям которого к России отходил левый берег Амура, а к Китаю — правый берег до впадения в Амур реки Уссури. Территория к востоку от Уссури до Тихого океана временно оставалась в «совместном владении» двух государств, до тех пор пока и там не будет проведено разграничение. Важное для России положение договора устанавливало, что по Амуру могли плавать только русские и китайские суда.

Вслед за этим Е. В. Путятину, чьи посреднические усилия были оценены китайским правительством, удалось в июне 1858 г. подписать **Тяньцзиньский договор**, в котором по настоянию китайцев не конкретизировались пограничные вопросы, но устанавливались общие принципы дружественных отношений между двумя странами.

Заключение обоих договоров, которые удачно дополняли друг друга, стало крупным шагом вперед в обеспечении российских интересов. Но вскоре обстановка вновь осложнилась. Успокоившись после ухода англо-французских войск, цинское правительство решило отмежеваться от Айгуньского договора, представив дело так, будто местные власти превысили свои полномочия, а ратификация договора китайским императором была ошибочной. В то же время, опасаясь нового нападения западных держав, оно согласилось принять русскую военную помощь. Для подготовки к передаче оружия и отправке инструкторов в Пекин была послана миссия во главе с молодым генерал-майором Н. П. Игнатьевым.

Игнатьев прибыл в Пекин в июне 1859 г. и оставался там без малого год, безуспешно пытаясь добиться от китайских властей подтверждения Айгуньского договора. В мае 1860 г. он тайно покинул столицу и отправился в Шанхай, где находился штаб англо-французских войск. Здесь его ловкость и находчивость раскрылись в полной мере. Он сумел войти в доверие к посланникам Англии и Франции и предложил им свои посреднические услуги в переговорах с Китаем. Когда же англо-французские войска приблизились к Пекину, с аналогичной просьбой, как и рассчитывали в Петербурге, к нему обратились сами китайцы. Игнатьев согласился при условии, что те подтвердят сохранение в силе Айгуньского договора и согласятся провести на его основе разграничение в Приморье. Началась сложная дипломатическая игра, в ходе которой Игнатьеву удалось спасти Пекин от разорения западными союзниками и снискать большой авторитет в глазах цинского правительства.

Николай Павлович Игнатьев (1832—1908) — один из наиболее ярких и неординарных русских дипломатов XIX в. Он поступил на службу в 1856 г. в качестве военного агента в Лондоне и с тех пор неизменно находился на самых ответственных, а порой небезопасных участках дипломатической работы. В 1858 г. он возглавил военно-дипломатическую миссию в Хиву и Бухару, которая завершилась подписанием торгового договора с Бухарой. В 1859—1860 гг. Игнатьев — чрезвычайный посланник в Китае; в 1861—1864 гг. — директор Азиатского департамента МИД России. В 1864—1877 гг. — посланник, а затем посол в Турции. Вершиной его дипломатической карьеры стало заключение в 1878 г. Сан-Стефанского мирного договора с Турцией.

Н. П. Игнатьев отличался исключительной энергией, решительностью и настойчивостью в достижении поставленных целей. Правда, А. М. Горчакову не раз приходилось сдерживать Игнатьева, чьи проекты и предложения порой граничили с авантюризмом. Но в целом он обладал большим авторитетом не только как талантливый дипломат, но и как видный представитель «национального» направления российской дипломатии, противостоявшего космополитической «нессельердовской школе».

В ноябре 1860 г. состоялось подписание **Пекинского договора**. Согласно его условиям было проведено разграничение от устья реки Уссури до Кореи, а также на западной границе. Были также урегулированы вопросы русско-китайской пограничной торговли, в Кашгаре и Урге учреждались русские консульства, за Россией признавалось право иметь в Китае собственную почту и т.д.

Мирное присоединение Приамурья и Приморья было одним из крупнейших достижений русской дипломатии XIX в. В ноябре 1860 г. Н. Н. Муравьев писал А. М. Горчакову: «Теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, и приобрели право сухопутной торговли из Кяхты и учреждения консульств в Урге и Кашгаре. Все это без пролития русской крови,

одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего».

На пути к «открытию» Японии. Попытки установить торговые отношения с Японией впервые были предприняты Россией еще в XVIII в., но из-за многолетней японской политики самоизоляции оставались безрезультатными вплоть до середины следующего столетия. В 1850-е годы началось проникновение в Японию США и европейских держав. Перед Россией встала задача не отстать от них в обеспечении своих экономических, политических и морских интересов. Особого внимания требовало урегулирование вопросов, связанных с принадлежностью Курильских островов и Сахалина, которая не была оформлена договорным путем.

В мае 1852 г. на заседании Особого правительственного комитета в Петербурге было принято решение приступить к «миролюбивым в отношении Японии мерам», направив туда официального представителя для проведения переговоров об основах дружественных русско-японских отношений. Таким представителем стал вице-адмирал Е. В. Путятин. Ему поручалось добиваться для России таких же благоприятных условий торговли с Японией, которые выговорили себе европейские державы и США.

Путятин прибыл в Японию в главе небольшой эскадры из трех кораблей в августе 1853 г., но из-за настороженного отношения японских властей смог приступить к переговорам только в январе 1854 г. Пользуясь тем, что Россия в это время вела войну в Крыму, японцы заняли жесткую позицию по вопросам пограничного размежевания. Разногласия возникли, в частности, в связи с требованием Путятина сохранить за Россией остров Сахалин и Курильские острова до острова Итуруп включительно.

Переговоры были прерваны на несколько месяцев и возобновились в декабре 1854 г. в городе Симода. Стороны пошли на взаимные уступки, и в феврале 1855 г. был заключен **первый в истории русско-японских отношений Симодский договор о дружбе и торговле**. Он предусматривал установление дипломатических отношений между двумя странами и предоставлял российским подданным право наибольшего благоприятствования. Для России открывались порты Хакодате, Симода и Нагасаки. Россия уступала Японии остров Итуруп и признавала за Японией лежащие к югу от него острова Кунашир, Шикотан и гряду мелких островов-скал

Хабомаи. Сахалин оставался неразделенным и находящимся в совместном владении.

В последующие годы стороны неоднократно возвращались к проблеме принадлежности Сахалина. После того как на острове были обнаружены залежи каменного угля, необходимого для снабжения Тихоокеанского флота, перед русской дипломатией была поставлена задача обеспечить владение всей его территорией. В 1859 г. переговоры по этому вопросу вел Н. Н. Муравьев, но они оказались безрезультатными. Противоречия сохранялись и в 1866 г. вылились в вооруженные столкновения между русскими и японскими военными отрядами. После этого стороны вновь подтвердили договоренность о совместном владении Сахалином. В 1875 г. в Петербурге был подписан новый договор, согласно которому Россия отказывалась от остававшихся у нее по Симодскому трактату 18 Курильских островов в обмен на признание Японией российских прав на весь Сахалин.

Следует отметить, что русская дипломатия с самого начала строила отношения с Японией иначе, нежели западные державы. Ее стиль поведения отличался миролюбивым, уважительным отношением к партнеру, Россия не вела с ним переговоры «с позиции силы». В течение определенного времени это помогало обеспечивать стабильность русско-японских отношений, но не могло воспрепятствовать постепенному нарастанию экспансионистских тенденций в японской политике, в том числе в отношении России.

Российская дипломатия и США. Дипломатические отношения между Россией и США были установлены в 1809 г. и на протяжении всей первой половины столетия носили в целом дружественный характер. В 1814 г. после окончания англо-американской войны император Александр I по просьбе американской стороны выступил в качестве арбитра в споре между Вашингтоном и Лондоном по поводу интерпретации одной из статей Гентского мирного договора и вынес решение в пользу США. В 1824 г. был заключен первый в истории отношений двух стран договор — Конвенция о мореплавании, рыболовстве, торговле и поселениях на северо-западном побережье Америки. Англо-русские конвенции 1824 и 1825 гг. оформили границы Аляски, в которых ныне существует этот 50-й штат США. В 1832 г. был заключен русско-американский торговый договор, который просуществовал почти целое столетие в качестве основы торгово-экономических отношений двух государств.

Во время Крымской войны США были одним из немногих государств, занявших по отношению к России позицию дружественно-

го нейтралитета. Симпатии американского общественного мнения были тогда преимущественно на стороне России. Яркое свидетельство тому — приезд большой группы американских врачей-добровольцев с целью оказания помощи раненым.

После Крымской войны в Петербурге начали задаваться вопросом о дальнейшей судьбе русских владений в Северной Америке. Возникли опасения, сможет ли ослабленная поражением Россия удержать их в случае возможных покушений со стороны Англии и США. Сомнения вызывала и экономическая состоятельность американских колоний. Основанная еще в 1799 г. Русско-Американская компания (РАК), под управлением которой находились Аляска и другие русские владения, переживала затяжной кризис.

Впервые вопрос о продаже Аляски был поставлен американской стороной во время Крымской войны. Но Россия еще не была готова рассматривать такое предложение. Вопрос вновь был поднят после окончания войны морским министром великим князем Константином Николаевичем. Российскому посланнику в Вашингтоне Э. А. Стекло было поручено прозондировать позицию США. Но вскоре там началась гражданская война, и переговоры о продаже Аляски были надолго отложены.

Во время войны Россия занимала позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Северу и оказывала ему моральную и дипломатическую поддержку. После победы Севера русско-американские отношения существенно окрепли, а их значение для России заметно возросло. А. М. Горчаков писал Э. А. Стекло: «Америка стала крупным фактором в мировой политике. Наши отношения с Соединенными Штатами приобретают все большую важность с каждым днем».

На этом фоне в Петербурге вернулись к обсуждению вопроса о продаже американских владений. 16 декабря состоялось совещание с участием императора, на котором присутствовали великий князь Константин Николаевич, Горчаков и вызванный из Вашингтона Стекло. Все участники высказались за продажу, приведя в защиту этой позиции все те же аргументы об экономической несостоятельности РАК и невозможности защитить колонии в случае нападения иностранной державы. Появились и новые соображения об утрате значения Аляски для России после присоединения Приморья, а также о желательности дальнейшего укрепления дружественных отношений с США.

30 марта 1867 г. **договор о продаже Аляски** был подписан в Вашингтоне Э. А. Стеклом и Государственным секретарем США

У. Сьюардом. Русскому посланнику удалось выручить за нее 7,2 млн долл. золотом — несколько больше, чем тот минимум, на который рассчитывали в Петербурге. Согласно договору Россия уступила США все свои владения в Америке и всю казенную собственность на ее территории. Устанавливалась новая граница между двумя странами в Беринговом проливе. Православные храмы оставались в собственности православных приходов. После официальной передачи Аляски США в октябре 1867 г. большая часть русского населения покинула ее территорию.

Русско-турецкая война и Берлинский конгресс 1878 года

Русская дипломатия и новое обострение Восточного вопроса.

После Крымской войны Россия стремилась к стабильным отношениям с Турцией и была не прочь и впредь поддерживать власть султана как «привратника» Черноморских проливов, тем самым оберегая их от посягательств западных держав. Однако в середине XIX в. вопиющая неспособность турецких властей управлять немусульманским населением империи заставила русскую дипломатию поставить под вопрос привычную для нее формулу «слабая Турция — самый удобный сосед». «Разве наша вина, — писал А. М. Горчаков, — если турки этим злоупотребляли, сделав свое господство невыносимым для своих христианских подданных?»

Хотя Парижский трактат 1856 г. лишил Россию права покровительствовать христианскому населению Османской империи, на деле она не могла перестать поддерживать освободительную борьбу единоверных народов. Правда, теперь ей приходилось действовать более осторожно, чтобы не спровоцировать новое столкновение с европейскими державами. Русские консульства в Европейской Турции поддерживали церкви и школы, оказывали благотворительную помощь православному населению, ходатайствовали за него перед местными властями, но стремились удерживать его от вооруженных восстаний.

В 1860-х годах русская дипломатия неоднократно пыталась привлечь внимание западных держав к бедственному положению христианских подданных султана. А. М. Горчаков предлагал созвать европейскую конференцию для обсуждения этого вопроса. Он предупреждал партнеров, что «продолжительная беспечность

Европы может сделаться преступлением против общего мира». Однако эти инициативы встречали отказ в европейских столицах, в первую очередь в Лондоне и Вене, озабоченных только тем, как бы Россия не усилила своего влияния на Балканах.

Начало Восточного кризиса и попытки мирного урегулирования.

Предупреждения Горчакова оказались не пустыми словами. Летом 1875 г. вспыхнуло восстание в Герцеговине, которое вскоре охватило всю провинцию и перекинулось на Боснию. Восставшим оказала помощь Черногория, к военным приготовлениям приступила Сербия.

В Петербурге меньше всего были заинтересованы в разрастании конфликта, не говоря о собственном военном вмешательстве. Царь хотел, чтобы в роли миротворцев выступили державы — участницы Союза трех императоров. Он обратился к Вильгельму I с призывом совместными усилиями оказать давление на Порту и повстанцев, с тем чтобы как можно скорее вынудить их к компромиссу. Александр II предлагал, чтобы инициатива такого выступления принадлежала Австро-Венгрии, рассчитывая, что таким образом Россия сможет влиять на позицию Вены.

Российская инициатива получила поддержку не только союзных дворов, но и Италии, Франции, а позже Англии. В Вене был создан «центр соглашения» для выработки мер по урегулированию кризиса. Имелось в виду заставить Порту провести в Боснии и Герцеговине реформы для умиротворения местного населения. В зону конфликта была направлена международная комиссия в составе консулов шести держав. Однако все эти усилия не могли удовлетворить главного требования восставших — о гарантированном проведении реформ — и потому оказались безрезультатными.

О том, что делать дальше, мнения в Петербурге разделились. Посол в Константинополе Н. П. Игнатьев предлагал начать прямые двусторонние переговоры с Турцией и договориться о прекращении восстания на основе предоставления автономии мятежным провинциям. Однако министр иностранных дел Австро-Венгрии Андраши, не желая упускать инициативу, выдвинул свой план урегулирования, основанный на ограниченных реформах для Боснии и Герцеговины. Россия, не желая раскола между союзниками, поддержала этот план, но, как и предсказывал Н. П. Игнатьев, он не только не удовлетворил повстанцев, но подтолкнул их к еще более решительным действиям.

В мае 1876 г. по инициативе Горчакова в Берлине состоялась встреча канцлеров трех «северных дворов». Горчаков предложил идею автономии Боснии и Герцеговины, рассчитывая, что она будет поддержана Бисмарком. Но тот поддержал Андраши, который выступал категорически против автономии. (Австрия вынашивала планы захвата этих провинций.) В итоге России вновь пришлось пойти навстречу союзникам в заведомо бесперспективном деле продвижения все того же австрийского плана. Но принятый в Берлине меморандум не получил поддержки Англии, и его содержание так и осталось на бумаге.

Берлинская встреча окончательно выявила неспособность Союза трех императоров к эффективным совместным действиям в интересах урегулирования конфликта на Балканах. У каждого из его членов были собственные интересы. Германия вела двойную игру, с одной стороны, подталкивая Россию к войне с Турцией, чтобы отвлечь ее от оказания поддержки Франции, а с другой — поддерживая Австро-Венгрию в ее захватнических планах на Боснию и Герцеговину.

Тем временем ситуация на Балканах продолжала обостряться. В апреле 1876 г. началось восстание в Болгарии, которое вскоре было с неслыханной жестокостью подавлено турками. В июне того же года Сербия и Черногория объявили войну Турции.

Дипломатическая подготовка к войне. Вступление России в войну с Турцией носило вынужденный характер. Александр II и Горчаков до последнего стремились избежать втягивания в конфликт, зная о тяжелом финансовом и экономическом положении страны, незавершенности военной реформы и перевооружения армии. Однако ряд объективных факторов как внешнего, так и внутреннего порядка неумолимо вел дело к войне.

Одним из таких факторов была поднявшаяся в российском обществе мощная волна солидарности с восставшими славянскими народами. По всей стране создавались славянские комитеты, проводился сбор денежных пожертвований, на Балканы отправлялись санитарные отряды и тысячи добровольцев. Пожалуй, никогда еще внешняя политика царского правительства не находилась под столь сильным давлением со стороны общественного мнения. В июле 1876 г. император был вынужден разрешить русским офицерам уходить в отставку и ехать добровольцами в Сербию и Черногорию, где ощущалась острая нехватка военных кадров.

Однако, чтобы начать войну, необходимо было получить твердые гарантии того, что на стороне Турции снова не выступит коалиция европейских держав. Следовало в первую очередь обеспечить нейтралитет Австро-Венгрии. С этой целью в **июне 1876 г. в Рейхштадте** были проведены переговоры русского и австрийского императоров с участием министров иностранных дел. Российская сторона допустила просчет, не закрепив сразу достигнутые договоренности в письменной форме. Они были зафиксированы позже в виде записей каждой из сторон, которые существенно отличались одна от другой и позволяли Вене предъявлять завышенные требования к России.

Рейхштадтские соглашения были положены в основу **Будапештской конвенции**, заключенной между двумя империями в январе 1877 г. В обмен на свой нейтралитет Австро-Венгрия получала согласие России на оккупацию Боснии и Герцеговины, а также отказ содействовать созданию на Балканах большого славянского государства. Последнее обстоятельство позже было использовано австрийцами для выступления против создания единой Болгарии.

Одновременно русская дипломатия продолжала попытки предотвратить войну путем оказания коллективного нажима на Порту со стороны европейских держав. Она поддержала предложение Англии созвать в Константинополе конференцию послов шести держав для совместных поисков мирного решения. Н. П. Игнатьеву, представлявшему Россию, удалось добиться взаимопонимания с британским представителем Р. Солсбери. Благодаря этому на конференции, состоявшейся в декабре 1876 г., были достигнуты договоренности об автономии Болгарии, Боснии и Герцеговины и расширении территории Сербии и Черногории. Однако Вена и Лондон отказались признать эти договоренности, а Солсбери был фактически дезавуирован британским правительством. Турецкие власти воспользовались этим и отвергли предложения послов.

Хотя война с Турцией теперь казалась неизбежной, Россия предприняла последнюю попытку сохранить мир. В начале 1877 г. Н. П. Игнатьев совершил поездку по столицам держав — участник Константинопольской конференции. В итоге в конце марта в Лондоне был подписан протокол, содержащий весьма расплывчатый призыв к Порте принять меры для улучшения положения христиан. Но та, видя, насколько глубоки противоречия между державами, отклонила и этот демарш. Только тогда, в апреле 1877 г., Россия объявила Турции войну.

Сан-Стефанский мирный договор. Расчеты русского командования на быстрый разгром Турции не оправдались. Военные действия на Балканах приняли затяжной и упорный характер. Только в конце 1877 г. русская армия сломала наконец сопротивление турок, перешла Балканы и начала быстро приближаться к Константинополю.

Военные успехи побудили Петербург отложить ранее заготовленные проекты мирного договора с Турцией и предъявить ей более жесткие условия. Царь одобрил проект, разработанный Н. П. Игнатьевым. В нем предусматривалось признание независимости Румынии, Сербии и Черногории, предоставление автономии Болгарии, а также Боснии и Герцеговине. В конце января 1878 г. Игнатьев вместе с заведующим дипломатической канцелярией при главнокомандующем русской армией А. И. Нелидовым прибыл в Адрианополь для переговоров с турками. Вскоре переговоры были перенесены в местечко Сан-Стефано, неподалеку от турецкой столицы. Здесь 19 февраля 1878 г. был подписан мирный договор между Россией и Турцией. Он стал крупным успехом и одновременно кульминацией дипломатической карьеры Игнатьева. Турецкая сторона приняла большую часть предложенных им условий. Помимо вышеупомянутых, они включали проведение реформ в христианских провинциях Турции, предусмотренных Константинопольской конференцией послов, выплату контрибуции, часть которой Турция обязывалась погасить путем передачи России крепостей Карс, Ардаган, Баязет и Батум на Кавказе, а также возвращение России Добруджи, которую она обменивала на Южную Бессарабию, отторгнутую в 1856 г.

Несмотря на этот успех, торжествовать победу было преждевременно. Сан-Стефанский договор вызвал возмущенную реакцию на Западе. Австро-Венгрия протестовала против создания Большой Болгарии, что, по ее мнению, противоречило Рейхштадтскому соглашению об отказе от создания крупного славянского государства на Балканах. Вена также была против автономии Боснии и Герцеговины, которых сама собиралась оккупировать. Не менее бурным было недовольство Лондона, угрожавшего России войной и державшего свой флот неподалеку от входа в Дарданеллы. При этом как Лондон, так и Вена доказывали, что русско-турецкий договор затрагивает европейские интересы, а следовательно, должен быть пересмотрен на специальном конгрессе держав.

России, которая была не в состоянии вести войну с европейскими государствами, не оставалось другого выхода, кроме признания

предварительного характера Сан-Стефанского договора и согласия на проведение конгресса. Русская дипломатия прибегла к старому методу — перед началом конгресса попытаться договориться с главным противником — Англией. Между послом России в Лондоне П. А. Шуваловым и главой Форин Офис Р. Солсбери было достигнуто соглашение о разделе Болгарии в обмен на признание за Россией права на присоединение Южной Бессарабии, Карса и Батума.

Берлинский конгресс проходил с июня по июль 1878 г. под председательством О. Бисмарка. Россия была представлена А. М. Горчаковым, П. А. Шуваловым и П. П. Убри. Однако 80-летний канцлер болел и часто пропускал заседания, а Убри не играл самостоятельной роли. Основная часть работы легла на плечи Шувалова, который вспоминал о Берлинском конгрессе как о самой тяжелой странице в его дипломатической карьере.

Подписанный в результате напряженных переговоров Берлинский трактат зафиксировал договоренность о разделе Болгарии на две части, одна из которых становилась самостоятельным княжеством, обязанным Турции только ежегодной уплатой дани, а другая — так называемая Восточная Румелия — оставалась владением султана под управлением губернатора, назначаемого тем же султаном, но с согласия великих держав. Австро-Венгрия получала право на временную оккупацию Боснии и Герцеговины. Румыния, Сербия и Черногория обретали независимость, причем последние две — с некоторым приращением своей территории. Берлинский трактат оставлял неизменным режим Черноморских проливов, как он был определен Лондонской конвенцией 1871 г.

Берлинский трактат имел историческое значение как важный этап на пути освобождения балканских народов от османского ига. Россия укрепила свои позиции на Балканах и получила ряд территориальных приращений. Однако вынужденный пересмотр Сан-Стефанского договора оставил горькую память о Берлинском конгрессе в истории русской дипломатии. Россия вновь осталась один на один с коалицией европейских держав. Полностью несостоятельной оказалась ставка на Союз трех императоров. Изоляция, в которую была поставлена Россия на конгрессе, во многом была мстью Бисмарка за российскую поддержку Франции во время «военной тревоги» 1875 г.

Однако наиболее болезненной была реакция на итоги конгресса в самой России. Действия царской дипломатии подверглись уничтожающей критике общественных кругов. Не зная истинной

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

подоплеку и деталей Берлинских переговоров, они решили, что именно дипломаты «все испортили», лишив страну плодов ее военной победы. В действительности же проблемой для России было не качество дипломатии, а невозможность противостоять объединенному фронту европейских держав из-за хронического отставания и недостатка экономических и военных ресурсов. Ключевые положения внешнеполитической доктрины Горчакова спустя 20 лет после ее обнародования оставались актуальными как никогда.

Контрольные вопросы

1. В чем принципы дипломатии А. М. Горчакова?
2. Что составляло основу действий российской дипломатии на восточном направлении?
3. Каковы причины и последствия Русско-турецкой войны 1878—1879 гг.?

Рекомендуемая литература

Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834—1867. М., 1990.

Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998.

Лопатников В. А. Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. М., 2003.

Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856—1907: Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

Глава 14

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

Дипломатическая служба России перед лицом новых вызовов

Победа в войне с Турцией далась России дорогой ценой. Ее финансовые и экономические ресурсы были на грани истощения. Дипломатическое поражение на Берлинском конгрессе 1878 г. подорвало престиж правительства и МИД в глазах общественных кругов. В стране нарастал политический кризис, достигший кульминации 1 марта 1881 г., когда от рук террористов пал император Александр II.

Новый император Александр III не отличался высокой образованностью и выдающимися природными способностями. Однако это был человек сильной воли и решительного, прямого характера, обладавший ясным, хотя и несколько упрощенным видением нужд и интересов России. Он был сторонником «национальной» политики, понимая ее как деятельность, направленную исключительно на пользу стране. Никакой другой политики, подчеркивал он, как «чисто русской, национальной, быть не может и не должно».

Царь высоко ценил и стремился укреплять международный статус России как великой державы. В то же время он отдавал себе отчет в том, что стране необходима длительная мирная передышка,

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

а значит — осмотрительная внешняя политика, чуждая авантюрам и отвечающая интересам внутреннего развития. В циркулярном сообщении, адресованном русским дипломатическим представителям, говорилось, что «государь посвятит свои силы прежде всего внутренней деятельности» и что его внешняя политика будет «миролюбивой по существу», т.е. исключаяющей какие-либо завоевательные замыслы.

Именно осторожность была качеством, которое царь больше всего ценил в Н. К. Гирсе, назначенном в марте 1882 г. министром иностранных дел и остававшемся на этом посту до самого конца царствования Александра III.

Николай Карлович Гирс (1820–1895) являлся выпускником Александровского (Царскосельского) лицея. За его плечами была длительная дипломатическая карьера, в течение которой он последовательно занимал посты генерального консула в Египте, в Молдавии и Валахии, а затем посланника в Тегеране, Берне и Стокгольме.

С 1875 г. Н. К. Гирс был директором Азиатского департамента МИД и одновременно товарищем (заместителем) министра иностранных дел. В этот период из-за болезни А. М. Горчакова он все чаще становился участником совещаний с императором Александром II и выработки важнейших внешнеполитических решений, а с весны 1880 г., когда канцлер окончательно отошел от дел, стал фактическим главой внешнеполитического ведомства.

Н. К. Гирс не имел ни громкого титула, ни крупного состояния. К тому же он был шведом по национальности и лютеранином по вероисповеданию. Все это не укрепляло его положение в правительстве и при дворе. Поэтому в отличие от Горчакова, любившего «блистать» и находиться в центре внимания, Н. К. Гирс довольствовался тем, что был в тени властной личности Александра III, говорившего, что он «сам себе министр иностранных дел». Единственным досто-

янием Гирса были его высокие профессиональные качества. Этим он завоевал доверие императора, которого не раз удерживал от поспешных решений и старался, как мог, ограждать от влияния авантюристически настроенных политических и общественных деятелей. Как считал его ближайший сотрудник В. Н. Ламздорф, именно благодаря Гирсу император Александр III вошел в историю России, увенчанный лаврами «миротворца».

Гирс был единомышленником Горчакова в том, что касается задач русской внешней политики, но несколько иначе смотрел на пути их решения. В противоположность Горчакову, который до конца жизни лелеял надежду на союз с Францией, Гирс считал сближение с ней преждевременным и выступал за сохранение союза с Германией и Австро-Венгрией. Однако, по иронии истории, именно Гирсу было суждено стать одним из создателей русско-французского военно-политического союза.

При новом министре организация русской дипломатической службы не претерпела существенных изменений, но действовать ей пришлось в более сложных условиях, чем при его предшественнике. Конец XIX в. был отмечен глубокими изменениями в структуре международных отношений. «Евроцентрическая» система превращалась в глобальную в связи с колониальной экспансией европейских держав и включением в мировую политику неевропейских государств, в первую очередь США и Японии. В самой Европе в результате образования мощной Германской империи создавалась новая расстановка сил, обострялись противоречия между великими державами. Внешняя политика испытывала на себе растущее влияние торгово-экономических интересов, а общественное мнение все более властно вторгалось в заповедный мир «тайной дипломатии».

Дипломатам приходилось осваивать новые формы и приемы развития международных связей в экономической, культурной и гуманитарной областях, а также специфику работы в странах Востока, где присутствие России постоянно росло. К концу XIX столетия количество представительств за рубежом увеличилось почти в полтора раза. В 1897 г. Россия имела 147 представительств, из них 78 в европейских государствах и 69 в восточных с составом 376 чиновников. К 1912 г. число штатных представительств возросло до 175, включая 140 консульских учреждений.

Вместе с тем процесс перемен шел медленно, и в целом облик русской дипломатической службы во многом оставался таким же, каким он был в середине и даже в начале XIX в.

Министерство иностранных дел было весьма закрытым ведомством по отношению как к обществу, так и к остальной части государственного аппарата. Это объяснялось особым положением дипломатической службы, деятельность которой находилась под личным контролем императора.

МИД был одним из самых малочисленных ведомств России. В 1897 г. доля его сотрудников среди российского чиновничества не превышала 0,5%. В 1889 г. на действительной службе в МИД и за границей находилось менее 500 человек, а к 1917 г. эта цифра увеличилась лишь до 636 человек, в том числе 231 в Петрограде и 405 за границей.

Малочисленность и сугубо индивидуальный отбор дипломатических кадров способствовали превращению МИД в кастовое учреждение с относительно однородным составом служащих, крепко спаянных родственными узами и корпоративной солидарностью. По свидетельству современника, МИД напоминал «одно большое посольство», состоящее из людей одного и того же круга. Распространенным явлением была передача дипломатической профессии по наследству от отца к сыну. Существовали целые «династии» дипломатов, сменявших друг друга на различных постах в МИД в течение одного, а порой нескольких столетий.

Вместе с тем социальный состав дипломатической службы постепенно менялся. В первой половине XIX в. она формировалась почти исключительно из представителей аристократии. Однако в пореформенный период дипломатическая профессия утратила в глазах титулованной знати престиж, которым она пользовалась в эпоху Венского конгресса. Это объяснялось среди прочего низким жалованьем служащих МИД, медленным продвижением по службе и увеличением числа представительств в отдаленных странах с тяжелыми условиями жизни. В итоге если в середине XIX в. дипслужба на четыре пятых состояла из дворян, то в начале следующего — только на две трети. После революции 1905 г. «демократизация» внешнеполитического ведомства ускорилась, поскольку главным критерием приема на службу стало не социальное происхождение, а уровень образования. Тем не менее основной костяк сотрудников МИД по-прежнему составляли представители «служилого» дворянства, т.е. выходцы из семей служащих, причисленных к этому сословию за достижение определенных чинов.

Благодаря тщательному отбору кадров МИД был самым культурным государственным ведомством России. Процент лиц с выс-

шим образованием был в нем намного выше, чем в любом другом гражданском учреждении. В разные годы на службе в МИД состояли такие выдающиеся деятели русской культуры, как А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, К. Н. Леонтьев и др. Но это лишь самые известные имена; в действительности творческих людей было гораздо больше. В 1897 г. в МИД был составлен перечень литературных и научных трудов, опубликованных дипломатами за период с 1883 по 1894 г. Он насчитывал около 300 наименований и включал стихи, прозу, сочинения по истории, географии, этнографии, экономике, праву, богословию, а также справочники, словари, путевые заметки и т.д. Эти произведения принадлежали перу 74 авторов, т.е. 15% личного состава всей дипломатической службы.

К сильным сторонам русской дипломатической службы следует также отнести высокий уровень знания иностранных языков, особенно французского, который был в ту пору основным языком дипломатии. На нем велась не только международная, но и внутренняя переписка между Петербургом и дипломатическими представительствами за рубежом. Лишь в 1887 г. император Александр III приказал, чтобы впредь такая переписка велась только на русском языке.

Дипломатическая служба — это прежде всего люди. «Человеческий фактор» играет в ней огромную роль. Попытаемся проследить, как складывалась типичная карьера русского дипломата в конце XIX — начале XX в.

Для поступления на службу следовало обратиться с прошением на Высочайшее имя, сдать вступительный экзамен и принести присягу на верность императору. Наряду с этими формальностями немалое значение имела рекомендация какого-либо известного лица, которая носила характер не столько протекции, сколько ручательства за то, что кандидат происходит из «хорошей семьи» и заслуживает доверия. После этого новоиспеченный чиновник МИД представлялся руководителям ведомства и приступал к работе в одном из его подразделений.

Дипломаты, оставившие свои воспоминания о первых годах службы в МИД в конце XIX — начале XX в., почти в один голос отмечали, что условия работы для начинающих чиновников были не слишком благоприятными. Согласно одному из таких свидетельств, «никто не обращал на них внимания; их отправляли в малозначительный департамент, где они исполняли обязанности

мелких клерков». В то время эти обязанности сводились в основном к переписыванию бумаг, а также к шифровке и расшифровке дипломатических депеш и циркуляров. Писать приходилось от руки, так как пишущие машинки появились лишь в последние годы XIX в. Поэтому обладание красивым почерком считалось одним из ценных достоинств молодого дипломата и могло помочь успешному началу карьеры.

Проработав в министерстве не меньше двух лет, желающие могли сдать дипломатический экзамен и претендовать на должность в Канцелярии министра или в одном из посольств, миссий или консульств за рубежом. Большинство молодых чиновников стремилось как можно скорее попасть в заграничное учреждение, где работа лучше оплачивалась и открывала более широкие возможности для профессионального роста. При этом в европейские страны предпочитали направлять выходцев из аристократии, особенно титулованной; лица более скромного происхождения имели больше шансов отправиться в страны Востока или на консульскую службу.

Начальный период службы от поступления в МИД до получения первого самостоятельного поста в Петербурге или за рубежом обычно занимал 25–30 лет. Случаи более быстрого продвижения по служебной лестнице были довольно редкими. Венцом успешной карьеры считался пост посланника. Что касается должности посла, которая была привилегией великих держав, то для подавляющего большинства чиновников она была почти недостижимой. Как говорил один из послов, «это жезл маршала, и никто на него не может в нормальном порядке претендовать». Жалованье посла втрое превышало жалованье министра иностранных дел.

За границей, как и в МИД, начинающих дипломатов ждали рутинные обязанности, которые ныне исполняет административно-технический персонал: шифровка и расшифровка телеграмм, ведение делопроизводства, канцелярская переписка. В то же время они постепенно приобщались к собственно дипломатической работе, устанавливая полезные связи в общественных кругах страны пребывания.

В европейских странах эта работа все еще несла на себе отпечаток монархических традиций эпохи абсолютизма. Образчиком «придворной» дипломатии была, например, российская миссия в Дании, которая пользовалась особым вниманием в связи с дат-

ским происхождением жены Александра III императрицы Марии Федоровны. Служба в Копенгагене давала возможность обзавестись связями в придворных кругах и сделать успешную карьеру. Главы этой миссии дважды (М. Н. Муравьев и А. П. Извольский) становились министрами иностранных дел. Посол в Париже барон А. П. Моренгейм любил рассказывать, как в самом начале службы ему было поручено отвезти в Копенгаген подарки наследника-цесаревича, будущего императора Александра III его невесте, принцессе Дагмаре. Благополучно выполнив поручение, он должен был отвезти в Петербург ответный презент: щенка и медовый пирог, которые символизировали преданность и нежность принцессы к будущему супругу. В поезде молодой дипломат задремал и не заметил, как один подарок был съеден другим. В Петербург он прибыл в полной уверенности, что его карьера на этом закончилась. Однако трогательная история запомнилась августейшей чете и, вероятно, помогла Моренгейму достичь вершин дипломатической карьеры.

Придворные нравы порождали довольно распространенный в XIX в. тип «салонного» дипломата с присущим ему снобизмом, погоней за знакомствами в великосветских кругах и пренебрежением к кабинетной аналитической работе. К концу столетия этот тип постепенно уходил в прошлое, но при этом не теряли значения лучшие качества дипломатов той эпохи — умение располагать к себе людей, быть приятным собеседником, обладать изысканными манерами. Без этих качеств невозможно было поддерживать престиж и «обаяние русского имени», добывать полезную информацию и влиять на политику данного государства в интересах России. Как отмечал видный дипломат того времени А. И. Нелидов, «выдвигаются вперед и оказывают наибольшие услуги своему Отечеству лица, хорошо образованные, всесторонне развитые и способные иметь положение в том, что называется порядочным обществом. Они легче составляют себе связи, внушают доверие и уважение, знакомятся со взглядами и намерениями иностранной политической среды и поэтому правильнее могут о них судить и находить средства на них воздействовать».

Дополнительные требования предъявлялись к тем, кто проходил дипломатическую и консульскую службу в странах Востока. Здесь, помимо знания редких языков, поощрялось знакомство с культурой и обычаями страны пребывания. Учитывая трудные условия жизни

в странах Востока, руководство МИД стремилось создать для служивших там дипломатов дополнительные стимулы: продвижение по службе шло в этих странах быстрее, чем на Западе.

Каждый, кто попадал на русскую дипломатическую службу, сталкивался не только с ее приятными, но и отрицательными сторонами. По общему признанию современников, она страдала от бюрократической рутины, отсутствия четких правил прохождения службы и некомпетентного вмешательства в кадровую политику со стороны придворных кругов. Практически не существовало системы ротации дипломатических кадров между МИД и его заграничными учреждениями. Вместе с тем показательно, что сами дипломаты первыми указывали на эти недостатки и именно они разработали программу реформ дипломатической службы, которая с запозданием, но все же была осуществлена накануне Первой мировой войны.

Русская дипломатия и политика альянсов в Европе

После Берлинского конгресса, на котором, по словам императора Александра II, выступала «европейская коалиция против России, руководимая Бисмарком», приоритетной задачей русской дипломатии был прорыв международной изоляции. Только при наличии союзников среди великих держав Россия могла добиваться своих целей в Европе и на Ближнем Востоке.

Международная обстановка конца 70-х годов оставляла России весьма ограниченный выбор. Англия и Австро-Венгрия оставались ее противниками. Особенно острым было англо-русское соперничество, которое одновременно разворачивалось на Ближнем Востоке, Балканах, в Афганистане и Китае, а в Средней Азии едва не вылилось в вооруженный конфликт между двумя империями. Франция была нужна России прежде всего как противовес германской гегемонии в Европе. Но в Петербурге не хотели заходить слишком далеко в отношениях с Францией, где реваншистские, националистические круги могли втянуть Россию против ее воли в конфликт с Германией.

Оставалась Германская империя, союз с которой при всей неоднозначности политики Бисмарка сулил России немалые выгоды. Он обеспечивал безопасность ее западной границы, укреплял по-

зиции в противостоянии с Англией и мог оказывать сдерживающее влияние на Австро-Венгрию. Кроме того, Германия была одним из главных торговых партнеров России. В свою очередь германское правительство стремилось покрепче привязать к себе Россию, чтобы не допустить ее сближения с Францией. Бисмарк хорошо понимал гибельность для Германии войны на два фронта.

18 июня 1881 г. был подписан договор между Россией, Германией и Австро-Венгрией, возобновивший Союз трех императоров. Согласно его условиям, стороны взяли на себя обязательство соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с «четвертой великой державой». Все зависело, однако, от того, какая держава имелась в виду. В случае войны с Турцией обязательным условием нейтралитета должно было стать предварительное соглашение о конечных результатах войны, т.е. возможных территориальных и других приобретениях за счет Османской империи. В случае франко-германской войны Россия также обязалась соблюдать нейтралитет, но при условии, что Германия не будет нападающей стороной.

В договоре был подтвержден принцип закрытия проливов Босфора и Дарданелл, а также содержалось обязательство трех держав «следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в интересах какого бы то ни было правительства». Эта статья стала важным достижением русской дипломатии, поскольку была направлена против попыток Англии присвоить себе право вводить свой флот в проливы и Черное море по согласованию с турецким султаном.

Договор заключался на три года и в 1884 г. был продлен без существенных изменений.

Для России опора на Союз трех императоров была прежде всего инструментом ближневосточной и балканской политики. Русская дипломатия следовала здесь своим традиционным курсом поддержки Турции как «сторожа» Черноморских проливов и оказания дозированной помощи освободительному движению балканских народов. Поначалу этот курс был довольно успешным, хотя и не давал шансов на окончательное решение Восточного вопроса в пользу России. Не имея для этого достаточных сил, в Петербурге предпочитали отложить его до лучших времен.

Русской дипломатии удалось существенно улучшить отношения с Турцией, подписав с ней в 1879 г. мирный договор. В дальнейшем Порта, столкнувшись с агрессией Англии, неоднократно об-

ращалась к России с предложением заключить союзный договор. Однако в Петербурге не хотели брать на себя обязательств, которые могли бы вовлечь ее в войну с Англией. К тому же Порты не считала необходимым договариваться о закрытии проливов и облегчении участи славянского населения Турции.

В 1885 г. поддержка Союза трех императоров помогла России предотвратить масштабное столкновение с Англией из-за Афганистана. Возникла реальная угроза заключения англо-турецкого союза и прохода британского флота в Черное море для бомбардировки Одессы и Севастополя. На этот раз Бисмарк счел необходимым продемонстрировать действенность союза и решительно встал на сторону России. Организованный им совместный демарш Германии, Австро-Венгрии, Италии и Франции заставил англичан и турок отступить.

В то же время Союз трех императоров не мог устранить противоречия между Россией и Австро-Венгрией на Балканах. Вена продолжала целенаправленный курс на вытеснение России из региона. В этом соперничестве силы обеих империй были неравными. Экономические позиции России были здесь весьма слабыми, в то время как Австро-Венгрия наращивала свою торговую и экономическую экспансию. Вопреки ожиданиям Петербурга, правительства независимых балканских государств не проявляли «вечной благодарности» России за освобождение от турецкого ига. Скорее напротив — в Сербии, Румынии и Болгарии росло политическое влияние Австро-Венгрии в ущерб российскому. Особенно болезненный характер для России приобретало развитие обстановки в Болгарии.

Болгарский кризис 1885–1888 гг. После освобождения страны русскими войсками Россия имела там преобладающее влияние. Ситуация изменилась в мае 1885 г., когда немецкий принц Александр Баттенберг, ставший болгарским князем при поддержке России, произвел государственный переворот, приостановил действие конституции и установил самодержавное правление. В условиях консервативного сдвига в самой России Петербург не препятствовал этим действиям. Как оказалось, это было двойной ошибкой: Баттенберг не пользовался популярностью в Болгарии и не был другом России. Спohватившись, русская дипломатия начала интриговать против князя, вынудив его восстановить действие конституции. Это еще больше настроило его против России. Между ним и Александром III возникла глубокая личная вражда.

Русская дипломатия продолжала готовить свержение Баттенберга, но в сентябре 1885 г. в Восточной Румелии, остававшейся под властью турецкого султана, вспыхнуло народное восстание, которое, вопреки Берлинскому трактату 1878 г., провозгласило воссоединение обеих частей Болгарии под властью Баттенберга. Это событие вызвало резкую реакцию в европейских столицах. Возник международный кризис, который грозил вылиться в европейскую войну.

Россия заняла весьма необычную позицию, осудив восставших и потребовав восстановления статус-кво. В Петербурге опасались, что Большая Болгария во главе с ненавистным Баттенбергом станет оплотом враждебных России сил на Балканах. Фактически Россия выступила против объединения Болгарии, т.е. против того, за что русские солдаты проливали кровь во время войны 1877 г., а русская дипломатия боролась в Сан-Стефано и Берлине и что было предусмотрено в договоре о создании Союза трех императоров. Получалось, что из-за личной неприязни царя к Баттенбергу Россия жертвовала своими коренными интересами на Балканах.

С целью выйти из неловкого положения был разработан план, согласно которому предполагалось прежде всего не допустить турецкой интервенции в Восточной Румелии, а затем повести дело к устранению Баттенберга и созданию нового правительства, что было бы условием признания Россией объединения Болгарии. Этот план лег в основу позиции России на созванном по ее инициативе в Константинополе совещании послов, а затем международной конференции по болгарскому вопросу. Они проходили на фоне обострения противоречий между европейскими державами. Англия выступала за объединение Болгарии, видя в этом средство ослабления влияния России. Австро-Венгрия пыталась сохранить видимость союзнических отношений с Россией, но вела закулисные переговоры с Лондоном. Германия, демонстрируя свою поддержку России и даже побуждая ее к более решительным действиям, в действительности преследовала цель вовлечь ее в войну с Англией. Союз трех императоров начинал давать одну трещину за другой.

Положение резко осложнилось осенью 1885 г., когда Сербия, выступавшая против создания Большой Болгарии, объявила ей войну. Неожиданно для всех болгарские войска нанесли Сербии ряд тяжелых поражений. На это последовало вмешательство Австро-Венгрии, выступившей в защиту Сербии и пригрозившей ввести войска на ее территорию. Это в свою очередь вызвало резкую ре-

акцию Петербурга и новое обострение русско-австрийских отношений.

Военная победа болгар спутала карты европейской дипломатии. Хотя по настоянию России Константинопольская конференция приняла резолюцию о восстановлении статус-кво в Болгарии, реализовать ее было уже невозможно. Петербургу вновь пришлось пересматривать свою тактику. Теперь он рассчитывал решить проблему путем проведения болгаро-турецких переговоров. Они начались в декабре 1885 г. и привели к выработке двустороннего договора, согласно которому Восточная Румелия формально оставалась частью Османской империи, но ее управление передавалось болгарскому князю. В апреле 1886 г. договор был одобрен шестью державами. На его основе представителями держав и Турции был подписан акт о международном признании объединения Болгарии.

Однако на этом болгарский кризис не закончился. В августе 1886 г. в результате военного переворота Баттенберг был низложен. Правда, спустя несколько дней сторонники князя произвели новый переворот и вернули его на престол. Но удержаться у власти без признания России он уже не мог, а царь отказался его поддерживать. Баттенберг окончательно покинул Болгарию, но и Россия своего не добилась. К власти в Софии пришло проавстрийское правительство Стамболова. Н. К. Гирс советовал наладить с ним отношения, но Александр III решил действовать методами жесткого давления. С этой целью в Софию была направлена специальная миссия во главе с генералом Каульбарсом. Однако ее вмешательство в болгарские дела вызвало противоположный эффект. Дело кончилось отъездом Каульбарса и разрывом дипломатических отношений между Россией и Болгарией. Развернувшаяся затем борьба за возведение на болгарский престол ставленника России также не дала результатов.

Болгарский кризис, окончившийся серьезной неудачей для России, имел долгосрочные последствия для ее внешней политики. Позиции России на Балканах были существенно ослаблены. Потерпел крах Союз трех императоров. Россия вновь была поставлена перед выбором союзника.

«Договор перестраховки». В 80-е годы XIX в. в континентальной Европе усилиями Бисмарка сложилась система из трех различных альянсов, в каждом из которых центральная роль принадлежала Германии. Ни один из этих альянсов не отвечал интересам России.

Австро-германский союз, который был создан в 1879 г. и с тех пор продолжал укрепляться, делал Германию косвенным соучастником антироссийской политики Вены. Тройственный союз (он же «лига мира») в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии также имел антироссийскую направленность. Наконец, Союз трех императоров исчерпал себя из-за непримиримых русско-австрийских противоречий на Балканах. Несмотря на это, тесные отношения с Германией по-прежнему рассматривались в МИД России как «база политической системы, направленной на сохранение европейского мира и защиту от революционных и политических опасностей».

В трудной для России обстановке, вызванной болгарским кризисом, русская дипломатия начала в конце 1886 г. обдумывать вариант замены Союза трех императоров двусторонним соглашением только с Германией.

18 июня 1887 г. в Берлине был подписан русско-германский договор, вошедший в историю дипломатии как «договор перестраховки». Опираясь на союз с Австро-Венгрией и Италией, направленный против России и Франции, Бисмарк решил «перестраховаться» путем заключения соглашения с Россией и тем самым предотвратить ее сближение с Францией. Однако достичь своей цели Бисмарку удалось лишь отчасти. Россия гарантировала Германии свой нейтралитет лишь на случай агрессии против нее со стороны Франции.

Для Петербурга смысл договора заключался в том, что Германия признала «исторически приобретенные права России на Балканском полуострове». Обе стороны обязались не допускать в этом районе территориальных изменений без предварительной договоренности между собой и противодействовать любой попытке нарушить там статус-кво. Они также подтвердили принцип закрытия Босфора и Дарданелл для военных судов всех наций. К договору был приложен секретный протокол, согласно которому Германия обязалась оказывать моральную и дипломатическую поддержку России, если та оказалась бы вынужденной «принять на себя защиту входа в Черное море» в целях ограждения своих интересов. Она также обещала ни в коем случае не давать согласия на реставрацию на болгарском троне принца Баттенбергского. Этот протокол Бисмарк предлагал «спрятать под двойное дно», т.е. хранить в особой тайне.

На пути к русско-французскому союзу. «Перестраховочный» договор не мог устранить противоречий в русско-германских от-

ношениях, которые, несмотря на его заключение, продолжали ухудшаться. Уже в июне 1887 г. возник конфликт из-за избрания болгарским князем Фердинанда Кобургского, нежелательного для России, но поддержанного Австро-Венгрией. Бисмарк, как обычно, вел двойную игру, на словах заверяя Петербург в своей поддержке, а на деле подыгрывая Вене. Обострялись газетная полемика и экономические разногласия между Россией и Германией. Особое беспокойство в Петербурге вызывало наращивание германского политического и военного присутствия в Османской империи. Состоявшийся в 1887 г. визит Александра III в Берлин несколько разрядил напряженность, но существенного улучшения двусторонних отношений не произошло.

Несмотря на это, Н. К. Гирс продолжал придерживаться традиционной прогерманской ориентации и тормозить сближение с Францией, считая его преждевременным. Министр доказывал, что даже видимость того, что Россия ищет дружбы с Францией, «скорее ослабит, чем укрепит наши позиции». Гирса по-прежнему беспокоили слабость и нестабильность Третьей республики. Русские дипломаты в шутку сравнивали дружбу с Францией с мышьяком: «В умеренной дозе она полезна, а при малейшем преувеличении становится ядом».

Между тем процесс русско-французского сближения носил объективный характер. Обе страны стремились преодолеть изоляцию и нуждались в союзниках. Однако в Европе им было не на кого опереться в силу противоречий с Англией, Германией и Австро-Венгрией. Они являлись друг для друга по существу единственными державами, между которыми не было противоречий и конфликтов. Со времен Франко-прусской войны Россия не раз приходила на помощь Франции, предотвращая дипломатическими средствами новую германскую агрессию. Так было и в 1887 г., когда Александр III отказался включить в проект договора с Германией положение о нейтралитете России в случае **любого** франко-германского конфликта и тем самым в очередной раз помешал Бисмарку напасть на Францию. Важно отметить, что эти события разворачивались в условиях, когда Франция превращалась в главного финансового кредитора России.

Тем временем антирусские настроения в Берлине продолжали усиливаться, что стало особенно заметным после вступления на престол в 1888 г. императора Вильгельма II. В 1890 г. подошло время продления русско-германского договора, заключенного на трех-

летний срок. Почти одновременно с началом переговоров по этому вопросу произошла отставка Бисмарка. Новое германское правительство в главе с канцлером Каприви отказалось от возобновления договора, который мешал его планам сближения с Англией и укрепления союза с Австро-Венгрией. Но еще более тревожными для Петербурга обстоятельствами стали досрочное продление договора о Тройственном союзе Австро-Венгрии, Германии и Италии, а главное — распространившиеся слухи о возможности присоединения к нему Англии.

Перед Россией вновь замаячил призрак мощной антирусской коалиции держав. Теперь уже сам Гирс проявил инициативу и поставил перед послом Франции Лабуле вопрос о мерах по активизации русско-французского сотрудничества.

Первый этап. Консультативный пакт. Французское правительство не замедлило откликнуться на это предложение и в июле 1890 г. представило свой проект соглашения с Россией. Основное содержание этого проекта заключалось в обязательстве взаимных консультаций в случае возникновения угрозы миру. Однако в ходе обсуждения текста в позициях сторон выявились определенные различия. Французская дипломатия стремилась сфокусировать соглашение главным образом на совместных действиях на случай агрессии со стороны Германии. В свою очередь российская сторона была заинтересована в том, чтобы придать ему более широкий характер и обеспечить взаимодействие с Францией везде, где может возникнуть угроза интересам обеих стран. При этом Россию интересовала прежде всего возможность опереться на поддержку Франции на случай столкновения с Англией. Не менее важным для нее было закрепление в соглашении принципа, согласно которому Россия может прийти на помощь Франции только в том случае, если она станет жертвой агрессии.

В целях обеспечения секретности соглашения стороны договорились, что Гирс изложит его в письме на имя российского посла в Париже Моренгейма, которое тот передаст министру иностранных дел Франции Рибо, а последний сообщит о своем согласии в ответном письме Моренгейму для передачи Гирсу. В августе 1891 г. эта комбинация была реализована.

Несмотря на строгую секретность, сближение между Россией и Францией не было тайной для Европы. Почти одновременно с переговорами состоялся визит французской эскадры в Крон-

штадт. Вид русского самодержца, который с непокрытой головой выслушал революционный гимн Франции «Марсельезу», говорил о многом.

Второй этап. Военная конвенция. Правительство Франции с самого начала считало Консультативный пакт недостаточным и рассчитывала подкрепить его документом, который содержал бы конкретные обязательства военного характера. Гирс, напротив, был убежден, что заключенное соглашение «вполне ограждает Россию от опасности оказаться изолированной в случае войны». Царь же постепенно склонялся к заключению военной конвенции. 17 августа 1892 г. она была подписана представителями русского и французского Генеральных штабов. Обе стороны обязывались оказать друг другу военную помощь в случае нападения Германии. Одна из статей предусматривала, что военные силы должны быть введены в дело таким образом, чтобы Германии пришлось сражаться на два фронта.

Осенью 1893 г. состоялся ответный визит русской военно-морской эскадры в Тулон. Он вызвал мощный прилив взаимных дружественных чувств в обеих странах. В декабре того же года состоялся обмен письмами между французским послом в Петербурге и министром иностранных дел России о ратификации военной конвенции. Подписывая письмо, Гирс, по рассказам очевидцев, «взяв перо, перекрестился и, подняв глаза, на несколько секунд замолк. Монтебелло посмотрел на него с удивлением, и Гирс сказал: «Я просил Бога остановить мою руку, если, вопреки всему тому, что я предвижу, вопреки очевидности для моего разума, этот союз должен стать гибельным для России»». Министр с присущей ему проницательностью, вероятно, предчувствовал, какие огромные последствия может иметь русско-французский союз для России и международных отношений в Европе.

Русская дипломатия в первые годы царствования Николая II

Преждевременная кончина императора Александра III в октябре 1894 г. застала наследника престола 26-летнего Николая, как он сам признавал, совершенно не подготовленным к самодержавному управлению огромной империей. По своему характеру он был во

многом противоположностью отца. Историки до сих пор пытаются разгадать сотканную из противоречий личность Николая II, оказавшегося на российском престоле в эпоху великих потрясений в стране и мире. Один из видных чиновников МИД того времени барон М. А. Таубе писал о нем так: «Человек честный и благородный в самом широком значении этих слов, к тому же глубоко верующий и трогательно влюбленный в свой русский народ, это был человек с политически неясной, всегда двоящейся мыслью и слабой волей, неизменно капитулируя перед всякой более сильной волей и всяким на него решительным наскоком, но... неоднократно затем пытаюсь вернуть уступленное каким-либо другим путем».

Начало царствования нового императора не предвещало осложнений во внешней политике. В Европе царило относительное затишье, а международные позиции и авторитет России казались прочными как никогда. Молодой царь, боготворивший своего отца, стремился во всем следовать его заветам. В манифесте по случаю вступления Николая II на престол подчеркивались преемственность внешней политики России, намерение царя, как и прежде, проводить миролюбивую политику, посвятить все усилия развитию внутреннего благосостояния России, уважать право и законный порядок в отношениях между государствами.

После смерти Н. К. Гирса весной 1895 г. министром иностранных дел стал князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Это был весьма удачный выбор. Князь, обладая огромным государственным и дипломатическим опытом, сумел за короткий срок сохранить и преумножить внешнеполитические достижения предыдущего царствования.

Вступая на пост министра, Лобанов ничего не знал о существовании русско-французского союза. В этот секрет его посвятил Ламздорф. Князь энергично взялся за наполнение этого союза конкретным содержанием. Был создан механизм тесного взаимодействия с МИД Франции, включая согласование общих позиций по широкому кругу международных вопросов. При участии Лобанова был подготовлен и осуществлен в 1896 г. исторический визит Николая II во Францию, ставший яркой демонстрацией русско-французской дружбы и «товарищества по оружию».

Одновременно продолжалась линия на поддержание равновесия между русско-французским и Тройственным союзами, балансирование между Парижем и Берлином. Будучи реалистом и прагматиком, Лобанов прекрасно понимал истинный смысл

германской политики в отношении России. Делясь впечатлениями с Ламздорфом после встречи с кайзером, князь говорил: «Не правда ли, это любопытно: император Вильгельм предлагает нам Константинополь и все, что мы только хотим, чтобы оторвать нас от Франции?..» «Чтобы мы дали ему раздавить Францию, — ответил Ламздорф, — после чего он сможет полностью подчинить нас своему руководству». — «Как это было и прежде», — согласился Лобанов.

Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896) принадлежал к древнейшему дворянскому роду, ведущему начало от Рюриковичей. Окончил Александровский лицей. Отличался высокой образованностью и культурой. Много занимался изучением генеалогии русских дворянских родов, а также собиранием и публикацией исторических документов.

Поступив на службу в 1844 г., он сделал блестящую дипломатическую карьеру. В 35 лет занял высокий пост чрезвычайного посланника в Турции. В 1863–1867 гг. временно находился в отставке. Жил во Франции, выполняя некоторые неофициальные поручения русского правительства. В 1867–1878 гг. — товарищ министра внутренних дел. В 1878–1879 гг. — посол России в Турции, где ему удалось в короткий срок установить тесные связи с Портой и добиться подписания Константинопольского мирного договора 1879 г. В дальнейшем был послом в ключевых европейских столицах — Лондоне, Вене и Берлине.

Вместе с тем безопасность России требовала стабильных отношений с Германией и Австро-Венгрией. На это были направлены первые встречи нового царя с императорами Францем-Иосифом и Вильгельмом II, а в дальнейшем — заключение с Австро-Венгрией в 1897 г. соглашения о поддержании статус-кво на Балканах. При Лобанове были восстановлены дипломатические отношения России с Болгарией. Он успешно справился с кризисом 1895 г., свя-

занным с обострением обстановки в Турции, обеспечив его урегулирование дипломатическим путем.

Князь вынашивал различные проекты назревшей реформы дипломатической службы, но его внезапная кончина в августе 1896 г. не дала им осуществиться. Новым министром иностранных дел стал граф М. Н. Муравьев. Это назначение стало неожиданным для всех, так как имелось немало более авторитетных и опытных кандидатов на этот пост.

На посту министра Муравьев не отличался трудолюбием и по многим вопросам не имел собственного мнения. Вся текущая работа министерства легла на плечи В. Н. Ламздорфа. Он также готовил подробные «шпаргалки» к личным докладам Муравьева императору. Вместе с тем в период министерства Муравьева произошел ряд крупных событий, вошедших в историю русской дипломатии. Главным из них была состоявшаяся по инициативе России **Гаагская конференция мира 1899 г.**

Михаил Николаевич Муравьев (1845—1900) начал дипломатическую службу в 1864 г. В 1877—1878 гг. был советником посольства

России во Франции, в 1884—1893 гг. — в Германии, а в 1893—1896 гг. занимал пост посланника России в Дании. Именно он послужил для него трамплином для прыжка в министерское кресло. С. Ю. Витте писал, что «русские посланники в Копенгагене имели весьма узкое поприще для проявления своих дипломатических способностей, но имели и имеют очень обширное поприще для проявления своих способностей царедворцев».

Не выдерживая темпов развязанной Германией гонки вооружений, Россия выступила с предложением созвать международную конференцию с целью «обеспечить всем народам истинный и прочный мир и прежде всего положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений». Несмотря на прохладную реакцию европейских держав, особенно Германии, конференция состоялась в Гааге в мае—июле 1899 г. с участием

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

26 государств. Главой российской делегации стал многоопытный дипломат, посол в Лондоне Егор Егорович Стааль.

Нередседателем одной из комиссий на конференции был выдающийся русский юрист-международник и дипломат, автор фундаментальных трудов по международному праву **Федор Федорович Мартенс** (1845–1909). На протяжении многих лет он был профессором международного права Петербургского университета и членом Совета МИД. Участвовал в работе многочисленных международных конференций, состоял членом Гаагского арбитражного суда, избирался третейским судьей при разбирательстве ряда международных конфликтов.

Из-за сопротивления западных держав России не удалось добиться своей главной цели — договоренностей в области ограничения вооружений. Государства-участники ограничились соглашениями о запрещении лишь некоторых видов оружия (разрывные пули и газовые снаряды), а также декларацией о мирном урегулировании споров и конвенцией о законах и обычаях войны, призванных смягчить ее бедствия для народов. Германский император Вильгельм II начертил на докладе об итогах конференции: «Чтобы он (император Николай II. — *Ред.*) не оскандалился перед Европой, я соглашаюсь на эту глупость. Но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч».

Тем не менее, хотя российская инициатива во многом опередила свое время, итоги Гаагской конференции оставили положительный след в истории дипломатии, став важным шагом на пути гуманизации международных отношений и прогрессивного развития международного права.

В 1900 г. после кончины Муравьева министром иностранных дел России стал граф В. Н. Ламздорф.

Как дипломат Ламздорф был сформирован прежде всего многолетней совместной работой с Н. К. Гирсом. Вместе со своим ше-

фом он прошел все этапы эволюции внешней политики России от Союза трех императоров через «договор перестраховки» к русско-французскому союзу. Из этого опыта он вынес убеждение, что **«лучшая политика для России — это быть самостоятельной и не обязываться ни перед кем»**. Практически это означало поддержание равновесия в отношениях с ключевыми европейскими державами — Англией, Францией, Германией и Австро-Венгрией. Ламздорф был сторонником русско-французского союза, но полагал, что тот не должен ограничивать для России свободу рук на международной арене. Поэтому он не оставлял усилий для укрепления, насколько это было возможно, добрососедских отношений с Германией и Австро-Венгрией.

Владимир Николаевич Ламздорф (1844–1907) никогда не работал за границей и всю свою служебную карьеру провел в стенах МИД.

Поступив на службу в 1866 г., он последовательно прошел через ключевые посты секретаря А. М. Горчакова, старшего советника МИД, директора Канцелярии и товарища министра иностранных дел. За это время он приобрел огромный профессиональный опыт и стал, по словам дружески расположенного к нему С. Ю. Витте, «ходячим архивом министерства иностранных дел по всем секретным делам этого министерства».

Роковую роль в карьере В. Н. Ламздорфа сыграли дальневосточные дела. Обладая тонким умом и большим политическим чутьем, министр по мягкости характера и безграничной преданности императору не смог уберечь Николая II от ошибочных решений, приведших к катастрофе Русско-японской войны.

«Большая дальневосточная программа». В конце столетия значение Дальнего Востока для России неуклонно возрастало. Начинали сбываться предсказания великих русских ученых М. В. Ломоносова и Д. И. Менделеева о том, что центр хозяйственной деятельности России будет сдвигаться на Восток. Строительство Великой Сибирской железной дороги открыло широкие возможности освоения

природных ресурсов в Азии, переселения малоземельных крестьян из европейской части на восточные окраины, повышения русского влияния в Китае и Корее, утверждения России в качестве морской державы на берегах Тихого океана. Заботиться о своих интересах в этом регионе Россию также заставляла обостряющаяся борьба за сферы влияния между европейскими державами, Японией и США.

Император Николай II, совершивший в бытность наследником престола поездку на Дальний Восток, уделял этому региону большое личное внимание. Подобно своим великим предкам Петру I и Екатерине II, «ногою твердой» вставшим на берегах Балтийского и Черного морей, он считал превращение России в великую тихоокеанскую державу важнейшей внешнеполитической задачей своего царствования.

Поначалу дипломатическая, а также экономическая активность России на Дальнем Востоке, умело направляемая министром финансов С. Ю. Витте, приносила ощутимые результаты. Предпринятый по инициативе А. Б. Лобанова-Ростовского совместный демарш России, Германии и Франции заставил Японию пересмотреть условия **Симоносекского мирного договора** с Китаем (1895 г.) и, в частности, отказаться от Ляодунского полуострова. Это открыло путь к улучшению российско-китайских отношений. По условиям союзного договора с Китаем (1896 г.) Россия получила концессию на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) — конечного отрезка Транссибирской магистрали от Читы до Владивостока через Маньчжурию. Русская дипломатия также успешно действовала в Корее, добившись от Токио подтверждения ее независимости и признания там равных прав России и Японии.

Эти успехи, однако, объективно вели к обострению русско-японских противоречий и втягивали Россию в соперничество с другими европейскими державами из-за дележа территорий в Китае. В декабре 1897 г. Россия, следуя их примеру, захватила Порт-Артур, а затем вырвала у Китая согласие на аренду Квантунского полуострова, включая военно-морскую базу в Порт-Артуре и торговый порт Даляньвань (Дальний). Это вызвало большое возмущение Японии, которую еще недавно Россия заставила отказаться от тех же земель.

С этого момента политика России на Дальнем Востоке начала утрачивать последовательность. В правительстве и при дворе сформировались течения, толкавшие ее по существу в противоположные направления. Император был недоволен тем, что строитель-

ство крепости Порт-Артур и реализация других планов укрепления военного присутствия России в регионе шли, по его мнению, чересчур медленно. Пользуясь этим, придворная группировка во главе с отставным ротмистром, позже статс-секретарем А. М. Безобразовым строила амбициозные планы сначала по освоению лесных промыслов в Корее, а позже по аннексии Северной Маньчжурии. С. Ю. Витте, В. Н. Ламздорф и военный министр А. Н. Куропаткин считали подобные проекты опасной авантюрой и пытались противостоять «безобразовщине», но проигрывали ей в способности влиять на императора.

В 1900 г. во время «боксерского» восстания в Китае Россия приняла участие в военной интервенции европейских держав, полностью оккупировала Маньчжурию, а затем неоправданно долгое время не выводила оттуда свои войска, вызывая протесты со стороны Англии и Германии, а также недовольство Китая. В итоге русско-китайский союз фактически перестал существовать.

Несмотря на глухую враждебность Японии к России после дипломатического поражения, связанного с пересмотром Симоносекского договора, в Токио еще надеялись уладить противоречия с Россией мирным путем. Осенью 1901 г. в Петербург приехал влиятельный сторонник добрососедства с Россией маркиз Ито. Он привез предложение признать русское преобладание в Маньчжурии в обмен на свободу действий Японии в Корее. Но император под влиянием «безобразовцев» отклонил это предложение. Провал миссии Ито подтолкнул Японию к заключению в январе 1902 г. союзного договора с Англией, направленного против России. Это был зловещий сигнал для Петербурга. Хотя европейские «тылы» России были достаточно надежно обеспечены, на Дальнем Востоке она не имела союзников. Франция, занятая сближением с Англией, была не в состоянии ей помочь. Германия подталкивала японцев к конфликту с Россией, обещая им благожелательный нейтралитет, одновременно поощряя царя на дальневосточные авантюры. Целью Берлина было вытеснение России из Европы и ослабление русско-французского союза.

Россия надеялась на мирное урегулирование противоречий с Японией, предлагая «размен» сфер влияния на Дальнем Востоке. Она была готова с некоторыми оговорками признать японский протекторат над Кореей, но отклоняла претензии японцев на присутствие в Маньчжурии, считая ее зоной исключительно русских и китайских интересов. Тем не менее Япония настаивала на своем.

С приходом к власти в 1901 г. милитаристского правительства Кацуры и заключением союза с Англией Япония начала склоняться к достижению своих целей военным путем. Неразбериха в Петербурге, вызванная роковым решением царя учредить наместничество на Дальнем Востоке с передачей ему всех полномочий, касающихся этого района, включая дипломатические (по существу это означало отстранение МИД от дальневосточных дел), способствовала тому, что переговоры с Японией зашли в тупик. 27 января 1904 г. японская эскадра внезапно атаковала Порт-Артур.

Русско-японская война и Портсмутский мир

Император Николай II не хотел войны, но серия внешнеполитических и военных просчетов сделала свое дело. Главным из них была серьезная недооценка военного потенциала Японии. К моменту начала войны она обладала значительным превосходством в сухопутных и морских силах. Ее преимуществом была быстрота переброски войск и вооружений с Японских островов на континент, в то время как русская армия должна была преодолевать огромные расстояния по однокорейной Сибирской железной дороге с ограниченной пропускной способностью. Эти преимущества были полностью реализованы Японией в начальный период войны.

Николай II и его окружение, все еще питавшие иллюзию превосходства над Японией, поначалу не допускали и мысли о возможности поражения и твердо рассчитывали довести войну до победного конца. Строились планы полного разгрома Японии, вплоть до высадки русского десанта на Японских островах, окончательного изгнания японцев из Кореи и аннексии Маньчжурии. Лишь трезвомыслящие дипломаты в МИД отдавали себе отчет в том, что завышенные претензии могут привести к повторению ситуации 1878 г., когда плоды военной победы над Турцией были отобраны коалицией европейских держав, не желавших усиления России. В этих условиях основная забота русской дипломатии состояла в том, чтобы обеспечить их нейтралитет в Русско-японской войне. В основном это ей удалось, хотя Англия и США продолжали оказывать Японии финансовую поддержку.

Несмотря на поражения русских войск, император Николай II долгое время не хотел заключать мир без достижения хоть какого-

то успеха на полях сражений. Теоретически у России была возможность измотать Японию в затяжной позиционной войне и добиться победы. Однако сдача Порт-Артура после долгой осады, а затем тяжкое поражение русского флота в Цусимском сражении и начавшиеся революционные беспорядки в стране сделали очевидной необходимость скорейшего прекращения войны.

В мае 1905 г. сразу же после Цусимы посол России во Франции А. И. Нелидов сообщал в Петербург: «Не в силах описать то уничтожающее впечатление, которое произвело известие о разгроме нашего флота... Жажда восстановления мира становится теперь всеобщей не только во Франции, но и в других странах, где к нему стремятся по другим соображениям. Наиболее влиятельные морские государства — Англия и Америка, — хотя и высказывали доселе сочувствие Японии, начинают быть сильно обеспокоены неожиданными для всех ее успехами, так что и у них является горячее желание положить им предел. На этом основании они, по всей вероятности, были бы склонны произвести на Японию давление с целью доставить нам возможность заключить не слишком тяжелый для нашего достоинства мир, который не оставлял бы Японию единственной и полновластной распорядительницей на Тихом океане. Если же мы настойчиво будем желать продолжения войны, то те же течения, которые нам благоприятны, обратятся против нас».

Таким образом, международная обстановка оставляла России определенный простор для дипломатического маневра, позволяя добиваться мира на «благоприятных» условиях, лишь в минимальной степени затрагивающих честь России как великой державы. Николай II заведомо исключал возможность серьезных уступок, таких как передача японцам какой-либо части русской территории, уплата контрибуции или ограничение права иметь военно-морской флот на Тихом океане.

После неудачной попытки Франции выступить в роли посредника между Петербургом и Токио эту миссию по тайной договоренности с Японией взяли на себя Соединенные Штаты. Россия не без колебаний согласилась на посредничество президента США Теодора Рузвельта. Русско-японские мирные переговоры открылись в июле 1905 г. в городке Портсмут на Атлантическом побережье США. На пост первого уполномоченного вести переговоры от России царь неохотно назначил опального С. Ю. Витте. Главой японской делегации был министр иностранных дел барон Комура.

Витте не был профессиональным дипломатом, но обладал широким политическим кругозором и огромным опытом государственной деятельности самого высокого уровня. Его подход к переговорам с японцами несколько отличался от инструкций, данных ему в Петербурге. Царь занимал жесткую позицию («ни пяди земли, ни копейки контрибуции»), поскольку все еще рассчитывал на военную победу и психологически допускал срыв переговоров и возобновление военных действий. Витте же считал такой сценарий губительным для России и поэтому был готов пойти на более серьезные уступки. Однако не он определял позицию России. По принципиальным вопросам он должен был неукоснительно следовать указаниям из Петербурга.

В то же время в Портсмуте ярко проявился талант Витте как блестящего тактика и переговорщика. Еще во время переезда в Америку он сформулировал для себя основные правила поведения на переговорах: «1) Ничем не показывать, что мы желаем мира; вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т.е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства, совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке и американской прессе вообще, не относиться к ним враждебно».

В отличие от царя Витте не тешил себя надеждами, что военное счастье может улыбнуться России. Вместе с тем он учитывал, что силы Японии истощены и что мир нужен ей не меньше, чем России. Такая ситуация позволяла ему не выпрашивать мир, а вести переговоры на равных, во всяком случае — не в качестве побежденной стороны. Это стало главным пунктом сценария портсмутских переговоров, который Витте сумел навязать японцам. Как он сам отмечал в своих воспоминаниях, «я все время выражал свои суждения так, что однажды вызвал у Комуры восклицание: “Вы говорите постоянно так, как победитель!” На это я ему ответил: “Здесь нет победителей, а потому и побежденных”».

Находясь в Портсмуте, Витте пользовался любой возможностью, чтобы подчеркнуть свою открытость в отличие от замкнутых и нелюдимых японцев. С самого начала он выступил с беспрецедентным предложением о том, чтобы русско-японские переговоры проходили совершенно открыто для американской и мировой прессы. Разумеется, Витте знал, что японцы на это ни за что не согласятся, да и сам не рассчитывал работать в таких условиях. Однако эффект подобной инициативы был огромным. Выдающийся отечественный историк Е. В. Тарле, который в тот момент находился в Париже и внимательно следил за мировой прессой, запомнил «то колоссальное впечатление, которое произвело на весь мир это изумительное по своему широчайшему, неслыханному либерализму заявление главы русской делегации».

Другой блестящий тактический ход был применен Витте для дискредитации главного требования японцев об уплате контрибуции. С помощью искусных утечек в прессу ему удалось создать впечатление, что японцы готовы воевать и проливать кровь своих и чужих солдат исключительно из-за денег. В результате общественное мнение США, которое до начала переговоров было почти целиком на стороне Японии, начало постепенно склоняться в пользу России. Для президента Рузвельта это было сигналом о необходимости ни при каких обстоятельствах не допустить срыва переговоров.

Между тем переговоры проходили трудно, при непримиримых по существу позициях сторон. Начать было решено с обсуждения вопросов, не вызывающих принципиальных разногласий, а рассмотрение более трудных отложить до завершающего этапа переговоров. Так, сравнительно быстро удалось договориться по тем претензиям Японии, которые уже были обеспечены ею силой оружия: признание Россией преобладающего японского влияния в Корее, эвакуация войск воюющих сторон из Маньчжурии, уступка Японии аренды Ляодунского полуострова и Южно-Маньчжурской железной дороги. Впрочем, и по этим вопросам пришлось выдерживать жесткую дипломатическую борьбу, прежде чем японцы приняли ряд оговорок и соответствующие статьи мирного договора были облечены в пристойные для России формулировки.

Гораздо сложнее обстояло дело с японскими требованиями ограничить право России пользоваться Северной Маньчжурской магистралью и содержать флот на Тихом океане, передать Японии военные суда, находящиеся в нейтральных портах, не говоря уже об уступке Сахалина и уплате контрибуции. Они встретили реше-

тельный отказ российской стороны. После того как обсуждение этих вопросов зашло в тупик, японская сторона предприняла неожиданный маневр: она выразила готовность снять требования о военных судах и ограничении флота при условии, если Россия согласится на раздел Сахалина и заплатит за возвращение ей северной части острова 1,2 млрд иен.

Такая скрытая форма получения контрибуции была решительно отвергнута Петербургом. Судьба переговоров вновь повисла на волоске. Пришло время вмешаться президенту США. Рузвельт обратился к царю с призывом принять японские требования. После обмена несколькими посланиями Николай II объявил о готовности сделать последний шаг навстречу японцам: без уплаты контрибуции уступить им южную часть Сахалина, которая и так находилась в их руках и не могла быть отвоеванной, поскольку Россия лишилась флота на Тихом океане. Неожиданно для всех японское правительство дало согласие на эту уступку. 23 августа Портсмутский мирный договор был заключен.

Наряду с передачей Южного Сахалина Россия была вынуждена признать преобладающие интересы Японии в Корее, уступить ей аренду Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, уплатить за содержание в Японии русских военнопленных. Неблагоприятным для экономических интересов России было признание права японцев на рыболовство в ее тихоокеанских водах. Но в целом уступки, на которые была вынуждена пойти Россия, оказались меньшими, чем они могли бы быть, учитывая масштабы военных неудач русской армии и флота.

Японцы уезжали из Портсмута с тревогой и даже страхом за собственную жизнь. После обнародования мирного договора в Токио начались бурные протесты. Произошли массовые беспорядки, были убитые и раненые. Не было победных настроений и у русской делегации. Она покидала США с облегчением и чувством выполненного долга, но и с осознанием дорогой цены, которую пришлось заплатить за проигранную войну.

Война с Японией оказала отрезвляющее воздействие на русские правящие круги. Поражение умерило внешнеполитические амбиции императора, заставив его внимательнее прислушиваться к мнению компетентных советников и более трезво оценивать возможности страны. Прекращение войны позволило России сосредоточиться на решении назревших внутренних проблем и вернуться к активной европейской политике. После заключения мира

ГЛАВА 14

русская дипломатия предприняла усилия к нормализации отношений с Японией. Они увенчались подписанием ряда двусторонних соглашений, которые не только обезопасили восточные рубежи России, но и способствовали тому, что Первую мировую войну Япония встретила в качестве союзницы стран Антанты.

Тем не менее война существенно ослабила международные позиции России. Расчеты на военную неподготовленность и внутреннюю нестабильность в России впоследствии сыграли не последнюю роль в стратегических планах Германии накануне и во время Первой мировой войны.

Контрольные вопросы

1. В чем заключалась концепция дипломатии Александра III?
2. Как проходила реформа дипломатической службы в конце XIX в.?
3. Каковы причины создания русско-французского союза?
4. В чем причины и каковы последствия Русско-японской войны?

Рекомендуемая литература

- Виноградов В. Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683 – 1914. М., 2010.
- История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997.
- Косик В. И.* Русская политика в Болгарии 1879 – 1886 гг. М., 1991.
- Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1: 860 – 1917. М., 2002.

Глава 15

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ (1905–1917)

Новый этап внешней политики России

Изменены в системе государственного управления Российской империи, связанные с переходом к конституционной монархии, потребовали обновить механизм формирования внешней политики и призвать к ее руководству новых людей, более соответствующих духу времени. Таким руководителем стал А. П. Извольский, назначенный министром иностранных дел в мае 1906 г., почти одновременно с открытием первой сессии Государственной думы.

А. П. Извольский был человеком умеренно либеральных взглядов, которые, по его собственному свидетельству, были ему привиты в семье и лицее. На пост министра он вступил, будучи убежденным сторонником конституционной монархии, которую, в отличие от Николая II, считал не вынужденной уступкой, а необходимым условием для внутренней стабилизации России и укрепления ее международных позиций. В этом убеждении он не был одинок. Сразу

после назначения министром Извольский побывал в Париже, Лондоне и Риме, где обсуждал с императорскими послами внутриполитическое и международное положение России. Результатом этих бесед было полное единство взглядов на политическую программу, которую министр намеревался предложить императору. Речь шла о том, чтобы призвать царя пойти на уступки «разумным требованиям умеренной либеральной партии» и таким образом нейтрализовать влияние как правых, так и левых экстремистов.

Александр Петрович Извольский (1856—1919) вырос в семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду. Его отец занимал посты губернатора в Иркутске, а позже в Екатеринославе.

После окончания с первой золотой медалью Императорского Александровского лицея Извольский поступил на службу в Канцелярию МИД, продолжив ее на Балканах под началом князя А. Б. Лобанова-Ростовского, которого считал своим учителем. Работал затем в Болгарии, Румынии и США. Первый самостоятельный пост получил в 1894 г., став министром-резидентом в Ватикане. В дальнейшем занимал посты посланника в Белграде, Мюнхене, Токио, а в 1903—1906 гг. — в Копенгагене.

Свою ближайшую задачу Извольский видел в том, чтобы приспособить внешнеполитическое ведомство к новым условиям, возникшим в стране благодаря появлению Государственной думы. В своих мемуарах он отмечал, что во время докладов императору стремился привить ему «конституционный образ мыслей». При нем русская дипломатия впервые начала приобретать союзников в лице умеренных партий, представленных в Государственной думе, — октябристов и кадетов.

Извольский старался сделать работу МИД более открытой для общественного мнения. По его инициативе в министерстве впервые был создан Отдел печати, призванный на систематической основе сотрудничать с прессой и добиваться поддержки у влия-

тельных журналистов. Таким образом министр рассчитывал среди прочего ослабить газетную критику, которая на протяжении многих лет преследовала русскую дипломатию.

Начало реформ в МИД. С приходом А. П. Извольского на пост министра началась подготовка к давно назревшей модернизации дипломатической службы. О ее необходимости уже много лет говорили и писали русские дипломаты. Они жаловались на бюрократическую рутину, несправедливые условия прохождения службы, отсутствие ротации дипломатов между Петербургом и заграницей и т.п.

Новый министр учредил «Комиссию по преобразованию центральных установлений» МИД. На ее заседаниях рассматривались предложения, поступающие от руководителей подразделений министерства, дипломатических и консульских представительств за рубежом. Работа комиссии шла медленно, увязая в бесконечных дискуссиях и согласованиях. Далеко не все планы Извольского были претворены в жизнь. Осуществление реформы затянулось до 1914 г. и коснулось лишь центрального аппарата МИД, почти не затронув дипломатические представительства за границей. Однако и то, что удалось сделать, улучшило работу министерства.

Извольский придавал особое значение разработке более справедливых правил приема на дипломатическую службу и ее прохождения. По его мнению, следовало положить конец «облегченному доступу в министерство», из-за которого низшее звено аппарата МИД было переполнено молодыми людьми, лишенными возможности нормально продвигаться по служебной лестнице. С этой целью был установлен возрастной предел для поступления на службу (27 лет), а также более жесткий образовательный ценз. Обязательным становилось наличие университетского диплома, предпочтительно юридического профиля.

Новый порядок прохождения службы был направлен на повышение уровня подготовки начинающих дипломатов. В течение двухлетней стажировки в МИД перед сдачей дипломатического экзамена они должны были прослужить не менее четырех месяцев в качестве прикомандированных к одному из наиболее активных консульств за границей. Была введена практика аттестации молодых сотрудников. Только в случае положительного заключения руководства консульства о характере, способностях и пригодности сотрудника к работе за рубежом, а также общей аттестации по итогам стажировки в МИД чиновник допускался к дипломатическому экзамену.

В соответствии с новыми правилами секретари посольств и миссий для расширения политического кругозора должны были пройти через младшие дипломатические должности в каждой из трех групп государств, согласно шкале внешнеполитических приоритетов России: первую группу составляли государства Западной Европы, вторую — страны Ближнего и Среднего Востока и третью — государства Дальнего Востока и Америки. Служба в должности секретаря в одной из этих групп стран могла быть заменена службой в соответствующем отделе центрального ведомства. Советниками и главами дипломатических представительств России за рубежом могли назначаться только чиновники МИД, которые последовательно прошли службу во всех указанных подразделениях.

В целом реформы Извольского способствовали оздоровлению кадровой ситуации и моральной обстановки в МИД. Это позволило министерству во всеоружии встретить испытания Первой мировой войны.

Обновленная внешнеполитическая программа. После поражения в войне с Японией перед русской дипломатией встала задача восстановить пошатнувшиеся международные позиции России и обеспечить длительный мир для осуществления внутренних преобразований. Председатель Совета министров П. А. Столыпин писал Извольскому: «Вы знаете мой взгляд — нам нужен мир; война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической».

Путь к решению этой задачи Извольский видел в том, чтобы строить внешнюю политику на базе союза с Францией, но одновременно укрепить и расширить этот союз соглашениями с Англией и Японией. В отличие от своего предшественника, выступавшего за «равноудаленность» от Берлина и Лондона, Извольский был сторонником более энергичного, наступательного курса. Он рассчитывал, что активные шаги по налаживанию сбалансированных отношений с ключевыми державами путем заключения соглашений по спорным вопросам позволят быстрее стабилизировать международное положение России и обеспечить безопасность ее границ. При этом он умело использовал то обстоятельство, что в условиях углубляющегося раскола Европы и обострения противоречий меж-

ду европейскими державами Россия даже в ослабленном состоянии оставалась для них востребованным партнером. В 1906 – 1907 гг., в период наиболее плодотворной деятельности Извольского, эта политика, получившая в отечественной историографии наименование «**политики соглашений и балансирования**», дала ощутимые результаты.

Укрепление русско-французского союза. Русско-японская война и революция в России стали испытанием для отношений двух союзных держав. Военно-политическое ослабление России объективно снижало ее ценность как союзницы в глазах Франции и грозило превратить ее в младшего партнера. Репрессивные меры царского правительства вызывали негативную реакцию французского общественного мнения. Кроме того, приходилось учитывать меняющуюся природу русско-французского союза. Обострение англо-германских противоречий привело к тому, что в 1904 г. Англия и Франция, преодолев колониальные распри, заключили соглашение о «сердечном согласии». Теперь для Парижа отношения с Лондоном и Петербургом становились по существу равнозначными величинами, а для России антианглийское измерение союза с Францией перестало существовать. Извольский умело построил контакты с руководством Франции, убедив его в том, что Россия также настроена на сближение с Англией. Крупный заем, полученный Россией во Франции, и установление регулярных контактов между представителями Генеральных штабов обеих стран способствовали дальнейшему цементированию их военно-политического союза.

Нормализация отношений с Японией. Извольский был убежден в необходимости переориентировать внешнюю политику России с дальневосточного на европейское направление. Он говорил: «Мы должны поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим бедствием для России». Но для этого нужно было обеспечить себе прочные тылы в Азии. Еще будучи посланником в Токио, Извольский пришел к выводу, что «ключ к русско-японскому согласию лежит в Лондоне». Следовательно, проблему необходимо было решать комплексно, т.е. одновременно работать над подготовкой соглашений с Англией и Японией.

Переговоры с обеими странами начались в 1906 г. Предпосылки для нормализации русско-японских отношений были заложены

уже в Портсмутском договоре 1905 г. Имелось в виду также использовать совпадение интересов России и Японии в Маньчжурии, где обе страны предпочитали разделить между собой сферы влияния, нежели согласиться с политикой «открытых дверей», на которой настаивали США. Это открыло путь к заключению в 1907 г. политической конвенции, договора о торговле и мореплавании и рыболовной конвенции с Японией, которые позволили нормализовать двусторонние отношения и стабилизировать обстановку в регионе. Эти договоренности заложили основу для дальнейшего сближения между Россией и Японией, которое в 1910 г. ознаменовалось заключением нового политического соглашения о поддержании статус-кво в Маньчжурии и разделе сфер влияния в Северо-Восточном Китае. Соглашение это способствовало превращению Японии в союзницу Антанты.

Англо-русская конвенция 1907 г. Переговоры с Англией о разграничении сфер влияния в Азии уже имели место в 1903 г., но не привели к соглашению. Теперь они обрели новый смысл на фоне англо-германского соперничества и сближения между Лондоном и Парижем. Для достижения успеха Извольскому потребовалось не только провести непростые переговоры с Англией, но и выдержать сильнейшее сопротивление со стороны определенной части правящих кругов самой России, захваченных инерцией векового русско-английского противостояния.

Летом 1907 г. англо-русская конвенция была подписана Извольским и британским послом в Петербурге А. Никольсоном. Она предусматривала раздел Персии на три зоны влияния: северную («русскую»), южную («английскую») и нейтральную, где обе стороны имели бы равные возможности. Россия и Англия признавали территориальную целостность Тибета под суверенитетом Китая. Наконец Россия признавала Афганистан в качестве исключительно английской сферы влияния.

На первый взгляд, Россия уступила больше, чем Англия, но в действительности конвенция отразила реальное соотношение сил между двумя империями, а главное — имела далекоидущее общеполитическое значение. Подобно англо-французскому соглашению 1904 г. об урегулировании колониальных разногласий, она расчищала путь для широкого сотрудничества двух стран в Европе. Положив конец вековому соперничеству в Азии, стороны создавали предпосылки для превращения русско-французского и англо-

французского союзов в Антанту — Тройственный альянс, противостоящий австро-германскому блоку.

Русско-германские отношения. Как и его предшественники, Извольский не оставлял попыток наладить устойчивые добрососедские отношения с Германией, но был категорически против возрождения чего-либо подобного Союзу трех императоров на идеологической основе. Он считал, что подобный союз неизбежно превратил бы Россию в сателлита Германии и обрек бы ее на бесконечную изматывающую борьбу с Англией.

По существу, единственным достижением Извольского на германском направлении стало подписание в 1907 г. секретного двустороннего протокола о сохранении статус-кво в районе Балтийского моря, который позже привел к заключению соглашения между Россией, Германией, Данией и Швецией о поддержании мира и добрососедства на Балтике. Однако эта договоренность имела локальное значение и не могла существенно смягчить противоречия между Петербургом и Берлином. Сближение России с англо-французской Антантой объективно вело к ухудшению русско-германских отношений. Источником трений становилась все более открытая поддержка Берлином австро-венгерской экспансии на Балканах. Уже вскоре это обернулось самыми серьезными последствиями не только для России, но и для политической карьеры самого Извольского.

Россия и предвоенные кризисы 1906–1914 годов

Предпосылки Первой мировой войны созревали в течение ряда лет и были обусловлены прежде всего растущей военной мощью и агрессивностью Германской империи. Именно в этом состояла главная причина раскола Европы и образования системы международных отношений, основанной на противостоянии двух военно-политических альянсов — Тройственного союза и Антанты.

В 60-х годах XX в. немецкий историк Ф. Фишер, анализируя цели обоих альянсов, убедительно показал, что сугубо наступательными и агрессивными они были только у одной державы, и этой державой была Германия. Шовинистические, милитаристские настроения существовали во всех крупных европейских странах, но

лишь в Германии они стали основой государственной идеологии. Особым влиянием пользовался созданный в 1891 г. Пангерманский союз. Входившие в него представители политической, военной и промышленной элиты активно пропагандировали идеи захвата чужих территорий, передела колоний и превосходства немцев над другими народами. Духом агрессии была проникнута и военная стратегия Берлина. Заложенный в ее основу «план Шлиффена» предусматривал нападение на Францию с целью ее быстрого разгрома и последующей переброски сил на восток для вторжения в Россию.

Германия навязала Европе безудержную гонку вооружений. Ведущие державы ускоренными темпами осуществляли программы перевооружения своих армий и отработывали мобилизационные планы, которые начинали диктовать государствам логику их внешнеполитических действий. При таких условиях любой, даже локальный конфликт, затрагивающий интересы великих держав, мог перерасти в общеевропейскую войну. А. П. Извольский писал, что в течение всех пяти лет пребывания на посту министра (1906 — 1910) он «постоянно находился под кошмаром внезапной войны».

Последнее предвоенное десятилетие представляло собой почти непрерывную цепь международных кризисов. В ходе их развития Германия и Австро-Венгрия активно использовали тактику завышения ставок в дипломатической игре, зачастую прибегая к прямому военному шантажу. Тем самым каждый следующий кризис становился опаснее предыдущего. За три года до начала войны точную характеристику такой политики дал посол России в Лондоне граф А. К. Бенкендорф. Он писал в Петербург: «Я полагаю, что целью Германии не является война. Но она стремится без войны и при помощи запугивания добиться таких результатов и такого успеха, какие на самом деле могут быть даны только войной».

Вторая Гагская конференция мира. После окончания Русско-японской войны Россия в интересах ослабления международной напряженности вновь выступила с инициативой проведения конференции по вопросам укрепления мира. Она проходила в Гааге в июне — октябре 1907 г. под председательством А. И. Нелидова с участием представителей 44 государств. На этот раз Россия не ставила вопросы ограничения вооружений. Император Николай II считал, что на этом форуме не следует рассматривать «какие-то утопии вроде полного разоружения, что, однако, слу-

чилось при первой Гаагской конференции» 1899 г. Теперь, по словам участника обеих конференций Ф. Ф. Мартенса, цель состояла в «устройстве международной жизни на основах права и справедливости», а также «в духе согласия» и готовности «идти на взаимные уступки».

Конференция явилась крупным успехом русской дипломатии. На ней было заключено тринадцать международных конвенций, подавляющее большинство которых остается в силе до настоящего времени. Они охватывали широкий круг вопросов гуманитарного права. Особое значение имела конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, в которой устанавливалось различие комбатантов и некомбатантов, регламентация прав военнопленных, запрет убивать сдавшихся в плен, использовать яды и вещества, способные причинить излишние страдания, и т.д. Военному командованию предписывалось принимать меры к охране памятников истории и культуры, а также медицинских учреждений, запрещалось отдавать на разграбление города и местности. В целом это был значительный шаг вперед в деле кодификации принципов мирного урегулирования международных споров и ограничения применения военной силы, тем более важный на фоне надвигавшейся беспрецедентной по масштабам войны в истории человечества.

Боснийский кризис. В 1908 г. очередной кризис в отношениях великих держав возник не на колониальной периферии, как это было до сих пор, а в самом сердце Европы. В результате резкой дестабилизации обстановки в Турции, вызванной так называемой младотурецкой революцией, вновь со всей остротой встал вопрос о дальнейшем существовании Османской империи и разделе ее наследства. Для России это означало возвращение на повестку дня вековых вопросов о будущем славянских народов Балкан и судьбе Черноморских проливов.

До сих пор Россия, занятая дальневосточными делами, не проявляла активности на Балканах, опираясь на соглашения 1897 и 1903 гг. с Австро-Венгрией. Однако в 1907—1908 гг. в политике Вены наметился пересмотр согласованного с Петербургом статус-кво в регионе. При поддержке Германии она перешла к более агрессивной, экспансионистской политике. За этим стоял страх перед угрозой развала «лоскутной» Австро-Венгерской империи. В Вене опасались, что укрепление независимых балканских государств,

особенно Сербии, где в 1903 г. пала проавстрийская династия Обереновичей, станет заразительным примером для ее собственного славянского населения, и готовились к принятию превентивных мер. Для начала там решили воспользоваться временной анархией в Турции, чтобы осуществить давно запланированную аннексию турецких провинций Босния и Герцеговина, которые с 1878 г. были оккупированы Австро-Венгрией.

Извольский увидел в этом шанс на выгодную договоренность с Веной. В ходе встречи с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталем в Бухлау (Чехия) он согласился признать аннексию Боснии и Герцеговины в обмен на некоторую компенсацию в пользу Сербии и Черногории, а также при условии, что аннексия будет одобрена другими великими державами на специальной конференции по этому вопросу. Со своей стороны Эренталь пообещал поддержать проект изменения режима Черноморских проливов в интересах России. На этот счет между министрами была достигнута устная договоренность, которая должна была оставаться в секрете до прояснения позиции других европейских держав. Однако не прошло и нескольких дней, как Извольский узнал из газет, что Австро-Венгрия публично объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Россия и Европа были поставлены перед свершившимся фактом.

В Петербурге подобный образ действий был справедливо расценен как «дипломатическое мошенничество». Пытаясь спасти положение, русская дипломатия развернула борьбу за созыв международной конференции, на которой рассчитывала добиться территориальных и экономических компенсаций для Сербии и Черногории. Но Австро-Венгрия, опираясь на поддержку Берлина, заняла жесткую позицию. Назревала угроза австро-сербского военного конфликта. Дело кончилось ультимативным требованием Германии к России признать сложившуюся ситуацию. Не имея твердой поддержки со стороны Парижа и Лондона и будучи не подготовленной к войне с австро-германским блоком, Россия была вынуждена принять этот ультиматум. Поражение Извольского в этом конфликте было расценено в общественных кругах России как «дипломатическая Цусима» и в конечном счете вынудило его уйти в отставку. В 1910 г. он получил согласие императора на то, чтобы занять пост посла России во Франции после кончины А. И. Нелидова. Преемником Извольского стал его заместитель С. Д. Сазонов.

Сергей Дмитриевич Сазонов (1860—1927) был последним профессиональным дипломатом на посту министра иностранных дел Российской империи. Выходец из дворянской семьи, он получил образование в Александровском лицее и начал службу в МИД в 1883 г. Был секретарем и советником посольства в Лондоне, а затем в Вашингтоне, посланником при Ватикане. В июне 1909 г. был назначен товарищем министра иностранных дел. Был близок к П. А. Столыпину (они были женаты на сестрах).

В отличие от своих предшественников Сазонов не обладал достаточным опытом для занятия должности министра, за что его критиковали многие сотрудники МИД и в чем откровенно сознавался он сам. Тем не менее именно он, по всеобщему признанию, оказался «нужным человеком на нужном месте». Нехватку знаний и опыта он восполнял искренним патриотизмом, высокими нравственными качествами и умением опереться на компетентных сотрудников.

Под руководством Сазонова завершилась реформа дипломатической службы, результаты которой были закреплены в соответствующем законе, принятом Государственной думой. По его инициативе в МИД был учрежден Суд чести, который, подобно аналогичным судам в армии, разбирал проступки чиновников, «несовместимые с понятиями о чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве». По свидетельству одного из ближайших сотрудников Сазонова князя Г. Н. Трубецкого, при нем «чиновничьей атмосферы не было и тени. Во всем министерстве иностранных дел того времени царил тон исключительной порядочности и высокого сознания долга. Личные отношения с министром и ближайшими его сотрудниками были необыкновенно приятны и легки. Это была тесная дружба старших с младшими, основанная на взаимном доверии и уважении».

Сазонов был единомышленником Извольского и продолжателем его политики соглашений и балансирования. Его первые шаги на посту министра были направлены на улучшение отношений

с Германией. Поводом для этого стала встреча русского и германского императоров в Потсдаме в ноябре 1910 г. Она не устранила противоречий, но несколько смягчила напряженность в отношениях между двумя странами. Начавшиеся в Потсдаме переговоры привели год спустя к заключению соглашения о железнодорожном строительстве в Персии, в котором обе стороны пошли на ряд уступок друг другу. Вместе с тем Сазонов отклонил попытки германской дипломатии втянуть Россию в политическое соглашение, весь смысл которого, как и прежде, состоял в том, чтобы ослабить русско-французский союз и помешать дальнейшему сближению между Россией и Англией.

Балканские войны. Боснийский кризис разрушил русско-австрийское взаимодействие на Балканах и подтолкнул к объединению малые балканские государства. Россия активно поддержала это стремление в расчете создать противовес австрийскому влиянию в регионе. Весной 1912 г. произошло оформление Балканского союза в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории. Хотя России в нем отводилась роль главного покровителя и «верховного арбитра», в Петербурге переоценили степень своего влияния на «братьев-славян». Они преследовали собственные интересы и, вопреки расчетам России, повернули острие Балканского союза не в сторону Австро-Венгрии, а против Турции. Попытки России и других европейских держав предотвратить конфликт не увенчались успехом. В ходе 1-й Балканской войны 1912 г., сопровождавшейся разгромом Турции и болгарским наступлением на Стамбул, перед Россией вновь остро встал вопрос о судьбе проливов, а также угроза столкновения с Австро-Венгрией из-за ее военных приготовлений против Сербии. Лишь с большим трудом русской дипломатии удалось предотвратить новый австро-сербский конфликт, чреватый европейской войной.

В результате 1-й Балканской войны под контролем Балканского союза оказались практически все турецкие владения в Европе. Однако начавшийся дележ добычи привел к острому конфликту среди самих союзников. Россия пыталась не допустить братоубийственного столкновения славян, но потерпела неудачу. В 1913 г. разразилась 2-я Балканская война, на этот раз между Болгарией и остальными участниками Балканского союза, к которым присоединились Турция и Румыния.

Поражение Болгарии и очередной территориальный передел на Балканах не привели к стабилизации положения в регионе. На-

против, завязывались новые узлы противоречий. Балканские войны вызвали окончательный распад Балканского союза и дальнейшее углубление противоречий между Россией и Австро-Венгрией.

Миссия Лимана фон Сандерса. В Петербурге уже давно с беспокойством следили за наращиванием германского военного присутствия в Турции. Немецкие военные миссии находились там в 1883—1895 и в 1909—1912 гг., правда, не особенно преуспев в модернизации и повышении боеспособности турецкой армии. Но то, что произошло осенью 1913 г., стало для Петербурга настоящим шоком. Выяснилось, что глава новой военной миссии генерал Лиман фон Сандерс станет командующим 1-м турецким армейским корпусом, отвечающим за безопасность Константинополя и Босфора. Намечалось то, чего в России опасались вот уже более столетия, — переход проливов под контроль одной из европейских держав. Опасения усугублялись тем, что еще несколько месяцев назад кайзер заверял русского императора в том, что эта миссия не будет отличаться от предыдущих. Тем самым Германия напрямую демонстрировала свою враждебность России: ведь там, как позже вспоминал Сазонов, не могли не знать, что «если есть на земном шаре пункт, на котором сосредоточено наше ревнивое внимание и где мы не могли допустить никаких изменений, затрагивающих наши жизненные интересы, то этот пункт есть Константинополь».

Между Петербургом и Берлином завязались напряженные переговоры. Германская сторона продолжала доказывать, что никаких оснований для беспокойства у России не должно быть. Российская сторона обратилась за поддержкой к Англии и Франции, но те, выразив на словах солидарность с Россией, от активных демаршей уклонились. В Петербурге уже обсуждались возможности оказания силового давления на Турцию с целью заставить ее отказаться от миссии фон Сандерса, но развязка пришла из Берлина. Генерал был отстранен от командования корпусом, повышен в звании и назначен инспектором всей турецкой армии. Сазонов впоследствии вспоминал, что русской дипломатии пришлось смириться с этим в сущности неприятным и невыгодным для нее поворотом событий, чтобы не рисковать новым опасным обострением русско-германских отношений.

В предвоенной обстановке 1912—1914 гг. Россия окончательно перешла от тактики балансирования между Лондоном и Берлином

к активным шагам по формированию оборонительного союза с Англией и Францией. В феврале 1914 г. Сазонов писал послу в Лондоне Бенкендорфу, что «всеобщий мир будет обеспечен только тогда, когда Тройственное согласие, реальность которого столь же мало доказана, как существование морского змия, превратится в оборонительный союз без всяких секретных пунктов и обнародованный во всех газетах мира». Он действовал в расчете на то, что мощная англо-франко-русская коалиция удержит Германию и Австро-Венгрию от развязывания войны. Однако начавшиеся переговоры с Англией о заключении военно-морской конвенции приняли затяжной характер и сопровождались попытками Лондона выторговать у России дополнительные уступки в Азии. В итоге к началу мировой войны Тройственная Антанта как военно-политический союз не была полностью оформлена.

Июльский кризис 1914 года

Накануне мировой войны противоречия между Австро-Венгрией и балканскими государствами, особенно Сербией, приобретали все более непримиримый характер, превращая Балканы в «пороховой погреб» Европы. В то время как в Белграде лелеяли мечту о «Великой Сербии», способной объединить южнославянские народы, находившиеся под австрийским господством, в Вене искали повод раз и навсегда покончить с Сербией как самостоятельным фактором в балканских делах.

Такой повод представился в конце июня 1914 г., когда в столицу Боснии Сараево прибыл для участия в военных маневрах наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. 28 июня он и его жена были убиты несколькими выстрелами из револьвера сербским националистом из группы «Молодая Босния» Гаврило Принципом.

Поначалу, когда прошел первый шок, вызванный этим преступлением, казалось, что напряженность пошла на спад, и в Петербурге и других европейских столицах надеялись на мирный исход кризиса. Русская дипломатия поспешила предостеречь Вену от мер военного давления на Сербию. При этом ее линия была построена так, чтобы готовность содействовать австро-сербскому примирению сочеталась с определенной твердостью в защите сербского суверенитета. Давалось понять, что у Вены не должно быть иллю-

зий, что Россия снова уступит, как это было во время боснийского кризиса 1908 — 1909 гг. Эта твердость не в последнюю очередь объяснялась заметным улучшением положения дел с боеготовностью русской армии, а также результатами состоявшегося накануне визита в Петербург президента Франции Р. Пуанкаре, в ходе которого стороны подтвердили готовность до конца выполнить свои союзнические обязательства.

Ситуация обострилась, когда из Вены начали поступать сведения о том, что австрийские власти намерены возложить на Сербию ответственность за организацию убийства эрцгерцога. 23 июля они предъявили сербам ультиматум с настолько жесткими и заведомо неприемлемыми требованиями, что С. Д. Сазонов, ознакомившись с ним, воскликнул: «Это — европейская война!»

На другой день состоялось его объяснение с австрийским послом Сапари. Министр заявил, что «Австро-Венгрия искала войны с Сербией и для этого сжигала за собой все мосты, предъявляя неприемлемые требования». Он расценил эти действия как разжигание «европейского пожара».

Вместе с тем русская дипломатия продолжала вести осторожную, примирительную линию. На состоявшемся 24 июля экстренном заседании Совета министров были приняты предложения Сазонова о том, чтобы вместе с другими державами просить Австрию продлить срок ответа на ее ультиматум, чтобы дать державам возможность ознакомиться с результатами судебного следствия по делу сараевского убийства. Кроме того, сербам рекомендовалось не принимать боя с австро-венгерскими войсками, а, оттянув свои вооруженные силы, обратиться к державам с просьбой о посредничестве. В то же время было принято принципиальное решение о мобилизации четырех военных округов с оговоркой, что это делается исключительно на случай столкновения с Австро-Венгрией и не может быть истолковано как направленное против Германии.

В последующие дни русская дипломатия не оставляла попыток выступить посредником между Веной и Белградом, рекомендуя сербам проявить максимум гибкости и не поддаваться на провокации. Белград заявил о готовности принять все условия ультиматума, кроме тех, которые были заведомо неприемлемы для независимого государства. Однако Австрия не удовлетворилась таким ответом и разорвала дипломатические отношения с Сербией, а 28 июля объявила ей войну. Начались артиллерийские обстрелы Белграда.

В Петербурге понимали, что непримиримость Вены в решающей степени обусловлена поддержкой из Берлина, и стремились оказать сдерживающее влияние на позицию Германии. Император Николай II вступил в телеграфную переписку с Вильгельмом II. До последнего момента он пытался образумить кайзера, чтобы остановить сползание к войне между двумя монархиями, тесно связанными родственными, экономическими, культурными и другими узами и, с точки зрения России, не имевшими никаких оснований воевать друг с другом. Он также предложил передать австро-сербский конфликт на рассмотрение Гаагского трибунала. В ответ кайзер дал обещание повлиять на Вену, но только при условии, что Россия остановит военные приготовления.

Сазонов вместе с военным министром В. А. Сухомлиновым и начальником Генерального штаба Н. Н. Янушкевичем был убежден, что Германия решилась на войну и теперь озабочена только тем, чтобы начать ее в наиболее благоприятной стратегической обстановке. Они уговаривали Николая II безотлагательно приступить к всеобщей мобилизации. Царь некоторое время колебался, но, увидев, что переписка с Вильгельмом ни к чему не ведет, 30 июля отдал соответствующий приказ.

В тот же день германский посол в Петербурге граф Пурталес вручил Сазонову ультиматум с требованием немедленно отменить мобилизацию. Он заявил, что, если Россия будет продолжать свои военные приготовления, со стороны Германии последует немедленное нападение. На это сообщение Сазонов ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости».

На другой день Пурталес вновь пришел к Сазонову, на этот раз для вручения ноты с объявлением войны. Вот как описана эта историческая сцена в «поденной записи» — служебном дневнике МИД, который вел начальник Канцелярии министра барон М. Ф. Шиллинг. «Войдя в кабинет министра, германский посол спросил, согласно ли императорское правительство дать на вчерашнюю его ноту благоприятный ответ. Министр ответил отрицательно, прибавив, что, хотя объявленная общая мобилизация не может быть отменена, Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения. Граф Пурталес, уже приехавший весьма озабоченным, стал выказывать признаки возрастающего волнения. Вынув из кармана сложенную бумагу, он еще раз поставил министру тот же

вопрос, подчеркнув тяжелые последствия, к которым должен привести отказ России согласиться на требование Германии об отмене мобилизации. С. Д. Сазонов твердо и спокойно подтвердил еще раз только что данный им ответ. Все больше волнуясь, посол поставил в третий раз тот же вопрос, и министр еще раз сказал ему, что у него нет другого ответа. Посол, глубоко растроганный, задышавшись, с трудом выговорил: «В таком случае, господин министр, мне поручено моим правительством вручить Вам эту ноту». И дрожащими руками он передал С. Д. Сазонову ноту с объявлением войны, которая, как оказалось впоследствии, содержала в себе два варианта, по оплошности германского посольства в Петербурге соединенные в одном тексте. Эта подробность, впрочем, была замечена лишь впоследствии, так как в самую минуту передачи ноты суть германского заявления была столь ясна, что не в словах было дело.

Разговор между послом и министром происходил стоя в большом кабинете, и после вручения ноты граф Пурталес, потерявший всякое самообладание, отошел к окну и, взявшись за голову, заплакал, говоря: «Я никогда не мог подумать, что мне придется покинуть Петербург при таких условиях». При этом он обнял министра и ушел, прося сообщить в посольство о распоряжениях, которые будут отданы в отношении его отъезда, так как сам он в эту минуту был более не способен ни о чем говорить».

Последовала цепная реакция объявления войны. Германия объявила войну Франции. Через два дня Австрия объявила войну России. Англия некоторое время колебалась, не желая ввязываться в европейский конфликт ради чуждых ей интересов спасения Сербии. Только после того как Германия нарушила нейтралитет Бельгии, Лондон 4 августа объявил войну Германии. Жребий был брошен, и теперь судьба России и всей Европы решалась не за столом дипломатических переговоров, а на полях сражений.

Была ли у русской дипломатии возможность избежать втягивания в войну? На этот гипотетический вопрос приходится дать отрицательный ответ. Россия, несомненно, хотела мира, но была слишком глубоко вовлечена в систему военно-политических альянсов, чтобы остаться в стороне от общеевропейского конфликта. Такова была цена, которую страна платила за свой статус великой державы. Для правящей верхушки Российской империи отказаться от него было бы равносильно национальной катастрофе. В Петербурге понимали, к каким последствиям может привести непопу-

лярная и непонятная народу война, но были не в состоянии найти выход из неразрешимого противоречия между сохранением мира и поддержанием великодержавного статуса.

Решимость Вены расправиться с Белградом во многом диктовалась расчетом на то, что Россия, уже неоднократно отступавшая под напором австро-германского блока, отступит и теперь. Но бросить Сербию на растерзание Австрии Россия не могла — и не только из солидарности со «славянскими братьями», но и потому, что очередная уступка Австрии нанесла бы непоправимый ущерб ее международным позициям, поставив под вопрос ее ценность как союзника Антанты. В Петербурге пришли к выводу, что очередная сдача позиций может лишь ухудшить положение, т.е. ослабить русско-французский союз и тем самым не оттянуть, а, наоборот, ускорить начало общеевропейской войны.

Такое решение отвечало сделанному ранее выбору в пользу более твердого курса России на сдерживание агрессивных устремлений Берлина и Вены. В этих целях были предприняты усилия по дальнейшему сближению с Великобританией в расчете на то, что открытое подключение могущественной Британской империи к русско-французскому союзу сможет остудить австро-германские амбиции. Однако этот расчет не оправдался, поскольку английское правительство по внутриполитическим и некоторым другим причинам еще было не готово открыто встать в ряды Тройственного соглашения.

Неудача усилий России по мирному урегулированию июльского кризиса во многом была предопределена объективными факторами военно-стратегического порядка. Убедившись в непреклонности Берлина и Вены, Россия не могла больше медлить с мобилизацией своей армии, так как была вынуждена учитывать принципиальные различия в скорости осуществления мобилизационных планов у себя и на Западе. Если Германия была в состоянии мобилизовать свои вооруженные силы меньше чем за две недели, то России с учетом ее территории и людских ресурсов требовалось на это как минимум сорок дней. При таком положении задержка мобилизации облегчила бы немцам достижение главной цели «плана Шлиффена» — быстро разгромить Францию, а затем всеми силами обрушиться на Россию. Не случайно на последнем этапе переговоров кайзер требовал у царя именно отмены мобилизации и, получив отказ, немедленно объявил России войну.

Принимая вызов, русская дипломатия была убеждена, что Россия обнажила меч за правое дело. На первом после объявления войны заседании Государственной думы в августе 1914 г. Сазонов сказал: «Когда наступит время для истории произнести свой беспристрастный суд, ее решение — я твердо в это верю — не будет иным, как то, которым мы руководились: Россия не могла уклониться от дерзкого вызова своих врагов, она не могла отказаться от лучших заветов своей истории, она не могла перестать быть Великой Россией».

Русская дипломатия в годы войны и революции

Россия вступила в войну в обстановке патриотического подъема, заставившего на время забыть внутривнутриполитические распри и неурядицы (рис. 8). Этим подъемом было охвачено и внешнеполитическое ведомство. По свидетельству современника, оно представляло собой в тот момент «крайне оживленное, интенсивно и с одушевлением работающее учреждение» и по сравнению с прежним было «неузнаваемо». Перед дипломатической службой встали новые задачи, решение которых потребовало мобилизовать весь ее потенциал и приспособить организационную структуру к условиям военного времени. Создавались новые направления дипломатической деятельности, такие как правовое, экономическое и информационно-пропагандистское. Потребовалось также теснее объединить военные и дипломатические усилия Российского государства, что привело к созданию дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандования.

Укрепление Антанты. Россия, Франция и Англия вступили в войну, не будучи связанными союзническими отношениями и не имея формальных обязательств друг перед другом. В этой связи МИД России уже через несколько дней после начала войны выступил с инициативой, направленной на превращение аморфного Тройственного соглашения в полноценный военно-политический союз. 5 сентября 1914 г. в Лондоне состоялось подписание краткой трехсторонней **Декларации о незаключении сепаратного мира**, которая фактически стала союзным договором. Помимо основного обязательства трех держав «не заключать сепаратного мира в тече-

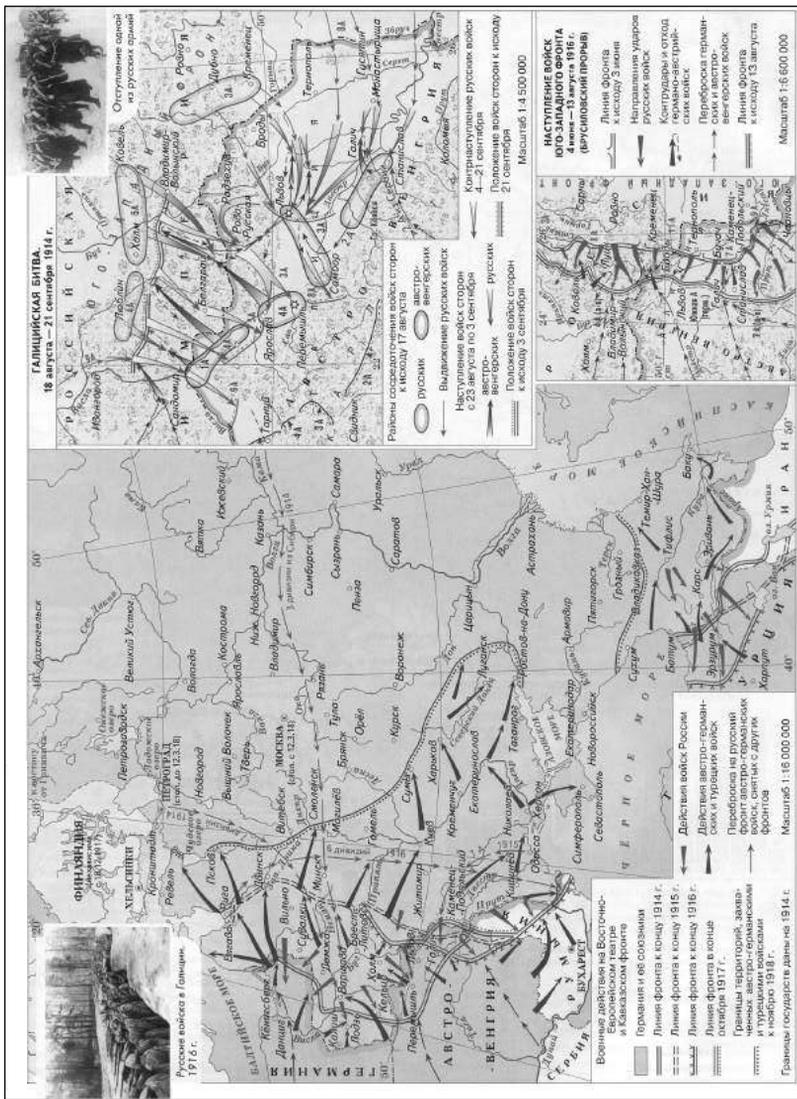

Рис. 8. Россия в Первой мировой войне 1914 — 1918 гг.

ние настоящей войны», они соглашались в том, что, «когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников».

В 1915 г. к этой Декларации присоединились Италия и Япония, после чего она стала основой Пятерного военного союза. Так была создана общеполитическая основа для развертывания сотрудничества между союзниками по согласованию целей войны, координации военных усилий, поставок вооружений и т.д. Эта работа велась в ходе двусторонних переговоров, а также в рамках союзнических конференций по военным и экономическим вопросам.

Планы послевоенного мироустройства. Важной сферой деятельности, в которой МИД России играл инициативную роль, была разработка и согласование с союзниками контуров послевоенного мироустройства.

На первых порах страны Антанты не преследовали в войне иных целей, кроме сокрушения военной мощи Германии. Выступая в Государственной думе, Сазонов заявил, что союзники сплотились вокруг «необходимости дать отпор Германии в ее стремлении наложить на Европу тяжелую руку своей гегемонии». Планы территориального передела мира начали созревать у союзников позже, когда они увидели истинные масштабы мировой схватки и перед ними встал вопрос, чем будут компенсированы огромные жертвы, приносимые на алтарь общей победы.

В сентябре 1914 г. в ходе одной из ежедневно устраиваемых встреч с послами Англии и Франции Сазонов в неофициальном и сугубо предварительном порядке изложил «эскизный» проект условий будущего мира. Он предусматривал среди прочего возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, а также Рейнской области, существенное расширение территории Царства Польского, восстановление суверенитета Дании над Шлезвиг-Гольштейном, расширение за счет Германии территории Бельгии, превращение Австро-Венгрии в Триединую монархию путем образования Чешского королевства и т.д. Разумеется, все эти идеи имели бы смысл только в случае полной и окончательной военной победы Антанты.

Соглашение о Константинополе и проливах. Несколько позже Сазонов добавил в свой проект требование обеспечить свободный проход русских военных кораблей через Черноморские проливы. Оно не сопровождалось какими-либо территориальными претен-

зиями к Турции. По свидетельству некоторых русских дипломатов, Сазонов в тот момент высказывался против присоединения Константинополя к России. Более того, в целях удержания Турции от вступления в войну на стороне австро-германского блока Сазонов предлагал союзникам дать ей гарантию территориальной целостности и некоторых компенсаций за счет Германии. При этом учитывалось неблагоприятное для России соотношение военных сил в Ближневосточном регионе. В частности, Черноморский флот России уступал турецкому флоту.

Положение радикально изменилось после того, как в октябре 1914 г. Турция вступила в войну на стороне противников Антанты. Больше всех от этого пострадала Россия, лишившаяся выхода в Средиземное море и отрезанная с юга от союзников. Кроме того, Турция пропустила через проливы немецкие военные корабли «Гебен» и «Бреслау», которые вошли в Черное море и подвергли обстрелу Новороссийск, Феодосию, Одессу и Севастополь. Сазонов немедленно воспользовался этим, чтобы заявить союзникам, что выступление Турции «поставит на очередь ближневосточный вопрос в целом и повлечет за собой окончательное решение вопроса о проливах».

Вскоре после этого Сазонов начал на свой страх и риск зондирующие переговоры с союзниками. Примечательно, что наиболее благожелательную реакцию он встретил со стороны Англии — векового противника России в вопросе о проливах. Напротив, старый союзник Франция оказалась менее сговорчивой. В Париже либо отнекивались, ссылаясь на то, что «не время делить шкуру неубитого зверя», либо выдвигали идею «нейтрализации» проливов, которую Сазонов считал неприемлемой. Для него это не было неожиданностью: при всей прочности русско-французского союза интересы двух стран на Ближнем Востоке существенно расходились.

Тем не менее настойчивость и дипломатическое мастерство Сазонова принесли свои плоды. Чем глубже ему удавалось вовлечь союзников в обсуждение проблемы проливов, тем скорее надежда на успех превращалась в уверенность. Впрочем, позиция союзников была далеко не бескорыстной. Англия рассчитывала, что, получив столь ценный «приз» за свое участие в Антанте, Россия не только будет крепче привязана к союзникам, но и одобрит любые собственные их требования в отношении раздела турецкого наследства и послевоенного мироустройства в целом.

Готовность пойти навстречу России также была во многом обусловлена признанием реальной значимости русского фронта

для совместных усилий Антанты. Россия отвлекала на себя около половины совокупных сил австро-германского блока. В августе 1914 г. жертвенный подвиг русской армии в Восточной Пруссии сорвал выполнение главной стратегической задачи противника — быстрый разгром Франции. Тем самым уже в первый месяц войны Россия внесла едва ли не решающий вклад в победу Антанты, позволив Франции выстоять и перейти к затяжной позиционной войне, в которой Германия была обречена на поражение. В ходе кампании 1915 г. русский фронт принял на себя удар главных сил Германии. Россия оттянула на себя более 45% войск противника, благодаря чему западные союзники смогли к 1916 г. перехватить стратегическую инициативу и переломить в пользу Антанты весь ход мировой войны.

К началу 1915 г. контуры соглашения между союзниками начали вырисовываться. В марте Сазонову удалось оформить его в виде обмена нотами и памятными записками с Англией, а месяц спустя, после напряженной дипломатической борьбы, — с Францией. На основании этого соглашения союзники признавали вхождение в состав Российской империи города Константинополя и обоих проливов с прибрежной полосой, островами в Мраморном море и частью территории Южной Фракии. Реализация этой договоренности могла иметь место при условии, «если война будет доведена до успешного завершения и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Османской империи, так и в других местах».

Соглашение о Константинополе и проливах, несомненно, было крупным успехом Сазонова, которому удалось вплотную приблизиться к исполнению самой заветной мечты русской дипломатии XIX — начала XX в. Оно стало «главным призом» России за ее жертвы, принесенные ради победы Антанты. Этот приз так и остался мечтой из-за преждевременного выхода России из войны. Это, однако, не умаляет его значения в истории дипломатии, особенно если учесть, что согласие на него было дано державами, которые на протяжении целого столетия вели борьбу с Россией за контроль над проливами.

Позже Россия участвовала в окончательном согласовании проекта договоренности между союзниками о разделе между Англией и Францией турецких владений в Азии («соглашение Сайкс — Пико»). По этому соглашению Сазонов выговорил передачу России территорий Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса и части Курдистана.

Польский вопрос. В первые дни войны было обнародовано подготовленное в МИД России воззвание к полякам Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича. В нем, в частности, говорилось: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении». Таким образом Россия провозглашала цель присоединения к Царству Польскому территорий, отошедших к Австрии и Пруссии в результате нескольких разделов Польши, а также предоставления ей широкой автономии в рамках Российской империи. Воззвание было весьма положительно встречено в союзных странах и в самой Польше, но дальше риторики дело не пошло. Попытки МИД разработать конкретный план автономного устройства послевоенной Польши встретили сильное сопротивление со стороны консервативно настроенной части правительства и самого императора. В итоге польский вопрос был решен уже после свержения монархии в России.

Поиски новых союзников. С самого начала войны вовлечение других стран в антигерманскую коалицию стало одной из приоритетных задач Антанты. Крупным успехом явилось вступление в войну на ее стороне Италии и Японии. Свой вклад в эти усилия вносила и русская дипломатия. В то же время она не сумела помешать переходу Болгарии на сторону австро-германского блока. В 1916 г. между ним и Антантой развернулась борьба за Румынию. Решающее воздействие на позицию правительства этой страны оказали блестящие победы русского Юго-Западного фронта — знаменитый Брусиловский прорыв. В августе 1916 г. между державами Антанты и Румынией были подписаны политическая и военная конвенции, а спустя несколько дней Румыния вступила в войну против Австро-Венгрии.

Гуманитарная деятельность МИД. Первая мировая война была не только гигантским побоищем, равному которому еще не знало человечество, но и небывалой гуманитарной катастрофой. Как будто вмиг оказались перечеркнутыми все гуманистические достижения «прекрасной эпохи» конца XIX — начала XX в. Расстрелы гражданских заложников, применение отравляющих газов, варварское разрушение памятников истории и культуры — все это ударило по самим основам европейской цивилизации.

Перед российским внешнеполитическим ведомством встала задача оказания срочной практической помощи большой массе людей, застигнутых войной. Только на территории Германии в момент объявления войны находилось свыше 40 тыс. российских подданных. В МИД в срочном порядке создавались новые подразделения, в том числе отдел о военнопленных, справочный отдел о русских подданных, оказавшихся за границей, в особенности в неприятельских странах, отдел переводов для оказания денежной помощи лицам, оставшимся вне России, и т.д.

Значительные усилия были предприняты для облегчения участи русских военнопленных. Министерство занималось сбором и анализом сведений об их положении, организацией перевода им денежных средств, добивалось улучшения условий жизни путем заключения через посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями. Через испанское посольство в Петрограде, представлявшее интересы Германии, МИД направлял протесты в адрес Берлина и Вены по поводу фактов жестокости и насилия в отношении российских военнослужащих, пленных и гражданского населения на оккупированных территориях. Эта работа при активном участии МИД проводилась также в рамках Чрезвычайной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками.

Отставка Сазонова. На деятельности МИД не могла не сказываться внутривластная обстановка в России, которая в 1915–1916 гг. продолжала обостряться. В июле 1916 г. был отправлен в отставку С. Д. Сазонов. Эта новость крайне обеспокоила послов союзных держав. Они привыкли работать с Сазоновым и питали к нему полное доверие. Напротив, личность нового министра иностранных дел Б. В. Штюрмера вызывала у них серьезные сомнения.

~ ~ ~

Борис Владимирович Штюрмер (1848–1917), выходец из помещиков, служил в Министерстве внутренних дел, был губернатором в Новгороде и Ярославле. Принадлежал к правоконсервативным монархическим кругам. В январе 1916 г. был назначен председателем Совета министров.

~ ~ ~

Штюрмера не без оснований считали ставленником императрицы Александры Федоровны и ее окружения во главе с Распутиным. В стране широко распространялись слухи о том, что придворная камарилья якобы готовит почву для сепаратного мира с Германией. Британский посол Бьюкенен предпринял демарш перед царем, призвав его «взвесить последствия» отставки Сазонова. Царь отверг подобное вмешательство во внутренние дела России, но подтвердил неизменность ее внешней политики. Опасения союзников были напрасны: Николай II был твердым сторонником войны до победного конца. К тому же Штюрмер недолго был на посту главы МИД. В декабре того же года его сменил Н. Н. Покровский.

Николай Николаевич Покровский (1865—1930) имел репутацию одного из лучших экономистов России и умного, непод-

купно-честного человека, чуждого связям с придворными кругами и распутинщиной. В 1906—1914 гг. занимал пост товарища министра финансов, а позже — другие государственные должности. Не имея никакого отношения к дипломатии, Покровский благодаря своей компетентности быстро снискал уважение сотрудников МИД. Однако оставаться на посту министра ему также было суждено всего несколько месяцев. В феврале 1917 г. царское правительство перестало существовать.

Русская дипломатия и Временное правительство

В ходе революционных событий в Петрограде в феврале — марте 1917 г. в жизни МИД на первых порах не произошло существенных изменений. В отличие от других органов государственной власти внешнеполитическое ведомство продолжало работу в привычном ритме, не подвергаясь хаосу и революционному брожению. Подавляющее большинство дипломатов в столице и заграничных пред-

ставительствах спокойно встретили свержение монархии. Лишь посол в США Бахметев демонстративно подал в отставку, ссылаясь на монархические убеждения, да и тот, по свидетельству современника, сделал это из-за плохих личных отношений с новым министром иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюковым.

Павел Николаевич Милюков (1859—1943), видный ученый-историк, был хорошо известен в МИД как лидер партии кадетов и политический деятель, находившийся в оппозиции к царскому правительству, но вполне лояльный к его внешней политике. Во время своего недолгого пребывания на посту министра (март—май 1917 г.) он воздержался от каких-либо преобразований в МИД и оставил в неприкосновенности его личный состав. В своих воспоминаниях он отмечал, что ценил царскую дипломатическую службу как «заведенную машину с точки зрения техники и традиций». В свою очередь служащие МИД единодушно поддержали нового министра, зная о его твердой решимости сохранить верность союзникам и довести войну до победного конца. Благодаря этой решимости Милюкову удалось сравнительно быстро обеспечить юридическое признание Временного правительства союзными и нейтральными державами. В качестве одной из своих главных задач он видел сохранение в силе договоренностей с союзниками об условиях послевоенного урегулирования, включая соглашения о проливах и Константинополе.

Развитие внутренней обстановки в России шло, однако, вразрез с намерениями Милюкова. Вопреки надеждам Временного правительства, вместо патриотического подъема и мобилизации сил на борьбу с внешним врагом в стране нарастала усталость от войны, углублялась экономическая разруха, падала боеспособность армии. В этих условиях Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым уже не могло открыто заявлять о своей привержен-

ности прежним целям царской внешней политики. В обстановке соперничества с Петроградским Советом рабочих и крестьянских депутатов оно было вынуждено облекать эту политику в новую «революционную» оболочку. Теперь Антанта изображалась как союз демократических государств, противостоящий Германской и Австрийской империям, турецкому султану и болгарскому царю. Существенной уступкой революционным настроениям стало решение Временного правительства пойти на признание в случае победы независимого Польского государства.

Между тем военное положение России продолжало осложняться. Хотя русский фронт по-прежнему оттягивал на себя около половины вооруженных сил австро-германского блока, военная активность России и способность к наступательным действиям неуклонно падали. В свою очередь союзники все меньше считались с интересами России, теряли интерес к координации с ней военных действий, а также вели дело к сокращению заказов и военных поставок для России. Послы союзных держав в Петрограде все более жестко требовали от Временного правительства наведения порядка, в противном случае угрожая прекратить всякую помощь России.

Временное правительство оказалось «между двух огней», с одной стороны, сталкиваясь с перспективой ухудшения отношений с союзниками, а с другой — находясь под сильным давлением революционных партий, требовавших решительного пересмотра «империалистических» целей войны. Все большую популярность в массах приобретал лозунг «мира без аннексий и контрибуций». В конце марта Временное правительство в целях компромисса выступило с заявлением, в котором говорилось, что «цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов».

В апреле 1917 г. Милюков согласился официально довести это заявление до союзников, но сопроводил его нотой, в которой снова подтверждалось намерение соблюдать верность союзническим обязательствам и «довести мировую войну до решительной победы». Публикация этой ноты вызвала политический кризис и массовые выступления против Временного правительства. В начале мая Милюков был вынужден уйти в отставку. В новом кабинете, сформированном Г. Е. Львовым, министром иностранных дел стал М. И. Терещенко.

Михаил Иванович Терещенко (1886—1956), выходец из семьи миллионера-сахарозаводчика, получил образование в Лейпцигском университете, знал несколько иностранных языков. Занимался меценатством, был депутатом IV Государственной думы. По своей политической ориентации принадлежал к левым кадетам, выступавшим за необходимость «в большей мере считаться с обстановкой и настроениями масс», был близок к А. Ф. Керенскому В первом составе Временного правительства занимал пост министра финансов.

Новый министр сохранил некоторую преемственность внешнеполитической программы правительства, но широко пользовался революционной, социалистической риторикой. Он был не прочь поддержать формулу «мира без аннексий и контрибуций», считая, что «Россия может обойтись без завоеваний». Однако в главном вопросе о войне и мире Терещенко продолжал отстаивать прежний курс на «войну до победного конца».

Июльский политический кризис, а затем выступление генерала Корнилова вызвали дальнейшее обострение обстановки в стране. В конце сентября союзники предприняли демарш в отношении кабинета Керенского, вновь требуя наведения порядка и угрожая прекращением всякой военной и экономической помощи. Однако Временное правительство было уже не в состоянии остановить сползание страны к хаосу.

Что же происходило в это время в здании МИД России на Дворцовой площади у Певческого моста?

События февраля и октября 1917 г. показали, что гражданская позиция служащих министерства целиком и полностью определялась их отношением к войне. Подавляющее большинство дипломатов твердо верили, что огромные жертвы, понесенные страной в ходе самой кровопролитной войны в ее истории, могут быть оправданны только в случае полной победы. Они допускали, что Россия выйдет из войны ослабленной, но считали, что верность союзникам и достижение общей победы откроют перед ней такие перспективы, что вскоре все испытания военного и послевоенного

времени будут забыты. При таких убеждениях любые попытки достичь сепаратного мира не могли не восприниматься ими как государственная измена.

Эта позиция сыграла решающую роль в их отношении к большевистскому перевороту в октябре 1917 г. Большевики в лице первого народного комиссара по иностранным делам Л. Д. Троцкого не искали политической поддержки со стороны наиболее «старорежимного» в их глазах государственного ведомства России и ожидали от сотрудников МИД лишь временного исполнения «технических» функций. В условиях намеченного ими курса на слом старой государственной машины царская дипломатическая служба была заведомо обречена. Да и сами служащие МИД, встретившись с Троцким, поняли, что эпохе «старой дипломатии» в России приходит конец. Во время состоявшегося после этой встречи голосования они практически единогласно отказались сотрудничать с новой властью. Вскоре декретом советского правительства все сотрудники МИД и заграничных учреждений, присоединившихся к этому отказу, были уволены с дипломатической службы.

Можно предположить, что такой же отказ с их стороны встретил бы любой оказавшийся у власти в России политический режим, который взял бы курс на заключение сепаратного мира. Подтверждением может служить, в частности, свидетельство одного из сотрудников МИД о том, что еще при Временном правительстве после ухода Милюкова с поста министра иностранных дел товарищ министра А. М. Петряев заявил коллегам, что в случае сепаратного мира никто из высших чинов не останется в министерстве.

Старая русская дипломатия сошла с исторической сцены с чувством исполненного профессионального и патриотического долга. «Плохо ли, хорошо ли мы понимали интересы России, — писал в эмиграции князь Г. Н. Трубецкой, — пусть об этом рассудят другие, но мы служили им честно, в меру разумения, совести и сил... Когда-нибудь придется воздать должное русской бюрократии, которая для людей, живущих трафаретами, представляется просто бранной кличкой. Тогда, я не сомневаюсь, получит признание огромная патриотическая и культурная работа, ею проделанная, и те сокровища государственного опыта и самоотвержения, которые были с нею связаны. Они, без сомнения, опирались на лучшие традиции русского служилого сословия и не могут быть затупеваны темными сторонами интриг и личных страстей, которые нахо-

дали себе почву в некоторых общих нездоровых условиях государственного строя».

Конец существования дореволюционного МИД прервал, но не уничтожил преемственность дипломатических традиций России. Прошло немного времени, и первоначальные попытки большевиков построить внешнюю политику на базе идей «мировой революции» отступили перед необходимостью руководствоваться государственными и национальными интересами. Символично, что задача воссоздания дипломатической службы по образцам, соответствующим российской и мировой практике, выпала на долю наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, который сам в молодости был служащим царского МИД. Однако это была уже совсем другая страница истории отечественной дипломатии.

Контрольные вопросы

1. Как можно охарактеризовать новый этап дипломатии России в начале XX в.?
2. В чем заключались причины предвоенных кризисов в первом десятилетии XX в.?
3. Каковы причины возникновения Первой мировой войны?
4. Как действовала российская дипломатия в годы Первой мировой войны?

Рекомендуемая литература

- Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1994. Т. 1 – 3.
- Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989.
- История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997.
- История русско-японской войны 1904 – 1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.
- Лукоянов И. В.* Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2.
- Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914 – 1920. М., 1993. Кн. 1 – 2.
- Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**лександр I 10, 182, 205, 207, 208, 213, 226, 227, 230, 232, 279
Александр II 258, 267, 268, 270, 271, 283, 288
Александр III 288, 290, 299, 301
Александр, великий князь Литовский 59, 63
Алексей, митрополит Русской православной церкви 39
Анна, византийская принцесса 22
- Б**аттенберг Александр 297-300
Батый, монгольский хан 35, 36
Безбородко Александр Андреевич 147, 182, 185, 188, 190, 194, 199—201
Безобразов Александр Михайлович 310
Бенедикт VII, римский папа 28
Бернадот Ж.-Б. 220
Бисмарк Отто фон 266—271, 283, 286, 295—297, 299—302
Болотников Иван Исаевич, руководитель казацко-крестьянского восстания 81
Бруннов Филипп Иванович 243—245, 253, 269
Бутурлин Василий Васильевич, боярин, посол России к Переяславской раде 86
- В**арфоломей Юрьевич, посадник Великого Новгорода 53
Василий I, московский князь 38
Василий II Темный, московский князь 56
Василий II, византийский император 22
Василий III, великий князь Московский 44, 54, 67
Вильгельм II 307
Висковатый Иван Михайлович, глава Посольского приказа 768—771
Витовт, великий князь Литовский 38, 39
Витте Сергей Юльевич 306, 308—310, 312—314
Владимир Святой, великий князь Киевский 70
Воронцов Михаил Илларионович 8, 147, 160, 167—170
Воронцов Семен Романович 9, 188—190, 196
- Г**аральд Смелый, норвежский король 30
Генрих I, французский король 29
Генрих III, германский император 29
Герасимов Дмитрий, княжеский дьяк 64
Гирс Николай Карлович 10, 212, 289, 290, 299, 301—304, 307
Голицын Василий Васильевич, руководитель Посольского приказа 7, 71, 88—91, 111
Голицын Петр Алексеевич 118
Головин Федор Алексеевич 95, 103, 112, 113
Головкин Гавриил Иванович 8, 123, 125, 126, 130, 134, 143, 147, 151, 157

- Гордый Симеон, московский князь 41
- Горчаков Александр Михайлович 10, 209, 212, 236, 254, 258 – 262, 264 – 270, 273, 277, 280 – 283, 287, 290, 308
- Грибоедов Александр Сергеевич 239, 292
- Гумилев Лев Николаевич 96
- Д**ворянинец Остафий, тысяцкий Великого Новгорода 53
- Долгорукий Григорий Федорович 121, 125, 126, 133
- Донской Дмитрий, великий князь Московский 40, 44
- Е**лизавета I, королева Англии 73, 79, 80
- И**ван Грозный 62, 67, 69, 70, 77, 79
- Иван III, великий князь Московский 44, 54, 58 – 65
- Иванов А. И., руководитель Посольского приказа в XVI в. 71
- Игнатьев Николай Павлович 276, 277, 282, 284, 285
- Извольский Александр Петрович 10, 294, 317 – 324, 326, 327
- Илларион, киевский митрополит 27, 29
- Ингергерда (Ирина), дочь шведского короля Олафа 30
- К**азимир I, польский король 29
- Калита Иван, великий князь Владимирский 41
- Кан Си, китайский император 94, 95
- Каподистрия Иоанн Антонович 10, 208, 227, 228, 232, 259
- Карамзин Николай Михайлович 12, 62
- Карл X 247
- Карл XII, шведский король 117 – 122, 124 – 126, 128, 130 – 133, 135, 137, 138, 144
- Кирилл и Мефодий, монахи 26
- Ключевский Василий Осипович 7, 41, 44, 71
- Колычёв Степан Алексеевич 202, 204
- Константин Багрянородный, византийский император 17
- Корвин Матвей, венгерский король 60
- Косагов Григорий Иванович 91
- Красный Иван, московский князь 41
- Куракин Борис Иванович 129, 130, 134, 136, 137, 140, 145, 152, 161
- Куракин Иван Семенович 94
- Курицын Федор, великокняжеский дьяк 60
- Л**амздорф Владимир Николаевич 290, 304 – 308, 310
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович 10, 212, 304, 305, 309, 318
- Людювик Благочестивый 14
- М**агнус II Эрикссон, норвежский король 53
- Магнус, датский принц, брат короля Фредерика II Датского, король Ливонии (1570 – 1578), вассал Ивана IV Грозного 77
- Македонский Александр 62
- Маркс Карл 56
- Мартенс Федор Федорович 307, 325
- Матвеев Андрей Артамонович 114, 115, 124
- Матвеев Артамон Сергеевич, руководитель Посольского приказа 71, 88
- Менгли-Гирей, крымский хан 60
- Меншиков Александр Сергеевич 123, 127, 155, 161, 252

Меттерних Клеменс 208, 224, 226,
227, 229, 232, 240
Милюков Павел Николаевич 343,
344, 346
Милютин Дмитрий Алексеевич 268
Михаил III, император Византии 14
Моисей, архиепископ Великого
Новгорода 53
Муравьев Михаил Николаевич 294,
306, 307
Мухамад Кули-бек, посол иранско-
го шаха 92

Наполеон 9, 207, 208, 215 – 222,
224, 225, 230, 235, 249, 256
Наполеон III 249, 250, 255, 264 – 267
Невский Александр 41 – 43, 51, 53
Нелидов А. И. 285, 294, 312
Нессельроде Карл Васильевич 10,
188, 208, 209, 223, 227, 231, 232,
235 – 237, 240, 241, 245, 248, 249,
258, 259
Никитин Афанасий 61
Николай I 210, 233, 234, 236, 239,
240, 242, 243, 246 – 254, 259
Николай II 303, 304, 307 – 309, 311,
312, 315, 317, 332, 342

Одерборн Павел, немецкий
путешественник и публицист 69
Олаф, норвежский король 29, 30
Ольгерд, великий князь Литов-
ский 40
Ордин-Нащокин Афанасий Лав-
рентьевич, руководитель Посоль-
ского приказа 7, 68, 87 – 89, 97, 111
Орлов Алексей Федорович 240 –
242, 255, 256
Остерман Андрей Иванович 137,
138, 141, 151, 152, 155 – 157, 159,
160, 182
Оттон I, германский император 28

Пален Петр Алексеевич 205, 239
Панин Никита Иванович 167, 168,
173 – 175, 178, 182, 185, 194, 199
Петлин Иван, первый русский по-
сол в Китае, сибирский казак 94
Петр I (Великий) 7 – 9, 62, 75,
101 – 148, 150 – 155, 160 – 165, 180,
186, 196, 197, 208, 252, 274
Покровский Николай Николаевич
342
Прокопий Кесарийский 14
Путятин Евфимий Васильевич 275,
276, 278

Рагузинский-Владиславич Савва
Лукич 153, 154
Радонежский Сергей 39
Романов Алексей Михайлович,
царь Московский 7, 85 – 88, 92,
93, 96 – 99, 114
Романов Михаил Федорович, царь
Московский 83, 84, 92
Романов Федор Алексеевич, царь
Московский 89, 90
Романова Софья Алексеевна,
регентша, правительница России
89, 91
Ростопчин Федор Васильевич 199,
204, 205
Рузвельт Теодор 312, 314, 315
Румянцев Петр Александрович 167,
176, 177, 180, 187

Сазонов Сергей Дмитриевич 10,
212, 326 – 333, 335, 337 – 339, 341,
342
Сигизмунд III, польский король 82
София Витовтовна, жена москов-
ского князя Василия I 38
Софья Палеолог, византийская
принцесса 59
Стекль Эдуард Андреевич 280

Стефан III, молдавский господарь
(правитель) 60

Строганов Григорий Александрович 231, 232

Талейран Шарль-Морис 203, 208,
219, 223, 235, 240

Терещенко Михаил Иванович 344,
345

Украинцев Емельян Игнатьевич
98, 110 — 116, 120, 153

Федор Иванович, царь
Московский 81

Филофей, мыслитель, монах
псковского Елеазарова монасты-
ря 57

Фридрих III, германский импера-
тор 61, 104

Фридрих-Вильгельм III 134, 135, 217

Хмельницкий Богдан Михайло-
вич, гетман запорожского каза-
чества 85, 86

Шафиров Петр Павлович 123,
126, 128, 130 — 132, 136, 137

Штюрмер Борис Владимирович
341, 342

Шуйский Василий Иванович, царь
Московский 82

Щелкалов Андрей Яковлевич,
руководитель Посольского
приказа в XVI в. 71

Щелкалов Василий Яковлевич,
руководитель Посольского
приказа в XVI в. 71

Эгмундарсон Х., член Норвежско-
го королевского совета 53

Юрий Данилович, великий князь
Владимирский 52

Сведения об авторах

Кузнецов Александр Игоревич — Постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат исторических наук (главы 11 – 15)

Райков Юрий Андреевич — профессор Кафедры дипломатии МГИМО МИД России, доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол (главы 1 – 6)

Самойленко Виктор Васильевич — профессор Кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат исторических наук (главы 7 – 10)

Учебное издание

Кузнецов Александр Игоревич

Райков Юрий Андреевич

Самойленко Виктор Васильевич

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ

В двух томах

Том I

IX — начало XX века

Учебник

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 22,0. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: (495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499) 270-73-59